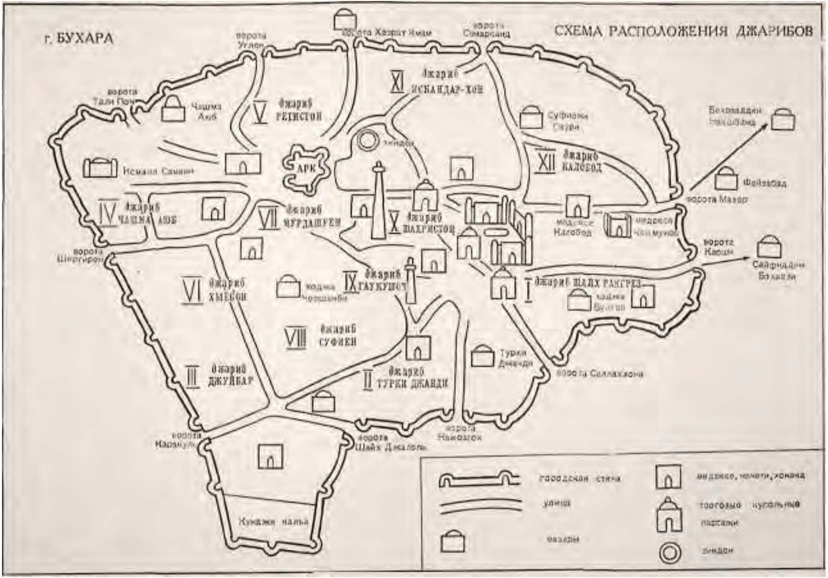
О.А.Сухарева

КВАРТАЛЬНАЯ ОБЩИНА ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА БУХАРЫ


г. БУХАРА
СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ДЖАРИБОВ
ворота Углон
ворота Хазрат Имам
ворота Самарканд
ворота Тали Поч
Чашма Аюб
V Джариб РЕГИСТОН
XI Джариб ИСКАНДАР-ХОН
Суфиони Сабри
Баховаддин Накшбанд
зиндон
АРК
Исмаил Самани
XII Джариб КАЛОБОД
Файзабад
ворота Мазор
IV Джариб ЧАШМА АЮБ
VII Джариб МУРДАШУЕН
X Джариб ШАХРИСТОН
медресе Калобод
медресе Чор минор
ворота Шергирон
ворота Каршн
Сайфиддин Бохарзи
VI Джариб ХЫЕБОН
ходжа Чоршанби
IX Джариб ГАУКУШОН
I Джариб ШАЙХ РАНГРЕЗ
ходжа Булгор
VIII Джариб СУФИЕН
Турки Джанди
III Джариб ДЖУЙБАР
II Джариб ТУРКИ ДЖАНДИ
ворота Саллаххона
ворота Каракуль
ворота Шайх Джалоль
ворота Намозгох
Кунджи калъа
городская стена
улица
мазары
медресе, мечети, хонака
торговые купольные пассажи
зиндон

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО МАКЛАЯ

О. А. Сухарева

КВАРТАЛЬНАЯ ОБЩИНА ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА БУХАРЫ

(В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ КВАРТАЛОВ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

9 (С)
С91

В работе анализируется внутригородская жизнь и быт квартальной общины, дается полная характеристика всех бухарских кварталов, прослеживается их история, засвидетельствованная письменными источниками X—XII и более поздних веков. Устанавливается, что развитие феодального города выражалось в продолжавшемся веками процессе членения кварталов по мере роста их населения и превращения в городские кварталы пригородных селений, периодически вклю чавшихся в черту города.

С 10604-025
013(02)-76 128-75

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изложению материалов по исследованному вопросу необ ходимо предпослать некоторые пояснения по поводу исполь зованных источников и их обозначений в ссылках, а также передачи в транскрипции местных терминов и выражений.

Основным источником исследования явились полевые ма териалы, собранные в Бухаре за период 1947—1960 гг. Хотя эти сведения собирались более чем на 20 лет позже, чем про исходило изучение Бухары М. С. Андреевым и возглавляв шейся им экспедицией, и город, его население и формы жизни успели во многом коренным образом измениться, все же уда лось записать множество ценных воспоминаний о тогда еще сравнительно не столь далеком прошлом. Было опрошено множество бухарцев преклонного возраста, которые успели, будучи уже взрослыми, застать жизнь дореволюционной Бу хары в период, когда там еще правил эмир и вся жизнь горо жан сохраняла свой традиционный облик. Их воспоминания позволили восстановить картину городской жизни в период феодализма, в частности быт жилых кварталов. Прекрасная память и высокая добросовестность, искренняя заинтересован ность в воссоздании истории их города и доброжелательное стремление помочь в работе обеспечили получение ценнейших, теперь уже неповторимых и, как показала проверка, весьма надежных сведений. Ссылка на информаторов дана в описа нии конкретных кварталов, содержащих большую часть поле вого материала. Поэтому, если при изложении фактов ссылки нет, значит эти сведения основаны на сообщениях опрошенных мной бухарцев.

Из письменных источников в работе использованы как из данные, так и хранящиеся в архивах. Эти источники исполь зованы при установлении истории кварталов. Широко привле чены данные «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи. Ссыл ки на этот источник даются чаще по переводу Н. Лыкошина, отредактированному В. В. Бартольдом; там же, где важно было сослаться на подлинный текст,— по критическому изда нию его Шарлем Шефером. Ссылки на источник XV в.—

«Книгу Мулло-зода» — даны на подлинный текст по каган скому литографированному изданию 1904 г. Широко исполь зовались документы XVI в. из архива ишанов Джуйбара, из данные в 1938 г. Переводы этих документов, выполненные П. П. Ивановым, вышли из печати тогда, когда моя работа над этим источником была закончена, и мною не привлека лись; все ссылки даны на подлинный текст документов по из данию «Из архива шейхов Джуибари».

Из неизданных материалов очень полезными для установ ления истории кварталов оказались вакуфиые грамоты XV — начала XX в. из Государственного архива УзССР, объединен ные в фонд 323 и происходящие из архива канцелярии куш беги. Для целей исследования оказалось достаточным исполь зовать опись этого фонда, превосходно составленную образо ванным бухарцем И. Мирадыловым, в довоенные годы рабо тавшим в Институте востоковедения (тогда Институт восточ ных рукописей). В этой описи содержатся все необходимые для этой работы данные, в частности упоминаются кварталы. Ссылки на этот материал приводятся под условным обозна чением ГА, после чего указывается единица хранения.

Из неизданных материалов использованы также очень цен ные материалы необработанного архива Самаркандского (ра нее Бухарского) института тропических заболеваний, извест ного под сокращенным названием Тропин. Ссылки на этот архив, познакомиться с которым я смогла благодаря любез ности проф. Л. М. Исаева (ныне покойного), приводятся под условным обозначением Т, с указанием года, к которому отно сятся данные.

Для транскрипции в целях облегчения издания принята русская графика. В указателях названия и термины даны и в транслитерации.

В написании отдельных слов и выражений отражено мест ное, бухарское произношение, с его диалектными особенно стями; например, вместо «рафтанд» — «рафтан», вместо «хам мом» — «хамбом» и т. д. В соответствии с современным тад жикским алфавитом йотированные звуки передаются как «я», «ю», «ё».

При написании местных слов, вошедших в язык русской научной литературы, они даны так, как принято в ней; напри мер, «мечеть» вместо «масджид», «медресе» вместо «Мадраса». При этом возможны отклонения и некоторая непоследователь ность, поскольку не всегда ясно, следует ли считать то или иное конкретное слово вошедшим в русский язык.

Так как в таджикском языке ударение падает на послед ний слог и это правило нарушается лишь в определенных слу чаях (например, не получает ударения изафет, произносящий ся слитно со словом), то в тексте иногда, а в указателях вез

де дается ударение, падающее не на конец слова, во всех остальных случаях следует читать с ударением на последнем слоге.

В заключение считаю своим приятным долгом поблагодарить всех тех, кто своими советами, замечаниями, порой предоставлением для использования своих материалов помог завершить эту многолетнюю работу по освещению различных сторон жизни кварталов дореволюционной Бухары. Их помощь и советы особенно понадобились при исследовании истории кварталов, выполненном не только на основе этнографических данных, но и с привлечением письменных источников. Особую благодарность выражаю А. М. Беленицкому, О. Д. Чехович, Е. А. Давидович, М. Г. Рабиновичу, А. К. Писарчик, Е. М. Пещеревой, а также всему сектору народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из самых интересных проблем истории стран Востока является история городской жизни и история городов. Особую актуальность имеет изучение «внутреннего строя» феодального города [1]. Эта проблема многогранна, она включает в себя целый ряд частных задач. Сюда входит исследование этногенеза городского населения, его занятый и всей организации производственной и иной деятельности горожан, сословного и социального строя городского общества со свойственными ему противоречиями и борьбой и, наконец, раскрытие своеобразных форм городского быта, сложившихся в той или иной стране.

Интерес к исследованию этих вопросов определяется ориентацией современной исторической науки, особенно стоящей на позициях марксизма ленинизма, на изучение положения и условий жизни народных масс. Это направление успешно развивается советскими историками. В историографии Средней Азии все более глубоко изучаются вопросы производственной жизни, социальных отношений, быта. В такие исследования теперь вовлечена наряду с другими историческими дисциплинами и этнография. В качестве своего основного источника она пользуется непосредственными наблюдениями и сообщениями наших современников. Среди самых пожилых людей были такие, молодость которых прошла в дореволюционное время, когда среднеазиатский город еще оставался феодальным. Их рассказы позволяют проникать во внутреннюю жизнь феодального города.

Для Бухары это было время правления последних эмиров — Ахад хана и Алим хана, период господства феодального общественного строя. В производственной жизни (и в сельском хозяйстве, и в городском ремесле) господствовали феодальные отношения, а в городах ханств и отчасти Туркестан

[1] Так сформулировал задачу крупнейший советский историк востоковед И. П. Петрушевский («Городская знать в государстве Хулагуидов»,— «Советское востоковедение:», V, 1948, стр. 80).

ского края сохранялся в полной неприкосновенности традиционный бытовой уклад, весь «внутренний строй» феодального города.

Одной из важных черт этого внутреннего строя была сама структура города, членение его на отдельные части. Это членение сложилось в процессе развития города и сохраняло еще в период позднего феодализма непосредственную связь и с его историей, отдельные этапы которой отразились в глубоко традиционной структуре города, и с повседневной жизнью горожан.

От глубокой древности шла традиция членения города на две или четыре части, обнаруженная во многих городах Средней Азии[2]. Эта традиция не потеряла своего значения до начала XX в. Возможно, она восходит к очень раннему членению древних поселений на «две половины, представляющие собой каждая замкнутый, сплошь застроенный квартал». Генезис этого явления С. П. Толстов видит в «архаичной традиции дуального деления поселений»[3].

Отмеченное выше деление городов на четыре части, несомненно, представляет собой ту же, что и двухчастная, но усложненную структуру, ее дальнейший этап, дальнейшую эволюцию деления городов на две части, которое сохранялось в Шахрисябзе и Ходженте[4].

Наряду с сохранением пережитков этой древнейшей структуры, перешедшей в сферу административного устройства городов и потому не исчезнувшей вплоть до начала XX в., сохранялось не менее традиционное деление городов (как и крупных селений) на мелкие ячейки — жилые кварталы.

Кроме этих хорошо сохранившихся и потому отмеченных всеми исследователями среднеазиатских городов структурных элементов — двух или четырехчастного членения, с одной стороны, и деления городов на жилые кварталы — с другой, по мере изучения городов и их исторической топографии все яс

[2] Деление Ташкента на четыре части было описано еще в 70-х годах XIX в.: Н. А. Маев, Азиатский Ташкент,— «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV, СПб., 1876, стр. 262. Также см.: А. А. Диваев, Предание о возникновении азиатского города Ташкента,— газ. «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1900, № 91; Н. Г. Маллицкий, Ташкентские махалля и мауза,— сб. «عقد الجمان» В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 109; О. А. Сухарева, Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане,—«Краткие сообщения ИЭ АН СССР», XXX, 1958, стр. 122—123; ее же, Бухара. XIX — начало XX в., М., 1966, стр. 88—91.

[3] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 282, 285 и др.

[4] О делении на две части дореволюционного Ходжента см.: Н. Турсунов, Ходжент и его население (конец XIX — начало XX в.),—«Очерки из истории северных районов Таджикистана», Ленинабад, 1967, стр. 26. О делении Шахрисябза см.: О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 130.

нее проступают следы еще одной — промежуточной — структурной ступени: выделение отдельных районов города, которые, на современный лад, могут быть названы «микрорайонами». Подробнее они будут рассмотрены в дальнейшем.

Самым жизненным оказалось деление городов на жилые кварталы. Оно полностью сохранялось до Октябрьской революции и начало изживаться лишь в процессе коренной реконструкции городов. Там, где такой коренной реконструкции и перепланировки не произошло, жилые кварталы существуют и поныне, сохраняя многие черты, характеризовавшие их бытовой уклад в дореволюционное время. Быт квартала еще не совсем ушел в прошлое, наиболее пожилые наши современники хорошо его помнят. Поэтому изучение быта квартала по этнографическим данным оказалось весьма эффективным, тем более что в письменных источниках о внутренней жизни кварталов нет или почти нет никаких сведений; мы находим в этих источниках в основном лишь названия кварталов.

Опыт этнографического изучения городов показал, что именно жилой квартал при его тщательном и детальном изучении дает ключ к пониманию города в целом. Каждый горожанин хорошо знал, как правило, только свой квартал, где обычно его предки жили не одно поколение, и лишь о нем мог сообщить достаточно подробные и надежные сведения. Поэтому с обследования жилых кварталов — каждого в отдельности или по группам — целесообразно начинать этнографическое изучение всякого города. Это даст возможность понять не только его топографию, но и установить во всех деталях состав его жителей, выяснить, по их семейным преданиям, многие особенности формирования современного городского населения, так как предания охватывают нередко период в два три столетия. Изучение кварталов позволяет исследовать занятия горожан и социальную структуру городского общества на последнем этапе феодальной формации.

Традиционный бытовой уклад жилых кварталов рассматривается в этой книге на примере Бухары. Но материалы о других среднеазиатских городах, засвидетельствовавшие неизменность их членения на жилые кварталы, позволяют предположить, что описываемые ниже особенности организации внутреннего быта кварталов, а также пути их формирования и эволюции свойственны не только Бухаре, но и среднеазиатскому феодальному городу вообще, по крайней мере на позднейшем этапе его существования.

Изучение кварталов Бухары раскрыло их социальное значение, показало, что жилой квартал был не только территориальной единицей: его жителей объединяли своеобразные общественные связи, которые определили формы быта горожан и самый характер средневекового жилого квартала. Этот воп-

рос почти не находил отражения в обширной литературе, по священной городу, как восточному, так и европейскому, в ча стности русскому, также знавшему членение на отдельные ячейки — «концы» или слободы.

Деление среднеазиатских городов на кварталы давно об ратило на себя внимание. Мимо этого не мог пройти такой наблюдательный ученый, как Н. Ханыков. Он первый из всех писавших о среднеазиатских городах отметил такую малоза метную для постороннего наблюдателя сторону жизни города, как организация жизни горожан в рамках кварталов. Ханы ков правильно поставил кварталы в связь с приходами и ука зал на особую роль имамов приходских мечетей и старост кварталов «в надзоре за нравственностью жителей»[5]. Также впервые описал Ханыков «кварталы иноверцев»; в Бухаре это были кварталы, населенные евреями. Определенный интерес имеет его сообщение о том, что они образовались на пусты рях, считавшихся собственностью казны и продававшихся эмиром «по чрезмерно высоким ценам». Покупать были вы нуждены те, кому было запрещено селиться в кварталах, где жили мусульмане.

Сведения о кварталах среднеазиатских городов значитель но пополнились после присоединения Средней Азии к России. А. Кун, побывавший в Китабе и Шахрисябзе с русскими вой сками, составил список кварталов этих городов (по Шахри сябзу неполный) [6]. Особенно точные и подробные данные были собраны о кварталах Ташкента [7]. В советское время, в связи с углублением исторических исследований, внимание ученых в числе других тем привлекли и вопросы структуры городов. Были опубликованы полные списки кварталов Ташкента [8], Ходжента [9], Куляба и Кабадияна [10]. Историком А. Мухтаро

[5] Н. Ханыков. Городское управление в Средней Азии.— «Журнал Министерства внутренних дел», СПб., 1844, кн. 5, стр. 345—347.

[6] А. Кун, Очерки Шагрисебзского бекства.— ЗИРГС по отделению этнографии, т. 6, 1880.

[7] Н. А. Маев, Азиатский Ташкент, стр. 263—269. Эти данные повто рил А. П. Шишов в своей книге «Сарты», ч. I («Сб. материалов для ста тистики Сыр Дарьинской обл.», кн. XI, Ташкент, 1904, стр. 50).

[8] В. А. Шишкин, О названиях ташкентских махалля.— «Бюллетень Ташкентского новогородского Исполкома», 1925, № 4—5; Н. Г. Мелли цкий, Ташкентские махалля и мауза; К. Фазилова, Ташкентский квар тал литейщиков (махалля Дероз) в конце XIX — начале XX в.,— «Науч ные работы и сообщения Института истории и археологии АН УзССР», кн. 4, Ташкент, 1961.

[9] А. Е. Маджи, К истории феодального Ходжента,—«Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад 1945; Н. Турсу нов, Ходжент и его население.

[10] А. П. Колпаков, Некоторые сведения о кварталах дореволюци онного г. Куляба,—«Изв. АН ТаджССР, Отд. общественных наук», вып. 5, Сталинабад, 1954; его же, Из недавнего прошлого Кабадиана.— МИА, '953, № 37.

ным (Душанбе) изучены кварталы г. Ура Тюбе (готовится публикация). Перечень кварталов небольших городов Бухарского ханства — Каратага и Гиждувана — имеется в книге Е. М. Пещеревой, посвященной гончарству [11]. На схематическом плане Шахрисябза, опубликованном М. Е. Массоном, намечено местоположение кварталов по их социальному признаку (кварталы знати, духовенства, ремесленников [12]); но так как источник сведений об этих кварталах не указан, так же как и время, к которому они относятся, использовать его для исследования о кварталах невозможно. Автор этих строк опубликовал списки и план расположения кварталов Бухары, Каршн и Шахрисябза с краткой характеристикой кварталов [13]. В рукописи остаются списки кварталов городов Ферганской долины: Коканда и Андижана [14], Маргелана и Риштана [15]. Таким образом, к настоящему времени накоплен значительный материал для суждения о структуре среднеазиатских городов в отношении состава их жилых кварталов.

Первые данные о кварталах Бухары начала XX в. или, вернее, о квартальных мечетях города содержались в экспликации к плану Бухары, составленному военными топографами Парфеновым и Фениным [16]. Так как находившиеся в кварталах мечети были в подавляющем большинстве приходскими и носили те же названия, что и кварталы, их перечисление в экспликации дало нам в руки довольно полные сведения о числе, названиях и расположении бухарских кварталов. Приступая к изучению города Бухары, автор этих строк нашел з экспликации к плану ту исходную точку, с которой он мог начать свое исследование [17].

[1] Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 136, 186.

[12] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке,— «Труды САГУ», н. с., вып. LXI, Ташкент, 1953, стр. 33.

[13] О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, план г. Бухары (стр. 96), стр. 112, 115—116, план г. Шахрисябза (стр. 128).

[14] Составлены А. К. Писарчик, но, к сожалению, не вошли в ее опубликованную статью «Некоторые данные по исторической топографии Ферганы» (сб. статей, посвященных искусству таджикского народа», Сталинабад, 1956). Не опубликовано специальное исследование А. К. Писарчик о кварталах Коканда.

[15] Составлены автором этой работы.

[16] Экспликация была издана в виде книжечки малого формата Штабом Туркестанского военного округа в 1911 г.

[17] О существовании плана расположения квартальных мечетей Бухары, составленного Л. И. Рempелем на основе плана Парфенова—Фенина для его работы по исторической топографии Бухары, автор настоящих строк, к сожалению, узнал после опубликования своей книги «К истории городов Бухарского ханства». Л. И. Рempель использовал собранные им материалы о кварталах Бухары позже в своей статье «Из истории градостроительства на Востоке» (сб. «Искусство зодчих Узбекистана», Ташкент, 1962).

Тщательное изучение городских кварталов в натуре и нанесение их на план позволило надежно установить число и местонахождение всех кварталов конца XIX — начала XX в. и выяснить характер каждого квартала в отдельности: количество домовладений, этнический состав жителей, их занятия, детали топографии; фиксировались находившиеся в квартале примечательные здания, кладбища и святыни.

Несмотря на то что изучение Бухары было начато автором этих строк уже в послевоенные годы (с 1947 г.), когда бухарские кварталы почти перестали существовать, заменившись 16 домоуправлениями, на которые был разделен город, а сама Бухара значительно изменилась Б своем объеме и топографии, все же оказалось возможным собрать достаточно полные сведения. Неоценимой была помощь многочисленных информаторов, происходивших из разных кварталов. Их сообщения позволили восстановить всю структуру города и сделать описания каждого его квартала в отдельности.

С целью исследования истории кварталов были привлечены и письменные источники. Немало упоминаний кварталов имеется в таких сочинениях местных авторов, как «История Бухары» Мухаммада Наршахи[18], «Книга Мулло-зода»[19] и «Подарок паломникам»[20]. Два последних представляют собой путеводители по бухарским святыням: один — составленный в XV в., а другой, мало отличающийся от предыдущего, — в начале XX в. Особенно ценными для нашего исследования явились официальные акты, в которых указания на кварталы — если речь идет о городе — были обязательны при оформлении всевозможных сделок в отношении недвижимости. Эти материалы привлекаются для выяснения истории конкретных кварталов.

Понятно, что в письменных источниках такого рода упоминания жилых кварталов более или менее случайны. Порой одно название встречается много раз, другое не встретишь ни разу, что, конечно, не значит, что такого квартала не существовало. Не охватывая всего города в целом, сведения, полученные из письменных источников, не дают основания

[18] Критический текст был издан Шарлем Шефером в 1892 г. (Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Narshakhy. Texte persan public par Ch. Schefer, Paris, 1892). Русский перевод Н. Лыкошина 1897 г. (Мухаммад Наршахи, История Бухары, Перевел с персидского Н Лыш ред В В Б Ташкент, 1897); английский перевод Р. Фрая 1954 г. (The History of Bukhara. Transl. from a Persian Abridgement of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye, Cambridge, Mass., 1954).

[19] مرغوبهٔ پسندیدهٔ زائران مسمی بملازاده Автор — Ахмед бен Махмуд, по прозвищу Му'ин ал-фукаро, литогр. изд., Новая Бухара, 1904.

[20] تحفة الزائرين литогр. изд., Бухара (Каган), [б. г.].

для суждения о том, сколько кварталов было в тот или иной период его истории, т. е. какова была тогда структура города. Но сопоставление этих данных с этнографическими, охватившими весь город, позволило лучше понять в их конкретном значении те сведения, которые имеются в письменных источниках. Оказалось возможным локализовать кварталы, упомянутые в разных источниках прошлых веков, и таким образом связать эти названия с реальной территорией города. Удалось также, сопоставив письменные и устные данные, установить историю членения некоторых кварталов, т. е. выявить самый механизм появления новых кварталов, и таким образом проследить процессы, происходившие в жизни феодального города на разных этапах его истории. Выявился в конкретных данных рост города в одни периоды и уменьшение его в другие. Уклад жизни населения кварталов в конце XIX — начале XX в., раскрытый этнографическими данными, позволяет судить, каковы могли быть кварталы в прошлом и какую роль они играли в жизни горожан.

В этой книге, завершающей публикации автора по истории Бухары [21], ставится специальная задача исследования кварталов—их специфического быта и их истории, насколько оказывается возможным проследить ее по источникам, которыми мы располагаем. Результаты исследования жилого квартала Бухары, вероятно, представят интерес не только для истории восточного феодального города, поскольку в этом своеобразном историческом феномене нашла выражение одна из специфических черт, свойственных феодальному общественному строю вообще.

[21] См. работы О. А. Сухаревой: К истории городов Бухарского ханства (Исторнко этнографические очерки), Ташкент, 1958; Позднефеодальный город. Бухара конца XIX — начала XX в. (Ремесленная промышленность). Ташкент. 1962; Бухара. XIX — началс XX в. (Позднефеодальный город и его население), М., 1966 (далее — «Бухара...»).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВНУТРИГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

1. Жилой квартал, его административно социальное значение и быт

Членение городов на жилые кварталы для феодального общества было закономерным: оно коренилось в свойственном феодализму замыкании людей в ограниченных узкими рамками группах, объединенных либо родственными узами или общим происхождением из одного места, либо профессиональными связями, либо проживанием на общей замкнутой территории. Последнее и лежало в основе выделения жилых кварталов в структуре феодального города.

Жилой квартал восточного феодального города, изученный нами на материалах Бухары, с привлечением сравнительных данных по другим среднеазиатским городам и частично селениям, был явлением чрезвычайно своеобразным. К нему только условно может быть применен термин «квартал». В современном европейском понимании квартал — это группа домов, обычно занимающих площадь более или менее правильной прямоугольной формы, ограниченную со всех четырех сторон улицами. Таким образом, улица отделяет один квартал от другого, и дома, стоящие по разным сторонам ее, относятся к разным кварталам; улица как бы изолирует их друг от друга. В среднеазиатском феодальном городе, наоборот, улица соединяла живших на ней людей, была центром, сердцевиной квартала. Квартал включал в себя все дома, стоявшие по обеим ее сторонам и в отходящих от нее переулках и тупичках. Границы между кварталами шли по задним стенам домов и усадеб, обращенных на разные улицы[1]. Благодаря этому кварталы были отделены друг от друга глухими стенами, а

[1] Разделяющую роль в старом среднеазиатском городе играли лишь некоторые уличные магистрали, по сторонам которых располагались торговые ряды. Примером такой разделяющей улицы в Бухаре был проспект Хьёбон известный под этим названием с XVI в. Проходя в меридиональном направлении, он отделял от остального города ту его часть, которая называлась Джуйбар и была включена в городскую черту при перестройке городской стены во второй половине XVI в. По видимому, проспект Хьёбон прошел по линии этой старой стены.

Общий вид жилой **застройки**

Общий вид жилой застройки

вместе с тем переплетались в сплошной массив. Эта структура жилой части города была необходима и целесообразна в условиях феодализма с его частыми междоусобными войнами, набегами и нашествиями. Замкнутость квартала обеспечивала его жителям защиту. Перегородив улицу воротами, они превращали квартал в своего рода крепость, препятствуя до известной степени вторжению врагов. Ворота запирались на ночь, их значение для безопасности жителей было вполне реально.

В Бухаре такие ворота, стоявшие поперек улиц, ведших в некоторые кварталы, имелись еще в начале XX в. Для них был и специальный термин: они назывались «дарвозайи калон» — «большие ворота». Такие ворота преграждали вход, например, в квартал Хонакс (в Джуйбаре), где жили знаменитые еще с XVI в. джуйбарские ишаны. Сохранение там ворот вызывалось тем, что в этом квартале находилась мечеть джуйбарских ишанов, считавшаяся святыней и охранявшаяся от осквернения. Вторые «большие ворота» сохранились в квартале Амири, который находился в торговом центре города. Вдоль улицы квартала располагались ряды торговцев обувью, и ворота поддерживались в их интересах, позволяя оставлять в лавках товары на ночь. Ворот было двое, они стояли на обоих концах этой улицы. Пожилые бухарцы вспоминали, что когда то такие ворота имелись также в одном из кварталов, помещавшихся у северного конца проспекта Хьёбон, но они давно исчезли. До конца XIX в. существовали подобные ворота в пригородном селении Кумработ (за воротами Шергирон). По видимому, ворота, закрывающие вход в кварталы, были и в Бухаре эпохи Наршахи. Вероятно, такие внутригородские ворота дали названия упоминаемым им кварталам Дарвозача и Ворот Мансура. Имел ворота и квартал Аъло, застроенный богатым дехканом Хасаном, сыном Аъло. Этот квартал был защищен оградой (خطیره), в то время как квартал Дарвозача и квартал Ворот Мансура могли не иметь стен, как это было в описанных выше кварталах Бухары начала XX в., имевших ворота, но не стены.

Система охранительных сооружений кварталов, изученная нами на примере некоторых кварталов Бухары XIX — начала XX в., сложилась в условиях уплотненной городской застройки, явившейся результатом уже значительного развития города[2]. Система защиты территории квартала воротами, пре

[2] Такое устройство жилых кварталов делает весьма затруднительным определение границ и нанесение их на план; это возможно лишь при фиксации каждого домовладения в отдельности. Это было выполнено по Шахрисябзу, уникальный план которого благодаря любезности инженера А. В. Земляницына был опубликован в книге О. А. Сухаревой «К истории городов Бухарского ханства».

граждавшими вход в него, была характерна не только для Бухары. В. В. Бартольд пишет, что «из современных городов Хамадан не имеет общих городских стен, но между отдельными кварталами есть ворота, запирающиеся на ночь; такие же ворота устроены при выходе улиц за город»[3]. Из этого видно, что представление о том, что кварталы средневекового феодального города были окружены стенами[4], справедливо далеко не во всех случаях. В уплотненной городской застройке они не были необходимы, стены могли окружать лишь такие кварталы, которые, как говорит Наршахи, «были удалены и отделены друг от друга»[5].

Каждый квартал имел свое название, а иногда и несколько: наряду с официальным в обиходе были распространены и другие, иногда более популярные. Официальное название чаще всего было названием квартальной мечети, обиходное отражало либо состав населения, либо какую нибудь топографическую особенность квартала. Например, квартал, официально называвшийся Мулло Шамси-Мухаммад (по имени лица, отстроившего на свои средства квартальную мечеть), в народе был больше известен как квартал Шаршара — «Водопад» (так как на протекавшем через квартал арыке имелся водопадик), или Бозори алаф — «Сенной рынок»: на его территории находился базар, где продавался корм для скота.

Квартал был ячейкой феодального города не только в территориальном отношении. Он являлся административной единицей, с которой имели дело городские власти, действовавшие через старшин кварталов.

В отношении состава населения кварталы Бухары XIX — начала XX в. были неодинаковыми. В отдельных кварталах, а иногда в нескольких соседних наблюдалась тенденция к образованию компактных однородных групп соплеменников или земляков, переселившихся откуда нибудь в Бухару, или тенденция к некоторой концентрации ремесленников одной специальности, составлявших во многих кварталах большую часть жителей. Наряду с тем имелось много кварталов, где селились ремесленники разных специальностей или же они жили смешанно с другими слоями населения: с торговцами, духовенством, знатью; иногда однородные по происхождению или по занятиям группы жителей занимали на территории квартала свое обособленное место. Смешанно с основ

[3] В. В. Бартольд Сочинения, т. VI, М., 1966, стр. 157.
[4] И. П. Петрушевский, Городская знать в государстве Хулагуидов, стр. 87; Вл. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 125.
[5] Наршахи История Бухары, текст, стр. 52; пер. стр. 69.

ным суннитским населением жили шииты. Большинство бухарцев шиитов находилось на положении свободных; из их среды вышло много сановников, но в основном это были ремесленники, среди них имелись и потомки рабов[6]. Иноверцы же (в условиях Бухары в основном евреи) не могли жить в мусульманских кварталах.

Особенно неоднородным было население квартала в социальном отношении: в одном квартале жили богачи и бедняки, знать и простой народ, «чернь» (карача) и ходжи. Лишь последние иногда занимали определенную часть квартала, что было связано с их поселением вокруг родовой святыни (обычно около могилы их родоначальника), если она находилась на территории квартала. В некоторых кварталах было много представителей военно служилого сословия, принадлежавшего к привилегированным слоям, но и в таких случаях в квартале кроме них проживал простой люд. Семьи военно служилых людей чаще жили в разных кварталах, где им предоставлялись казенные квартиры или где они осели, купив дом.

Обычно это были семьи узбеков, приехавших в Бухару из тех районов, на которых лежала повинность поставлять воинов — наукеров. Из их среды выходили семьи знати; они держались в квартале несколько особняком, но, прожив там не одно поколение и за это время нередко утратив свое привилегированное положение, сливались со своими соседями по кварталу, иногда усвоив их профессию и таджикский язык[7].

Социальное неравенство соседей по кварталу нисколько не нарушало ни установленного издревле бытового уклада, ни классовых привилегий. Наоборот, для богатых и знатных семей такое соседство представляло много удобств: они всегда находили около себя людей, которые не могли отказать им в услугах. Нам кажется маловероятным наличие кварталов одного социального облика и в прошлом, как это дано на плане Шахрисябза, составленном М. Е. Массоном, руководствовавшимся, несомненно, названиями кварталов: в северо западном секторе города им указаны «кварталы знати и духовенства»[8]. Для XIX — начала XX в. здесь отмечены кварталы Эшон, Ходжа и Супи, но, по собранным нами сведениям о населении этих кварталов, в прошлом в этих кварталах жило не духовенство, а ткачи чалм и вырабатывалась

[6] О различном происхождении и положении форсов в Бухаре см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 158—159.

[7] Там же, стр. 134. 146.

[8] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, стр. 33 (схематический план Шахрисябза).

• бумажная пряжа[9]. Вероятно, названия этих трех кварталов были даны им по проживавшим там в тот или иной период семьям духовенства и ходжей, которые, видимо, не являлись единственным населением этих кварталов.

При всей неоднородности жителей квартала — их классовом неравенстве, взаимной несвязанности их (в большинстве случаев) отношениями производственными и профессиональными — они были объединены в общину. Это соединяло все семьи квартала личными связями, общими интересами и обязанностями, участием в общих делах.

Условием для вхождения в общину было проживание на территории квартала; это автоматически включало семью, поселившуюся в квартале, в состав общины. Сохранились слабые следы былой общинной собственности на эту территорию. Выражением ее было соседское право: несмотря на то что дома находились в частной собственности жителей квартала и могли покупаться и продаваться, свобода продажи была ограничена соседским правом, согласно которому продавать домовладение постороннему можно было только после того, как от покупки его откажутся соседи. При оформлении сделки на продажу недвижимости у казия считалось необходимым их присутствие, и казий должен был задать им прямой вопрос, не хотят ли они воспользоваться своим соседским правом (хаккы шафататона мегиред ми?). В отличие от шариатского соседского права, распространявшегося лишь на тех, кто непосредственно граничил с домовладением, обычай распространил соседское право на всех жителей квартала. На дома в Бухаре конца XIX — начала XX в. был большой спрос, и нередко вокруг их продажи разгоралась борьба. Когда кто-нибудь намеревался продать дом, обычно об этом знали все в квартале. Если хозяин дома или квартальный старшина, который являлся непременным посредником при всех подобных сделках, пытались продать дом чужому, поднимался шум (шафатталош) и право на покупку домовладения оспаривали не только непосредственные • соседи, но, если последние отказывались от покупки, претендентами с полным правом могли выступить другие жители квартала. Правда, на практике их права не всегда соблюдались. Если нарушение шариатского соседского права давало возможность оспаривать продажу домовладения постороннему судебным порядком, то при нарушении права, распространенного обычаем на всех членов соседской общины, протест мог выражаться лишь в общем неодобрении, которое вызывала семья, решившаяся поселиться в квартале наперекор обычаю. Этот обычай признавался всеми, его сохранение

[9] О. А. Сухарева К истории городов Бухарского ханства, стр. 135 и 128 (схематический план).

в Бухаре начала XX в. говорит о живучести пережитков общинного права на территорию квартала [10].

Большое значение для объединения жителей квартала в общину имели всякого рода общественные работы, связанные с его благоустройством. В организации таких работ в Бухаре наблюдалось некоторое отличие от других городов Средней Азии. Здесь работы выполнялись преимущественно наемными работниками, а оплата производилась в складчину. Помочь (хашар)—выполнение какой нибудь работы силами жителей квартала, что было очень распространено в других средне азиатских городах,— в Бухаре почти не практиковалась. Это объясняется, вероятно, большей по сравнению с городами Туркестанского генерал губернаторства степенью разложения общинных связей в условиях столицы восточной деспотии, где население было дифференцировано не только в социальном, но и в сословном отношении. Это делало невозможным уча стие всех жителей квартала в общей работе, ставило некото рых из них в привилегированное положение. В оплате же работ по кварталу они могли участвовать, внося долю, прили чествующую их общественному весу.

Пользуясь территорией квартала, его жители должны были обеспечить ее хорошее содержание. Каждая семья на блюдала за чистотой улицы около своего дома. Но если квартал имел большую территорию, а особенно если на ней имелся небольшой базарчик, что отмечалось в отношении многих бухарских кварталов, то квартальная община нани мала специального человека (фаррош), на обязанности кото рого лежала поливка и подметание территории квартала.

Среди общественных работ по благоустройству квартала важную роль играла забота о водоснабжении. В условиях столичного города большая часть этой работы была перело жена эмирскими властями на плечи крестьян из окружав ших город селений. Ежегодная очистка городского канала Шахр-руд, подводившего воду из Зеравшана, была их повин ностью. Организацией этой работы ведал городской мираб. Как говорили, «Очистка Шахр руда была за мирабом»

[10] Это право было еще более живучим а Ташкенте где жители квар тала владели сообща не только территорией квартала, но и участками пахотной земли за городом. Жалобы жителей кварталов на захват этой земли отдельными лицами или прошения о выделе участка общественной земли в частную собственность встречаются в отдельных архивных доку ментах дореволюционного времени (Государственный архив УзССР, ф И 36, оп 1, д. 1913, лл. 14—16). См.: М Р у з и е в а, О занятии земле делием жителей города Ташкента (конец XIX — начала XX в.).— сб «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 75—76. Факт наличия в Ташкенте у жителей кварталов общинных земель отмечен так же историком Ф. Азаляевым в его работе **«Ташкент** во второй половине XIX в.» {Ташкент, 1959 стр. 178. 180).

(Шахр руда тоза карданаш тани мири об буд). На эту работу, которая, несмотря на ее принудительный характер (в отличие от помочи) тоже называлась «хашар», он собирал жителей окрестных кишлаков, земли которых орошались этим же каналом. Они очищали и ту его часть, которая проходила по территории города.

Уход за мелкой внутригородской сетью считался делом народа (халк), обязанностью всех водопользователей. Но в Бухаре эта сеть имела свои особенности: здесь воды было так мало и она поступала с такими перерывами [11], что текучей водой бухарцы в отличие от жителей других городов пользоваться почти не могли. На большей части территории Бухары не было арыков, протекающих через домовладения. Арыки шли к общественным хаузам, которые были основными источниками воды в Бухаре. Поэтому здесь для очистки арыков, протекавших через квартал, чаще всего делались складчины и нанимались работники.

Основная забота направлялась на хаузы. Важным делом была и постройка, и очистка хаузов. Каждым из них пользовался либо один квартал, либо несколько соседних. Иногда хауз строился на средства богатого или знатного жителя квартала, желавшего таким образом увековечить свое имя, иногда — на средства казны. Лишь отдельные, притом не большие, хаузы сооружались квартальной общиной, собиравшей деньги и нанимавшей работников и мастера специалиста. Случаи, когда эту работу выполняли сами члены общины, нам неизвестны.

Очистка хаузов, которая должна была производиться ежегодно, тоже не входила в обязанность квартальной общины. Это делали водоносы, объединявшиеся в группы вокруг определенного хауза, из которого они разносили воду [12]. Вероятно, они при этом очищали и арык, подававший в этот хауз воду и выведенный из большого городского канала. Таким образом, жители столицы были почти полностью освобождены от заботы о воде, которая в других городах представляла одну из важнейших материальных основ общинных связей между жителями квартала.

Кроме права на территорию квартала все члены квартальной общины имели право пользоваться находившимися там общественными зданиями и целым рядом предметов. В общем владении находились большой котел для варки пищи на общественно семейных пиршествах и другие необходи

[11] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 27—29. Схематический план водной системы города Бухары опубликован в статье: Л. М. Ришта и ее ликвидация в Узбекистане,— «Труды узбекистанского Института малярии и медицинской паразитологии», т. II, Самарканд, 1956.

[12] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 317, 320.

мые для этого предметы: блюда, чашки (коса), ложки, боль шие скатерти (дастархон). Общине принадлежали хранив шиеся при мечети похоронные носилки, в которых относили на кладбище покойников из этого квартала, а также не сколько пар сапог, которые надевали в грязную погоду те, кто брал на себя обязанность нести гроб. Неотъемлемую собственность квартальной общины представляла собой, по существу, и квартальная мечеть, хотя она юридически и не считалась чьей либо собственностью, а сама признавалась юридическим лицом, собственником вакуфного имущества, в которое могли входить и различные доходные статьи (земля, торговые помещения, жилые дома), и необходимые для обще ственных нужд предметы.

Характерное для городов Средней Азии большое значе ние мечети в жизни квартала обусловливалось двумя причи нами, имевшими различное происхождение. Наиболее очевид на была роль мечети как места совершения официального культа, значение которого в жизни населения Средней Азии было гораздо большим, чем в христианских странах. Госу дарство носило теократический характер и требовало неукос нительного выполнения всех предписаний государственной ре лигии, в число которых входило совершение ежедневных общественных пятикратных молитв (намбзи панджвакти). В Бухаре выполнение горожанами этой обязанности находи лось под бдительным надзором специального чиновника — раиса, разъезжавшего по городу со своей свитой, в которую входил и специальный плетеносец (даррадаст). Ранним ут ром раис наведывался то в одну приходскую мечеть, то в другую, проверяя, являются ли мужчины квартала на пер вую, совершавшуюся перед рассветом молитву (намбзи бомдод). Осведомившись у имама, кого из прихожан нет, раис посылал за виновным на дом, и если уважительных причин не находилось, то либо ограничивался строгим вну шением, либо, не найдя смягчающих вину обстоятельств (среди которых большое значение имели знатность и богатст во провинившегося), приказывал плетеносцу наградить не радивого несколькими ударами плети. Среди дня, когда боль шинство мужчин расходилось по своим делам и не могло при сутствовать на намазах в мечети своего квартала, молитву совершали там лишь престарелые люди, оставшиеся дома.

Обязательность совершения первой молитвы в приходской мечети своего квартала делала последнюю необходимой в квартале с точки зрения не только властей, но и населения: мечеть должна была находиться поблизости от их жилищ, чтобы облегчить явку на раннюю предрассветную молитву. Поэтому, когда мечеть оказывалась слишком далеко от ка кой нибудь части квартала, его обитатели иногда предпочи

тали выстроить себе новую, чем ходить в другой конец. Так произошло, например, в квартале Шахри нау, территория которого была вытянута вдоль западной стены города, а мечеть находилась в северном конце.

Содержание мечети с ее причтом и обзаведение необходимым для ритуала инвентарем были тяжелой повинностью, нести которую мог только коллектив. Таким коллективом и являлись жители квартала, составлявшие в Бухаре один приход.

Второй причиной, делавшей роль мечети в Бухаре особенно важной, было ее значение как центра общественной жизни квартала. В отличие от других городов Средней Азии в Бухаре не было квартальных чайхан, которые играли бы роль своеобразных клубов; не знали бухарцы обычая кейфовать в чайхане с друзьями, как ташкентцы и особенно ферганцы. В Бухаре чайхана (в конце XIX — начале XX в., носившая название самоворхона) была лишь заведением, где продавался кипяток и куда из каждого дома посылали за ним. В бухарских чайханах, расположенных на базарах, пили чай и закусывали лишь приезжие, не имевшие в городе пристанища. Коренные бухарцы считали это для себя не совсем приличным. Здесь единственным местом, где могло происходить постоянное общение между мужчинами — жителями квартала, была мечеть, в которой осуществлялись многие аспекты общественной жизни. Там мужчины регулярно встречались друг с другом, нередко оставаясь на краткий часовой перерыв между двумя послеполуденными молитвами. Проводя это время в беседах, они обсуждали вопросы, связанные с жизнью квартала; в мечети же происходили выборы квартальной администрации; сюда приезжали эмирские чиновники в тех случаях, когда у них было дело к жителям квартала.

Это значение квартальной мечети в Бухаре позволяет провести прямую параллель с функцией мечети в ранее глухих районах горного Таджикистана, где мечеть была не столько местом культа, сколько общественным домом («алоу хона» — «дом огня»), куда мужчины собирались по вечерам[13]. По видимому, в Бухаре особое значение квартальной мечети было связано с идущей из глубокой древности традицией соединения места культа с общинным домом, совпадения мечети с центром общественной жизни.

[13] М. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы),—«Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1929, стр. 118—119; «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966, стр. 40 и др.; Н. А. Кисляков Следы первобытного коммунизма у горных таджиков; Вопр. Ист. М.—Л., 1936, стр. 116—118.

Кроме мечети в общем пользовании жителей бухарского квартала находилось специальное помещение для омовений — они имелись во многих кварталах города и были двух видов: тахоратхона — место для неполных омовений, которые, по шариату, должны предшествовать каждой молитве, и гуслхона — помещения, разделенные на изолированные кабинки, где могли совершаться полные омовения. Они заключались в окатывании водой всего тела — с головы до ног — и были обязательны после супружеской близости. Как правило, такие омовения совершались дома, но наличие в бухарских кварталах помещений для полных омовений, куда имевшие нужду ими воспользоваться являлись в накинутом на голову халате (так как они не должны были показываться кому нибудь на глаза, не очистившись омовением от скверны), несомненно, связано с пережитками древней традиции общинного быта, лучше сохранившейся в других местах [14].

Содержание помещений для омовения лежало на обязанности прихожан. Для изнеженных жителей столицы зимой вода согревалась, топливо для этого либо по очереди доставляла каждая семья, либо все жители квартала участвовали в его покупке. Квартальная община нанимала какого нибудь бедняка из числа жителей квартала, который обслуживал помещение для омовений и подогревал воду, чтобы она была теплой к тому времени, когда начнут собираться на первую молитву. Иногда кто либо из состоятельных жителей квартала завещал вакф специально в пользу помещения для омовений, и тогда нужные траты производились из

чиной, почему квартал Шохи Ахси сохранил единство и не разделился (как многие другие кварталы), хотя был очень велик по территории и количеству населения и в нем выделились четыре отдельные части.

Предметы, которыми была убрана мечеть (всякого рода подстилки, светильники), а также котел и посуда для общественных трапез считались собственностью всей общины. Их мог получить безвозмездно каждый, кто имел в них нужду. Наиболее ценные из этих вещей — ковры для мечети, большой котел — чаще всего жертвовались богатыми жите

[14] По полевым материалам этнографа А. Давыдова в Ходженте (современный Ленинабад) раньше широко практиковалось совершение жителями квартала полных омовений в общественных помещениях при мечетях.

лями квартала и считались вакфом. На пожертвованных в вакф котлах чеканились иногда надписи, в которых указывалось, кто и в пользу какой мечети сделал пожертвование. Вещи помельче, вроде чашек, ложек, блюд и т. п., приобретались обычно старшиной квартала на средства, которые оказывались в его руках при устройстве общественных пиршеств или поминок; иногда вещи жертвовались кем-нибудь из жителей квартала, особенно если среди них были торговцы нужными кварталу предметами или ремесленники, их производившие.

Особой заботой общины был ремонт квартальной мечети. Он производился обычно на средства жителей квартала или одного из богачей, бравшего все расходы на себя. Это считалось «богоугодным делом» (савоб) и высоко поднимало общественный вес такого человека. Затрачивая свои средства на общественные нужды квартала, богач обычно не оставался в накладе: помимо почета он получал в свое бесконтрольное распоряжение все то, что по его примеру жертвовали при строительстве «на богоугодное дело» другие жители квартала. Обычно в этих расходах принимали то или иное участие и родственники жертвователя, даже если они жили в других кварталах, а если инициатор строительства был лицом «уважаемым», т. е. богатым или знатным, то все знакомые и зависимые от него люди считали нужным внести в предпринятое им строительство и свою лепту.

Но иногда ремонт квартальной мечети делали за счет казны. Жители квартала подавали ходатайство об отпуске средств через раиса при очередном его приезде для проверки в данный квартал. Ему указывали на неисправности в здании мечети, и если он считал ремонт необходимым, то поручал администрации квартала и имаму мечети составить список расходов и либо присылал для организации работ своего чиновника («мулозим меистод»), либо поручал провести ремонт самостоятельно, обещая оплатить расходы (шумохо кунетон, мс хараджбтатона метийем). Казна оплачивала лишь материалы и труд мастеров и чернорабочих (мардикор). Полагавшееся им, по общепринятому обычаю, питание — утренний завтрак и горячую еду в полдень и вечером — обеспечивали жители квартала, сообща принимавшие участие и в расходах на угощение, и в его приготовлении.

Так же производился ремонт или строительство хаузов. В конце XIX в. в правление Ахад хана был отремонтирован на казенный счет один из крупнейших хаузов Бухары — хауз Девонбеги. Эта работа выполнялась под руководством мастера Усто Бури караулбеги. Тогда же казна отремонтировала хауз в квартале Мир Дустум. Была восстановлена его облицовка камнем, от времени сильно попортившаяся. Хауз

квартала Чор корвонсарой был построен на деньги богатого афганского купца Рашида, который вел крупную оптовую торговлю чаем и подолгу жил в Бухаре; в этом квартале у него был собственный караван сарай. За хаузом закрепилось имя строителя.

Приведенные факты показывают, что, хотя и в Бухаре жители кварталов несли определенные обязанности как чле ны общины, у них этих обязанностей было меньше, чем в других городах, где все работы по кварталу выполнялись или самими его жителями, или на их средства. Если учесть, что бухарцы специальным документом были освобождены эми ром Шах-Мурадом от подушного налога, в чем им была вы дана тарханная грамота [15], их привилегированное положе ние будет очевидно.

Таким образом, квартальная община, будучи глубоко пе режиточной, все же в известной степени сохраняла матери альную основу, которую поддерживали и связи иного порядка.

Особенно заметную роль в объединении жителей кварта ла играли ритуальные пиршества. Это были либо общест венные жертвенные трапезы, либо пиры по поводу семейных • обрядов (свадьба, обрезание, похороны) членов квартальной общины.

Жертвенные трапезы, устраивавшиеся семьями квартала в складчину или кем нибудь из них по обету, совершались при мечети в случаях повальных болезней или если кто ни будь жертвовал в общую пользу продукты или скотину в благодарность за избавление от несчастья. Мужчины вари ли во дворе мечети особое обрядовое кушанье «халиса» (сильно разваренную кашу из пшеницы и мяса), которое раздавалось всем жителям квартала. В женском кругу так же в общественном порядке весной приготовлялось обрядовое кушанье «сумаляк» — кисель из солода (сока проращенной пшеницы). Продукты тоже давали все семьи квартала, и каждая из них получала свою долю этого кушанья.

Еще большую роль в объединении жителей квартала иг рали семейные торжества и поминки. Они не были личным делом каждой семьи, а принимали, по обычаю, характер общественных ритуальных пиршеств или тризн.

Общественными пиршествами отмечались все важнейшие семейные события. Празднеством дважды отмечался сговор, причем на «большой сговор» в доме невесты собиралось множество гостей из кварталов как жениха, так и неве сты; пиршество продолжалось целый день, с утра до ве чера. Свадьба, сопровождавшаяся особенно обильным уго щением, начиналась вечером в доме невесты и продолжалась

«История Узбекской ССР», т. 1, Ташкент, 1967, стр. 652.

на следующий день, а иногда и несколько дней в доме же ниха. Пиршество, устраиваемое по поводу обрезания, дли лось несколько дней, у крупных богачей — до месяца. Осо бенно большим числом обрядов сопровождалась смерть. Обычай требовал устройства по этому поводу цикла поми нок. Взрослые жители квартала — мужчины и женщины — обязаны были прийти в дом, где кто нибудь умер, прочесть за него молитву; все мужчины — участвовать в заупокойной молитве (джаноза) и проводить покойника на кладбище, а женщины — оплакать его дома вместе с родственницами и членами семьи. На третий, двадцатый и сороковой день в доме умершего происходили поминки, и пришедших ждало угощение. Через год устраивались последние поминки и уго щение по поводу снятия траура; в угощении участвовали наряду с родственниками все жители квартала.

Приведенный перечень охватывает лишь самые главные семейные обряды, на которых бывало и обычно угощалось все население квартала. К этим обрядам добавлялся целый ряд менее важных: кроение одежд для невесты, рождение ре бенка, первое положение его в колыбель, болезнь человека или его выздоровление, приезд гостя — все это также при водило в дом соседей, большее или меньшее число которых определялось важностью события и размерами приготовляе мого по этому случаю угощения. Никто не должен был пере- живать или пировать в одиночку. Даже если в доме готови лось какое нибудь кушанье получше, то а оно выходило за пределы семьи: небольшие порции посылались ближайшим соседям.

На семьях, живущих в квартале, лежала обязанность со вершать все семейные обряды в соответствии с обычаем. Их число и порядок проведения требовали от каждой семьи таких тяжких расходов и столько работы, такого количества посуды и другого специального инвентаря для приготовления кушаний и угощения многочисленных гостей, что отдельной семье справиться с этим самостоятельно, без участия общи ны, было бы не по силам. Эта нужда в помощи большого коллектива людей при семейных обрядах и была одной из основных причин, которые придали такую живучесть общин ному укладу жизни квартала.

Участие в семейном обряде множества людей считалось необходимым. Без этого невозможно было вступить в брак, как невозможно было оставить умершего без должных поми нок. Обычай должен был соблюдаться и богатыми, и бед ными, для которых он был совершенно разорителен. Разни ца между семьями разного достатка состояла лишь в числе приглашенных. Наиболее узким кругом помимо родственни ков были старшие члены семей, входивших в квартальную.

общину. При более расширенном праздновании присутствовали все семьи квартала, от мала до велика. На богатые пиршества приглашались и гости из соседних кварталов.

Право всех проживающих в квартале участвовать в таких семейно-общественных пиршествах распространялось не только на живущих в нем постоянно, но и на тех, кто жил там временно. Так, на семейных праздниках жителей квартала Чармгарон, в котором находилось общежитие цеха ткачей (такия), присутствовали и те, кто до подыскания места останавливался там, приходя в Бухару из других мест на заработки. Всех их приглашали обязательно, потому что, как выразился пожилой житель этого квартала, «они были за нами» (уно да хисобй мо буд).

Участие в пиршествах или угощениях, устраиваемых той или иной семьей, рассматривалось как священное право и обязанность каждого жителя квартала. Не прийти было **не возможно — это** значило бы нанести обиду хозяину. С другой стороны, никто не хотел лишаться своей законной доли угощения.

Этот обычай был настолько распространен у всех народов, что нет нужды приводить параллели. Его обременительный ритуал имеет то же происхождение, что и известные потлачи североамериканских индейцев: он порожден тенденцией соблюдать древний закон коммунистического потребления в условиях развития частной собственности и имущественного неравенства. Конечно, семейные празднества народов Средней Азии, а особенно таких ее культурных центров, каким была Бухара, очень далеко отошли от первоначальной формы, осложнились многими культурными напластованиями, но в основе их генезиса лежит именно эта традиция. И она была настолько прочна, что обычай этот соблюдался неукоснительно, сделался законом. Он действовал с такой непреложностью, что оказывался сильнее, например, суеверного страха перед обмывателями мертвых, которые составляли своего рода касту «неприкасаемых». Если они жили (конечно, обособленной группой) в квартале, остальные его жители обязательно приглашали их к себе и шли в таких же случаях в их семьи. Связь между членами общины была сильнее и религиозной розни. Хотя между суннитами и шиитами существовала некоторая отчужденность, после событий 1910 г. перешедшая во вражду, в кварталах, где сунниты и шииты жили смешанно, они были обязательными участниками семейных обрядов друг друга.

Если семья на своих праздниках и поминках угощала всех жителей квартала, то, с другой стороны, все соседи должны были так или иначе участвовать в расходах на угощение и **в** его приготовлении. Молодежь квартала и многие из муж

чин выполняли всевозможные работы и поручения: кололи дрова, приносили воду, резали морковь для традиционного плова, обслуживали гостей. Хозяин дома избавлялся от этих хлопот. На его обязанности было встречать и приветствовать гостей, его место было у ворот, при входе в дом.

Соседки по кварталу, как и родственницы, по обычаю, должны были участвовать в подготовке угощения: каждой гостье полагалось принести на пир поднос с чем нибудь съедобным, иногда и какой нибудь подарок. Смысл этого обычая ясен: таким образом жители квартала помогали в устройстве обрядовых угощений не только своим трудом, но и участием в расходах.

Эта помощь особенно нужна была в случае смерти. По обычаю, до трех дней в доме умершего пищи не гото вили: все необходимое для питания семьи и угощения тех, кто пришел выразить соболезнование, доставляли наряду с родственниками соседи по кварталу, которые, потратившись на приношение, могли рассчитывать, что и им в соответст вующем случае будет отплачено тем же.

Важно отметить, что, идя на похороны, все женщины квартала должны были наравне с родственницами надевать траурную одежду. Костюм для подобных случаев имелся у каждой женщины. Вместе с родными соседки должны были оплакивать умершего или по крайней мере сделать вид, что они плачут — все сидели, прикрыв лица. Эта черта быта со всей очевидностью указывает, что соседская квартальная об щина происходила из родовой общины. Из этой же тради ции вырос и обычай всем женщинам квартала приносить на похороны еду. Традиция определяла, какое именно кушанье надо нести, идя на похороны. В Ташкенте, например, пола галось в таких случаях приносить похлебку, и это породило там производство особых медных сосудов в форме ведра, очень красивой формы, украшенных чеканным орнаментом.

С течением времени в быту пародов Средней Азии значе ние приношений как формы участия в расходах на семей ные обряды забылось. Появился обычай тут же отдаривать пищей с праздничного стола тех, кто пришел с подарком. Блюдо, в котором гостьей было доставлено приношение, не возвращалось ей пустым. После того как угощение было окончено и все собирались расходиться по домам, скатерти убирались, стряхивались и снова расстилались. Перед каж дой гостьей клали несколько лепешек разных сортов в оп ределенном обычаем количестве и делили все оставшиеся после угощения сласти, высыпав их предварительно в одну кучу. Уносили домой обычно и подававшийся в качестве по следнего блюда плов, ссыпая его на принесенный из дома с подарком поднос или блюдо и прикрывая сверху полученны

ми лепешками. Угощение, которое раздавалось для уноса домой, носило название «улуш»[16]. Если гостья кроме съедобного приносила в подарок какую нибудь вещь, на ее блюдо поверх сластей клали ответный дар, который должен был быть более ценным, чем полученный. Это отдаривание явилось результатом деформации старого обычая, первоначальный смысл которого состоял в помощи членов общины семье, совершавшей обряд.

Вследствие непосредственного участия всех семей квартальной общины в семейных праздниках друг друга между ними устанавливались постоянные связи. Пируя у соседей, получая от них знаки внимания, а нередко и традиционные подарки, все жившие в квартале семьи оказывались связанными взаимной задолженностью. В каждой семье велся точный учет: кто у кого угощался и что было принесено в подарок, а следовательно, кому и чем должна семья отплатить.

Хотя описанные отношения охватывали лишь сферу обрядово ритуальной жизни, практически они имели большое значение в сплочении жителей квартала в единый коллектив, постоянно собирая их вместе за скатертью с угощением и, что было еще важнее, заставляя их деятельно участвовать в приготовлениях. В семейно общественных празднествах проявлялась общественная жизнь квартала, укреплялись общественные связи. Обрядовые пиршества были той ареной, на которой происходило постоянное общение между членами общества. Для женщин общественная жизнь, можно сказать, этим и ограничивалась.

Несмотря на то что ритуальные пиршества были пережитком общинных отношений, в них ощутимо проявлялись классовые различия между семьями, живущими в квартале. Прежде всего это сказывалось в богатстве угощения, в продолжительности празднеств и в сопровождавших их увеселениях. Внушительность празднеств или похоронных обрядов приобретала значение показателя благосостояния и социального положения, становилась делом семейной чести. Это заставляло каждую семью тщательно продумывать все детали обряда и обставлять его возможно богаче. Чем больше людей угощалось на устроенном семьей пиршестве, тем больший общественный вес она приобретала.

Классовое неравенство жителей квартала выражалось также в том, что бухарская знать и крупнейшие богачи позволяли себе уклоняться от личного участия в пирах своих соседей. В женской среде считалось признаком особой утон

[16] اولاش — ولوش (доля), см.: Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 151.

человости не ходить на празднества или поминки в семьи соседей по кварталу. Со свойственным высшим кругам ханжеством женщины из богатых и знатных семей делали вид, что особо строгое соблюдение затворничества не позволяет им принимать участие в пиршествах. Не идя на пир своих соседей, они посылали через служанку богато убранное блюдо с ценным приношением. Позволить себе подобный жест могли лишь представительницы знати или жены крупных богачей; для остальных он был бы сочтен проявлением необоснованного притязания на высокое общественное положение.

Особенно резко проявлялись классовые различия в церемониале приема. Для почетных гостей предназначалась лучшая комната, угощение подавалось им в первую очередь, более изысканное, по целому блюду на одного двух человек, нередко сопровождалось преподнесением подарков — халатов, поясных платков, тюбетеек. Гости попроще принимались в комнате похуже и угощались не столь обильно. Для бедноты блюдо с пловом — одно на несколько человек — подавалось прямо во дворе, где иной раз даже не было подстилки, чтобы сесть, и «гости» съедали свою порцию, присев на корточки. Несмотря на эти различия, подчеркивавшие неравенство между членами общины, все же посещения друг друга, участие в общих пиршествах создавали некоторую иллюзию близости высших и низших, как бы связывали их съеденным вместе хлебом солью.

Эти обычаи весьма ощутимо влияли на экономику каждой семьи. Если они мало отражались на ее доходах, то в значительной мере определяли расходы. Только путем же сточайшего самоограничения, непрерывного и явного голодания могли небогатые семьи, т. е. семьи большинства горожан, собрать необходимые средства для выполнения обряда обрезания, похорон умершего члена семьи или женитьбы сына. Именно расходы на угощение, ложившиеся большей своей частью на семью жениха, составляли у оседлых земледельческих народов Средней Азии основную тяжесть калыма. В отличие от скотоводов последний у них выражался не столько в плате за жену, сколько в обязательных крупных расходах семьи жениха на угощение, без которого женитьба считалась невозможной.

Насколько были велики расходы на свадебное угощение, видно из сообщения известного бухарского строителя и резчика по ганчу Усто Ширина Мурадова, который рос сиротой в семье дяди (амак) и очень долго не мог обзавестись семьей. Женился он только в 30 лет. Справляя свою свадьбу, он давал два дня пир своему кварталу (день мужчинам, день — женщинам), один день был отведен для угощения гостей из

соседних кварталов (атрофи гузар) и один день — мастерам своего цеха, из которых, вероятно, были приглашены только более близкие — в Бухаре насчитывалось несколько сот мастеров строителей.

Сопровождавшиеся поминальными пиршествами траурные обряды были особенно разорительны, и большинству семей для достойных похорон своего умершего не оставалось ничего другого, как влезать в долги. Выплата их совершенно расшатывала экономику семьи. Большая часть рассказов о разорении семьи среднего достатка начинается со смерти какого нибудь члена семьи, в особенности если это был человек почтенный и осиротевшая семья должна была почтить его память достойным образом [17].

Но весьма обременительные расходы лежали не только на семьях, в которых совершался обряд: приношения, без которых нельзя было явиться на пир, как и на поминки, каждая семья должна была делать постоянно, и это было обязательной статьей расхода в семейном бюджете. Если когда то в этом был смысл, так как таким образом члены общины помогали друг другу, то с тех пор, как появился обычай отдаривания, приношения лишились всякого смысла. Расходование огромных средств на совершение обрядов, которое производится систематически и в наше время, не может не отражаться отрицательно и на жизни семьи, и на экономике всего общества в целом в силу своей нерациональности. На приготовление угощений и приношений тратятся не только средства, но и масса времени. Однако сила традиции такова, что, и тяготясь такого рода обязанностями, никто не может от них уклониться, не рискуя своим добрым именем.

Общинный уклад быта жилого квартала породил систему самоуправления, специальный выборный орган, который направлял этот быт, обеспечивал его правильное, в соответствии с обычаем, течение.

Квартал возглавлял старшина, в Бухаре называвшийся аксакал (узб. «белобородый»). Его патриархальное название подчеркивает генетическую связь этой должности с общинным строем. В помощь аксакалу придавался посыльный — пойкор (тадж. «работающий ногами»). Во главе женской половины жителей квартала стояла кайвони [18], игравшая среди женщин ту же роль, что аксакал среди мужчин. Двой

[17] Этот мотив содержится в романе Садриддина АЙНИ «Дохунда» (М., 1956), где дореволюционная народная жизнь изображена с этнографической точностью.

[18] О роли «кайвони» и о самом термине см.: Е. М. Пещерева. О ремесленных организациях Средней Азии,— «Краткие сообщения ИЭ АН СССР», вып. XXXIII, М.—Л., 1960, стр. 44.

ником пойкора была ходйми гузар {тадж. «служанка квартала»).

Выборы аксакала и его помощников не были, конечно, выборами в полном смысле этого слова. Они происходили в мечети, и это передавало инициативу в руки имама, который и называл кандидатуру (мачит ба ки шуд, хатиб имом мегут), получив, конечно, соответствующие инструкции от наи. более влиятельных прихожан, расположение которых в значительной мере определяло его положение и доходы. Кандидатура аксакала могла быть выдвинута и непосредственно кем нибудь из самых влиятельных, авторитетных жителей квартала. Обсуждались кандидаты в кругу наиболее почетных его обитателей, каковыми в те времена считались прежде всего люди богатые («у которых во рту кусок пожирнее» — «даханаш раугантар бошад»). В обсуждении кандидатур принимали некоторое участие и те жители квартала, которые пользовались уважением из за своего возраста. Участвовать в выборах, а тем более высказывать свое мнение молодым считалось нескромным и не разрешалось

Выдвинутым на выборные должности лицам полагалось сначала отказываться — из скромности или по нежеланию обременить себя довольно хлопотными обязанностями. Но в конце концов они обычно соглашались, их положение, в особенности положение аксакала, было почетным и приносило доход. К тому же считалось невозможным не выполнить того, что требует община в лице ее самых влиятельных членов.

Занимая почетный пост руководителя общественной жизни квартала, аксакал, как и другие лица квартального самоуправления, считался слугой общества, о их деятельности говорили как о службе («хызмат»). Поэтому в квартальные аксакалы никогда не выбирали богачей или людей знатных. Аксакалы бывали из мелких торговцев или ремесленников средней руки — хороший мастер был слишком занят своим прямым делом. Вот, например, несколько сменивших друг друга аксакалов квартала Усто Рухи, населенного преимущественно торговцами и ремесленниками; двадцать семей принадлежало к военно служилому сословию. Последним аксакалом этого квартала перед установлением Советской власти был Шоди бой, торговец обувью (кафшфруш), человек лет 60; перед ним — ремесленник, изготовлявший мехи для разноски воды, Джумабой машкдуз, который имел в квартале свою мастерскую. До него аксакалом был мясник Гуломджон кассоб, отец которого также был в свое время аксакалом этого квартала. В квартале Кош мадраса, населенном преимущественно ремесленниками различных специальностей, место аксакала занимали один за другим торговец мылом (собунфруш) Атокул, торговец сундукам.и, известный

под прозвищем Бобойи сандук, зажиточный ремесленник то карь (харрот), по имени Нурилло оксакол, владевший ма стерской лавкой, где он работал и продавал свои изделия. В квартале Мулла Хоки рох, подавляющее большинство жи телей которого состояло из мастеров строителей, аксакалы бывали из мастеров. Последним был Усто Мирзо-канд, ма стер средней квалификации.

Помощник аксакала — пойкор не должен был быть об ремененным собственными делами, которые могли бы поме шать ему хорошо выполнять его обязанности по отношению к общине. На эту должность нужно было подобрать того, кто нуждался в заработке и был достаточно подвижен. По этому в пойкоры чаще всего выбирали человека не старого, малообеспеченного, нередко из представителей обслуживаю щих профессий, например водоноса. Пойкор нередко брал на себя и обязанности уборщика квартала (фаррош), за что получал от общины особую плату. Так было, например, в предреволюционные годы в квартале Усто Рухи, где фаррош и пойкор совмещались в одном лице.

Кайвони и ходими гузар избирали сами женщины, также из наиболее влиятельных жительниц квартала. Мужчины их кандидатур не обсуждали, хотя аксакалу и принадлежало в этом деле право высказать свое мнение. Одному из инфор маторов, престарелому жителю квартала Усто Рухи, Садил ло Мирзоеву довелось услышать, как при нем аксакалу зада ли вопрос, кого он хочет сделать кайвони («Оксаккол, кия кайвони мекунед?»). На должности кайвони и ходими гузар избирались женщины, обладавшие соответственными природ ными данными и не обремененные заботами о своей семье. Кайвони должна была обладать хорошей памятью, сообрази тельностью, организаторскими способностями и распоряди тельностью, хорошо знать обычаи и порядки и пользоваться уважением среди женщин квартала. Обязанности ее помощ ницы — ходими гузар поручались какой нибудь бедной вдо ве, которая нуждалась в заработке. Она должна была быть энергичной, подвижной, услужливой и надежной.

К выборам как аксакала, так и его помощников относи лись очень серьезно, учитывая, что неудачные избранники причинят жителям квартала много неудобств и неприятно стей. Иногда выборы вызывали среди жителей квартала боль шие несогласия и споры. Кандидатуры отводились противной стороной в вежливой форме, под благовидным предлогом: на пример, говорили, что кандидат слишком занят (шона ко́ра-шон бисйор). Если стороны, выдвинувшие разных кандида тов, не приходили к соглашению, дело доходило до ожесто ченных и неразрешимых споров. В таких случаях сторонники разных кандидатов, также в лице людей наиболее «почет

ных», обращались к казию (козибози мекардан), и тот определял, кто из названных кандидатов больше подходит для выполнения обязанностей старшины. Иной раз дело доходило до того, что, не придя к соглашению, жители квартала делились на две части. Так произошло, например, в квартале Буйробофон, население которого состояло из двух разных этнических групп: переселенцев из Хорезма (урганджихо) и туркмен племени хидир эли, также переселившихся с Амударьи. Не поладив при выборе аксакала, так как каждая группа держалась за своего кандидата, они перессорились, разделились, и каждая часть квартала выбрала себе отдельного аксакала.

В исключительных случаях, если квартал был очень велик и аксакалу трудно было выполнять одному свои обязанности, выбиралось два аксакала; нужно думать, что один из них был в некотором подчинении у другого. Так, в квартале Шохи Ахси — самом большом в Бухаре, в котором выделились четыре отдельные части, имелось два аксакала, и при каждом из них было по пойкору. Вероятно, в соответствии с этим там избирались и две кайвони и две ходжи гузар.

Аксакал являлся официальным представителем квартала перед городскими властями и потому должен был утверждаться ими. После того как совершалось избрание, несколько самых почетных жителей квартала вели нового аксакала к казикаляну и заявляли о его избрании. Назначение утверждалось выдачей аксакалу письменного документа — ярлыка (ярлиг). После этого все торжественно возвращались в квартал, причем новый аксакал шествовал с ярлыком, воткнутым в складки чалмы таким образом, чтобы его конец был хорошо заметен (Кози ярлиг медод, салля ба халлонда меомад, оксаккол шудам гуфта). Квартальные старшины хорошо были известны городским властям, и в случае надобности, если дело касалось квартала в целом или кого нибудь из его жителей, прежде всего вызывали аксакала. Если судились жители разных кварталов, истец и ответчик являлись к казию в сопровождении своих квартальных старшин. Но до судебного разбирательства дело доходило сравнительно редко: старшины старались помирить тяжущихся и обычно преуспевали в этом. Даже ес'ли в суд был подан иск, аксакалы кварталов стремились разрешить спор миром. Достигнув этого, они шли к казию и говорили: «Этот отказался от своего иска, а тот получил, что ему следовало. Господин судья, ставьте печать!» («Ин аз давбш гузашт, он ба хаккаш расид, эшони кози, мухр пахш кунед!»). Казий составлял документ о примирении и его условиях, прикладывал к нему печать и получал полагающееся за это вознаграждение.

Обязанностью аксакала было выручить так или иначе жителя своего квартала, попавшего в беду. Если против него было выдвинуто обвинение властями, аксакал должен был выступать посредником, постараться избежать суда или взять жителя своего квартала под залог или на поруки (кафили).

Если происходила ссора или тяжба между жителями одного квартала, они прежде всего шли к аксакалу, который выступал в роли третейского судьи, всеми силами стараясь примирить обе стороны и не доводить дело до обращения к казию.

Продажа домов в квартале происходила только через аксакала, без него не могла быть совершена никакая сделка этого рода. Он играл важную роль при разделе имущества умершего жителя квартала, выступая как третейский судья при возникавших в ходе дележа конфликтах и как посредник между наследниками и государственными властями, которые в лице чиновника (таракачи) оформляли раздел. Аксакал становился опекуном малолетних сирот, советником и помощником одинокой, не имеющей родственников вдовы, которую обычай женского затворничества лишал экономической самостоятельности, даже если она и владела каким нибудь приносящим доход имуществом. Аксакалу сдавались на сохранение (амонат) сиротские деньги. Он должен был поместить их так, чтобы они давали какой то доход: отдавал в рост, одалживая надежным людям, иногда просто хранил у себя или сам пускал в оборот, делясь с владельцами денег прибылью, насколько хватало совести.

Аксакал наблюдал за порядком на территории квартала, нанимал специальных людей для подметания улиц и обслуживания мечети и помещения для омовений, выступал организатором всех общественных работ, о которых говорилось выше.

Но особенно заметна была роль аксакала и его помощников на обрядовых пиршествах и поминках, устраиваемых в семьях квартала. Прежде всего аксакал был главным советчиком при решении вопросов, возникавших при устройстве семейных празднеств. По специальному приглашению хозяина дома он в сопровождении нескольких стариков приходил на «трапезу совета» («маслихат-оши»), чтобы обсудить все детали предстоящих расходов и организацию торжеств. Совещаясь с приглашенными вместе с ним стариками, он определял в соответствии с положением семьи приличествующий ей размер трат и количество необходимых продуктов, число гостей и их персональный состав, подарки, которые надлежало преподнести наиболее почетным из них. Если скопленных семьей денег было мало, аксакал помогал получить недо

стающую сумму в долг, нередко сам одалживал деньги, не без выгоды для себя.

Особенно большое участие принимал аксакал в организации похорон. Хозяину дома не приходилось заботиться ни о приобретении необходимых предметов для похоронного обряда, ни о приглашении обмывальщиков, ни о приготовлении могилы. Все эти заботы брала на себя община в лице аксакала, кайвони и их помощников. К широкой помощи привлекались и остальные жители квартала, особенно молодежь, которая была обязана прислуживать и помогать при всех общественных сборищах и делах. Аксакал изыскивал все необходимые, и, по обычаю, довольно крупные, средства для похорон. В Бухаре он расходовал их самостоятельно и по своему усмотрению, лишь много позднее представляя список расходов главе потерпевшей утрату семьи.

Расходы эти были немалые, и ими ведали в основном женщины; мужчины должны были только платить. (Как говорили старики бухарцы: «Ихтийо́ри мурда да зано буд, мар до кор надоран» — «Власть в отношении всего, связанного с покойником, была у женщин, мужчины этого не касались».) Женщины рассчитывали, что нужно для обряда, и закупки поручались аксакалу. Они наказывали мужчинам: «Скажите аксакалу, чтобы он принес такие то вещи» («оксакко́ля гуйет, фалон чи́за бийрат»), соразмеряя, конечно, свои заказы со средствами, которыми могла располагать семья. Аксакал отправлялся в сопровождении пойкора в специальный ряд (тим), где продавалось все необходимое для похорон, и покупал белую фабричную ткань (суф) для савана, покрывало на гроб, которое должно было соответствовать возрасту и положению умершего, ситец для раздачи поминальных кусков (йиртиш) на кладбище всем провожавшим покойника, ткань для траурных платьев всей женской родне и целыми мешками обувь для нее — сапожки с кожаными калошами, чтобы ходить на кладбище в течение годичного траура. Платье срочно шила себе каждая родственница сама и носила его первые сорок дней после смерти, а более близкие — до года.

Делая все закупки на свои деньги, аксакал составлял список (руйхат), в который он вносил все расходы на приобретение нужных вещей и продуктов для устройства угощения, на оплату могильщика и причта мечети, где читалась заупокойная молитва, и т. п. Список этот не сразу предъявлялся хозяину дома, где был покойник (сохйби мурда); не торопился спросить о сумме расходов и тот, кому надлежало расплачиваться. Лишь по прошествии нескольких дней, когда считалось, что прошло достаточно времени, чтобы опомниться от горя, глава потерпевшей семьи обращался к аксакалу

с вопросом, есть ли у него список («руйхáтатон хаст-ми?»). Аксакал подавал список, и хороший тон требовал не проявлять к его содержанию слишком большого интереса; список засовывался в карман или за пазуху и читался только дома, без посторонних свидетелей. Аксакал должен был проявлять в таких случаях добросовестность; однако если он и приписывал немножко лишнего, на это смотрели сквозь пальцы, считая, что должны быть ему благодарными за помощь в трудную минуту (ин ходжатамоя баровард).

В руках аксакала скапливались некоторые средства. Они пополнялись за счет денег, которые ему удавалось сэкономить во время происходивших в квартале похорон или семейных празднеств (свадеб, обрезаний), когда аксакал также участвовал, правда в меньшей степени, в закупках к пиршеству. Перепадало ему и при продаже домовладений и при разделе наследства, что также требовало некоторых расходов, производившихся часто аксакалом. Предъявляя наследникам свой счет, аксакал и тут пользовался случаем приписать лишнее. Собиравшиеся таким образом в руках аксакала средства должны были идти на оплату расходов по кварталу и носили специальное название — «хароджбти гузар» (квартальные расходы) или «хароджбти хориджи» (посторонние расходы). Аксакал распоряжался этими средствами единолично, как собственными деньгами, и никому в них не отчитывался. Однако все знали, что такие средства у него есть, и он должен был тратить их на нужды квартальной общины. Из них он делал закупки по поручению той или иной семьи для похорон или семейных торжеств, часть их расходовал на пополнение необходимых для общественных пиршеств вещей, в особенности ложек и посуды. Вероятно, часть их шла на его личные нужды. Особого вознаграждения старшины квартала, как и их помощники, не получали. Их доходы от выборной должности складывались из случайных, но постоянно поступавших в их пользу подарков. Каждая жившая в квартале семья, устраивая торжество (той) или поминки (маъракa), считала своим долгом выделить какую то сумму аксакалу и его помощникам. Эти деньги назывались «оксакколона» («аксакальские»). Давали «по щедрости» (химматаш ба), стараясь не уронить достоинства семьи слишком маленькой суммой. Конечно, от состоятельных членов общины аксакал получал гораздо больше, и это было для богачей одним из средств обеспечить себе его поддержку. По некоторым сведениям, аксакал в каждом случае сам определял косвенным образом размер «аксакальских» денег: он назначал, основываясь на состоятельности данной семьи, сколько следует заплатить имаму квартальной мечети, пойкору и фаррошу. Аксакалу же полагалось столько, сколько

всем троим, вместе взятым. Кроме денег аксакал получал на семейных торжествах наравне с наиболее почетными гостями подарок в виде халата и, наблюдая за раздачей угощения на мужской половине, имел право отослать к себе домой одно блюдо плова в дополнение к тому, что получал он и женщины из его семьи в порядке угощения, наравне с другими гостями.

Одной из важных обязанностей аксакала было распределение пищи во время пиршеств. Он стоял «над котлом» (да сари дег) и отвечал за то, чтобы приготовленного угощения хватило на всех. Хороший аксакал брал свою долю только после того, как были удовлетворены все гости. На женской половине ту же роль, что аксакал на мужской, выполняла кайвони, но ее задача была еще сложнее: помимо того что она также должна была раздать приготовленную пищу таким образом, чтобы хватило всем, сумев отложить одно блюдо себе и кое что для ходйми гузар, кайвони принимала от приходящих скатерти с завернутым в них приношением, точно запоминая, кто и что принес, чтобы приготовить ответный дар, не перепутав при этом ни скатерти, ни блюда, ни хозяйки скатерти, к тому же учтя ее отношения с хозяевами дома.

Аксакал и кайвони должны были наблюдать за тем, чтобы вся жизнь квартала шла по заведенному исстари порядку, чтобы никто из членов квартальной общины не нарушал обычаев, не уклонялся от тех обязанностей, которые налагала на каждого принадлежность к общине. Если аксакал замечал на свадебном пиру того, кто пару раз не являлся на похороны, он не стеснялся сделать ему при всех замечание,—конечно, если это был человек, стоявший не особенно высоко на социальной лестнице и к тому же не старый.

Ни аксакал на мужской половине дома, ни кайвони на женской совершенно не касались обрядовой стороны: их делом были организация пиршества и дележ угощения. Эта их функция при неразвитости других проявлений общественной жизни горожан приобретала в глазах последних такое значение, что многие информаторы прямо заявляли, что главным делом аксакала было участие в организации тоев и поминок (туй, маърака, аъзо — оксаккол да хамун дахлдор). Такое понимание функций аксакала вытекало из того значения, которое имели обрядовые семейно общественные пиршества в быту горожан бухарцев, как и жителей других городов и селений Средней Азии.

Если аксакал и в меньшей степени кайвони являлись важными персонами в квартале, то пойкор на мужской половине, а ходйми гузар на женской были в полном смысле слова слугами всей общины. Они выполняли всевозможные по

ручения, помогали своим трудом той семье, которая нужда лась в помощи. Ходими гузар ухаживала за больными, в случае надобности жила некоторое время в семье больного, особенно если было очевидно, что он вот вот умрет. И хо дими гузар, и пойкор первыми являлись в дом, который по сетила смерть, так как их обязанностью было закрыть мерт вому глаза и подвязать подбородок — этого не полагалось делать самим родственникам умершего.

Являясь выборными, аксакал и его помощники могли быть смещены, если их деятельность вызывала недовольство у жителей квартала, особенно наиболее влиятельных. По свой ственному народам Средней Азии, особенно горожанам, эти кету, не допускавшему резкостей в обращении, это делалось в уклончивой форме, под предлогом плохого здоровья сме щаемого или его обремененности собственными делами. Ак сакала смещали чаще всего за злоупотребления: если он слишком много приписывал к расходам по похоронам, брал взятки с покупателей домовладений в его квартале или завел обыкновение, пользуясь суматохой во время тоев, при разда че угощения под шумок отсылать к себе домой не одно блю до плова, как полагалось по обычаю, а два три. Заметив за аксакалом подобные проделки, люди начинали поговаривать: «Зачем нам такой жадный (букв. „голодный") аксакал? Пусть он убирается!» («Интухин оксакколи гушна да мо чи даркор? Дафъ шавад!»). Иногда сменяли аксакала за пло хой характер. Так был смещен упомянутый выше Нурилло оксаккол в квартале Кош мадраса; он оказался слишком сварливым: одного пробирал за то, что не подметена улица перед домом, другого за то, что не туда брошен мусор. Эти постоянные замечания так надоели жителям квартала, что Нурилло недолго удержался на своем месте.

Однако, так как все жители квартала хорошо знали друг друга и, выбирая аксакала и его помощников, могли зара нее учесть слабости и особенности характера кандидатов, обычно выбирались люди, более или менее подходящие, кото рые оставались на своих местах подолгу. Большинство ин форматоров сообщало, что известные им аксакалы не сме нялись по 10, а то и по 15 лет, нередко оставаясь на своей должности до самой смерти.

Положение аксакала, так же как и его помощников, по казывает, что мы имеем все основания расценивать их как лиц, осуществлявших самоуправление общины. Как бы ни бы ли они зависимы от наиболее влиятельных жителей кварта ла, волю которых они нередко должны были выполнять, на стоящим хозяином считалась община в целом, их выбирав шая и имевшая право их смещать.

Административные функции аксакала вытекали из его

роли главы общины: в качестве такового он представлял квартал и перед государственной властью. Он не располагал никакими средствами принуждения и должен был добивать ся выполнения членами общины всех лежавших на них обя занностей, опираясь лишь на обычай, на свой авторитет как главы общины и на общественное мнение составлявшего ее коллектива.

2. Общественные связи между жителями различных частей позднефеодального города (межквартальные и внутригородские связи)

В эпоху раннего средневековья жилые кварталы имели, по видимому, еще большее значение в жизни города. Исто рики предполагают {правда, не имея подтверждающих фак тов), что тогда в Средней Азии квартал и ремесленная кор порация совпадали, так как все ремесленники одной специ альности жили в одном квартале [19]. Характеризуя положение ремесленников в феодальном городе, К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что они представляют собой коллектив, «организо ванную общину» [20]. Возможно, на Востоке цех во многих случаях совпадал с квартальной общиной.

Восточный город раннефеодальной эпохи «был лишен об щих связей», в нем «не существовало достаточно прочных связей между различными кварталами, отделенными друг от друга стенами» [21] или же, как можно думать на основании изучения устройства кварталов в позднефеодальный период, задними стенами обращенных в разные стороны домовладе ний, выходящих на разные улицы и принадлежащих к раз ным кварталам.

Сравнительно слабое развитие общегородских связей бы ло свойственно и среднеазиатскому городу конца XIX — на чала XX в., особенно городам ханств. Они все еще остава лись в своих основных чертах феодальными. Связи горожан между собой носили свойственный феодализму узкий харак тер землячеств, ремесленных корпораций, объединений тор говцев по специализированным торговым рядам и кварталь ных общин. В результате развития феодального общества, даже в условиях застойного характера феодализма, дожив шего вплоть до конца XIX в., среднеазиатский город был

[19] По словам А. Ю. Якубовского, «в этом нас убеждают указания источников на наличие квартальных шейхов (глав кварталов) в ряде го родов того времени» («История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 245).

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 51.

[21] И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хула гуидов, стр. 88.

уже иным, и приведенную выше характеристику раннефеодального города можно отнести к городу последних этапов феодализма лишь отчасти. К концу XIX в. и, вероятно, уже в предшествовавший период сформировались более широкие связи между горожанами, частью совершенно новые, частью представлявшие собой модификацию прежних связей. Эти связи отражали более широкое развитие производства и торговли, сказывались в общественном быте и общественном сознании.

Особо важное значение для развития общегородских связей имели связи в сфере производства, которое в городах феодальных было представлено в основном ремесленной промышленностью. Если в далеком прошлом ремесла, как и некоторые другие профессии, совпадали, вероятно, с кварталами и в силу этого ремесленные корпорации ограничивались рамками одного квартала, то при развитии ремесла многие промыслы и соответственно их корпорации вышли далеко за границы не только одного квартала, но и группы соседних кварталов. Высшую ступень развития ремесленной промышленности и вместе с тем производственных связей в Бухаре конца XIX — начала XX в. представляли собой промыслы по выработке тканей, распавшиеся на множество специальностей. К началу XX в. они были распространены в более чем полусотне кварталов. Привычная для феодального ремесла форма производственных связей — объединение всех ремесленников одной специальности в единой корпорации — оказалась уже не в состоянии охватить всех ткачей Бухары. Их корпорация была вынуждена разделиться на четыре части (джариба) [22], сохраняя в то же время свое единство. Таким путем в среде ремесленников, вырабатывавших ткани, установились весьма широкие связи, практически в масштабе всего города и ближайших пригородов, населенных ткачами. Если ткачи теперь и не знали всех своих сотоварищей по ремеслу в лицо или по имени, то наиболее выдающиеся своим мастерством или размахом производства были хорошо известны всем ткачам. Особенности каждого предпринимателя — хозяина мастерской, как и каждого ткача, учитывались первым — при найме мастеров на работу, вторым — при поступлении в чужую мастерскую. Почти столь же широки были производственные связи ремесленников, вырабатывавших обувь. Разделившись по отраслям, в зависимости от вида производимой продукции, все они образовывали одну корпорацию, проживая в 32 кварталах. Во многих кварталах жили строители. Они были расселены тремя компактными груп

[22] Термин «джариб» употребленный информатором, не имеет в виду те 12 «микрорайонов»—джарнбов, на которые делился город.

пами, объединяясь в две корпорации — каменщиков и плотников, которые и в работе, и в быту были тесно связаны друг с другом [23].

В Бухаре наблюдался целый ряд градаций в степени развития производственных связей в зависимости от развития ремесла. Но, как правило, во всех ремеслах, за немногими исключениями, связи уже успели перерасти границы квартала, и это следует считать одним из признаков высокого развития феодального города.

Такой была Бухара конца XIX — начала XX в., когда она уже начала переход к новой капиталистической формации, но не завершила его, как и вся Средняя Азия в целом. В силу этого производственные связи между горожанами осуществлялись в форме средневековых профессиональных корпораций, порожденных феодальным строем. Но теперь каждая корпорация в развитых промыслах охватывала более или менее тесными производственными связями значительные массы городского населения, жившего в разных районах города. Установление таких связей было одним из важнейших факторов в прогрессивном развитии города, а вместе с тем и в развитии общественного сознания. Отдельные примеры замыкания промысла в рамках одного квартала, наблюдавшиеся еще в Бухаре начала XX в., свидетельствуют о том, какое отрицательное влияние оказывало это на культурный уровень и весь быт населения. В такой изоляции оказались жители квартала Буйробофоп (на северо-восточной окраине города), которые являлись потомками переселенных сюда в конце XVIII в. по приказу Шах Мурада сельчан узбеков и частью туркмен с Амударьи. Переселенцы сохранили свой промысел — изготовление циновок из камыша и монополизировали его. Раньше этот промысел был, по видимому, в руках местного населения, и рынок циновок находился в центре города, как явствует из документа XVI в.[24]. В конце XIX — начале XX в. все производство и вся торговля циновками были сосредоточены в квартале Буйробофол, получившем по этому промыслу свое название. Предки жителей квартала, придя в столичный город, принесли с собой сельские традиции, и, хотя с тех пор прошло более полутораста лет, ограничение производственных связей рамками квартала воспрепятствовало их ассимиляции с городским населением и освоению городской культуры, законсервировало в их быту сельский уклад, сельские нормы быта.

Их квартал был одним из немногих районов города, где

[23] Подробнее о расселении ремесленников и о их производственных связях см.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город. , стр. 22, 30, 31—38, 84—99, 101—107 и др.

[24] «Из архива шейхов Джуйбария, М.—Л. 1938, стр. 41.

употреблялся узбекский язык, весь облик квартала и его жителей — их одежда, манера повязывать чалму — шел вразрез с обликом утонченных бухарцев, которых наблюдатель конца прошлого века назвал «парижанами Средней Азии»[25]. Плетенщики циновок спустя столь долгий срок не утратили сельского вида, сельской непритязательности в одежде и в бытовых условиях.

Не менее важно было установление общегородских связей в среде торговой прослойки жителей города. Как свидетельствуют исторические источники, в средние века все лавки, торговавшие одним видом товаров, размещались на базаре в одном ряду[26]. К концу XIX в. между отдельными категориями торговцев Бухары имелись довольно существенные различия. В отличие от более ранних времен к началу XX в. одними и теми же товарами торговали в нескольких местах и торговцы одной специальности не всегда оказывались объединенными в единую корпорацию. Но крупные купцы (саудогар) независимо от того, какова была их торговая специальность, составляли одну организацию[27]. По своей сущности она соответствовала купеческим гильдиям Западной Европы и России, где они также появились на поздних этапах феодализма и, конечно, тоже в результате установления более широких общественных и производственных связей, отразившихся и в торговле. И там их развитие было одним из важнейших показателей исторических и социальных сдвигов, установления более общих, широких связей между торговцами. Таково же было значение корпорации купцов в Бухаре. Когда зародилась эта организация бухарского купечества — неизвестно, так как исторические источники о ней ничего не сообщают.

Недостаточно изучен вопрос о внутригородских связях в сфере культуры. Имеющиеся весьма неполные данные говорят о том, что в Бухаре XIX в. существовало довольно широкое общение и на почве развития культуры. В какой то мере

[25] «Дервишизм в Туркестане»,— газ. «Туркестанские ведомости», 1898, № 56.

[26] О том, что каждое ремесло размешалось на отдельной улице, в отношении Самарканда сообщал кастильский посол Клавихо (Р. Г. де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.,— «Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 28, СПб., 1881, стр. 283). Таков же был порядок и в городах Малой Азии, где, по сообщению Ибн Баттуты, на рынках «каждый цех занимал отдельное место» и «всюду цехи (اهل كل صناعت)» профессиональные группы (طائفه) ЖИЛИ отдельно друг от друга» (Ибн Баттута II, 281,— цит. по: В л. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, стр. 126).

[27] Об организациях торговцев подробнее см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 257 260. 283.

были связаны между собой поэты, писатели разного направления, в частности авторы исторических сочинений и хроник, а также просто любители поэзии и вообще люди с культурными запросами. Общение таких людей в Бухаре конца прошлого века наиболее подробно обрисовано в мемуарах Садриддина Айни, который в юности сам был до известной степени вовлечен в эту среду. Он описывает собрания образованных людей того времени, любителей поэзии и умных разговоров, происходившие трижды в неделю в доме богатого представителя культурных кругов Бухары — Шарифджона махдума. По обычаю, для гостей готовилось угощение. Собравшиеся читали стихи, делились мнениями о происходивших в Бухаре того времени событиях, обсуждали характер и поведение известных в городе людей (в частности, должностных лиц), критиковали установившиеся в ханстве порядки[28]. Эти собрания, с их регулярностью, по форме были довольно близки к традиционным собраниям так называемых мужских союзов[29], которые были обычной и широко распространенной в Средней Азии формой проведения мужчинами досуга. С другой стороны, они напоминали пирушки, на которые хозяин приглашал определенный круг своих знакомых. Такие пирушки были очень распространены в Бухаре среди высших слоев населения. Но описанные Айни собрания у Шарифджона махдума отличались от тех и других весьма существенными чертами: гости Шарифджона махдума объединялись на основе близости духовных интересов и сравнительно высокого культурного уровня, иным было содержание бесед, отсутствовали обычные для традиционных мужских компаний развлечения. Характерным было также то, что в отличие от мужских союзов круг участников таких собраний отнюдь не ограничивался жителями одного квартала или части города, представителями одного сословия или социального слоя.

Культурные круги бухарцев конца XIX — начала XX в., описанные Садриддином Айни, были еще целиком связаны с бытом и характерными чертами феодального общества. Мемуары Айни как нельзя лучше показывают, в каких неблагоприятных условиях развивались тогда культура и культурные связи. Нарисованные писателем характеры отличаются большими странностями. Это люди, которых изуродовала атмосфера столицы Бухарского ханства. И в Самаркан

[28] Садриддин Айни, Воспоминания, М.—Л., 1960, стр. 383 И далее.

[29] См.: М. Ф. Гаврилов, Остатки ясы н юсуна у узбеков, Ташкент, 1929; Г. П. Снесарев. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии,— «Материалы Хорезмской экспедиции», выл. 7, М., 1963 (там же литература вопроса).

де, по этнографическим материалам, собранным нами, в начале XX в. образовался довольно широкий круг культурных людей, известных своим согражданам как поэты, знатоки литературы. Все они так или иначе были связаны друг с другом, хотя и не всегда были лично знакомы или близки. Естественно, что в тот период, особенно в Бухарском ханстве, эти связи охватывали сравнительно немногих; рядовые горожане вели жизнь, замкнутую в рамках жилого квартала или корпорации, их связи с обществом носили характер связей феодальных, хотя и более широких, чем на ранних этапах этой формации.

Видимо, на каком то этапе, пока неизвестном, но, возможно, достаточно раннем, общая для позднего феодализма тенденция к расширению общественных связей привела к сложению более широкого общения и в жизни пережиточных квартальных общин. Сохраняясь больше всего в области семейного быта, общинные связи начали перерастать рамки квартала. Прочные добрососедские отношения устанавливались между несколькими соседними кварталами. Их объединял обычай гостеваний друг у друга по поводу семейных праздников. Это составляло основное содержание связей между жителями соседних кварталов. Поэтому в таджикоязычной Бухаре такие кварталы назывались «ошхур у обхур» — «едящие и пьющие [вместе]», у таджиков Самарканда — «туй-хур». У узбеков, в частности в Ферганской долине, существовал имеющий тот же смысл термин «бир туйлаш».

Число объединяемых этим обычаем кварталов бывало различно и устанавливалось в каждом отдельном случае прочной традицией. Так, например, в Бухаре «ошхур у обхур» друг для друга были кварталы Гозиён, Чор харос, Заббиён, Махдуми Аъзам и Амон бой. Так же были связаны кварталы Суфиён, Моркуш, Мирджон-кельды и Косагарон, как и Мехтар Шафеъ, Арабон и Эшони пир. Различия в числе объединившихся кварталов и прочность этой, видимо, издавна сложившейся традиции позволяют предположить, что в такие группы объединялись кварталы, составлявшие некогда один квартал, который в ходе своего развития и роста населения расчленился на несколько отдельных кварталов. Как показывают сообщения пожилых людей, одной из главных причин такого членения была обременительность обычая приглашать на семейные пиры всех жителей своего квартала. Хотя между кварталами, составлявшими группу «едящих и пьющих вместе», также сохранялся обычай взаимных угощений, но он принимал менее обременительную форму. Из соседних кварталов приходили только мужчины, чаще всего десять человек; лишь в редких случаях, желая придать своему празднику больше блеска, из чужих кварталов при

глашали большее число гостей. Если приглашение на семейный праздник жителей своего квартала было обязательно для каждой празднующей семьи, то гостей из соседних кварталов могли приглашать не все семьи, а лишь очень состоятельные, занимающие высокое общественное положение. Когда вопрос об организации семейного празднества, в частности о приглашении гостей из соседних кварталов, обсуждался на предшествовавшем этому событию совещании (маслихат), старшина квартала обычно сам определял, исходя из общественного положения устроителя празднества, от скольких кварталов ему следует пригласить гостей. Если хозяин пира был человеком богатым, аксакал прямо указывал: «Вы пригласите семь (или десять) кварталов», менее состоятельным он говорил: «Вы пригласите только наших „пьющих и едящих"» («Шумо хаф гузара мегуйед, шумо дах гузара мегуйед, шумо обхур у ошхурамоя мегуйед»).

Описанное нами расширение бытовых связей и выход их за пределы квартала успели распространиться лишь на мужчин. Мир женской части общин почти полностью ограничивался своим кварталом. Женщину за пределы квартала выводили лишь родственные связи: она посещала своих родных, живших в других кварталах, да и то редко — главным образом при каких нибудь чрезвычайных событиях в их семьях.

Нам неизвестно, что еще, кроме совместных пиршеств, связывало между собой кварталы, входящие в коллектив «ошхур-у обхур», в Бухаре, где, как уже говорилось, жителей квартала не объединяли общественные работы, производимые общими силами, как и забота о водоснабжении квартала или нескольких соседних кварталов. Возможно, в других городах, не столичных, не обладавших привилегиями, последнее обстоятельство имело большее значение, хотя и в Самарканде, например, сообщения пожилых людей в первую очередь говорят об объединяющей роли общественных пиршеств.

Особой формой межквартальных или даже общегородских связей были связи, вызванные к жизни пережитком весьма архаического обычая традиционного соперничества между жителями отдельных частей городов и крупных селений. Коренясь в дуальной организации первобытного общества (С. П. Толстов) [30], этот древний обычай сохранялся в условиях классового общества вплоть до капитализма. В городах Средней Азии он не исчез до начала XX в. и мог быть изучен по этнографическим данным [31]. Соперничество было свя

[30] С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 283—284.
[31] О. А. Сухарева, Традиционное соперничество, стр. 121—129.

зано с отмеченным выше древним, но не изжитым и в начале XX в. делением городов на две — четыре части {даха, кытъа), население которых чаще всего образовывало соперничающие группы. В некоторых случаях в качестве противников про тивостояли жители двух или нескольких соседних кварталов, и это ограничение, видимо, надо рассматривать как резуль тат деформации старого обычая под влиянием роста городов и их населения, увеличение численности которого сделало не возможным прежние формы общения. Но в более малолюд ных городах сохранялись старые порядки, при которых со перничали жители не кварталов, а частей города. Так, в Шахрисябзе, где сохранилось более архаическое деление го рода на две части, они вставали друг против друга как два противника.

В городах, где это древнее деление города исчезло, пере крытое более поздним членением, традиция соперничества перешла на выделившиеся в ходе развития города более ста рые и более молодые районы. К таким городам относилась и Бухара. Там традиционно выделялись жители четырех районов, последовательно, в разное время вошедших в со став города: шахристанцы, регистанцы, калабадцы и джуй барцы[32]. Обычай соперничества был широко распространен в городах дореволюционной Средней Азии. Он отмечен не только в Бухаре, но также и в Карши, Пскенте, Ташкенте, Самарканде, Ходженте (ныне Ленинабад) и др. О глубокой традиционности этого обычая среди таджикского и узбек ского (сартовского) населения говорит его существование в далеком прошлом, засвидетельствованное письменными ис точниками в Фергане и городе Куча (VI в.), в Гургане, Ни шапуре, Мерве, Самарканде, Балхе (X в.) [33].

Постоянное соревнование, соперничество порождало так называемые «жестокие обычаи», проявлялось в драках и побоищах, напоминавших русские кулачные бои и имевших тот же генезис. Такие драки назывались «дук», «дукбози» [34].

Состязания между представителями соперничавших групп из разных частей города принимали в Бухаре весьма своеоб разные формы. По сообщению бухарского ювелира Касима Миракова (род. в 1875 г.), лично наблюдавшего, как они происходили, состязания устраивались весной за городскими воротами, куда собирались представители соперничавших

[32] Там же, стр. 124.

[33] Сведения об этом обычае, имеющиеся в письменных средневековых источниках, были подобраны С. П. Толстовым в его работе «Древний Хо резм», стр. 283—284.

[34] Этимология термина неясна. Вероятно, он происходит от тюркского «дукмок» — «бить, колоть» (дукиш — «драка»). См.: Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко татарских наречий, т. I. стр. 572.

групп. Сперва на круг выпускали бойцовых птиц — перепелов или петухов, потом баранов (тагол). После этого, все больше входя в азарт и ожесточаясь, переходили к состязаниям между людьми. Сначала борьба имела характер единоборства, сходились один на один (тан ба тан) посреди круга, образованного зрителями из обеих партий. В Бухаре драка носила очень своеобразный характер: договорившись, кому начинать, противники по очереди то наносили удары, то принимали их. Тот, кому предстояло принять удары, вставал поустойчивее, ухватившись обеими руками за ворот своего халата или рубахи. Противник, соблюдая известные правила, наносил ему удары, не встречая никакого сопротивления. Задача заключалась в том, чтобы устоять на ногах, проявить нечувствительность к боли, не попросить пощады; иногда уговаривались о числе ударов, иногда же каждый из противников бил до тех пор, пока был в силах. Когда бьющий наконец останавливался, принимавший удары спрашивал его, не нарушая правил вежливости: «Вы кончили?» («шудед-ми?») — и начинал бить в свою очередь. Первую пару сменяла вторая, вторую — третья. Постепенно в сражение вовлекались и другие члены обеих партий.

В других местах (Карши), видимо, единоборства не было — бой сразу принимал массовый характер и велся с таким ожесточением, что иногда приходилось вмешиваться властям и посылать наукеров бека для усмирения драчунов. Если при драке оказывался убитый, противная партия давала выкуп за кровь (хун) и все ее члены принимали участие в его уплате.

Драки регулировались общепринятыми правилами. Дрались кулаками (муштзани), ладонью открытой руки (торсаки), ногами (кокмазани или лингазани), коленями (зонузани) и головами (каллазани)[35]. Выдержать подобное испытание было, конечно, нелегко; для этого была необходима специальная тренировка. Наш информатор, Усто Касим, знавал человека, который ежедневно тренировался, ударяясь лбом о столб, поддерживавший крышу веранды в его доме. Садриддин Айни пишет, что хорошо натренированные участники таких состязаний, желая показать свое мастерство в бое головами, на празднествах разбивали о свою голову глиняные чаши, блюда, даже кувшины, выражая таким образом свой восторг от танца или песни[36].

Наряду с состязаниями, происходившими регулярно в определенное время года, в единоборство иногда вступали по какому нибудь особому поводу отдельные лица. Любопытно

[35] С. Айни, Воспоминания, стр. 489—491.
[36] Там же, стр. 482 (перевод этого места не совсем верен). См.: С. Айни, Ёдоштхо, III, Сталинобод, 1950, стр. 139.

отметить, что некоторые детали соревнований, описанных древними источниками, имеют черты близкого сходства с наблюдавшимися еще в начале XX в. В древней Фергане, так же как и в Бухаре начала XX в., сначала происходило единоборство; соперничавшие партии выбирали по одному представителю, которые сражались друг с другом, получая моральную поддержку от своей партии. В древней Куче, так же как в Бухаре, драке предшествовали бои животных, выставленных разными партиями. Как в древности, так и в начале XX в. соревнования устраивались весной (в древности их приурочивали к празднованию Нового года). Весьма любопытное объяснение дают соревнованиям древние авторы: по исходу боев судили об урожае предстоящего года. Это позволяет установить связь «жестоких обычаев» с магией плодородия, стремлением помочь творческим силам природы напряжением сил и проявлением мощи человеком. Эта сторона идеи, лежавшей в основе обычая, до сих пор не отмечалась; в частности, она не была указана С. П. Толстовым, проанализировавшим подобные обычаи в древней Средней и Передней Азии.

Отлившись в глубоко традиционные, хотя, конечно, не неизменные, формы и сохранившись до самого конца существования в Средней Азии феодальной формации, обычай соперничества был явлением весьма своеобразным и противоречивым по своему влиянию на жизнь народа; он одновременно разъединял и объединял соперничающих. Состязания на почве постоянного соперничества и драк вели к возникновению вражды и неприязни между жителями одного населенного пункта, и эта вражда была столь же традиционна, как и сам обычай соперничества. На эту сторону вопроса указал еще Макдиси (X в.), который отметил, что «в Мавераннахре мало городов, в которых мет распри»[37]. Та же черта характеризовала и быт городов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Традиционная распря, конечно, оставляла на всем быте горожан резкий отпечаток, постоянно противопоставляя друг другу жителей разных частей города. Это отмечали все наши информаторы, особенно по городу Карши, где обычай соперничества прочно сохранялся еще в предреволюционные годы[38].

Но необходимо отметить одну очень важную черту обычая соперничества: оно проявлялось только между частями единого целого — населенного пункта, жители которого были объединены историческими, экономическими и культурными связями, участием в общей жизни, вызывавшим необходи

[37] Макдиси BGA, III, стр. 336,— цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 205.

[38] О. А. Сухарева, Традиционное соперничество... стр. 127—128.

мость постоянного общения. Несмотря на порождавшуюся этим обычаем традиционную вражду, соперничество отнюдь не вело к разрыву общественных связей. Оно было одним из проявлений единства населения, своеобразной формой общественных связей, а не их разрушением. В силу диалектического противоречия сама вражда между различными группами тесно связанного между собой населения подогревала и оживляла взаимоотношения между жителями разных частей города, постоянно сталкивала их между собой. Жителям одной части города были хорошо известны имена, характеры и вся жизнь наиболее выдающихся или, наоборот, приобретших худую славу бойцов из другой части.

Все описанные традиционные проявления общественных связей между жителями различных частей города бытовали лишь в среде демократических слоев горожан. Господствовавшие классы стояли от этого в стороне. Это особенно резко проявилось на примере Карши, где центр города, обнесенный стеной, выделился как резиденция правителя и район проживания знати и богатого купечества, в то время как пригороды, сохраняя в полной мере характерные черты средневековых рабадов, были населены ремесленниками и земледельцами. Именно в их среде и жили традиции соперничества, от которого оставались в стороне жители центральной части города.

В Бухаре, где не было такого резкого территориального членения города, где не выделялись части, заселенные богачами и знатью, как и районы обитания бедноты или трудового люда, демократический характер описываемых отношений проявлялся в составе участников соревнований, выходивших главным образом из среды ремесленников.

Порожденный глубокой древностью обычай соперничества не утратил в жизни феодального общества практического значения, что, видимо, и способствовало его длительному сохранению. Этот обычай формировал в народном характере такие черты, давал людям из народа такие навыки, которые были исторически необходимы. Одним из результатов бытования этого обычая в среде народных масс было развитие патриотизма, правда, очень узкого, направляемого даже не на весь город, а лишь на свою часть или на свой квартал, но патриотизма очень живого и горячего. Состязания вырабатывали в народе боевые качества, дававшие необходимую в борьбе с постоянными напастями стойкость, без которой невозможно было бы противостоять жизненным испытаниям и бороться с нападавшим нередко на город внешним врагом. Вероятно, именно на традициях соперничества воспитывались смелость и мужество, не раз проявленные народными массами в тяжелую минуту. Известно, что в XIV в..

как и столетием позже, Самарканд от нападения монголов спасли не феодалы со своим обученным войском, а сами горожане. Ремесленники и крестьяне из пригородных селений сумели отразить наступление врагов, в частности «стоты сячной армии» хорасанского правителя Абулькасима Бабура, и нанести ему поражение[39]. В тех «пеших воинах», смелость и изобретательность которых приводили в замешательство феодальную конницу Бабура, мы с полным основанием мо жем видеть представителей народа, взявшего в свои руки оборону города; ведь известно, что феодальное войско в Средней Азии состояло из всадников. Простой пород не обу чался военному делу, которое считалось привилегией и искон ным занятием военно служилого сословия и феодалов. По этому вряд ли люди из народа могли бы выступать как зна чительная военная сила, если бы в этой среде не было ус ловий для приобретения определенных навыков и боевого духа. Весь строй феодального общества самыми жестокими мерами воспитывал народные массы в покорности и смире нии, а их боевые качества принципиально отрицались и, во всяком случае, не поддерживались. «Средневековые феода лы считали участие народных масс в войнах нежелатель ным»[40]. При таком положении не было условий для выра ботки в народном характере боевых качеств. Однако в пе риод феодализма, с его постоянными войнами и нашествия ми, не раз возникала такая ситуация, когда простой народ должен был подниматься на самозащиту и отстаивать свою независимость. Вероятно, именно эта жизненная необходи мость являлась причиной сохранения глубоко пережиточного института соперничества, породившего «городских удальцов» и традиции «мужских союзов». В этих своеобразных органи зациях складывались нужные для борьбы с врагами навыки и приемы, воспитывались стойкость и воинственный дух, кото рые в мирное время проявлялись в драках, соперничестве и жестоких забавах.

Мужские союзы сравнительно хорошо изучены, и здесь нет надобности на них специально останавливаться. Но в Бу харе (а можно думать, что и в других городах) существовал еще один институт, который, по существу, играл ту же роль. Мы имеем в виду связанную до некоторой степени с сопер ничеством организацию так называемых удальцов (олуфта). Эта организация до сих пор была отражена только в ме муарах Садриддина Айни, который довольно подробно опи сал ее, заметив, что к началу XX в. этот обычай уже вы

[39] О. Д. Чехович, Оборона Самарканда в 1454 г.,— «Изв. АН УзССР. Серия общественных наук», 1960, № 4, стр. 43.
[40] Там же.

шел из народной практики[41]. Поэтому изучение его в наше время чрезвычайно трудно, так как единственным источником может быть этнографический материал — воспоминания пожилых людей, а найти среди них людей, могущих рассказать о годах, лежащих за пределами начала XX в., уже почти невозможно. Членов организации «удальцов», которую цементировали неписаные, но строгие правила, объединяло в своеобразное товарищество понятие о чести, требование бесстрашия, мужества и удальства, верности в дружбе и непреклонности в ненависти, твердого соблюдения данного слова, если оно подтверждено клятвой. Соблюдение клятвы считалось настолько обязательным, что нарушение ее влекло за собой изгнание из среды «удальцов» и за таким человеком навсегда утверждалась худая слава «немужчины». Если кто либо наносил «удальцу» оскорбление, тот должен был тем или иным путем — обычно в единоборстве — получить удовлетворение. Если же оскорбленный не находил в себе мужества и оставлял обидчика безнаказанным, он также изгонялся из организации.

Члены организации разделялись на три категории (или три ступени), которые связывались с возрастом, а главное — с предоставлением доказательств своей зрелости и мужества. Чтобы перейти в мнении товарищей (иного критерия не было) на следующую, более высокую ступень, надо было показать себя в деле (корномахо нишон додан): проявить храбрость, овладеть всеми традиционными приемами боя, применяемыми в состязаниях, выработать в себе боевые качества и приобрести в этом деле опыт.

Требования, предъявляемые к каждой ступени, относились и к внутреннему, и к внешнему облику членов организации. Внутренняя сторона выражалась во все большем овладении боевыми приемами и моральном росте, внешний облик определялся и манерой держать себя, и установившимся стилем одежды.

Молодые юноши, по большей части ученики ремесленных мастерских, составляли среди «удальцов» первую ступень. Они назывались «нимтаёр» • — «полузрелыми» (букв. «полуготовыми»). Отличительными чертами их костюма были рубахи с закрытым воротом, кожаные калоши на высоких каблуках, надетые на босу ногу, и коротко отпущенный конец («мышиный хвост») навитой очень плотно чалмы. К поясу из свернутого углом платка они подвешивали пару небольших ножей в ножнах.

Когда «полузрелые» постигали все приемы боя и доказы

[41] С. Айни, Воспоминания, стр. 481 и далее; С. Айни, Ёддоштхо, III стр. 139 и далее.

вали на практике свою силу и ловкость, им давалось звание «таёре» — «зрелых» (буки — «готовых»). Это была вторая ступень. «Зрелые» ходили в сапогах на высоких подборах, подпоясывались кушаком в виде длинного куска ткани и носили у пояса большой полуаршинный нож. Они одевались в легкие халаты без рубахи, носимые всегда нараспашку, чалму навертывали плотно, придавая ей плоскую форму, по фасону, который назывался в Бухаре «корзиночным». Конец чалмы выпускался более длинный, чем у «полузрелых».

На самой высокой ступени находился «молодец из молодцов», или «муж мужей» (марди мардон). Это звание мог носить только один человек. Он признавался главой всех удальцов своего времени. Его одежда отличалась подчеркнутой простотой: на босых ногах были надеты остроносые калоши из грубой замши без каблуков, на голове — маленькая чалма с длинным спущенным на спину концом, как носят афганцы. И зиму, и лето он ходил в одном бумажном халате, который был у шеи скреплен завязками. Поясом служил дешевенький платок, на котором висел ножичек для очинки камышовых перьев — другого оружия «молодец из молодцов» не носил. Когда «молодец из молодцов» умирал или его лишали этого звания за какой нибудь проступок, на его место выбирали другого из числа «зрелых». Звание «молодца из молодцов» мог оспаривать любой из «зрелых», если он чувствовал себя к этому подготовленным. В таком случае новый претендент вызывал «молодца из молодцов» на поединок и вопрос решался исходом драки. Будучи побежденным, «зрелый» навсегда изгонялся из среды «удальцов», так как считалось, что, вызвав на поединок их главу без достаточной подготовленности, он позволил себе недопустимую дерзость, оскорбительную как для «молодца из молодцов», так и для всей организации.

Поведение «удальцов» и в своей среде, и в обществе определялось неписаным каноном. Они должны были держать себя скромно, но с достоинством, быть находчивыми в ответах, чтобы всегда уметь отразить метким словом насмешку или недостаточно уважительное отношение к себе или к своим товарищам. Между собой они должны были поддерживать дружбу и единство, защищать более слабых.

Айни считал, что «удальцы» играли в жизни бухарцев положительную роль: они защищали тех, кого кто то обижал, безжалостно расправлялись с хулиганствующими элементами. Их авторитет, особенно «мужа мужей», был настолько высок, что было достаточно пройтись вместе с ним по улице, чтобы никто не осмелился обидеть того, кому покровительствует известный в городе уважаемый «удалец».

Институт «удальцов», несомненно, имел глубокие истори

ческие корни. Их можно было связать со средневековыми аййарами, которые имелись и в Бухаре, (это доказывает упоминание «башни Аййаров» в источнике XV в. «Книге Мулло зода»). Однако в исторической литературе до недав него времени не было данных, которые позволили бы сде лать это с достаточным основанием. Эту возможность дало исследование О. Г. Большакова, собравшего и связавшего воедино разрозненные сведения об аййарах, имевшиеся в письменных источниках[42]. В научный оборот поступили фак ты, которые позволяют сопоставить описанных выше бухар ских «удальцов» со средневековыми аййарами. Между ними обнаруживается несомненное и очень близкое сходство. Схо ден их моральный кодекс, понятие о чести, которую надо защищать любой ценой; общей чертой является наличие гла вы организации — «раиса молодцов» у аййаров и «молодца из молодцов» у «удальцов». Аналогии между бытом и об ликом тех и других бросаются в глаза. Но аййары и «удаль цы» были разделены хронологически почти пятью столетия ми, и, конечно, этого нельзя не учитывать. Вероятно, больше всего изменилась роль «удальцов» в жизни общества. Судя по имеющимся далеко не полным данным, удальцы не при нимали такого участия в политической жизни города, как в свое время аййары. Но и тем и другим была свойственна од на важная черта: эта организация сложилась в среде трудо вого населения городов, в частности среди ремесленников.

Этнографический источник позволил более полно и кон кретно изучить организацию «удальцов» (хотя эта полнота весьма относительна), и потому сведения о ней, касающие ся гораздо более позднего периода, несомненно, представ ляют большой интерес для лучшего понимания жизни и бытового уклада средневекового города. Такое своеобразное явление, как организация «удальцов» в Бухаре конца XIX — начала XX в., в свою очередь, становится более понятным в своих корнях после того, как в исследовании О. Г. Боль шакова вырисовались с достаточной конкретностью средне вековые аййары. Устанавливается факт исторической преем ственности, хотя пока корни этого сложного явления еще не вполне ясны.

Моральный кодекс и некоторые обычаи «удальцов» (за щита чести, своеобразные турниры, испытания смелости и силы) позволяют сравнить их со средневековыми рыцарями Европы. Но существовало между ними и коренное, принци пиальное различие. Почвой, на которой выросла организа ция «удальцов», были не высшие классы, не аристократия,

[42] А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Боль
Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 341—346.

как у рыцарства Западной Европы, а демократическая среда ремесленников. Ярким выражением этого демократизма было отрицательное отношение бухарских «удальцов» к немногим представителям привилегированных классов, примкнувшим к этой организации. С. Айни сообщает, что после смерти последнего «молодца из молодцов» было несколько претендентов на это звание, из которых только один соответствовал ему по своим личным качествам. Однако «удальцы» воспротивились его избранию, мотивируя это тем, что он «родом из ходжей и знати», почему и не может быть их главой.

В последний период существования Бухарского ханства организация «удальцов» начала разрушаться и терять свои высокие «рыцарские» традиции. С. Айни связывает это с распространением в Бухаре пьянства, вызванного, по его представлению, открытой продажей там спиртного, что раньше строго воспрещалось (хотя, как известно, втайне и существовало). В действительности упадок института «удальцов» был порожден разложением феодализма, что и приводило к деформации или исчезновению выросших на его почве обычаев и бытового уклада.

Проведенное нами исследование быта квартальных общин и различных форм межквартальных и более широких, внутригородских связей показывает, что жилой квартал Бухары до конца феодального периода сохранял свое значение основной единицы членения города, как и свой традиционный быт, в котором черты общины переплетались с отношениями, порожденными классовым строем общества. Внутри квартала замыкалась до известной степени жизнь горожан: здесь сложились условия, поддерживавшие пережиточный общинный уклад, способствовавшие сохранению его в народном быту до самых поздних этапов истории феодального общества. Но наряду с ограниченностью быта горожан рамками квартальных общин развитие феодального города вызвало появление целого ряда взаимосвязей, которые соединяли друг с другом соседние кварталы, объединяли живших в разных кварталах горожан на почве общей профессии. Они же породили своеобразные формы общения городской молодежи из плебса — состязания, а также организации «удальцов». Все эти формы общения горожан, прослеженные нами на примере Бухары, сложились в далеком прошлом, иногда ведут свои истоки из древнего, доклассового общества, как это можно положительно утверждать в отношении пережитков общины. Другие формы общественных связей, такие, как

объединение ремесленников в профессиональные корпорации, были вызваны к жизни условиями феодального общества.

Вплоть до конца феодальной формации город оставался в значительной степени «социально раздробленным», «лишенным общих связей»[43], и вскрытый настоящим исследованием замкнутый быт квартальных общин дополнил эту характеристику. Но наряду с тем обнаружились и общественные связи, в какой то степени преодолевавшие эту замкнутость. Следует думать, что они появились и все больше расширялись, вовлекая в общение всё более широкие круги населения, по мере развития феодального города. Особенно ясно обнаруживается это в жизни профессиональных корпораций. Совпадая, вероятно, в прошлом с границами квартала и сохраняя эти рамки в слаборазвитых ремеслах, корпорации ремесленников начинали все более расширяться по мере развития того или иного промысла, охватывая то несколько соседних кварталов, то целые районы города, где в ходе развития промышленности сложились самостоятельные центры промысла. Как мы видели, в условиях наиболее развитого ткацкого промысла единая профессиональная корпорация связала между собой постоянными связями население четырех отдаленных территориально друг от друга районов города и пригородов. Широта этих общественных связей, не свойственная выработанным феодализмом формам организации, вызвала новое явление в жизни ремесленников — членение ремесленной корпорации на несколько частей по территориальному признаку.

Для изучаемого периода — периода зарождения внутри феодального общества новых капиталистических отношений — характерным оставалось все же сохранение в быту горожан замкнутых традиционных форм общественного быта, сложившихся под влиянием закономерностей феодальной формации. Это еще раз подтверждает сделанный на основе анализа других сторон жизни горожан бухарцев вывод о том, что вплоть до Октябрьской революции Бухара оставалась в своей основе городом феодальным.

[43] И. П. Петрушевский. Городская знать в государстве Хулагидов, стр. 88.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КВАРТАЛЫ БУХАРЫ В КОНЦЕ XIX— НАЧАЛЕ XX в.

Для изучения кварталов среднеазиатских городов конца XIX— начала XX в., когда они сохраняли сложившийся в период феодализма внутренний строй и внешний облик, может быть широко привлечен источник этнографический. Он был основным при изучении автором бухарских кварталов. Опросные сведения, полученные от старожилов каждого квартала в отдельности, позволили охватить весь город в целом, выявить особенности каждого квартала и определить действительное число их в этот период.

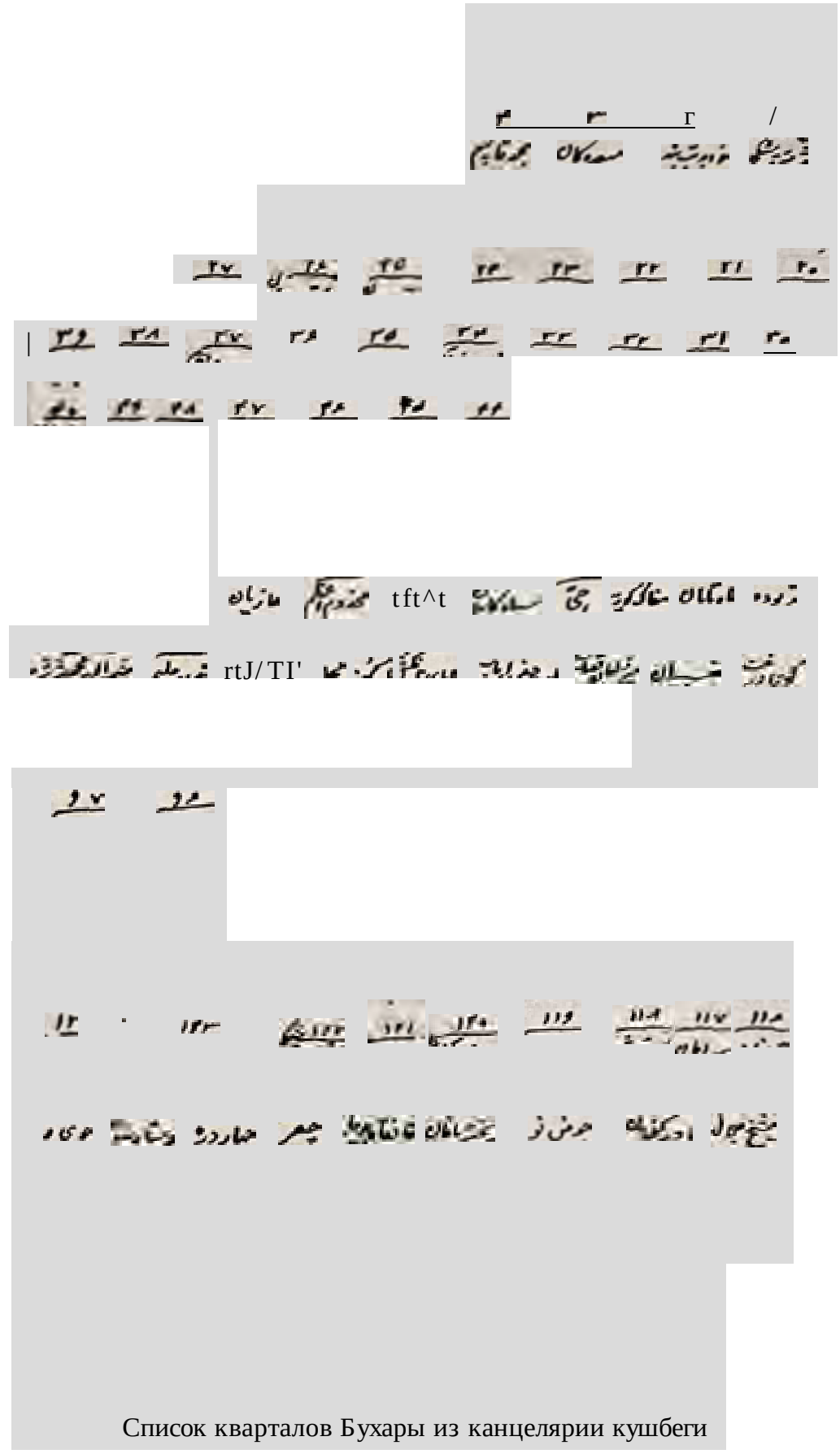
Несмотря на то что кварталы сохранялись почти в неприкосновенности еще в довоенный период, вопрос о числе кварталов Бухары не был ясен ни для самих жителей города, ни для тех, кто его изучал. По этому поводу были высказаны разные мнения.

Бухарцы были твердо убеждены, что в их городе было 360 кварталов. Мы встречаем эту цифру и у европейских авторов конца XVIII — первой половины XIX в. Они говорят о 360 мечетях города. Эту цифру назвали побывавший в Бухаре в конце XVIII в. Бурнашев[1], Мейендорф и «очевидец»[2], посетившие Бухару в 1820 г., Н. Ханыков, который приезжал сюда в 1841 г.[3] Ту же цифру называли автору этих строк старики бухарцы в 1947—1950 гг. Не остается сомнений, что источниками всех подобных сведений в литературе также были сообщения бухарцев, опиравшихся на прочную, но тем не менее ошибочную традицию. Изучение города в натуре, обследование и фиксация на плане всех без исклю

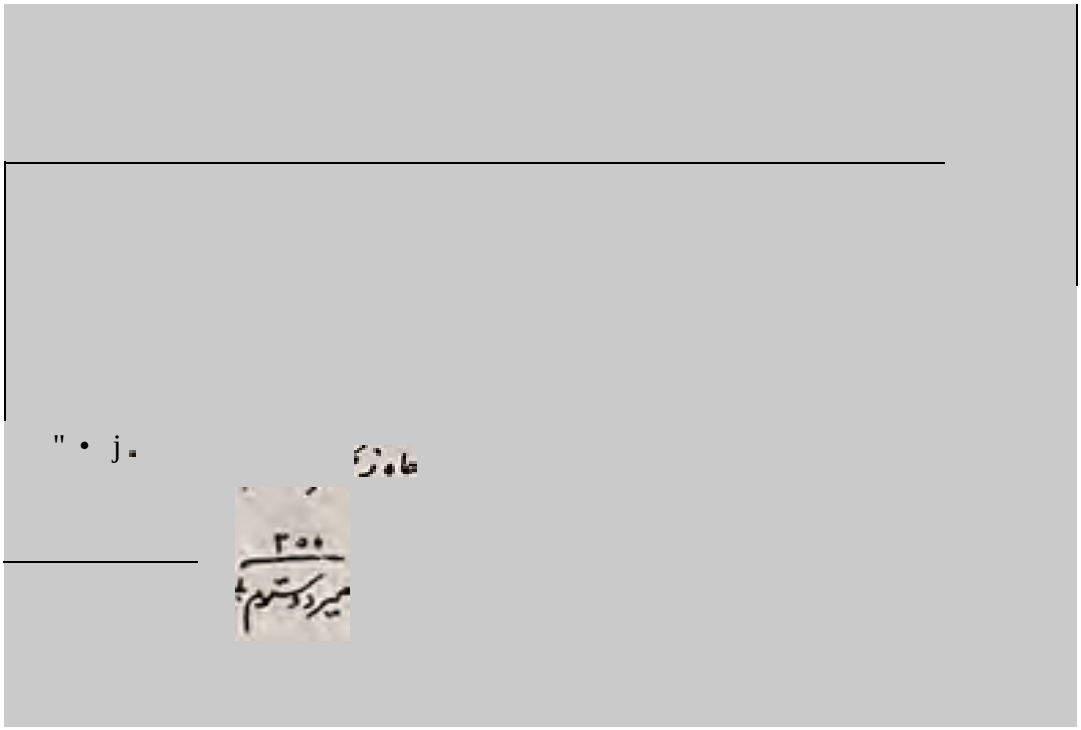
[1] «Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году»,— «Сибирский вестник», 1818, ч. 2, стр. 280.

[2] G. Meyendorff, Voyage d'Orenbourg a Boukhara fait en 1820, Paris, 1826, стр. 180; «Русские в Бухаре в 1820 г. (Записки очевидца)»,— «Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г.», стр. 24.

[3] Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 87. Ханыков говорит о 360 мечетях «по числу улиц», из чего ясно, что речь идет о квартальных мечетях, а следовательно, и о кварталах.



Список кварталов Бухары из канцелярии кушбеги



Список кварталов Бухары из канцелярии кушбеги (продолжение)

чения кварталов показали, что цифра эта не соответство вала действительности. По видимому, и в сознании местных жителей число 360 не являлось абсолютным, означая скорее всего просто множественность, оно называлось также и при определении числа домов в самых крупных кварталах, и каждый раз проверка показывала значительное преувели чение.

Эмирскими властями кварталы регистрировались. Пись менным документом были списки (дафтар). О них сообщал еще Н. Ханыков, несомненно, со слов бухарцев. Ему «об стоятельства не позволили ознакомиться с дафтарными за писями»[4]. По сообщению подтвердивших эти сведения бухар цев, дафтары имели вид свитков (лула), хранившихся в футлярах. Никому из моих информаторов читать их не до водилось.

В огромном архиве канцелярии кушбеги (хранится в Государственном архиве УзССР в Ташкенте) пока официаль ных дафтарных записей не обнаружено. Найденный среди других документов единственный пока список кварталов име ет совсем иной вид; он написан не по имевшимся в Бухаре традициям, а скорее на европейский манер, хотя и на тад жикском языке, на трех листах бумаги фабричного произ водства и имеет заголовок «Названия кварталов благородной

[4] Там же, стр. 96.

Бухары» (نامهای گذرهای بخارای شریف)[5]. Названия кварталов размещены в строчку, каждое имеет порядковый номер, над писанный сверху цифрами и подчеркнутый прямой чертой. Всего в списке 202 названия. Список не датирован. Харак тер документа позволил обнаружившей его К. Х. Хакимо вой предположить, что он мог быть составлен в канцелярии кушбеги для Российского политического агентства в Бухаре. Если это так, то список относится к концу XIX — началу XX в., что соответствует и его внешнему виду. Однако в чи сле кварталов, названия которых в большинстве употреб лялись и в начале XX в., мы находим несколько более ран них, к этому времени не только вышедших из употребления, но и забытых. Это может свидетельствовать о том, что дан ный документ скопирован со списка, составленного много раньше.

Второй список местного происхождения недавно обнару жен в архиве востоковеда А. Л. Куна[6]. Не вызывает сом нений, что его составил какой то бухарец, вероятно по пору чению Куна. Это видно из написанного на той же странице письма, адресованного, очевидно, Куну, в котором соста витель списка и дополняющих его сведений просит сообщить о своей заслуге «генералу» и выражает надежду получать подобные поручения {а вместе с тем и вознаграждение) и в дальнейшем. Содержащееся в этом документе подробное описание еженедельных базаров, в основном происходивших в окрестных селениях, может указывать на принадлежность составителя списка к бухарскому купечеству средней руки, торговые связи которого ограничивались близлежащими рынками. Этот список содержит 197 названий кварталов, к которым надо добавить названия трех еврейских слобод, упо минаемых отдельно. Однако за списком следует подытожи вающий его текст, в котором в противоречии со списком го ворится, что в Бухаре 230 кварталов и 37 из них — это квар талы Джуйбара. Это противоречие, как и явное преувеличе ние числа кварталов в Джуйбаре, где их было 16—20, пока зывает, что список неточный. При всем том он очень ценен: помимо того что мы имеем самый ранний из известных спи сков кварталов Бухары, в нем содержатся сведения о при близительном (خانه) числе домов в каждом квартале, о на личии или отсутствии там школы (мактаб) и о числе учени ков в каждой из них. Нельзя не пожалеть, что этот источник до сих пор оставался неиспользованным: его публикация в

[5] ГА, ф. 126 (Канцелярия кушбеги эмира Бухарского), оп. 1, ед. хр. 73.

[6] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Архив А. Л. Куна, ф. 33, оп. I, д. 217, 30 лл.

свое время составила бы заметную веху в истории изучения Бухары. В руки автора этих строк он попал также слишком поздно, после того как многое было выяснено путем опроса старожилов и привлечения актового материала.

Вопрос о числе кварталов Бухары конца XIX — начала XX в. в известной мере был решен при составлении в начале XX в. плана Бухары военными топографами Парфеновым и Фещлым, снабдившими план подробной эксплика цией. На этом плане обозначено 218 мечетей, из которых при проверке квартальными оказалась 201. Этот план затем использовался при исследованиях в советское время, уточнялся М. Саиджановым, зафиксировавшим 197 мечетей, и Л. И. Ремпелем.

В списке, составленном М. С. Андреевым к плану последнего, в разделе «Гузарские мечети» значится 204 номера, в которые ошибочно занесены несколько названий, являвшихся вторыми, а иногда и третьими названиями одного и того же квартала.

Автор настоящей работы имел также возможность ознакомиться со списком кварталов, составленным в 1925 г., когда производилось укрупнение слишком мелких кварталов в более крупные административные единицы. В этом списке мы находим 192 старых квартала.

Как мы видим, в вопросе о числе кварталов Бухары между разными источниками имеются значительные расхожде ния. Уточнить эти данные было одной из задач автора этих строк. Ее осуществление во время работы в конце 40 х годов представляло значительные трудности, так как в те годы город уже сильно изменился. Некоторые районы запустели, в черту города вошла территория, которая до революции находилась за городской стеной и считалась сельской, многие жители перешли в другие кварталы или выехали из Бухары.

Однако принятый метод — обследование каждого квартала в отдельности, сопровождавшееся установлением его границ с другими кварталами и локализацией на плане,— позволил собрать сведения достаточно полные и надежные.

Таким образом, в Бухаре конца XIX — начала XX в. было выявлено 220 кварталов; в это число входят три еврейские слободы. Названий кварталов записано 250. Из них 30 названий при проверке оказались вторыми или третьими назва ниями уже учтенных кварталов. В трех случаях одинаковые названия носили два разных квартала. Эти данные, видимо, наиболее точны и отражают действительное число и состав кварталов Бухары конца XIX — начала XX в.

Второй задачей исследования было выяснение характера жилых кварталов. Сведения, полученные от старожилов, ох

ватывают такие вопросы, как число домов в квартале, этническая принадлежность, а иногда и история появления его жителей в Бухаре, занятие населения квартала, наличие в нем общественных, в частности культовых, зданий, кладбищ, святынь. Были записаны также легенды и предания, объясняющие названия квартала или его частей. Такие материалы дали возможность охарактеризовать все кварталы Бухары указанного периода во всем их многообразии. Многие особенности их сложились и были им присущи и в более или менее отдаленном прошлом. Давно сформировалась основная часть населения каждого квартала, определились его занятия, нередко носившие традиционный для данной группы характер, появились на территории квартала те или иные здания, торговые ряды, святыни и кладбища. В процессе развития города (его расширения в одни периоды, уменьшения по площади и плотности населения в другие) установились или были утрачены те или иные связи города с внешним миром, что издавна определило направление и характер уличных магистралей.

Конечно, все обнаруженные исследованием особенности кварталов не представляли собой чего то вечного и неизменного. Квартал был живым социальным организмом и переживал определенную эволюцию. При определенных обстоятельствах его характер мог измениться, при других создавались условия для длительного сохранения его черт. Но во всех случаях — при условии, что квартал по какой либо причине длительно не запустевал,— среди его населения имелся контингент потомков его старых жителей, а вместе с тем сохранялись и сложившиеся в нем традиции.

Это свойство жилого квартала, обнаружившееся при исследовании, приводит к убеждению, что достаточно подробные характеристики всех без исключения кварталов города представляют собой в совокупности богатый и своеобразный первоисточник, который будет иметь ценность для историков всех специальностей, занимающихся изучением феодального города.

Как известно, во многих старых среднеазиатских городах сохранялось древнее деление города на две или четыре части, в каждую из которых входили определенные кварталы. Исторические источники свидетельствуют, что такое деление имелось в прошлом и в Бухаре. Однако здесь оно давно исчезло, оставив следы лишь в архаических народных обычаях соперничества, заменившись делением городского населения на четыре части, территория которых в разное время вошла в состав города[7].

[7] См.: О. А. Сухарева, Традиционное соперничество..., стр. 123.

В Бухаре, где древнее четырехчастное деление сохранялось гораздо слабее, чем в других среднеазиатских городах, хотя оно и могло быть нащупано при исследовании, обнаружилась традиция членения города на 12 «микрорайонов». К началу XX в. эта традиция была основательно забыта, и опросы населения, производившиеся уже в советское время, не дали сведений об этих «микрорайонах» (в сознании бухарцев четко выделялся лишь один «микрорайон» — Джуйбар). Однако А. А. Семенов, наблюдавший Бухару в самом начале XX в., установил, что город делился на 12 частей — джарибов. Он трактовал это деление лишь в плане административном, как способ организации в городе полицейского надзора, осуществлявшегося эмирскими властями[8]. Такая трактовка установленного им факта до недавнего времени не подвергалась сомнению. Однако поступивший недавно в научный оборот новый источник — план Бухары, выполненный в начале второй половины XIX в. рукой местного жителя и сохранившийся в архиве востоковеда П. И. Лерха, заставляет искать в этом делении более глубокие корни[9].

Неизвестный автор плана, очевидно отразивший имевшееся в то время представление о структуре города, разделил территорию Бухары на 12 частей, названных им «махалла». Видимо, в тот период, когда был выполнен план из архива Лерха, эта структурная ступень еще сохранялась в сознании бухарцев. Та же традиция была выявлена для Ходжента (ныне Ленинабад) Н. Турсуновым, обнаружившим там наряду с традиционным делением города на две части и на множество жилых кварталов объединение соседних кварталов в группы, называвшиеся роат[10]. Можно думать, что эта структурная ступень сложилась в ходе развития феодального города, как следствие появления сравнительно крупных городов, их роста и усложнения их структуры. Это явилось результатом постоянно протекавшего процесса образования новых кварталов либо путем членения старых, либо вследствие превращения в кварталы вошедших в городскую черту сельских пригородов. В каждый «микрорайон» входили

[8] А. А. Семенов, Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени,— «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», Сталинабад, 1954, стр. 48.

[9] Этот план был обнаружен в архиве востоковедом Р. Гафуровой и издан А. Р. Мухамеджановым, приписавшим его, как я полагаю, ошибочно, Ахмади Доништу. См.: А. Р. Мухамеджанов, Историко-топографический план Бухары Ахмада Доништа,— «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 5. Анализ этого плана выполнен также автором настоящих строк в издающейся статье «Новые данные о структуре феодального города». План этот, видимо, был вывезен Лерхом из Бухары, которую он посетил в 1858 г. и там заказал вычертить план какому-то бухарцу.

[10] Турсунов, Ходжент и его население, стр. 26.

кварталы, близкие, вероятно, не только по территории, но и по происхождению.

«Микрорайоны» оказались не таким стойким и гибким элементом структуры городов, как 2—4-частное деление или деление на жилые кварталы. К началу XX в. от них оста вались лишь слабые следы, и потому они ушли в прошлое неизученными, не выявленными не только в Бухаре, но и в других среднеазиатских городах [11].

Но в середине XIX в., когда был создан план из архива Лерха, эта структурная ступень, видимо, еще сохранялась в сознании бухарцев, хотя ее четкое понимание исчезло, о чем свидетельствуют многие неточности и несообразности, которые можно видеть на этом плане.

Так как теперь уже двумя разными свидетельствами удо стоверено, что еще в начале XX в. бухарские кварталы объ-единялись в «микрорайоны» — джарибы или (в соответствии с планом) махалла, характеристику кварталов целесообразно давать по этим «микрорайонам», однако следует оговорить, что границы между ними неточны и пограничные кварталы в ряде случаев могут быть отнесены с равным основанием к тому или иному из соседних «микрорайонов». Я выделила «микрорайоны», опираясь, с одной стороны, на план сере дины XIX в. (хотя он во многом неточен), а с другой — на особенности разных частей города и на традиции соперниче ства, учитывая также факты исторической топографии Бу хары.

Из двух терминов, употребленных нашими источниками для обозначения «микрорайонов», — джариб и махалла — бо лее удобным кажется выбрать первый, так как термин «ма халла» употреблялся и употребляется в нескольких значе ниях [12].

На плане из архива Лерха обозначены следующие «ми крорайоны» махалла: I. Козиён (северный), II. Моркушон (северо восточный) [13], III. Гаукушон (восточный), IV. Бозори

[11] Не выявлено, например, подобное членение сравнительно хорошо изученного в отношении структуры Ташкента. В Самарканде имелось объединение кварталов в группы, которые назывались «ошхур» — «уго щающиеся» (на свадьбах и других празднествах друг у друга), но, види мо, это объединение было несколько иным, чем «роат» в Ходженте и «ма халла» (в описанном выше смысле) в Бухаре.

[12] О термине «махалла» см.: О. А. Сухарева. О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии, — «Народы Азии и Африки», 1965, № 6, стр. 102—104.

[13] В Бухаре начала XX в. имелся квартал Моркуш, но он находился совсем в другом месте — на западе, прилегал к проспекту Хыёбон. Воз можно, в названии махалла Моркушон, которое донес до нас план, от разилось древнее название городских ворот Мардкушон (у В. В. Бар тольда — Мердкушан) по его предположению — из Мардкуша. См.: Сочи

ходжа (к югу от Гаукушон), V. Суфиён (юго восточный), VI. Хыёбон (южный), VII. Адрасбофон (юго западный), VIII. Джуйбор (западный), IX. Кулолгарон (западный), X. Чашма Аюб (северо западный), XI. Мурдашуён (северо северо-западный), XII. Регистон (центральный).

Как расположение этих махалла на плане, так и назва ния, в которых мы встречаем известные нам в большинстве топонимы, настолько не соответствуют действительным райо нам, связанным с указанными топонимами, что принять их можно только с большими коррективами. Здесь приходится учитывать, в частности, то, что конфигурация городской тер ритории на плане сильно искажена и это породило искаже ния в расположении районов города [14].

Этнографические данные и изучение топографии города позволяют наметить следующие «микрорайоны»: I. Шайх Рангрез (юго восточный), II. Турки Джанди (южный), III. Джуйбар (юго западный), IV. Чашма Аюб (северо за падный), V. Регистон (северный, расположенный между се верной стеной и площадью Регистан), VI. Хыёбон (район к востоку от Джуйбара), VII. Мурдашуён (к югу от арка), VIII. Суфиён (к востоку от джариба Хыёбон), IX. Гаукушон (центральный район, к западу от торговых купольных пас сажей Токи Заргарон и Токи Тельпак), X. Шахристон (тер ритория древнего шахристана), XI. Искандар хон (северный, к северу от арка, между воротами Хазрат Имом и Самарканд скими), XII. Калобод (северо восточный) [15].

Переходим к описанию кварталов по джарибам, сохра няя для всего города их сквозную нумерацию [16].

нения, т. Г, стр. 153—154). В. В. Бартольд отождествляет их с более позд ним» воротами Саллаххона находившимися в юго восточной стене, но, судя по плану, они должны были быть в северо восточной стене. Автор этих строк имел случай показать, что не все сопоставления В. В. Бартоль дом древних ворот с современными (т. е. с воротами начала XX в.) пра вильны (О. А. Сухарева. К истории городов..., стр. 35, 36). К тому же выводу пришел О. Г. Большаков, уточнивший порядок перечисления во рот Бухары и нашедший, что они перечислялись у арабских географов не по часовой стрелке, как полагал Бартольд, а в обратном направлении (А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средне вековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 244 и др.). Для указанных ворот он принял написание Мардакаше, не обосновав свой отказ от про чтения их названия В. В. Бартольдом (возможно, опечатка?).

[14] См.: О. А. Сухарева, Очерки по истории среднеазиатских горо дов — сб. «История и культура народов Средней Азии» (в печати).

[15] Названия джарибов даны в соответствии с названиями махалла на плане из архива Лерха в тех случаях, когда это соответствовало рас положению известных топонимов. Если подлинное название «микрорайо на» установить нельзя, для джариба принято название первого или само го крупного из входящих в него кварталов.

[16] Порядок кварталов продиктован принятым на плане Парфенова — Фенина порядком, который можно считать целесообразным.

1. Этнографическое описание кварталов

Джариб первый. Шайх Рангрез

Микрорайон Шайх Рангрез занимал юго восточный угол города, прилегая к городской стене между воротами Кавола (Каршинские) и Саллаххона. Эта территория вошла в чер ту города, видимо, после перестройки стены в XVI в. Нахо дившиеся здесь кварталы носили характер окраинных. Их экономическое значение было сравнительно невелико. Хотя население этих кварталов в основном перешло к город ским занятиям и здесь тоже жили ремесленники и торгов цы, но концентрации какого нибудь крупного ремесла не на блюдалось, не было и крупных или хотя бы средних рынков.

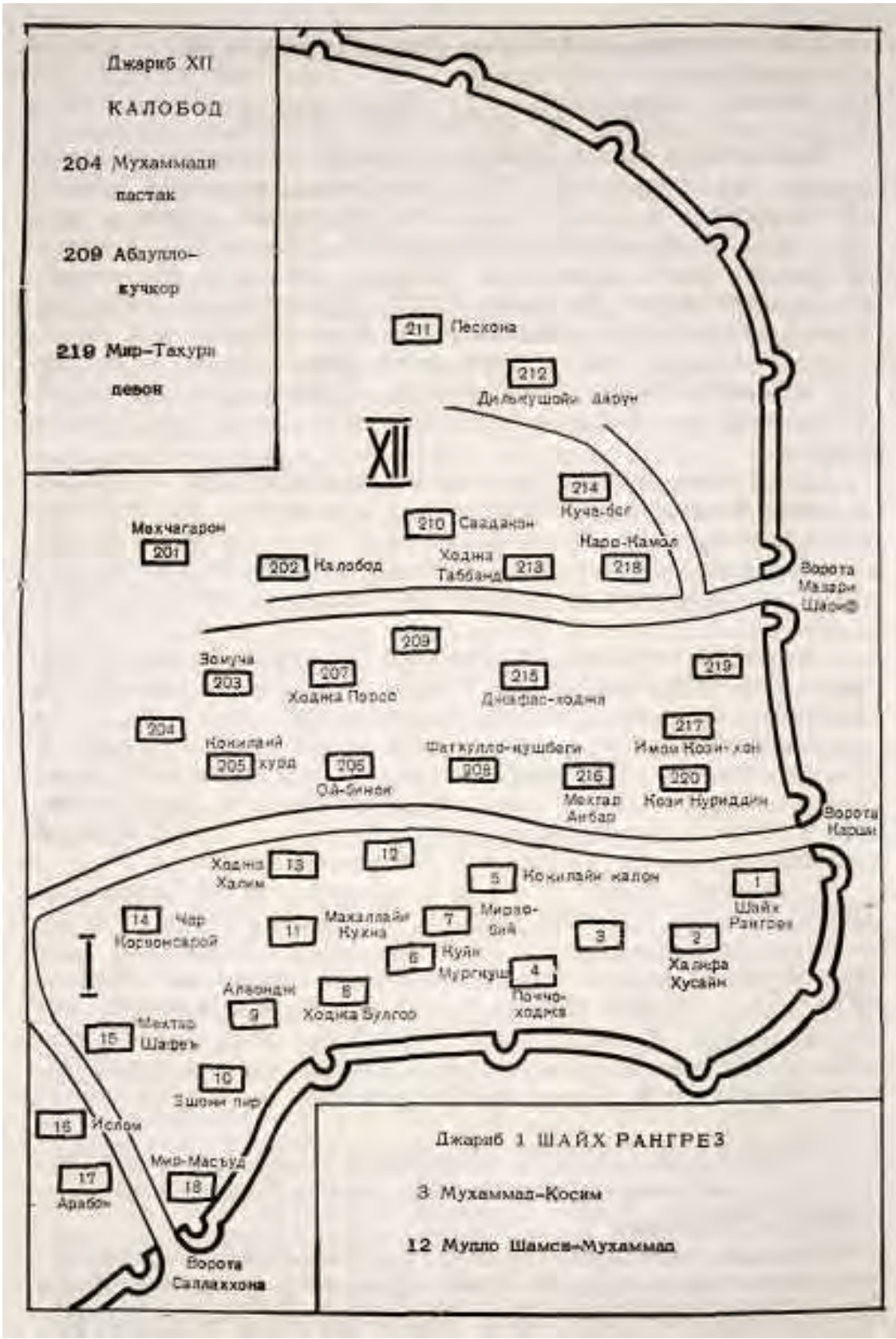
Из ремесел больше всего были представлены сапожные, а также кожевенные, обработка и сортировка каракулевых шкурок; все это были ремесла, чаще всего (если не исклю чительно) располагавшиеся на городских окраинах. Из тор говых специальностей здесь была развита торговля кара кулем.

Находившиеся здесь ворота также не имели большого зна чения для торговых связей Бухары с сельскими районами и другими городами: дороги, проходившие через них, вели только в селения, где происходили еженедельные базары, а дальше, всего в 16 км (2 фарсанга) от города, лежала степь. Только в конце XIX в. этот район приобрел большее значе ние в связи с проведением железной дороги, ветка которой подходила к Бухаре со стороны Каршинских ворот.

К джарибу Шайх Рангрез нами отнесено 18 кварталов: Шайх Рангрез, Халифа Хусайн, Мухаммад-Косим, Поччо ходжа, Кокилайи калон, Куйи мургкуш, Мирзо бий (или Хуллабофон), Ходжа Булгор, Алвонджи, Эшони пир, Махал- лайи кухна, Муллс Шамси Мухаммад (или Шаршара, или Бозори алаф), Ходжа Халим, Чор корвонсарой (или Мирзо Убайд), Мехтар Шафеъ, Ислом, Арабон (или Сафедмуй), Мир Масъуд {или Дарвозайи Саллаххона).

1. Квартал Шайх Рангрез شیخ رنگریز («Старец красильщик»), второе название Дарвозайи Кавола دروازۂ قواله («Ворота Кавола»).

Квартал состоял из 41 дома (Т). Население было таджи коязычное. Занималось мелкой торговлей и ремеслом. Жили здесь также землевладельцы. Их земли находились за горо дом, земледелием они не занимались и в большинстве сдава ли землю в издольную аренду. Но так как они жили на доходы с земли, их называли в Бухаре «дехкон».



Джарибы I и XII (схема)

Квартальная мечеть считалась хонако, так как там совершались радения; она была в ведении суфийского духовенства. Имелась школа (мактаб) и помещение для омовений (тахоратхона). Святыней квартала считалась могила шейха Рангреза, по прозвищу которого квартал получил название. Вокруг мазара находилось небольшое кладбище, на котором хоронили только потомков «святого». Его прозвище объясняется легендой о совершенном им чуде: он окрасил в три разных цвета три мотка пряжи, окунув их в пруд с чистой водой. После этого чуда наставник «святого», которым был Шайх ул олам, т. е. Сайфиддин Бохарзи {XII в.) [17], признал ученика достигшим святости и определил ему сферу деятельности внутри города, оставив за собой селения за его стенами. По некоторым сообщениям, подлинное прозвище «святого» было якобы Шайх Гулрез («Старец, снимающий сыпь»). Мазар с таким названием упомянут в «Книге Мулло-зода» [18] (XV в.) как находящийся за городскими стенами. Если отождествление обоих вариантов прозвища правильно, территория квартала Шайх Рангрез до перестройки стены в XVI в. находилась вне города.

Второе название квартала — Дарвозайи Кавола — объясняется его положением около одноименных ворот. Это название упомянуто в вакуфной грамоте 1818-19 г. [19].

2. Квартал Халифа Хусайн خلفه حسين (собственное имя).

Квартал состоял из 24 домов. Жители были таджикоязычны, но называли себя узбеками. Занимались главным образом торговлей, отчасти разными ремеслами. Специализации по одной профессии не наблюдалось. В квартале находился один из крупнейших суфийских центров • — хонако Халифа Хусайна, где совершались по пятницам громкие радения (джахр). Хонако служило квартальной мечетью, в ней совершались и пятничные общие молитвы. Об основателе хонако имеются сведения в источнике, согласно которым он жил в конце XVIII — начале XIX в.[20]. Однако квартал Халифа Хусайн упомянут в вакуфной грамоте 1692 93 г.[21], из чего

[17] О Сайфиддине Бохарзи см.: О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV в., Ташкент, 1965.

[18] زاده كتاب ملا литогр. изд., Новая Бухара, 1904, стр. 66 (далее «Книга Мулло-зода»).

[19] ГА, ед. хр. 271. Сообщения жителя этого квартала Ато Мирзоева, ювелира, 82 лет.

[20] В «Тухфат ал-завирин», составленном в Бухаре около 1906 г., отмечена гробница святого Халифа Хусайна, жившего при эмире Хайдаре. Умер в 1833 г., 83 лет (литогр., изд., Каган, (б. г.], стр. 103).

[21] ГА, ед. хр. 519.

можно заключить, что время его жизни приходилось на период более ранний, следовательно, в указанном источнике речь шла о другом человеке, носившем то же имя.

В квартале имелось здание школы, но в начале XX в. обучение там не велось, мальчики ходили учиться в школы соседних кварталов[22].

3. Квартал Мухаммад Косим محمد قاسم (собственное имя).

По сообщениям, квартал состоял из 46 домов (Т, 1928 — 45 домов). Население было таджикоязычное, по называло себя узбеками. В небольшом числе здесь жили форсы (ирани). Жители квартала являлись в основном мелкими торговцами, торговали, в частности, пряностями (аттори). Часть жителей жила на доходы с земли, занимаясь земледелием или сдавая землю в издольную аренду. Земля находилась за городом. Название квартала дано ему по имени строителя мечети и жертвователя вакфа. Это лицо упомянуто в вакуфных грамотах 1596 97 и 1789-90 гг.[23]. По видимому, тогда квартал и получил свое название.

4. Квартал Поччо-ходжа خواجه پادشاه («Зять-ходжа»)[24].

Квартал состоял из 51 дома. Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Занималось мелкой торговлей и разными слаборазвитыми ремеслами. Здесь жили также ишаны, лечившие душевнобольных отчитыванием и изгнанием злых духов при помощи заклинаний, ударов и дуновений (эшонхӯйи камчинзан, куфу суф мекардаги). Их родоначальником предание считало ишана Саид хона, время жизни которого установить не удалось. Он жил и умер в этом квартале, его могила почиталась как мазар, почему у надгробия стоял «туг» — шест с хвостом яка. Вокруг могилы образовалось маленькое кладбище, на котором хоронили исключительно потомков Саид-хона. У мазара находился источник и небольшое помещение, в котором жил слепой чтец Корана (кори). В квартале имелась мечеть, она упомянута в вакуфной грамоте 1781-82 г.[25].

[22] Сведения жителя квартала Шайх Рангрез — Ато Мирзоева, ювелира, 82 лет.

[23] Вакуфная грамота из собрания Бухарского музея, № 1297, и ГА, ед. хр. 129. Сведения сообщили Ато Мирзоев, житель квартала Шайх Рангрез, 82 лет, и Кодир Атоев из квартала Ходжа Булгор, 63 лет.

[24] Слово پادشاه, произносимое как «поччо», употреблялось в значении «зять» (муж тетки). В Бухаре титул «поччо-ходжа» носили зятья эмиров, мужья их старших родственниц, выданных за знатных ходжей, например джуйбарских.

[25] ГА, ед. хр. 129.

(«Большое Кокила») [26].

Квартал состоял из 93 домов (Т, 1929— 108 домов). На селение было таджикоязычное, но считало себя узбеками. В квартале было много торговцев, среди которых имелись крупные купцы (саудогар), ездившие за товарами в отдален ные города или имевшие лавки в крупнейших торговых ря дах Бухары (тимчи), а также мелкие торговцы (дукондор), лавочки которых находились на различных базарах Бухары. Здесь жило также несколько мулл. Из ремесленников были набойщики (румолсоз), набивавшие деревянными штампами черные узоры на бумажных платках; было также несколько семей ткачей адраса.

В квартале имелись мечеть, мактаб и медресе, построен ное около 1900 г. баем Абду Джафар ходжой. Кроме того, была молельня (авротхона), где кори читали Коран. В квар тале находился небольшой казенный дом (хавлиййи пошохи), предоставлявшийся под жилье различным эмирским чинов никам при назначении их на должность.

Квартал упомянут в вакуфных грамотах 1824 25 и 1919 20 гг.[27].

6. Квартал Куйи мургкуш كوی مرغ كش («Улица убивающих птиц [или кур]»).

Квартал состоял из 52 домов (Т, 1928 — 55 домов). На селение было таджикоязычное, но считало себя узбеками, не которые семьи причисляли себя к узбекскому племени ман гыт. Занятием большинства была торговля. В этом квартале жил крупный торговец, бывший одно время старшиной куп цов (корвонбоши), ездивших за товарами в Россию.

Рассказывали, что этот богач при последнем эмире Алим хане построил себе большой дом, замечательный своей ху дожественной отделкой. Прослышав об этом, однажды вече ром эмир приехал с большой свитой посмотреть новую по стройку. Хозяин с перепугу заболел и умер. В этом квартале жили также ремесленники, среди них ткач адраса, узбек из рода мангыт, таджикоязычный; его сын стал мастером по выделке подвесок к косам (туфбоф). В квартале жили так же водоносы (машкоб).

[26] Значение слова «кокила» современному населению Бухары неиз вестно. В персидско-арабско-русском словаре Ягелло это слово пояснено как «имя героя Ирана».

[27] Сообщения жителя этого квартала Бакирова, ок. 1910 года рожд. и жителя квартала Ходжа Булгор — Кодира Алимова 63 лет. Вакуфные грамоты из собрания Бухарского музея № 1301 и 1299. За эти сведения, как и за все ссылки на собрания актов Бухарского музея, приношу бла годарность О. Д. Чехович

Квартальная мечеть была в предреволюционные годы построена заново на месте старой. Новое здание было каркасное, с балочным перекрытием; оно резко отличалось от сохраненного при перестройке старого купольного помещения, служившего входом в старую мечеть. В квартале был мактаб, помещавшийся в небольшой каркасной постройке, и помещение для омовений, к которому примыкало помещение для хранения похоронных носилок (тобутхона). В квартале находилась баня Ходжа Порсо, постройка которой приписывалась суфию Ходжа Порсо (XIV в.). Баня почиталась как мазар — «кадамгох» («место, где проходил святой»), вследствие чего около нее стоял «туг». Вторым мазаром была могила «святого» Сабатбоф («Плетельщик корзин»), легенда считала его сподвижником Мухаммеда (аз сахобахбйи пайгамбар). В этом квартале находился большой казенный дом «элчихона» («дом послов»), в котором якобы останавливались гости и послы из России и других стран. Старожилы помнили, что этот дом принадлежал раньше богачу по имени Ахмад бой. Он был вынужден передать этот дом эмиру в дар или продать его (называли цену — 70 тыс. тенег, т. е. 1050 руб.), что было сделано под большим нажимом. То же пришлось сделать хозяину соседнего дома. Перед революцией в этом доме жили не послы, а семья сановника по имени Аулиёкул бек из узбеков мангытов, тюркоязычная.

Название квартала Куйи мургкуш объяснялось преданием о том, как Ходжа Порсо, когда была окончена постройка его бани, зарезал курицу и, швырнув ее в сторону, сказал: «Пусть здесь будет квартал (или улица) убивающих кур»[28]. Наличие в составе названия квартала термина «ку» свидетельствует о том, что это название старое, появившееся не позже XVI — начала XVII в., так как позднее этот термин вышел из употребления, сохранившись лишь в нескольких топонимах. Название Куйи мургкуш впервые встречено в грамоте 1808 09 г.[29].

7. Квартал Мирзо-бий ميرزابی (собственное имя), или Хуллабофон حلّه بافان («Ткачи»)[30]

Квартал состоял из 52 домов (Т, 1928 — 46 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занятием большинства жителей была торговля, например мукой (аллофи). Часть жителей занималась ткачеством — производством адраса и какой то белой ткани. Кроме ткачей здесь отмечен лощильщик (гудунггар), а также несколько юве

[28] Сообщения старожилов этого квартала
[29] ГА, ед. хр. 384.
[30] Хулла (араб. حلّة) — <платье, одежда>.

лиром (заргар) и золотошвеев (зардуз), которые поселились в квартале на памяти информаторов, купив здесь дома и переехав сюда из других кварталов.

Мечеть была с балочным перекрытием, имелась школа для мальчиков, помещавшаяся в особом здании при мечети; мактаб для девочек находился на дому у учительницы (оя-мулло). Против мечети был мазар, представлявший собой надгробие, над которым имелся навес.

Квартал Хуллабофон упомянут в вакуфных грамотах 1717-18 и 1883 84 г.[31].

8. Квартал Ходжа Булгор خواجه بلغار («Ходжа булгарин»).

Квартал состоял из 64 домов (Т, 1923 — 83 дома). Население было таджикоязычное, хотя считало себя узбеками (термин «тоджик» прилагался его населением к ирани). Жители были в основном ремесленниками самых разнообразных специальностей: в 10—12 домах жили ткачи алачи, кануса и адраса, 3—4 семы: занимались сапожным делом — шили кожаные калоши (кафш), ичиги (махси) и сапоги на твердой подошве (муза). Были в квартале также ювелиры и строительные рабочие: каменщики (гилкор) и мастера по алебастру (гачкор). Кроме того, в квартале жило несколько семей из духовенства (муфти и мулло), в числе которых были и мударрисы крупных бухарских медресе. Среди последних имелись как местные, так и приезжие из других областей — из Самарканда и Ташкента.

Б квартале была старинная купольная мечеть; мактаб также помещался в старинном купольном здании. Имелась и школа для девочек, на дому у учительницы. Святыней — мазар — была могила «святого» Ходжа Булгор. По преданию, «святой» происходил из города (страны) Булгор[32] и был сыном булгарского царя. Поссорившись с отцом, он пришел в Бухару и поселился в келье для отшельников (чиллахона) при квартальной мечети. Там он умер, и его могила сделалась местом поклонения. Один бай, на памяти информаторов, построил над могилой ком

[31] ГА, ед. хр. 129 и 182. Описание составлено по сообщениям Ато Мирзоева из квартала Шайх Рангрез, ювелира, 82 лет, и Кодира Атоева из квартала Ходжа Булгор, 63 лет.

[32] Город Булгар (Болгар) на Волге был крупным средневековым городом, прославившимся, в частности, своим кожевенным производством. По словам В. В. Бартольда, «„болгарские сапоги" были предметом внешней торговли и пользовались известностью в Туркестане» (В. В. Бартольд, Культура мусульманства,— Сочинения, т. VI, М., 1966, стр. 187). Еще в Бухаре XIX — начала XX в. кожа определенного сорта, раньше привозившаяся из России, а потом вырабатывавшаяся и на месте, была известна под названием «булгари».

натку, сложил надгробие и обновил «туг» (поставить новый шест над могилой почитаемого святого считалось богоугодным делом — савоб) [33].

Мазар Ходжа Хасана Булгори упоминается в «Книге Мулло-зода» [34], а квартал Ходжа Булгор упомянут в вакуфных грамотах, датируемых печатью эмира Шах-Мурада [35], что указывает, что квартал мог существовать в период более ранний, чем конец XVIII в.

9. Квартал Алвондж الوانج («Люлька», «Колыбель») [36].

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1929). Население было таджикоязычное. Большинство жителей занималось различными ремеслами: здесь жили мотальщики шелка (пиллакаш), красильщики (рангрез), сапожники (кафшдуз), плотники (дурезгар), каменщики (гилкор), ювелиры (заргар), мыловары (собунгар), мастера по отливке свечей (шамърез). Были здесь также торговцы, в частности продавцы чая, и крупный ишан ордена накшбанди, Эшбни мулло Кутбиддин, который был мюридом известного бухарского ишана Халифа Мухаммад-Собира, являвшегося, в свою очередь, мюридом Халифа Хусайна (см. квартал Халифа Хусайн).

Мечеть представляла собой простую каркасную постройку; мактаба не было, дети ходили учиться в соседний квартал Эшбни пир.

Квартал Алвондж упомянут в вакуфной грамоте 1916 17 г.[37].

10. Квартал Эшбни пир ایشان پیر («Ишан-наставник»).

Квартал был большой, в него входило свыше 100 домов (Т, 1929—107 домов). Население северной части квартала состояло почти исключительно из евреев, обращенных в мусульманство,— чала. Их основным занятием была окраска и продажа шелка-сырца. Среди них имелись также мотальщики коконов; они скупали коконы, разматывали их, окрашивали пряжу и продавали ее. Население этой части квартала жило очень замкнуто, заключая браки преимущественно в

[33] Сообщение жителя этого квартала Кодира Атоева, 63 лет.
[34] «Книга Мулло зода», стр. 67.
[35] ГА, ед. хр. 129 и др.
[36] Значение этого названия неясно. По мнению некоторых информаторов, оно является искаженным именем Алвон-бий. Однако большинство понимает слово «алвондж» как «качели, люлька».
[37] ГА, ед. хр. 193. Сообщения группы стариков, в том числе Кодира Атоева, 63 лет, из квартала Ходжа Булгор и Кутбиддинова, 60 лет, из квартала Алвондж.

своей среде. Не были они связаны в своей ремесленной дея тельности даже с собратьями по профессии — красильщика ми узбеками и таджиками, так же как и с красильщиками евреями, специалистами по кубовому крашению, которое вы делилось в особую профессию. В южной части квартала жи ли таджикоязычные бухарцы (осталось невыясненным, при числяют ли они себя к узбекам). Они были в основном ко жевниками, вырабатывали белую кожу (меши). Часть насе ления занималась мелочной торговлей (дукондори). В квар тале были небольшие торговые ряды, состоявшие из двух мелочных лавок (баккол) и двух чайхан. Одна из чайхан посещалась преимущественно учащимися медресе (муллоба ча); она помещалась в нижнем этаже здания мактаба, в то время как в верхнем шло обучение детей. Вторую чайхану по сещали кожевники.

Мечеть представляла собой постройку из жженого кирпи ча с балочным перекрытием. К XX в. она так сильно обвет шала, что ее пришлось капитально ремонтировать. Ее ре монт был произведен на средства казны и приписывался эмиру Алим хану. К мечети прилегало старинное медресе, очень небольшое, состоявшее всего из 16 келий. Его построй ка приписывается тому лицу, прозвище которого — Эшони пир — сделалось названием гузара; настоящее имя этого ли ца сейчас уже забыто, так же как и время его жизни. По преданию, ишан имел мюридов и вел в своем медресе преподавание. Лекции читались в этом медресе вплоть до революции. В последнее время мударрисом был приезжий из Ташкента узбек, тюркоязычный, по имени (видимо, прозви щу) Эшон хон. В мечети или медресе находилась могила ос нователя медресе — Эшони пир, которая почиталась как мазар.

В вакуфной грамоте, датируемой печатью эмира Шах-Му- рада, упоминается медресе Эшони пир, находящееся в квар тале Ходжаги[38], а в нескольких поздних грамотах (1914-15 г. и др.) упоминается квартал Эшони пир[39].

П. Квартал Махаллайи кухна محلهٔ کهنه («Ста рая еврейская слобода»)[40].

Старая еврейская слобода находилась недалеко от торго вого центра города, что указывает на то, что она появилась давно, когда этот район еще не приобрел значения централь

[38] ГА, ед. хр. 55.

[39] ГА, ед. хр. 346 и др. Описание составлено по сообщениям жителя этого квартала, чайханщика по прозвищу Беги беги, 76 лет, и жительницы квартала в возрасте 60 лет.

[40] В Бухаре термин «махалла» означает обособленную часть города, отличающуюся от других кварталов составом населения.

Синагога в Еврейском квартале

ного. Предание, сообщенное старожилом этого квартала, относит поселение здесь предков современных еврейских семей к эпохе Тимура (Тимур ланг), когда в Бухару было переселено из Шираза 9 еврейских семей, которые якобы и положили начало колонии евреев в Бухаре. По другому преданию, предки евреев были приведены в Бухару из Багдада[41], причем переселились ремесленники, вырабатывавшие шелк, который якобы в Бухаре выделывать не умели[42].

По сообщениям, в Старой махалла было 250 домов (Т, 1925—48 домов). Внутреннее членение этой слободы, как и двух других, происходило по приходам молитвенных домов (канесо), которых в Старой махалла было два, в том числе и самый старый и крупный в Бухаре. Население слободы было исключительно еврейское (среднеазиатские евреи). Занимались торговлей и ремеслами. Больше всего было распространено ткацкое ремесло — выработка тонкой шелковой ткани из неотваренной грежи для полупрозрачных платков (кал

[41] О появлении в Бухаре евреев и их расселении в городе см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 166.

[42] Вопрос о возникновении шелководства в Средней Азии освещался в исторической литературе. Он подробно рассмотрен мной в специальном разделе книги «Позднефеодальный город», стр. 59 и сл.

гай). Важное место занимало красильное дело — окраска холодным способом пряжи в синий цвет красителем индиго; это сделалось специфической профессией евреев по всей Средней Азии. Были также сапожники, строители — каменщики и плотники, а позже некоторое развитие получило портняжное дело — пошивка мужской верхней одежды на швейной машине, которая была завезена, по видимому, в Бухару сначала евреями, а позже распространилась среди местного мусульманского населения[43].

12. Квартал Мулло Шамси-Мухаммад ملا شمسی محمد, или ..... شرشره, ... بازار علف.

Квартал состоял из 57 домов (Т.1929—49 домов). Население было таджикоязычное. Занятием большинства была торговля. Здесь жили продавцы овощей, обуви и фабричных тканей. Были в квартале и ремесленники — ювелиры и несколько ткачей адраса.

Квартал имел свою мечеть, против которой находился мактаб. При мечети было построено несколько келий (худжра), в которых жили учащиеся медресе, почему мечеть считалась также и медресе. К этому же кварталу относился, по некоторым сведениям, и комплекс построек Надир девонбеги: мечеть, хонако и хауз.

Святыней квартала являлся мазар «святого» — одного из трех братьев, похороненных в трех соседних кварталах: в квартале Мулло Шамси Мухаммад, под мехрабом хонако Девонбеги, по преданию, находился прах старшего брата — Ходжа Карима; могила младшего, Ходжа Салима, находилась против мечети квартала Мирзо бий; средний брат, Ходжа Халим, был похоронен в соседнем квартале, носившем его имя[46].

13. Квартал Ходжа Халим خواجه حلیم (собственное имя).

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1928 — 20 домов). Коренные жители квартала считали себя узбеками, хотя были таджикоязычны. В советское время квартал на три четверти заселили местные евреи. Большинство жителей зани

[43] Сообщения группы стариков евреев, в том числе жителя этого квартала, 92 летнего красильщика.

[44] Это название было дано кварталу за водопадик на арыке, подававшем воду в хауз Девонбеги.

[45] Бозори алаф — сенной базар • — название, ставшее за последнее время наиболее популярным, объяснялось наличием в этом квартале площади, где продавался корм для скота.

[46] Сообщение ювелира Ато Мирзоева, 82 лет, в прошлом жителя этого квартала, и жителя квартала Алашиш — Кутбиддинова, 60 лет.

Комплекс мечеть и хауз Надир девонбеги и медресе Кукалтош в квартале Муллс Шамси-Мухаммад

малось мелкой торговлей: это были продавцы овощей (бак кол), мяса (кассоб) и т. п. Раньше в квартале жили и рабо тали мыловары и мастера по отливке свечей, но потом их производства, дававшие неприятные запахи, были выне сены за пределы города; здесь остались только жилые до ма мастеров. В квартале были также сапожники (каф шдуз).

Имелась мечеть, в старину был и мактаб, но потом он перестал функционировать и дети ходили в школы соседних кварталов.

Святыней квартала считалась могила Ходжа Халима, давшая кварталу имя. Могила находилась внутри мав золея, представлявшего собой купольную постройку, на моги ле лежал большой резной камень. По преданию, в мавзо лей была превращена келья (чиллахона) святого, где он жил и был похоронен.

Мазар Ходжа Халимуддина Демуши[47] упоминается в «Книге Мулло зода», где говорится, что он умер в 416 г. х. (1025-26 г.) и что могила его находится в квартале Суфа, на

[47] Демуш — селение в Бухарской области.

против хонако Суфиен, которое раньше было домом Ходжа Халимуддина, обращенным им в вакф[48].

14. Квартал Чор корвонсарой («Четыре караван сарая»), или Мирзо Убайд ميرزا عبيد (собственное имя).

Квартал, находившийся среди торговых рядов, был небольшой, состоял всего из 20 домов. Население было таджикоязычным, но считало себя узбеками. Здесь жило также несколько семей евреев мусульман. В большом караван сарае Саройи Рашид постоянно проживали, сменяя друг друга, афганские купцы, наезжавшие сюда с товарами. В других караван сараях этого квартала останавливались купцы из Ирана, Мерва и других мест. В квартале жило также несколько персов, которые, приехав из Ирана по торговым делам, женились на местных ирани и осели в Бухаре. Население квартала занималось главным образом торговлей, преимущественно крупной — это был квартал богачей.

В квартале была небольшая мечеть, напротив которой помещалась могила Мирзо Убайда. Из грамоты 1780 г. видно, что полное имя этого лица было Мирзо Убайд бен Мирзо Неъмат, он жил в XVIII в., на его средства было отстроено медресе, находившееся, согласно документу, в квартале Чор корвонсарой[49]. Этот квартал, по видимому, в некоторых грамотах назван Бобойи Ол[50]. В конце XIX — начале XX в. так назывался мазар, расположенный среди имевшихся здесь торговых рядов, но не относившийся к кварталу[51].

15. Квартал Мехтар Шафеъ مهتر شفيع (собственное имя).

Перед революцией этот квартал был больше известен под именем Хаузи Рашид, по названию находившихся здесь хауза и медресе, которые были выстроены афганским купцом Рашидом. Хауз являлся достопримечательностью квартала Мехтар Шафеъ. Вода текла в хауз по очень красивому мраморному желобу, на котором была высечена надпись, по видимому являвшаяся хронограммой.

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1930 — 12 домов). Здесь жили главным образом евреи мусульмане

[48] «Книга Мулло зода», стр. 66. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Ходжа Булгор — Кодира Атоева, 63 лет, и др.

[49] ГА, ед. хр. 55.

[50] ГА, ед. *хр.* 173, 174, 116. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Ходжа Булгор — Кодира Атоева, 63 лет, и др.

[51] Сообщено жителем квартала Пустиндузон — Корн Мирзо, 69 лет, и группой старожилов квартала Шайх Шох.

(чала), в большинстве богачи торговцы, например крупный торговец жемчугом и драгоценными камнями Аминджони ча ла, а также оптовый торговец часами Гиёси соат. Его часы были известны в Бухаре под названием «соати гиёсбои» — «гиёсбаевские часы». Кроме евреев мусульман в квартале жили и таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками. Они занимали 15 домов. После революции, когда был отме нен запрет евреям селиться в кварталах мусульман, квартал в значительной степени заселился евреями.

В квартале имелась мечеть, постройка которой приписы валась Мехтару Шафеъ — известному историческому лицу, сановнику Убайдулла хана, ведавшему финансами. В 1709 г., когда при его участии была произведена неудачная денежная реформа, в Бухаре вспыхнули волнения [52].

16. Квартал Ислом سلام («Ислам»; здесь: собствен ное имя)

Квартал Ислом был небольшой по территории, но очень плотно заселенный, состоял из 25 домов (Т, 1930 — 40 до мов). Население было таджикоязычное; к какой народности оно себя причисляло, осталось невыясненным. Занятием жи телей квартала была преимущественно торговля. Жили здесь также ремесленники.

В квартале имелась мечеть старинной постройки с куполь ным сводом. Наличие мактаба и квартальной святыни не зарегистрировано [53].

17. Квартал Арабон عربان («Арабы»). Старое, почти забытое название квартала — Сафедмуй سفد موی (правиль но Сафедмун سفد مون), по находившемуся здесь мазару (см. дальше).

Квартал был большой, в него входило 120 домов (Т, 1929—75 домов). Население одной части квартала состояло из арабов, которые, приняв таджикский язык, сохраняли не только сознание принадлежности к арабам, но и относили себя к арабскому племени курайш [54]. Перейдя к городской жизни и порвав с традиционным занятием среднеазиатских

[52] «История Узбекской ССР» т. I, Ташкент, 1967, стр. 579—580. Ви димо, в этом квартале Мехтар Шафеъ построил на свои средства мечеть, но в известных нам документах это не отражено. Строительная деятель ность этой знатной семьи протекала в другом районе города (см. описания кварталов Кофилон и Ходжа Рофеъ).

[53] Сообщение жителя квартала Пустиндузон — Кори Мирзо, 69 лет.

[54] В. В. Бартольд (Сочинения, т. II, ч. I, стр. 196) пишет, что «курей шиты прежде жили и в городе Бухаре, но утратили свой язык и говорят по узбекски». Утверждение Бартольда о переходе арабов Бухары на уз бекский язык ошибочно, они говорят по таджикски.

арабов — каракулеводством, они все же сохранили с ним связь — занимались скупкой, сортировкой и перепродажей каракулевых шкурок, выступали в качестве посредников своего знакомца, через которого он вел в городе свои торговые дела. В этом квартале жил один из крупнейших бухарских купцов, торговавших каракулем, — Джура бек, которого хорошо знали под фамилией Арабов и в торговых кругах России. В этом квартале, который стал рынком каракуля, он имел торговые склады.

Вторую, северо западную часть квартала, примыкавшую к еврейской слободе, занимала группа евреев мусульман, главным занятием которой была торговля фабричными тканями и шелковой пряжей (кустарной). Третья часть квартала, на восток от дороги, ведшей от ворот Саллаххона к центру города, была несколько обособлена и носила название Пуштайи зогон پشتهٔ زاغان («Галочий холм, пустырь»). Здесь жило таджикоязычное население, считавшее себя узбеками и занимавшееся обработкой кожи; они вырабатывали белую кожу (меши) из бараньих шкур. Производство осуществлялось вне города, за воротами Саллаххона. Кроме кожевенников в квартале жили и другие ремесленники: несколько семей слесарей (челонгар) и пекарей. Среди жителей квартала было также несколько писцов (мирзо), ведших дела крупных баев. Особую группу составляли учащиеся находившегося здесь медресе, в кельях которого они жили.

Составлявшие население квартала различные этнические и социальные группы жили обособленно, хотя и составляли одну квартальную общину Особенно замкнуто жили евреи-мусульмане. Арабы также общались больше между собой и с арабами степняками. В обособленности кожевенников основное значение имел, видимо, социальный и профессиональный момент: известно, что обработка кожи считалась ремеслом нечистым, к тому же она была связана с неприятным запахом.

Мечеть квартала Арабон была старой архитектуры, с входным купольным помещением. На его портале была укреплена мраморная плита с надписью, сообщавшей, что «мечеть квартала Абдулло Сафедмуй построил в 1907 08 г. Исматилло бек». Эта надпись, так же как и плита, несомненно, более поздняя, чем здание мечети. Установленная в прославление богатого жителя квартала, она преувеличивает его заслуги: нет сомнения, что в указанное время был выполнен только ремонт старого здания. Надпись свидетельствует, что и в этот поздний период старое название квартала (вероятно, в каче

стве официального — «дафтари») еще употреблялось наряду с более популярным названием Арабон. По сообщениям, «святой» Абдулло Сафедмуй похоронен в селении Сафедмуй, в окрестностях Бухары, а в квартале находилось только его «кадамджой» («место, куда ступала нога»). Мазар Сафед мун, или Сипандмуни, упомянут в «Книге Мулло зода», сле довательно, известен с XV в., а селение Сафедмун, по ко торому «святой» получил свое имя, названо в документах XVI в.[55]. Непонятное слово «сафедмун» было бухарцами пе реосмыслено как «сафедмуй» — «седовласый».

В той части квартала, которая называлась Пуштайи зо гон, находилось кладбище, где было два мазара: Ходжа Зо гон (название по месту нахождения) и Хазрати Ахи. Послед ний представлял собой могилу, рядом с которой стояло не большое строение и был источник. Его вода считалась целеб ной, ею обливались, и ее пили. Информатор • слышал, что «святой» Хазрати Ахи, который, по некоторым сообщениям, считался патроном кожевенников, жил во времена Шах Му рада и происходил из Маргилана. Он был ученым человеком и занимался преподаванием в медресе[56]. Однако имя «свя того» заставляет предполагать, что в действительности мазар был древнего происхождения[57].

18. К в а р т а л М и р М а с ъ у д مير مسعود (собственное имя), или Дарвозайи Саллах.хона دروازهٔ سلاخخانه («Квар тал у ворот Саллаххона»).

Квартал состоял приблизительно из 30 домов (Т, 1928 — 35 домов). Население было таджикоязычное (в сообщении — «таджики»), а в западной части жили евреи-мусульмане, ко торые занимались размоткой коконов, окраской и продажей шелковой пряжи. Один из них славился как хороший певец; он был известен под прозвищем «Гули лола» («Цветок тюль пана»). Таджики были ремесленниками; здесь жили ювелиры, мастер по выделке и обжигу кирпича — хумдончи (производ ство его находилось вне города, за воротами Саллаххона), хлебопеки (нонвой), кожевенники (пустшуй). Некоторые жи тели квартала занимались мелкой торговлей. Жили здесь также писцы (мирзо), которые работали у богачей купцов. В этом квартале жил крупный купец Туракул бой, торговав

[55] «Книга Мулло зода», стр. 31; «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 152. 153.

[56] Сообщения жителя квартала Эшони пир, чайханщика по прозвищу Бего-беги 76 лет, и жителя квартала Шайх Шох, старого почтового ра ботника, около 70 лет, по имени Мирзо Хаёт.

[57] О термине «ахи» см., например: В. А. Гордлевский, Государ ство Сельджукидов в Малой Азии.— Избранные сочинения, т. I, М., 1960, гтр. 276 к сл.

ший каракулем. С его именем связана постройка большого двухэтажного медресе; это здание из жженого кирпича значительно отличалось по своей архитектуре от местных типов медресе, нося явные следы влияния европейской архитектуры. Оно было построено лет за 10 до революции. Население квартала еще помнит, что раньше на этом месте стояло 6—7 жилых домов, которые Туракул бой скупил и разрушил, чтобы построить медресе.

Приходская мечеть находилась рядом с медресе Туракул-боя. Мактаба в квартале не было, дети ходили учиться в квартал Арабон. Святыни в этом квартале также не было[58].

Мечеть Мулло Масъуд-девон, находящаяся в квартале Саллаххона, упоминается в вакуфной грамоте 1683 84 г.[59]. Позже встречаются упоминания квартала Мулло Масъуд девон (1789-90 г.)[60], а еще позже • — квартала Мир-Масъуд (1812 г.)[61]. Возможно, это лицо идентично с Масъуд беком, сыном Махмуда Ялавача, управлявшим после отставки своего отца всем Туркестаном от имени монгольского хана. В. В. Бартольд пишет, что Масъуд бек умер в 1289 г. в Бухаре и был похоронен в построенном им медресе этого города[62]. К началу XX в. здание медресе не сохранилось.

Джариб второй. Турки Джанди

Джариб Турки Джанди располагался в южной части города, между воротами Саллаххона и Шайх Джалол. В этом отрезке стены имелись еще одни ворота — Намозгох. За ними находилось место праздничных молитв, на которые выходило два раза в год все мужское население Бухары. На расстоянии полукилометра от города еще при Тимуре был выстроен комплекс культовых зданий, известных как Намазгах.

Дороги, проходившие через ворота этой части города, не имели большого экономического значения. Населенная полоса за воротами простиралась всего на 8—9 км; дальше лежала степь. Поэтому кварталы этого джариба не принадлежали к развитым, торговым кварталам. При реконструкции городской стены в XVI в. эта часть города почти не расширилась. В этот микрорайон включено 20 кварталов: Кутлук, Шайх Шох, Хонакойи Чукмоки (или Хонако), Мулло Хоки рох (или Понобихо, или Лойхуракон), Пустиндузон,

[58] Сообщение Мирзо Хаёта, 70 лет. жителя квартала Шайх Шох.
[59] ГА, ед. хр. 196.
[60] ГА, ед. хр. 456.
[61] ГА, ед. хр. 496.
[62] В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, 1965, стр. 389.

Джарибы II и VIII (схема)

Баракиён, Сесу (или Сесуки таррохи), Оби равон, Турки Джанди, Амон-бой, Махалла́йи нау, Амиробод (махалла), Гарибия, Махдуми Аъзам, Гозиён, Сарахсиён, Косагарон, Миракон, Сохиб зада, Шайх Джалол.

19. Квартал Кутлук قلوق («Счастливый, удачливый» — здесь: собственное имя).

Квартал был небольшой, состоял приблизительно из 20 домов (Т, 1928 — 18 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Большинство жителей принадлежало к мелким торговцам; часть занималась ремеслами, например сапожным (кафшдузи). Здесь жили также водоносы (машкоб) и банщики (хамбомчи), которые работали в находившейся в этом квартале женской бане, известной под названием Домулло Шер. Эта баня являлась вакфом медресе того же имени, находившегося неподалеку от медресе Кукалтош. Доходы с бани делились между владельцами келий этого медресе, его служителями и частично шли на

поддержание медресе в порядке и на ремонт. Время по стройки бани, так же как и медресе, неизвестно.

Мечеть была простая, с балочным перекрытием. Мактаба в квартале не было, так же как и общественного помещения для омовений.

Квартал Кутлук упомянут в вакуфной грамоте 1882-83 г.[63].

20. Квартал Шайх Шох[64] شاه شيخ.

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1928 — 70 домов). На селение было таджикоязычным, но причисляло себя к узбе кам. Жили также 3—4 семьи ирани, которые ассимилирова лись с местным населением и стали суннитами. Многие жи тели принадлежали к военно служилому сословию (сипо); было также немало мулл. Часть жителей квартала занима лась ремеслами: здесь жили плотники, строители, три семьи лощильщиков (гудунггар), сапожники (кафшдуз и музадуз). Из последних в этом квартале жил хозяин крупной сапож ной мастерской Хаджи Каххор, у которого работало 7—8 под мастерьев (халфа). Он специализировался на шитье калош из лакированной кожи (кафши амрикон). Раньше здесь жили также мыловары и мастера по приготовлению ганча. Одна ко в конце XIX в. мыловаренное производство было вынесе но за пределы города, так как оно было крайне неприятно в условиях городской скученности: наполняло квартал вонью от мыла, изготовлявшегося из жира павших животных. Поз же (по сведениям, в 1915 г.) было изгнано за городские сте ны и производство ганча, так как жителей беспокоил не прерывный грохот от разбивания ганча железными цепами. Ганч привозился из окрестностей Кагана, где находилось его месторождение, называемое Кыри Момо Джурготи (Холм Бабушки «Кислое молоко») [65].

Мечеть квартала была из жженого кирпича, с балочным перекрытием, мактаб помещался в специально для него пред назначенном старинном купольном здании. Особого помеще ния для тахоратхоны в этом квартале не было.

Квартал Шайх Шох упомянут в нескольких грамотах пер вой половины XIX в.[66]. Возможно, лицо, давшее ему назва ние, идентично со «святым» Шайх Шох, именем которого был

[63] ГА, ед. хр. 323. Описано по сообщениям жителя квартала Го ҳиён — Яхъё-ходжи Шарифова, 68 лет, родом из квартала Арабон

[64] Как разъясняют бухарцы, слово «шах» может иметь двоякое зна чение и разниться в написании: «шох» — «царь», «по* — имя собственное или приставка к имени. Шайх — суфий, отшельник, человек, живущий при мазаре.

[65] Возможно, то же, что и старое название Киполлй гач.

[66] ГА. ед. хр. 305 (1825 26 г.), 438 (1838-39 г.).

назван хауз, а по хаузу и квартал в грамоте начала XVII в.

21. Квартал Хонакойи Чукмоки خانقاه چوقماق («Ханака ишанов Чукмоки»), или Хонако خانقاه («Ханака»)[68]

Этот квартал выделился из квартала Шайх Шох сравнительно недавно, о чем свидетельствует нечеткость представления о самостоятельности квартала Хонакойи Чукмоки у большинства населения соседних кварталов, а также то обстоятельство, что находившийся здесь хауз носил название Хаузи Шайх Шох. Выделение квартала Хонакойи Чукмоки было вызвано, по видимому, постройкой в начале XIX в. хонако ишанами Чукмоки, переселившимися сюда из кишлака Чукмок (Бухарский район)[69]. В вакуфной грамоте 1825-26 г. упоминается хонако Мулло Ниёз Чукмоки в квартале Шайх Шох[70] Это свидетельствует, что выделение квартала Хонакойи Чукмоки произошло позднее.

Квартал состоял приблизительно из 20 домов, население было таджикоязычное и занималось в основном торговлей (сухими фруктами, фабричными тканями). Часть жителей считалась дехканами и жила на доходы с земель, которые находились за пределами города. Один житель был известен как охотник (мерган). Из ходжей, членов ишанского рода Чукмоки, к моменту революции насчитывалось пять семей. Вокруг могилы их предка, сделавшейся мазаром, образовалось небольшое кладбище, на котором хоронили членов этого рода. Ишаны Чукмоки имели довольно много мюридов как из горожан, так и из сельского населения и жили на приношения, поступавшие от мюридов и от паломников к могиле их предка. Они занимались отчитыванием больных и «изгнанием из них злых духов».

Хонако Чукмоки было одним из тех, где совершались так называемые ёздахум (букв. «одиннадцатое») — ночные религиозные радения, устраивавшиеся одиннадцатого числа каждого месяца, после чего присутствующие ели жертвенное угощение (худои), приготовлявшееся из тех приношений, кото

[68] ГА, ед. хр. 1292 (1606-07 г.). Описание составлено по сообщению жителя этого квартала Мирзо Хаёта, 70 лет.

[68] Термин «хонако» в современном языке бухарцев имеет два значения: 1) мечеть с купольным сводом; 2) мечеть, в которой совершаются религиозные радения. О термине «хонако* см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 216—217. 227, 236.

[69] Местность Чукмок, откуда, очевидно, происходили ишаны Чукмоки, упоминается в одном из актов XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 320).

[70] ГА, ед. хр. 305.

рые поступали ишанам[71]. В жертвенной трапезе и радении участвовали и некоторые посторонние набожные люди. К хо нако Чукмоки были приписаны вакуфные земли, которые на ходились преимущественно в кишлаке Чукмок. Оттуда при возилось также топливо (сухая колючка) для тахоратхоны, где зимой согревали воду для ритуальных омовений всего мужского населения квартала. Это лежало на обязанности специального человека, который получал плату из вакуфных денег.

На берегу квартального хауза находился второй мазар — могила «святого», известного под именем Шакшаки Балхи. Специальностью его считалось лечение головной боли. Имя святого, по видимому, является искаженным арабским сло вом شقيقه («мигрень»).

Культ, совершавшийся на этом мазаре до самой рево люции и даже несколько позднее, заключался в жертвопри ношении и магических приемах освобождения от болезни. Для излечения больной приносил к мазару веник и варе ную баранью голову, которую ему полагалось нести на гли няном блюде и обязательно на голове. Веником он подметал небольшое помещение, воздвигнутое над могилой, где веник и оставался, а баранью голову с блюдом отдавал водоносам, разносившим воду из этого хауза. Получив угощение, они брызгали на голову больного водой из хауза — обычный в Средней Азии магический прием очищения от болезней. Если приношений от больных долго не поступало, водоносы трясли шест с хвостом яка, стоявший над могилой; это считалось средством вызвать новый приток приношений (а следователь но, и средством вызывать у людей головные боли) [72]. Связан ный с этим мазаром культ по своей архаичности, несомненно, древнего происхождения, и ассоциация его с пришельцем (на что указывает нисба Балхи), вероятно, явилась результатом наслоения более позднего культа на древний. В последнем мы имеем пример персонификации болезни; это характерная черта ранних, анимистических культов.

22. Квартал Мулло Хоки рох ملا خاک واه (собст венное имя, букв. «прах на дороге»), или Понобихо پایان آبیها («Понобцы»), или Лойхуракон لای‌خورکان («Едоки глины» — насмешливое прозвище жителей квартала, в большинстве за нимавшихся строительным ремеслом).

[71] Судя по этому, можно предполагать, что ишаны Чукмоки принад лежали к ордену Кадирия, основатель которого Абдулкадир Гилани, со гласно преданию, умер в 11 й день месяца. В этот же день, по преданию, умер и сам Мухаммед.

[72] Сообщения жителя квартала Шайх Шох — Мирзо Хаёта, 70 лет.

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1928 — 20 домов). Население было таджикским, происходило из таджикского селения Поноб (Поёни об), в 24 км от Бухары. Переселение совершилось не одновременно: в одних семьях сохранились сведения о приходе сюда их прадедов, что могло быть около середины XIX в., другие семьи пришли позднее. Связь переселенцев с Понобом не прекращалась. Некоторые жители квартала имели там землю и совмещали занятие ремеслом с земледелием. Из Поноба брали девушек и сами отдавали туда; с другими кварталами Бухары брачных связей не было. Сельчане и горожане посещали друг друга по случаю семейных торжеств или траура.

Большинство жителей квартала составляли строители каменщики и гончары. Из этого квартала происходил известный народный мастер, лауреат Государственной премии, почетный академик АН УзССР Усто Ширин Мурадов (род. в конце XIX в.). Известными мастерами были и его отец Усто Мурод, и дядя (брат отца) Усто Хаёт, у которого Усто Ширин учился ремеслу. Его деды как с отцовской стороны (Усто Носир), так и с материнской (Усто Фузайл) также были хорошими строителями. В Бухару переселился прадед этой семьи, Усто Абул, приехавший сюда, чтобы работать на строительстве медресе Домулло Мухаммад Шариф (в квартале Гозиён). Он также знал ремесло, но, живя в Бухаре, сохранял в Понобе свой участок земли и продолжал его обрабатывать, главные средства к существованию получая от земледелия. Для его потомков основной стала профессия строителей. Переселенцы из Поноба, в том числе и Усто Ширин, считали себя таджиками. По его словам, «гилькоры (этого квартала) были таджики, в квартале Кош мадраса жили гилькоры узбеки, но они также говорили по таджикски». Кроме таджиков в квартале Хоки рох жили две семьи форсов, совершенно ассимилировавшиеся с окружающим населением и перешедшие полностью к суннизму. Их жены были из суннииток.

В квартале была старинная мечеть; Усто Ширин Мурадов помнит ее еще с детства, т. е. с конца XIX в.

Квартал Мулло Хоки рох упомянут в вакуфной грамоте 1849-50 г.[73].

23. Квартал Пустиндузон[74] پوستین دوزان («Тулупники»),

[73] ГА, ед. хр. 514. Сообщения уроженца этого квартала Усто Ширина Мурадова, жителя соседнего квартала Пустиндузон — Кори Мирзо, 69 лет, и др.

[74] В Бухаре было два квартала Пустиндузон (второй — в джарибе Мурдашуён).

Квартал состоял из 84 домов (Т, 1930 — 108 домов). Большинство населения было таджикоязычное и, по видимому, считало себя таджиками; но жило в квартале и несколько семей узбекоязычных. Это были приезжие, например хороший мастер сапожник из Ташкента по имени Мад Умари му задуз. Одна семья была из форсов. Муж торговал сдобны ми лепешками (кулча), жена их пекла. Она занималась так же знахарством и была известна под прозвищем Биби та бйби кулчапаз («Госпожа лекарь и пекарь»). Живя в окру жении суннитского населения, эта семья постепенно ассими лировалась с ним. Отец и мать придерживались еще шиизма (отец не посещал суннитской мечети), но сын сделался суннитом и был женат на суннитке.

Главным занятием жителей квартала, послужившим при чиной его наименования, было шитье нагольных тулупов. Ту лупы шились преимущественно на заказ и красиво расши вались шелками. Шитьем занимались преимущественно жен щины, мужчины ведали реализацией продукции. Заказчика ми были купцы из Ургенча, которые привозили овчины и сдавали их мастерам для шитья тулупов. Здесь было также 3—4 семьи ткачей, вырабатывавших адрас и шелк канаус (шохи), в меньшей степени — бархат. Один из ткачей, Мирзо Умар адрасбоф, держал наемных мастеров (халфа) из ирани и сам работал вместе с ними. Остальные ткачи этого квар тала работали без применения наемной рабочей силы. Четы ре семьи занимались кузнечным делом. Все они были подко вочниками (наългар). Три семьи было ювелиров, две — плот ников. Из торговцев здесь жили продавцы чая (чойфруш) и продавцы лекарств и пряностей (аттор). Здесь жил также один из крупнейших бухарских богачей — Тошак бой; он тор говал хлопком и каракулем, имел в Чарджуе завод, по ви димому, хлопкоочистительный, а в Мерве — свой караван сарай.

Мечеть имела балочное перекрытие и была очень старая. К началу XX в. она настолько обветшала, что нуждалась в капитальном ремонте, который и произвел на собственные средства сын Тошак бая. Имелся мактаб. Святыней квартала был мазар — могилы семи святых братьев (Хафт бродарон). Около могил находился источник (чашма) [75].

Квартал Пустиндузон упомянут в вакуфной грамоте 1832-33 г.[76]. К какому из двух имевшихся в Бухаре квар талов Пустиндузон относится это упоминание, неизвестно.

[75] Сообщения Кори Мирзо, 69 лет, жителя этого квартала, Яхъё ход жа Шарифова, 68 лет, из квартала Гиждуван, и др.

[76] ГА, ед. хр. 485. Грамота датируется печатью казня, встречающейся на актах этого времени.

24. Квартал Баракиён برکیان («Благословенные»; возможно, родовое имя).

По сообщениям, квартал был невелик, в него входило около 40 домов или несколько меньше (Т, 1930 — 38 домов). Население было таджикоязычное. Осталось невыясненным, считало оно себя узбеками или таджиками. Три семьи были из казанских татар, приехавших и осевших здесь в конце XIX в., 2—3 семьи из афганцев. Население квартала занималось торговлей и ремеслами. Здесь жило несколько семей строителей, среди которых было два известных мастера, работавших по заказам из арка и получивших за свое искусство чин караул беги. Кроме того, в квартале жили обслуживавшие караван сараи вязчики грузов (борбанд). Афганцы занимались торговлей чаем, татары торговали кожей: из Бухары вывозили в Россию желтую кожу (булгори), оттуда привозили лакированную («амрикон» — «американскую»), которая в колониальный период получила широкое распространение и пользовалась большим спросом[77].

25. Квартал Сесу سه سو («Перекресток трех дорог»), или Сесуки таррохи سه سوق طراحی («Перекресток таррохов»)[78].

Жилых домов в квартале было 24. Большую часть его территории до самого пассажа Токи саррофон занимали торговые ряды, где продавались фабричные ткани, находилось несколько караван сараев (по экспликации к плану Парфенова — Фенина — караван сараи Абдулло джон, Убайдулло ходжи, Кушбегии хурд и Барраи султони), а также магазин русского купца Епифанова. Население квартала было таджикоязычное. Жители занимались преимущественно торговлей, отчасти ремеслами, например несколько семей выделывали сундуки. В квартале жило также несколько семей вязчиков грузов (борбанд). Из известных людей здесь жил крупный ишан по имени Эшони Домулло Нур, который, как говорят, имел до тысячи мюридов и был не только ишаном, но и мударрисом — вел занятия в одном из медресе Бухары. Он был хивинец (урганджи), но, живя долгое время в Бухаре и, по видимому, порвав со своей родиной, слился с бухар

[77] Сообщение жителя квартала Пустипдузон — Кори Мирзо, 69 лет.

[78] «Су» — тадж. «сторона», «сук» — то же, с уменьшительной частицей, или سوق (араб. «рынок, базар»), как это слово написано в документах XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 14). Значение термина «таррох» не совсем понятно. Сейчас его толкуют как «вязчик ремиз и гребней для берд». В словарях термин указан в значении «зодчий» (от طرح «план»).

ским населением и, по отзывам знавших его людей, говорил по таджикски, как природный таджик.

Мечеть, стоявшая на перекрестке трех улиц, была из жженого кирпича, с балочным перекрытием. Рядом с ней находилось небольшое медресе, состоявшее из семи келий для учащихся. Медресе было отделено от мечети забором, но в последнем была сделана дверь, через которую жившие в медресе студенты могли попадать непосредственно во двор мечети. Около мечети находилась общественная тахоратхона.

Мечеть Сесуки таррохи упомянута в вакуфной грамоте, удостоверенной печатью эмира Шах Мурада (1785—1800) [79], что позволяет предположить более ранний возраст мечети.

26. Квартал Оби равон آب روان («Текущая вода»).

Квартал был сравнительно небольшой, состоял из 26 домов (Т, 1928). Население было таджикоязычное, за исключением нескольких семей — тюркоязычных переселенцев из Хорезма (урганджи). Это были крупные торговцы, выезжавшие за товарами в отдаленные районы. Остальное население в большинстве занималось мелкой торговлей; жили здесь также хлебопеки.

При квартальной мечети были построены две кельи для студентов и мактаб. К этому кварталу относилось также медресе, известное под названием Думбаджушак («Кипятильник для бараньего жира»), и мавзолей, по сообщениям, построенный в начале XX в. чарджуйским беком Ма Юнусом для себя и членов своей семьи. При мавзолее были построены 2—3 небольшие кельи для студентов, поэтому его называли «гурхонайи худжранок» («мавзолей с худжрами»). В экспликации к плану Парфенова — Фенина он назван медресе Мухаммад Юнус бия.

Квартал Оби равон упомянут в грамоте 1818 19 г.[80], причем в описи вакуфных грамот указано второе название этого квартала — Мухаммад Ризо ходжа. При опросе населения оно выявлено не было.

27. Квартал Турки Джанди ترک جندی (название

. . . . . название — . . . . . نه نشته . . . . .

. . . . . .

Домов в квартале было очень мало — всего 8—9, так как

[78] ГА, ед. хр. 55. Описание составлено по сообщениям Яхъё-ходжа Шарифова из квартала Гозиён, 68 лет, и Кори Мирзо из квартала Пустиндузон, 69 лет.

[80] ГА, ед. хр. 526. Сообщения жителя квартала Гозиён — Яхъё ходжа Шарифова, 68 лет, жителя квартала Пустиндузон — Кори Мирзо, 69 лет, и ювелира Ато Мирзоева, 82 лет (в прошлом жителя квартала Мулло Шамся-Мухаммад).

большую часть его территории занимало кладбище. Он был настолько мал, что обычно объединялся то с кварталом Оби равон, то с Хаджи Амон бой; с первым он перед революци ей имел общего старшину. Однако в сообщениях его назы вали отдельным кварталом благодаря популярности мазара Турки Джанди.

Вдоль улицы квартала тянулись торговые ряды, частью крытые. Там находились овощные лавки, чайханы, цирюльни. Раньше здесь же были мастерские и лавки мыловаров и мастерские лощильщиков; последних было 12.

Мечеть мавзолей Турки Джанди очень старая. Внутри мечети находилась святыня квартала — могила «святого». Мазар пользовался широкой известностью и почитался. Мимо него не ездили на верховых животных: приближаясь к маза ру, всадники спешивались и проходили мимо, ведя животное на поводу. По поверью, этот мазар обладал силой сбрасывать с седла всякого, кто по незнанию или из за недостатка почте ния проезжал верхом. При мазаре имелись шейхи (смотри тели), которые получали приношения верующих. Сначала в качестве шейха при нем состоял какой то афганец, потом он исчез и появился шейх «из узбеков» (таджикоязычный бу харец) [81]. Мазар Ходжа Джанди упоминается в «Книге Мул- ло зода» XV в., где сказано, что это могила Ходжи имама Абу Насра Ахмада бен Фазль Муса Джанди, который был из соратников (асхаб) Абу Бакра Исхака Калободи, жившего в X в.[82].

28. К в а р т а л Амон-бой, или Хаджи Амон-бой حاجی) امان بای) (собственное имя).

Квартал состоял из 37 домов (Т, 1930). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. По видимому, здесь жили и евреи мусульмане, судя по тому, что в числе профессий жителей квартала указана торговля окрашенной шелковой пряжей и шелковой ватой, чем в Бухаре обычно занимались евреи.

Вокруг квартальной мечети располагалось небольшое кладбище Пуштайи Амон бой.

В квартале имелись мечеть, мактаб и медресе, известное под названием Шарифджон.

Квартал Хаджи Амон бой упомянут в грамотах 1713 г., 1825 26 г. и в грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара (1800—1826) [83].

[81] Сообщение Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён, и Кори Мираю, 69 лет, из квартала Пустилдузон.

[82] «Книга Мулло-зода», стр. 38—39.

[83] ГА, ед. хр. 46, 10 и 40. Описание составлено по сообщению Яхъё- ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён.

29. Квартал Махаллайи нау محلهٔ نو («Новая слобода»).

Новая слобода состояла из 200 домов (Т, 1929 — 184 дома). Население слободы было еврейское. Слобода образовалась и получила свое название тоже давно, после того как старая слобода оказалась перенаселенной. Увеличение числа жителей за счет естественного прироста, а также в результате постоянных переселений из других городов Средней Азии и из Ирана вынудило евреев через своего старшину (калонтар) обратиться к эмиру с просьбой отвести для них новый участок[84]. На том месте, где образовалась Новая слобода, по преданию, было болото (куль) и посевные земли, почему за Новой слободой до недавнего времени сохранялось название Сабзикори («Морковное поле»).

Занятия населения были те же, что и в Старой махалла. Б Новой махалла было пять молитвенных домов, ее население делилось соответственно на пять приходов.

30. Махалла Амиробод محله امیر آباد («Благоустроенная эмиром»).

Махалла Амиробод состояла из 70—80 домов. Население было исключительно еврейское. Оно составляло один приход, здесь был один молитвенный дом. Эта слобода образовалась позже двух других, когда и вторая оказалась перенаселенной. Земля была предоставлена кем то из бухарских эмиров, на что указывает само название махалла. Судя по тому, что самые пожилые евреи, в частности 92 летний красильщик из Старой махалла, не помнили уже его имени, это могло произойти при одном из первых эмиров, т. е. во второй половине XVIII или в начале XIX в.

По своим занятиям население этой слободы не отличалось от остальных двух, но здесь жила больше беднота; условия здесь были тяжелые, так как за городской стеной, к которой примыкал квартал, находилось болото и жители особенно страдали от малярии, которая в Бухаре была очень распространена[85].

31. Квартал Гарибия غریبیه («Прибежище для бесприютных»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов. Население

[84] О том, как предоставлялась эмирами земля для поселения евреев. см.: Н. Ханыков, Городское управление в Средней Азии,—«Журнал министерства внутренних дел», 1844, кн. 5, стр. 346; также: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 168.

[85] Сообщения той же группы стариков, которые давали информацию о первых двух слободах.

было таджикоязычное, но считало себя узбеками; название «тоджик» информатор отнес к ирани. По роду занятий боль шинство принадлежало к торговцам. Здесь жили торговцы ситцем (читфруш), дровами и строительным лесом (чуб фруш), хозяева мелочных лавок (баккол) и т. д. Часть на селения квартала принадлежала к духовенству (мулло, кори).

В квартале имелась мечеть, но своего мактаба не было, дети учились в соседнем квартале — Хаджи Амон бой. К ме чети примыкало медресе Гарибия, представлявшее собой лишь ряд келий, где жили студенты; на памяти современ ного поколения лекции там не читались [86].

32. Квартал Махдуми Аъзам مخدوم اعظم (титул прозвище известного суфия XVI в.) [87].

Квартал состоял из 30—40 домов. Население его было таджикоязычное. Занятием большинства была торговля. Име лись здесь и ремесленники, среди них — один красильщик.

В квартале была старинная мечеть, напротив которой на ходилось большое двухэтажное медресе, известное под име нем Чучук оим; как показывает название, его постройка приписывалась какой то знатной женщине (оим — термин об ращения и приставка к именам женщин из знатного рода).

Святыней квартала была мнимая могила Махдуми Аъза ма. Над ней был выстроен навес. Могила была оформлена в виде надгробия (суфа), над которым стоял шест с хво стом яка [88]. Мечеть Махдуми Аъзам упомянута в грамоте 1837 38 г. [89].

33. Квартал Гозиён غازيان («Борцы за веру»).

Квартал Гозиён считался одним из крупных, он состоял из 104 домов (Т, 1929 и 1930 — 50 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. По роду заня тий здесь больше всего было торговцев и мулл. Жили и

[86] Сообщения Яхъё-ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён, и др.

[87] Махдуми Аъзам — суфий (ум. в 1542 г.), учитель Ходжа Ислама Джуйбари По происхождению ферганец, он имел второе прозвище — [illegible] Ходжаи Кариш Его резиденция находилась в селении Дахбид, возле Самарканда, где еще в начале XX в. жили его потомки. Другая их ветвь, переселившись в Синьцзян, основала там династию правителей, впоследствии низложенную китайцами (см.: В. В. Бартольд, Ислам,— Сочинения, т. VI, стр. 118; также: В. Л. [illegible] сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 6)

[88] Сообщение Яхъё-ходжа Шарифова, [illegible] квартала Гозиён. ГА, ед. хр. 494

ремесленники: часовщик (соатсоз), две семьи сапожников (музадуз), ткачи шелка (шоибоф и адрасбоф), среди которых был устокор Носир бой, в доме которого работало несколько наемных ткачей (халфа). Жили в этом квартале также служилые люди (сипо) и знатные сановники, например Туракул-удайчи, который занимал большой казенный дом, помещавшийся рядом с медресе Гозиён; при доме был просторный двор, где содержались лошади, которых держал удайчи по своей должности[90]. В этом квартале жил в своем собственном доме мирохур по имени Садриддин. После его смерти дом был куплен неким Зикриё, находившимся в чине туксабо и служившим при дворе двух последних эмиров. Зикриё был убит Алим ханом в арке по подозрению в принадлежности к джадидам. Его дом присвоил себе мирохур по имени Кори Мирхон. После революции Кори Мирхон был арестован и дом снова попал в руки потомков Зикриё туксабо. В квартале проживал также один представитель чиновного духовенства — Мусо-ходжа-урок.

Квартал Гозиён был одним из центров мусульманского образования в Бухаре. Здесь находилось несколько медресе. Самым крупным, в котором вплоть до революции читались лекции, было медресе Мулло Мухаммад Шариф, построенное, как считают старики со слов отцов и дедов, 140 лет назад (т. е. в начале XIX в.)[91]. Это большое двухэтажное здание из жженого кирпича с фасадом, отделанным майоликой. В этом медресе учился писатель Садриддин Айни. Строитель медресе, Мулло Мухаммад Шариф, был, по преданию, мюридом известного бухарского «святого» Хазрати Имло, время жизни которого относят к концу XVIII в. (при Шах Мураде)[92]. По преданию, медресе было построено на золото, найденное им в кувшинчике, закопанном в землю. Мухаммад Шариф принес это золото своему учителю, но тот отказался от него и велел потратить на возведение какой нибудь богоугодной постройки.

В квартале находилось также старинное медресе Гозиёни калон (Большой Гозиён), а к северу от него — медресе Гозиёни хурд (Малый Гозиён). Там лекции не читались, только жили студенты. К медресе Мулло Мухаммад Шариф [illegible] во-

[90] Удайчи — военный чин (шестой снизу). Лицам, назначавшимся на эту должность, предоставлялась соответствующая казенная квартира с конюшней.

[91] Вероятно, именно это медресе упомянуто Н. Ханыковым под названием медресе Мулло Мухаммад-Шарифа-саддогара. Ханыков говорит, что в медресе было 92 худжры и жившие там студенты получали из вакуфных доходов по 3,5 тилло в год (Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, стр. 86).

[92] Подробнее об этом «святом» см. в описании квартала Эшони Имло (№ 80).

сточной стороны прилегало вплотную, стена к стене, еще одно медресе — медресе Чубин («Деревянное», так в Бухаре назывались каркасные постройки). К тому же кварталу относилось маленькое медресе, находившееся неподалеку от кладбища Турки Джанди и известное под названием Гиребон чок («Разорванный воротник»). Судя по названию, его построил человек, находившийся в большом горе: разрывание ворота — одно из самых сильных выражений скорби. В экспликации к плану Парфенова — Фенина имя этого человека сохранилось: медресе значится под двумя названиями — Гиребон чок или Мирэс Бадеъ

Квартальная мечеть относилась к типу хонако — там происходили религиозные радения. Б квартале было небольшое кладбище (пушта). На кладбище было несколько могил с большими мраморными плитами, покрытыми резьбой. Здесь хоронили своих покойников только ходжи из соседнего квартала Миракон, которые считались потомками основателей кладбища. В квартале была баня, рядом с которой находилась большая благоустроенная тахоратхона, в которой вода зимой согревалась. Обязанности истопника на памяти информаторов выполнял пойкор. На перекрестке располагался небольшой базарчик (сари бозори Гозиён) из 18 лавок. В числе лавок были две чайханы, пекарня, мясные и овощные лавки и цирюльня (сартарошхона).

Святыней квартала являлась находившаяся при хонако могила Имом Гози (имама — борца за веру). Безымянный Имом Гози почитался в Бухаре как один из тех «сорока четырех мучеников за веру», которые, по преданию, похоронены в различных местах Бухары, «начиная от Каршинских ворот и кончая Каракульскими». Эти «святые» носили название «сорок четыре одноглазых мученика» (чилу чор муштахиди якчашма) [93].

Квартал Гозиён упомянут в актах 1497-98 [94] и 1556 57 гг.[95].

34. Квартал Сарахсиён سرخسیان («Серахсцы») [96].

По сообщениям, это был один из самых маленьких кварталов, состоял из десятка домов, но при обследовании (Т, 1928) в нем было отмечено 48 домов. Население было таджикоязычным, но считало себя узбеками. Два дома принадлежало ирани — крупным купцам (саудогар). Большин

[93] Эпитет «одноглазый» означал постоянную направленность их души к будущей загробной жизни (як чашмашон да ин дуньё — як чашмашон да ун дуньё —«один глаз у них [смотрит] в этот мир, один — в тот мир»).

[94] ГА, ед. хр. 1186.

[95] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 125. Сведения сообщил житель этого квартала Яхъё-ходжа Шарифов 68 лет.

[96] Серахс — город в Туркмении.

ство жителей квартала занималось торговлей. Торговали кожаными калошами, чаем и др. Были здесь также муллы и одна семья служилых людей (сипо), принадлежавшая к местным таджикоязычным бухарцам, как и остальное население квартала.

В квартале была большая хорошая мечеть, представляв шая собой здание с кирпичными (сангин) стенами и балочным перекрытием. Здание мактаба было каркасное. Перед мечетью находился хауз. Святыни в квартале не было. На небольшом базарчике (бозори каллапуш) продавались тюбетейки.

Квартал Сарахсиён упоминается в документе 1558 59 г.[97].

35. Квартал Коса гарон كاسگران («Гончары, изготовляющие большие чаши»).

Квартал состоял из 90 домов (Т, 1928 — 53 дома).

Население было смешанным. Большинство составляли бухарцы, говорившие по таджикски, но считавшие себя узбеками. Пять семей, принадлежавших к сипо, были тюркоязычные. Среди них была семья Иброхим бек туксабо, сына или внука известного в свое время сановника по имени Хайдар кул, которому было дано прозвище Чучка (Кабан) за его упрямство и несговорчивый характер: «он, как кабан, шел прямо, не смотря по сторонам»[98]. Его потомки также были известны как люди с очень тяжелым, вспыльчивым характером (джахолатнок). Один из переулков квартала был населен ирани, потомками рабов, отпущенных на волю после ликвидации рабства. Этот переулок, где жило 15 семей, носил название Кучайи Гуломо («Улица рабов»). Из среды бывших рабов происходил и проживавший в квартале крупный сановник и придворный эмира Ахад хана, Мулло Озод, бывший в чине девонбеги. Он, как и остальные ирани, был шиитом. Незадолго до революции он был послан хокимом в Хатырчи и по дороге умер. Умирал в уверенности, что его отравили по приказанию эмира, подозревавшего его в джадидизме.

Население квартала занималось ремеслами и торговлей. Там жили торговцы ситцем, пряностями, хозяева мелочных лавок. Из ремесленников в квартале жили и ткачи шелка. Но гончаров в квартале не было. Однако в прошлом на этом месте, очевидно, находились гончарные мастерские: при рытье колодцев, на глубине трех газов", в земле находили

[93] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 319. Описание составлено по сообщению Яхъё ходжа Шарифова из квартала Гозиён.

[98] Этому человеку С. Айни посвятил особую главу в своих «Воспоминаниях» (стр. 325—331).

[95] Газ — мера длины, ок. 83 см.

множество глиняных подставок, которые ставятся под чашки при загрузке ими обжигательной печи (сепояйи таги коса). Гончары, конечно, здесь и жили, но это было давно: квартал Косагарон существовал еще в XVI в. [100] С профессией гончаров была связана также святыня квартала — могила безымянного «святого», известного как Ходжа Косагар.

Мечеть была каркасная, с расписным потолком. На карнизе имелась стихотворная надпись: «В том месте, где есть чистота сердец избранных, сидите (живите) с наслаждением, так как мир преходящ. Жить без наслаждения — это могильный камень. В Бухаре есть гузар Косагарон». Возможно, эта надпись (может быть, последняя фраза) являлась хронограммой. В квартале был мактаб, помещавшийся в особом здании, и небольшая тахоратхона. Имелось также два медресе, построенных в XX в. Одно из них построил шахрисябзец Юлдош бай, второе — аксакал этого квартала по имени Иброхим оксакол, который был в то же время аксакалом на базаре готовой одежды (оксаккбли бозори джома) [101].

36. Квартал Миракон (родовое имя ходжей Миракон).

Квартал состоял из 113 домов (Т, 1928—77 домов, 1929—43 дома). Население было смешанное: большая часть была таджикоязычная (хотя, по видимому, считала себя узбеками), меньшая часть — тюркоязычная. Занятием большинства как тех, так и других было сапожное ремесло (кафшдузи). Кроме того, в квартале жило несколько торговцев одеждой. Одна семья — Амон-бека-девонбеги [102] — принадлежала к крупной служилой аристократии.

Мечеть была каркасная. Рядом с ней находился хауз и небольшое кладбище (пушта), на котором на памяти информаторов никого уже не хоронили. Кроме этой мечети в квартале было еще хонако, представлявшее собой постройку из жженого кирпича с купольным сводом; при хонако имелись кельи, где жили студенты, и потому оно считалось также медресе. Во дворе хонако был небольшой хауз. В квартале имелся свой мактаб.

Название квартала Миракон в топонимике Бухары должно быть старым: «квартал (ку) мечети-медресе Миракон» упомянут в недатированной грамоте, которая, по мнению

[100] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 60.

[101] Сообщение жителя этого квартала Мукума Убайдуллоева, по прозвищу Мукум-большевик, 65 лет.

[102] Девонбеги — один из высших чинов в системе чинов бухарского эмирата. Девонбеги ведал всей отчетностью и утверждал расходы.

Хауз в квартале Миракон

О. Д. Чехович, была составлена до 1016/1607-08 г. Судя по этой грамоте, название квартала в то время было Калта Манор. Квартал Миракон упомянут также в вакуфной грамоте 1912-13 г.[103]

[103] Вакуфная грамота из собрания Бухарского музея, № 1313; собрание актов ИВ АН УзССР, № 47/40. Сообщение Барота Саидова, 70 лет, из квартала Миракон, и Мукума Убайдуллоева, 65 лет, из квартала Коса гарон.

37. Квартал Сохиб-зада صاحب زده («Побитый хозяином» — прозвище суфия) [104].

Квартал был довольно большой, но число домов не выяснено. Население было таджикоязычное. Занятия остались невыясненными.

В квартале была старинная купольная мечеть из жженого кирпича, при которой имелись тахоратхона и мактаб. Хауз и находившееся невдалеке от него кладбище были известны под названием Шо Араб. Святыней считалась могила «святого» Сохиб зада. Это был мавзолей с надгробием (дахма, в просторечии дакма), над которым возвышался шест с хвостом яка. Вокруг мавзолея была ограда из необтесанных камней (санги ку.х). При мавзолее было построено пять келий для студентов [105].

38. Квартал Шайх Джалол شيخ جلال (собственное имя; здесь имеются в виду городские ворота Шайх Джалол).

В квартале было 72 дома (Т, 1928 — 54 дома). Население в большинстве принадлежало к таджикоязычным бухарцам, считавшим себя узбеками. Жившие в этом квартале представители военно-служилого сословия были тюркоязычные узбеки. Довольно много жило в квартале и форсов. Главным занятием населения было ткачество. Здесь вырабатывались адрас, шелк канаус и бархат. Часть жителей занималась торговлей.

Мечеть помещалась в старинном купольном здании, которое относилось к XVIII в. Его называли хонако, видимо, из-за его архитектуры (наличие купольного свода); о совершении там религиозных радений сведений нет. За мечетью находился мазар — могила самого шейха Джалола, именем которого назывался не только квартал, но и имевшиеся в этом районе ворота, которые, по сообщениям, считались самыми старыми из городских ворот Бухары. Времени жизни шейха Джалоля население не знает, однако утверждают, что он был бухарцем. Среди народа мазар Шайх Джалол пользовался известностью как исцеляющий детей, больных коклюшем. Больных приводили к мазару и поили водой из синей

---

[104] По видимому, этО1 суфий, имя которого было Миян Гулям-Кодир, упомянут Н. Лыкошиным в качестве наставника пира, давшего посвящение ташкентскому ишану и мударрису Абдулмаджиду Юнусханишанову (Н. Лыкошин, Роль дервишей в мусульманской общине,— «Сб. материалов для статистики Сыр Дарьинской области», VII, Ташкент, 1897, стр. 126). Возраст мударриса, которому в конце XIX в. было, по словам Н. Лыкошина, 80 лет, показывает, что время деятельности его наставника суфия Сохиб зада может относиться примерно к середине XIX в.

[105] Сообщение жителя квартала Миракон, Барота Сандыка, 70 лет.

чашки (косайи кабуд). У мазара росло несколько деревьев и имелся небольшой алтарь (чирогхона), где приходившие к мазару возжигали светильники. В квартале было большое медресе (не отмеченное на плане Фенина), которое находилось к востоку от мечети.

Квартал Дарвозайи Шайх Джалол упомянут в грамоте 1691 92 г. Имя шейха Джалола встречается в «Тарихи Мир Хайдар», где говорится, что шейх был пиром Абдулазиз-хана (1645—1680), который якобы построил над его могилой мавзолей [106].

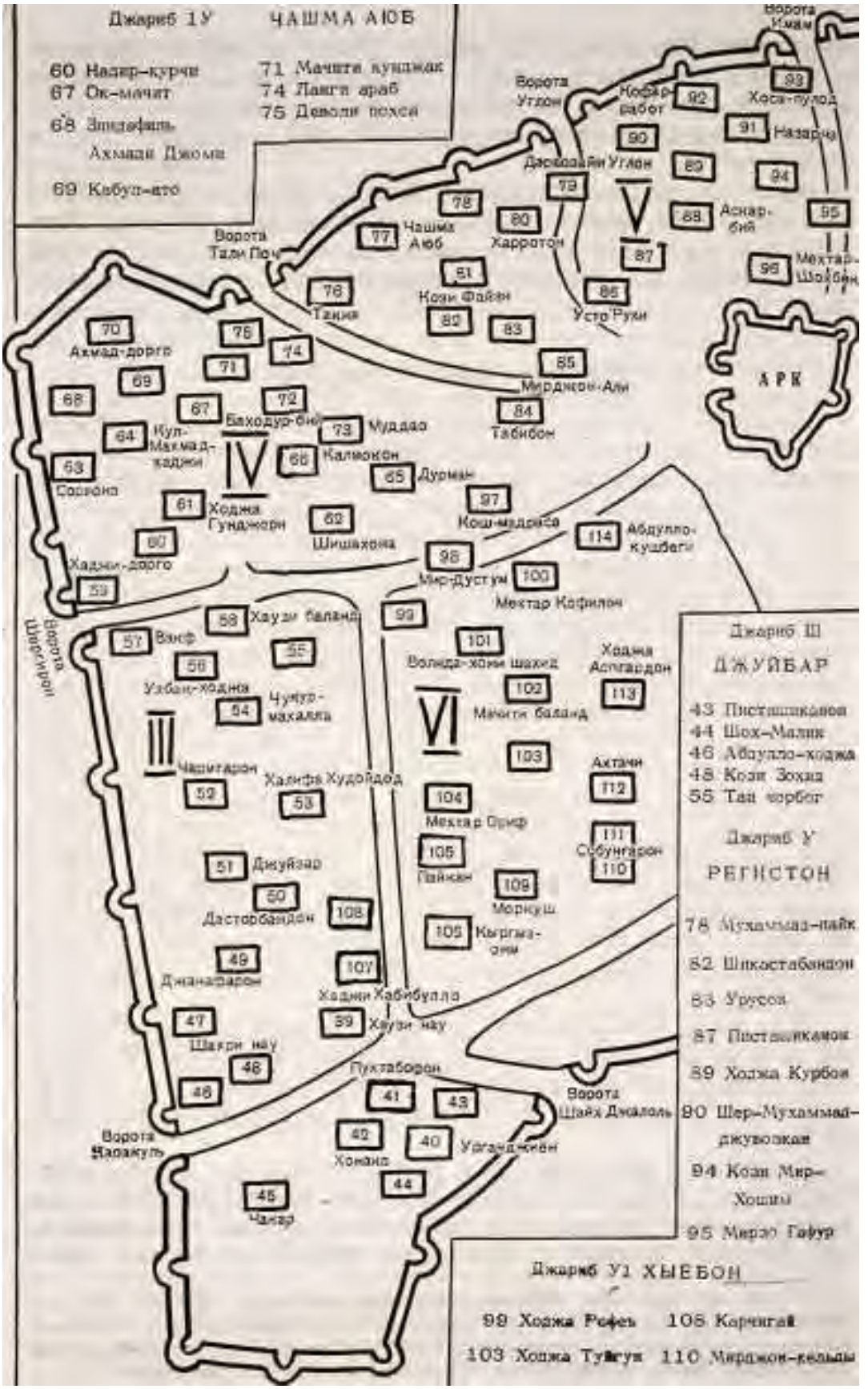
Джариб третий. Джуйбар

Джариб Джуйбар занимал юго западную часть города. Это был единственный «микрорайон», который сохранил в сознании жителей Бухары свою обособленность и свое название. По традиции считалось, что Джуйбар состоял из 16 кварталов — об этом говорили многие бухарцы. Однако состав его кварталов не был твердо известен; в отношении некоторых кварталов, пограничных с другими «микрорайонами», у информаторов не было ясной уверенности в принадлежности их к Джуйбару. Это доказывает, что традиция, считавшая число кварталов Джуйбара равным 16, сложилась давно: с тех пор могли произойти изменения, возможно, некоторые кварталы были отнесены к этому джарибу позднее или выделились из разросшегося старого квартала. Сведущие люди в своих сообщениях отнесли к Джуйбару 21 квартал. Автор записки из архива А. Л. Куна, на которую мы уже ссылались, считал, что в Джуйбаре было 37 кварталов — это сообщение при сборе сведений среди стариков бухарцев не подтвердилось. Напротив, возможно, что из числа кварталов, включаемых информаторами в этот джариб, некоторые кварталы в действительности к нему не относились.

Джуйбар был включен в черту города при Шейбаниде Абдулла хане в угоду ишанам, которым принадлежало тогда пригородное селение Джуйбар. Часть его осталась за городской стеной и называлась «Внешним Джуйбаром» (Джуйбб ри берун).

Население этого джариба было смешанное. Здесь жили и коренные бухарцы, таджикоязычные, но называвшие себя в большинстве узбеками, и небольшие группы родо племенных узбеков, частью сохранившие свой язык, частью пере

[106] ГА, ед. хр. 1186; «Тарихи Мир Хайдар», рук. ИВ АН УзССР, № 1836, л. 3аб. За эти сведения выражаю благодарность О. Д. Чехович. Описание составлено по сообщениям Косими рангреза, 72 лет, из квартала Урганджиён, Хаёта Файзуллоева, 67 лет, из квартала Пухтабофон.



Джарибы III, IV, V, VI (схема)

шедшие на таджикский. Среди населения Джуйбара боль шое место занимали форсы (ирани) — переселенцы из Мер ва и других мест, попавшие сюда, видимо, в разное время: начало их переселению (насильственному) положил Абдул ла хан (XVI в.), продолжил его Шах Мурад (конец XVIII в.). Позже здесь поселились выходцы из разных мест Ирана, пришедшие сюда по своей воле. Переселенцы сохраняли свою религию — шиизм, в этом джарибе находилась большая часть их молитвенных домов (хусайнияхона).

Джуйбар был ремесленным районом. Здесь находился главный центр производства тканей, были представлены и другие ремесла. Наряду с тем здесь были расселены и воен но служилые люди (сипо).

Восточной границей Джуйбара служил проспект Хыёбон, образовавшийся, видимо, на месте старой городской стены, разрушенной в XVI в. при расширении границ города.

В этот микрорайон мы включили 20 кварталов (из кото рых один — не совсем уверенно): Хаузи нау, Урганджиён (или Чакари султонон), Пухтабофон, Хонако, Писташика нон (или Калта ходжа), Шох-Малик, Чакар, Абдулло ходжа, Шахри нау, Кози Зохид, Джанафарон, Дасторбандон, Джуй- зар, Чармгарон, Халифа Худойдод, Чукур махалла, Таи чор бог (или Гузари нау), Узбак ходжа, Вакф, Хаузи баланд.

39. Квартал Хаузи нау حوض نو («НОВЫЙ хауз») [107].

Квартал состоял из 25 домов (Т, 1929 — 40 домов). На селение было таджикоязычное. Небольшая часть (по види мому, семья сановника Абдулло кушбеги, жившего в этом квартале) была тюркоязычная. Занятием большинства на селения было ткачество. Вырабатывался шелк-канаус. Была также мастерская «абрбанда» (мастера по орнаментации тканей путем перевязки основы) и красильные мастерские.

Мечеть представляла собой старинное купольное здание, постройка которого приписывается матери Абдулла хана. Ме четь имела два отделения: одно — для ежедневной пяти кратной молитвы, второе — для пятничной общей. В кварта ле было также помещение для полных омовений (гуслхона). Напротив мечети, через улицу, находилось большое медресе, известное под названием Мадрасайи Джуйбор. По преданию, медресе было построено Ой пошшо биби — слепой (оджиз) дочерью джуйбарского ишана Ходжа Калона (Ходжа Саъд). Но вакуфная грамота этого медресе уточняет, что Ой пошшо биби была лишь жертвовательницей вакфа и что она явля лась не дочерью, а внучкой Ходжа Саъда; отцом ее был

[107] В принадлежности этого квартала к Джуйбару полной уверенности нет.

Хауз в квартале Хаузи нау

Абдурахим-ходжа. Этот документ доносит до нас старое на звание квартала, так как медресе Джуйбори калон указано как находящееся в квартале Абдулазиз-хан [108]. Перед мед ресе находился большой хауз — Хауан нау. Об этом хаузе ходила недобрая слава, говорили, что он «притягивает к себе людей» (бонг мезанад —«зовет»). Поэтому, когда там уто нул человек, на берегу хауза был зарезан баран и приго товлено жертвенное угощение — худойи.

[108] ГА, ед. хр. 115. Описание составлено по сообщениям Хаёта Фай зуллоева, 67 лет, из квартала Пухтабофон, и Хакимова, 50 лет, бывшего гузаркома квартала Хонако.

40. Квартал Урганджиён ورگنجیان («Ургенчцы»)[109], второе, старое, но не забытое название — Чакари султонон جقر سلطانان («Улица султанов»)[110].

Квартал состоял из 64 домов (Т, 1929 — 65 домов). Его население составляли таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками. Шесть семей вело свое происхождение из Хивы (Ургандж), четыре семьи было ирани. Занятием большинства жителей было ткачество. Здесь вырабатывались различные виды шелковых и полушелковых тканей: одноцветный и пестрый шелк канаус, адрас и бекасаб. Выработкой последнего занимались мало: во всем квартале бекасаб ткался на двух станках.

Мечеть имела балочное перекрытие; мактаб помещался в простом каркасном здании; тахоратхоны не было. Святыней квартала являлся мазар Саид Тоджиддин, в котором было три могилы.

Старое название этого квартала — Чакари султонон упоминается в очень поздней вакуфной грамоте 1913 14 г.[111], из чего видно, что это название сохранялось за кварталом как официальное.

41. Квартал Пухтабофон پخته‌بافان («Ткачи»),

Квартал состоял из 66 домов (Т, 1930 — 44 дома). Он был населен таджикоязычными бухарцами (не выяснено, считали ли они себя узбеками). Две семьи принадлежали к форсам. Одна из них была семьей Хаджи Мир Али — религиозного главы всех бухарских форсов (калони эронихс — «старшина ирани»). Население квартала почти целиком состояло из ткачей. Изготовлялись полосатые ткани — бекасаб, алоча и так называемая «шоича» — полосатая ткань, в основе которой часть нитей одного или двух определенных цветов была шелковой, остальная часть — бумажной"[2].

Мечеть квартала была из жженого кирпича, с купольным сводом, и имела два айвана, где совершался намаз в летнее время. В мечети находилось надгробие, около которого был воздвигнут шест с хвостом яка, так как могила считалась мазаром. Осталось невыясненным, кому могила принадлежала. Имелась школа.

[106] Ургенчцами называли всех жителей Хорезма.

[110] Термин «чакар» в словарях отсутствует, в живом таджикском языке (например, в Ленинабаде) он употребляется до сих пор в значении «улица», «переулок».

[111] ГА, ед. хр. 394. Сообщения жителя этого квартала красильщика Хасима рангреза, 72 лет.

[112] По видимому, в названии квартала содержится намек на выработку там высокосортных тканей (пухта — «зрелый, добротный»).

Квартал Пухтабофон упомянут в акте 1812 г.[113]. Возможно, к этому кварталу относится название Алочабофон, встретившееся в акте 1752 53 г.[114].

42. Квартал Хонако خانقاه («Обитель дервишей»).

Квартал принадлежал к самым многолюдным, о которых говорили, что там было 360 домов. Однако в действительности он был не столь велик: в 1927 г., когда квартал сохранял в основном свои прежние размеры, в нем числилось, по сообщению т. Хакимова, бывшего тогда гузаркомом, 105 домов (Т, 1928 — 65 населенных и 34 пустовавших дома; Т, 1929 — 80 домов).

Население квартала было смешанным. Около сорока семей принадлежало к ходжам. Среди них выделялись богатые и знатные ходжи из рода джуйбарского ишана Ходжа Ислама. Этот род имел обширную земельную собственность, кроме того, располагал доходами с громадных наследственных вакфов, все время увеличивавшихся[115]. У жителей этой части города сохранилось предание о крупном пожертвовании, которое джуйбарские ходжи получили от эмира Насрулы (в Бухаре его чаще называли Ботур-ханом). Получение этого дара предание приписывает следующему поводу. Однажды эмир спросил ходжу: «Что есть хорошего в жизни?» Тот ответил: «Одеваться, есть и испражняться (пушидан, хурдан, ридан)». Эмир удивился такому ответу и счел его глупым и недостойным. Однако вскоре он был наказан за свое сомнение в мудрости ходжи: он заболел, весь отек и был близок к смерти; по видимому, у него сделался заворот кишок (бод на бромад). С раскаянием (тавба карда) он обратился к ходже. Тот провел своим посохом по его животу, газы отошли, и хан выздоровел[116]. В благодарность за исцеление эмир Ботур хан дал в вакф джуйбарским ходжам большие земли в Хатырчи и других местах.

В память этого «чудесного исцеления» женщины перед родами приходили в келью (чиллахона) Ходжа Калона[117] и совершали там обряд поклонения, веря, что это им поможет

[113] ГА, ед. хр. 460.

[114] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 359/508. Описание квартала составлено по сообщениям Хаёта Файзуллоева, 67 лет, и других жителей этого квартала.

[115] См.: В. Л. Вяткин Шейхи Джуйбари; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954.

[116] Возможно, в этом предании отразился в искаженном виде исторический факт — болезнь и смерть родоначальника мангытской династии Рахим бека, который, по словам Филиппа Ефремова, умер скоропостижно от болезни, «от которой распухло у него сильно брюхо» (Филипп Ефремов. Девятилетнее странствование, М., 1950, стр. 35).

[117] Ходжа Калон — прозвище Ходжа Саъда, сына Ходжа Ислама.

разрешиться от бремени так же легко, как легко был исцелен Насрулла хан.

Джуйбарские ходжи принадлежали к богатейшим феодалам Бухарского ханства, с ними считали возможным родниться сами эмиры — за ходжей выдавались девушки из эмирской семьи, их мужья получали титул «кёйу-ходжа» («зять ходжа»). Некоторые из ходжей считались служилыми (сипо) и числились на эмирской службе. По утрам, подпоясавшись широкими кушаками, они шли в арк на ежедневные приветствия эмира. В свою очередь, эмир наезжал иногда навестить своих родственников ходжей, и эти наезды обставлялись очень торжественно. Вся дорога от арка до квартала выстилалась коврами, и эмир проезжал по ним между рядами выстроившихся вдоль дороги сарбазов. За сарбазами толпился народ, собравшийся поглазеть на эмирский выезд. Однако не все ходжи, жившие в квартале, были знатны и богаты. В то время как одни семьи принадлежали к высшим кругам феодального общества, другие не имели никаких доходов и жили своим трудом. Многие специализировались в различных ремеслах, среди ходжей были сапожники (кафшдуз), плотники и ткачи. Разница в положении ходжей этого квартала может иметь двоякое объяснение: либо ходжи происходили из разных родов (в то время как одни являлись потомками джуйбарского ишана и поэтому имели наследственное право на доходы с пожертвованных ему вакфов, другие в родстве с ним не состояли), либо среди небогатых ходжей квартала были обедневшие потомки тех сыновей джуйбарских ишанов, которые получали лишь небольшую часть наследства — его львиная доля вместе с ишанским званием доставалась старшему сыну[118].

Среди большинства населения квартала (карача — «чернь»), не принадлежавшего к ходжам, было много форсов, которые занимались главным образом обработкой шелка: шелкомотанием (пиллакаши)и выделкой дорогих сортов тканей: адраса, бекасаба, бархата и шелковых платков. Из таджикоязычных бухарцев (называвших себя узбеками) здесь жили различные ремесленники, мельники (хароспон), имевшие здесь же при доме небольшие мельницы (харос), приводимые в движение лошадью или ослом, хозяева примитивных маслодавилен (равгангари), откупщики вакуфных доходов (иджорадор) и др. Некоторые семьи из этой части жителей квартала принадлежали к служилому сословию (сипо), занимали различные мелкие должности.

Квартал Хонако был несколько обособлен от остального города, и эта обособленность отражалась в сохранении до

[118] Об этом см. в указанных работах В. Л. Вяткина и П. П. Иванова.

последнего времени ворот, преграждавших вход в него и закрывавшихся на ночь. Ворота эти находились на маленькой улочке, ведшей к святыне — старинному хонако, которое представляло собой кирпичное здание с купольным перекрытием, и к молельне (чиллахона). На эту улочку никто не въезжал верхом; всадники спешивались и входили в ворота, ведя верховое животное на поводу. Постройка чиллахоны приписывалась Ходжа Калону. Там до революции муллы и ишаны «отсиживали сорокадневна» (чилла мешиштан).

Второй, более старой святыней квартала, которую он делил с соседним кварталом Шох Малик, была могила «святого» Имом Бакри Фазль (X в.) [119], над которой было выстроено небольшое здание типа мечети и поставлен шест с хвостом яка. На этом мазаре в одиннадцатый день каждого месяца совершался обряд «ёздахум» [120]. У мазара был свой шейх, который считался потомком погребенного здесь «святого» и имел право получать в свою пользу приношения верующих (назр, в просторечии — нарз). Имом Бакр считался одним из четырех «святых» Бакров (Бакр — собственное имя), имевшихся в Бухаре. Самый главный Бакр — Имом Бакри Саъд, родоначальник джуйбарских ходжей, похоронен в известном мавзолее Чарбакр, в окрестностях Бухары.

Третьей святыней квартала Хонако был мазар, известный под названием Солори хадж [121]. Мазар оказался внутри города после перестройки городской стены в конце XVI в. В какой то период по имени этого мазара назывался и квартал; в недатированной вакуфной грамоте (не ранее XVII в.) упомянут квартал Солори хадж [122]. «Мечеть мазара Солори хадж в Джуйбаре» упоминается в поздней грамоте 1901 02 г. [123], видимо, тогда квартал уже так не назывался. Название мазара, по видимому, следует понимать как «руководитель хаджа» (ср. сипох-солор — «военачальник»). Легенда объясняет его следующим образом. Один человек в запальчивости поспорил с женой, что он в одну ночь совершит паломничество в Мекку. Не зная, как это выполнить, он обратился к джуйбарскому ишану Ходжа Калону. Тот показал ему на оборванного, грязного человека, который поддерживал огонь в топке бани этого квартала, и сказал: «Если кто и может помочь тебе совершить хадж в Мекку в течение одной ночи,

[119] «Книга Мулло-зода», стр. 28. Нисба имама Бакри Фазль — бухори — говорит о том, что он был бухарцем.
[120] См. выше, стр. 86—87.
[121] «Книга Мулло-зода», стр. 34. Возможно, основываясь на том же источнике, В. Л. Вяткин говорит, что Солори хадж был «святым» эпохи Саманидов (В. Л. В я т к к н, Шейхи Джуйбари, стр. 4).
[122] ГА, ед. хр. 225.
[123] ГА, ед. хр. 487.

то только он». Этот человек был чильтаном [124]. Он не желал обнаружить свою принадлежность к чильтанам совершением явного чуда, однако не мог отказать в помощи обратившемуся к нему человеку и умер, дав тому возможность в одну ночь достигнуть Мекки и вернуться обратно, заранее сказав ему: «Пойдите к Ходжа Калону и скажите ему, чтобы он читал по мне заупокойную молитву (джаноза)». Он умер, велев похоронить себя близ бани, у дороги, чтобы его все время попирали ноги проходящих. Его могила и сделалась мазаром Солори хадж [125]. Этот мазар являлся местом совершавшегося в годовые праздники женского паломничества, которое именовалось «пеший хадж» (хаджи пиёда). По имевшемуся верованию, оно могло заменить недоступное для женщин паломничество в Мекку. В «пеший хадж» отправлялись еще затемно [126]; сначала заходили на поклонение в старинную мечеть квартала Мачити Балянд, на высокий айван которой поднимались в убеждении, что это может способствовать достижению высокого положения. Паломничество совмещалось с женскими гуляньями ритуального характера (сайль). Особенно большой сайль был в праздник курбан (курбон байрам).

Квартал Хонако упомянут в вакуфных грамотах 1706 07 г. (как Хонако в Джуйбаре) и 1785 86 г.[127].

43. Квартал Писташикаион بستەشکنان («Раскалыватели фисташек») [128], или Калта ходжа کلته خواجه («Ходжа коротышка»).

Население квартала было немногочисленное, в нем насчитывалось всего 15—20 домов (Т, 1929 — 20 домов). Большинство жителей принадлежало к таджикоязычным бухарцам (в сообщении «были таджиками»), в 3—4 домах жили форсы, все ткачи шелка канауса (шохи). Этим же занималась и часть таджиков. Остальные главным образом промышляли изготовлением для продажи соленых урюковых ко

[124] О чильтанах см.: М. С. Андреев. Чильтаны چیل تن в среднеазиатских верованиях,—сб. «В. В. Бартольду». Ташкент, 1927.

[125] Среди бухарцев распространена искаженная форма этого названия — Соли Оли хадж.

[126] Имеются также сведения о «пешем хадже» женщин в Самарканде, также совершавшемся ночью. Там местом такого паломничества был мавзолей Абду Дарун.

[127] ГА, ед. хр. 274, 5. Описание составлено по сообщениям Хаёта Файзуллоева, 67 лет, из квартала Пухтабофон, Хакимова, 50 лет, бывшего гузаркома квартала Хонако, семидесятилетней женщины ходжа, уроженки квартала Хонако, и мастера-строителя Усто Маджида, ок. 90 лет, уроженца квартала Джанафарон.

[128] Одноименный квартал находился к северу от арка, в джарибе Регистон

сточек, надкалыванием фисташек и очисткой ядер урюковых косточек, служивших для приготовления халвы и скупавшихся кондитерами. Часть жителей занималась лощением тканей (пардозгари).

По северной оконечности квартала проходила большая улица, которая вела от центра города к Каракульским воротам. На ней находились небольшие торговые и ремесленные ряды. Главное место занимали мастерские лощильщиков, их было до десяти, в каждой работало по 3—4 человека, среди них — мастер хозяин, его подмастерья (халфа) и ученики. Наиболее крупными были мастерские Усто Абдулло, Усто Остонакула, Усто Мумина и Усто Акрами пардозгара. Здесь же находилось несколько красильных мастерских. В двух из них (рангрезхона) пряжа окрашивалась горячим способом во все цвета, кроме синего. Одна из этих мастерских принадлежала известному мастеру Усто Косиму, который впоследствии долго работал в ткацких артелях. Хозяином второй мастерской был Усто Хомид-бой. В трех четырех мастерских (кабудгари) производилась окраска пряжи холодным способом в синий или черный цвет. Эти мастерские принадлежали местным евреям. Наиболее известными среди них были красильщики Малахим и Исохол.

Выделившись из квартала Хонако, по видимому, сравнительно недавно и будучи малолюдным, квартал Писташика не имел своей мечети. Его население ходило в мечеть квартала Пухтабофон (хотя мечеть квартала Хонако находилась немногим дальше, чем мечеть квартала Пухтабофон) [129].

44. Квартал Шох-Малик ملک شاه (собственное имя).

Квартал состоял из 56 домов (Т, 1929). Население делилось на ходжей и простой народ (карача — «чернь»). И те и другие были таджикоязычными бухарцами (осталось невыясненным, причисляли ли они себя к узбекам). Было также немало форсов. Основным занятием жителей были ремесла, главным образом ткачество. Вырабатывали шелк канаус и адрас. Две семьи занимались орнаментацией основы ткани способом перевязки (абрбанди), несколько семей являлись строителями (гилькор). Были и сапожники (музадуз). Одна семья была набойщиков (читгар), изготовлявших бумажные платки (румол), узор на которых печатался одной черной краской. Некоторые ходжи квартала принадлежали к знати, получали большие доходы с вакуфного имущества (вакфона),

[129] Сообщения лощильщика, Олима Зуфёна 70 лет, из этого квартала, Хаёта Файзуллоева из квартала Пухтабофон, 67 лет, Хакимова из квартала Хонако, бывшего гузаркома.

а также полное обеспечение от казны (аз пошо): хлеб в количестве двух лепешек в день на каждого члена семьи, мясо в различных количествах (2—3—10 кг), чай, сладости и даже спички. Это значит, что они состояли на эмирской службе, занимая должности, на которых полагалось получать кормление (ротифа).

Мечеть квартала помещалась в кирпичном здании с купольным сводом, был здесь и мактаб; здание его было красное. Святыней считался мазар Имом Бакр, который находился на стыке с кварталом Хонако [130].

45. Квартал Чакар چکر («Улица»).

Квартал был большой, в него входило приблизительно 100 домов (Т, 1929 — ПО домов). Население в большей своей части состояло из форсов, меньшинство составляли таджикоязычные бухарцы. Главным занятием было ткачество. Здесь вырабатывали шелк канаус и в небольшом количестве адрас. Иногда, главным образом для себя, закладывали и бумажную полосатую ткань (калами), которая была наиболее распространенным материалом для верхних халатов мужского населения Бухары. В этом квартале жил видный сановник Салим бек инок, автор известной книги исторического содержания «Каджкули Салими». Он умер в 1930 г.

Мечеть служила для ежедневных пятикратных намазов не только населения этого квартала, но и соседнего квартала Хонако. Также в общем пользовании находилось расположенное возле мечети помещение для омовений (тахорат хона). В квартале был большой хауз, известный под названием Хаузи Чордара {«хауз с четырьмя дверями»), так как он был окружен глинобитной оградой, в которой было оставлено четыре входа, обращенных к четырем переулкам, выходившим к хаузу. Его водой пользовались и жители квартала Хонако [131].

46. Квартал Абдулло-ходжа عبدالله خواجه (собственное имя).

Квартал был большой и многолюдный, в него входило свыше сотни домов (Т, 1929 — 143 дома): Большинство населения составляли форсы, меньшинство — бухарцы, говорившие по таджикски. Между обеими группами была тесная связь, заключались смешанные браки, сообща ходили в мечеть. Главным занятием населения было ткачество. Здесь

[130] Сообщения Косими рангреза, 72 лет, из квартала Урганджиён, Олима Зибеди, 70 лет, из квартала Писташиканон.

[131] Сообщения ткача форса из этого квартала и бывшего гузаркома квартала Хонако — Хакимова, 50 лет, тоже форса.

изготовлялись все виды шелковых и полушелковых тканей: бархат, адрас, шелк канаус, шелковая алача, бекасаб и полушелковая ткань (мисри), употреблявшаяся на паранджи. Некоторые занимались размоткой коконов. Обработка шелка и шелкоткачество были преимущественно занятиями форсов. Бухарцы занимались отчасти ткачеством, отчасти другими ремеслами: в квартале жили две семьи набойщиков — читгар (астáру курпа чит пахш мекардан), несколько мастеров строителей, цирюльник и один мастер по выбеливанию маты (шустагар, в просторечии — шуштагар). Здесь жил также крупный торговец коврами, имевший постоянную связь с Хивой, откуда приезжали к нему и останавливались у него в доме хивинские купцы.

Мечеть представляла собой каркасное здание. Напротив нее находилось маленькое кладбище, на котором была почитаемая могила Абдулло-ходжа, давшая имя кварталу. Мактаб помещался в старинном купольном здании. Имелась общественная тахоратхона.

Вдоль улицы, ведшей от Каракульских ворот к центру, располагались небольшие торговые ряды: мелочные лавочки (бакколи), чайхана, пекарня, лавка, где изготовлялись сладости (халвогари). В квартале имелась также мельница, приводимая в движение ослом или лошадью.

Квартал Абдулло ходжа в Джуйбаре упомянут в вакуфной грамоте 1897-98 г. [132].

47. Квартал Шахри нау شهر نو («Новый город»).

Квартал состоял из 50—70 домов. Население было смешанным: большинство составляли таджикоязычные бухарцы, меньшинство — форсы. Жили они вперемешку, имели тесные связи друг с другом (кати буд дар кати). Правда, смешанные браки, как правило, не практиковались, но на семейные собрания (той, похороны и поминки) приглашали друг друга обязательно. Если в момент призыва на молитву находились в смешанной компании, включавшей в себя шиитов и суннитов, то вместе ходили в квартальную мечеть. Большинство живших в квартале бухарцев занималось строительными ремеслами: здесь жили плотники и каменщики; один мастер занимался выделкой и обжигом кирпича (хумдончи). Некоторые жили на доходы с земли (находившейся за стенами города) и назывались «дехкон», хотя сами обработкой земли не занимались, а сдавали ее в аренду. Большинство форсов и часть бухарцев вырабатывали шелковые ткани.

[132] ГА, ед. хр. 276. Сообщения уроженца этого квартала, 70 лет, форса, по профессии цирюльника; уроженца квартала Хонако — Хакимова, бывшего там в 1926 и 1927 гг. гузаркомом, и др.

Некоторые форсы занимались изготовлением сладостей, преимущественно леденцов (каннот).

Из квартала Шахри нау незадолго до революции начал выделяться новый квартал — Кучайи боло («Верхняя улица»). Хотя в этой части квартала Шахри нау было всего 8—9 домов, их жители выстроили отдельную мечеть, так как территория квартала была сильно вытянута и живущим в южной части было затруднительно ходить к утренней молитве в мечеть, расположенную на северной окраине. Квартал Кучайи боло образовался очень поздно и не успел приобрести известность; о его выделении знали лишь те, кого это непосредственно коснулось.

Образование квартала Шахри нау предание относит ко временам Тимура. Последний, якобы увидев ночью из дверцы в стене арка на этом пустовавшем раньше месте огни, сказал: «Там, оказывается, образовался новый город» («Ун джо шахри нау шудас»), откуда и пошло название квартала. Некоторые информаторы, сообщая это предание, указывают, что новыми поселенцами, положившими начало кварталу Шахри нау, были 3 семьи из Хорезма (Урганч), сначала жившие в шалашах (каппа зада шиштаги).

Старая мечеть квартала была каркасная. Имелись мактаб и тахоратхона. В северной части квартала находился большой хауз. Второй хауз, маленький, был известен под названием Хаузи Рахими зур, видимо, по имени человека, явившегося инициатором его устройства [133].

48. Квартал Кози Зохид قاضی زاهد («Судья Зохид»).

Квартал состоял из 40—50 домов. Население было смешанное: там жили форсы и бухарцы, говорившие по таджикски. Последних было больше. Основным занятием было ткачество, вырабатывался шелк канаус и адрас. Последний ткали главным образом бухарцы. Жили здесь и строители каменщики, и плотники, и одна семья, занимавшаяся изготовлением уксуса (сиркой), а также мелкие торговцы (дукондор).

Мечеть была из жженого кирпича, с балочным перекрытием, имелся мактаб и тахоратхона.

В вакуфных грамотах начала XX в. мы находим упоминания квартала Кози Саиди Джуйбор [134], несомненно, идентичного с описываемым. В еще более ранней грамоте 1716-17 г. упоминается квартал Суфи Зохид, тоже находящийся в Джуйбаре [135].

[133] Сообщения уроженца квартала Чармгарон, кожевенника, 80 лет; цирюльника форса, 70 лет, из квартала Абдулло-ходжа, и Хаджи Джамоля. 70 лет, из квартала Джанафарон, бухарца, по профессии водоноса.

[134] ГА, ед. хр. 229, 230.

[135] ГА, ед. хр. 1298. Описание составлено по сообщениям очень знающего кожевенника, 80 лет, из квартала Чармгарон.

49. Квартал Джанафарон جنفران (видимо, родовое имя или прозвище; значение неясно).

В квартале было 52 дома (Т, 1929—41 дом). Население состояло из таджикоязычных бухарцев и форсов (последних значительно меньше). Те и другие находились в самых тесных взаимоотношениях, до «шиитской резни» 1910 г. не избегали смешанных браков, позже такие браки не наблюдались.

Занятием многих были строительные ремесла; здесь жили каменщики и плотники. Из этого квартала происходил, например, известный бухарский мастер-строитель, специалист по купольным конструкциям Усто Маджид Солихов (род. в 50 е годы XIX в., ум. в 1950 г.). В квартале жили также мясники (кассоб), торговцы пряностями (аттор), рисом (бринчфруш) и мастера по выделке шерстяных веревок (респонтоб).

Мечеть представляла собой простую каркасную постройку (чубкори) [136].

50. Квартал Дасторбандон دستاربندان («Повязывающие чалму» — родовое прозвище).

В квартал входило 50—60 домов (Т, 1928—56 домов). Население состояло из таджикоязычных бухарцев и форсов. Последние занимались выработкой шелка канауса, адраса и, по некоторым сведениям, шелковых чалм. В квартале жили также два абрбанда, имевшие здесь свои мастерские. Бухарцы занимались в большинстве строительными ремеслами, здесь жили плотники и каменщики.

В квартале были и суннитская мечеть, и шиитский молитвенный дом (хусайниях хона). Здесь имелись также школа и помещение для омовений (тахоратхона), очень благоустроенное (даскох).

В вакуфной грамоте 1809 10 г. упоминается квартал Мирзо-хаджи-дасторбанд [137], и таким образом раскрывается значение названия квартала. Повязывание чалм «дастор» (больших, парадных) было особой профессией. Специалисты дасторбанды были, например, при дворе последнего бухарского эмира Алим хана [138]. Этим делом занимался и названный в

[136] Сообщения Хаджи Джамоля, 70 лет, по профессии водоноса, жителя этого квартала; мастера строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет; кожевенника, 80 лет, из квартала Чармгарон; Хакимова, 50 лет, уроженца квартала Хонако.

[137] ГА, ед. хр. 47.

[138] Описание квартала составлено по сообщениям кожевенника из квартала Чармгарон, 80 лет, и цирюльника форса, 70 лет, из квартала Абдулло ходжа.

локументе Мирзо хаджи. Вероятно, профессия, как это быва ло обычно, перешла к его потомкам, дала им родовое проз вище, сделавшееся и названием квартала.

51. Квартал Джуйзар جوی زر («Золотоносный ка нал») [139], или Хаузи Бобо Ниёз حوض بابا نیاز («Хау дедушки Нияза»).

В квартал входило 60 домов (Т, 1929 — 47 домов). На селение состояло из форсов и таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками. Много было ткачей; они выра батывали преимущественно полушелковые полосатые ткани — бекасаб и алачу. Здесь были также мотальщики коконов и мастера по изготовлению берд для ткацких станков. Жили здесь и строители (плотники и каменщики). Среди жителей этого квартала выделялась группа обмывальщиков мертвых (мурдашуй), которые занимали домов 20. Этим занимались как мужчины, так и женщины, каждый обмывая мертвецов своего пола.

Обмывальщики мертвых жили обособленно, остальные жители не вступали с ними в браки и избегали их, хотя на семейные ритуальные пиршества их приглашали на равне со всеми, причем ели с ними с одной скатерти (что обычно у горожан не практикуется). Когда такие пиршества бывали у обмывальщиков, к ним также приходили из всех семей квартала.

В квартале имелась мечеть [140].

52. Квартал Чармгарон چرمگران («Кожевенники»).

Сообщения о количестве домов в квартале сильно расхо дятся: одни называли цифру 45—50, другие — 100. Послед няя показана наиболее надежным и знающим восьмидесяти летним кожевенником, уроженцем и в прошлом постоянным жителем этого квартала (Т, 1929 — 48 домов). По словам вышеназванного старика кожевенника, большинство населе ния квартала состояло из таджикоязычных бухарцев, около 50 домов населяли выходцы из Ургенча (урганджихо), почти совершенно ассимилировавшиеся с таджикоязычным населе

[139] Возможно, это название можно идентифицировать с древним на званием канала Руди зар или Зар руд, который А. А. Семенов считал идентичным с современным каналом Руди шахр («Городская река»), про текающим значительно севернее квартала Джуйзар. Следует, однако, от метить, что в актах XVI в. упоминается пригородное селение Джуйзар («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 146) и арык Джуйзар (там же, стр. 271).

[140] Сообщения уроженцев соседних кварталов. (Информатора из за пустевшего квартала Джуйзар найти не удалось.)

нием Бухары. Зная, как и большинство бухарцев мужчин, и узбекский язык, в семье они употребляли таджикский. Пре даний о времени переселения их из Ургенча не сохранилось; видимо, это произошло очень давно. С другими выходцами из Ургенча (жившими в кварталах Урганджиён, Чорбакко ли Дарвозайи Самарканд и Буйробофон) они никакой свя зи не имели. К этой группе выходцев из Ургенча принадле жал и упомянутый выше информатор кожевенник. В квар тале было также несколько семей форсов.

Занятием большинства населения было кожевенное ре месло. Вырабатывали подошвенную кожу (чарм) и белую кожу (меши), которая шла на всевозможные поделки, на отделку и подкладку кожаных сундуков — «яхдон» (в про сторечии — якдон) и других предметов, на лошадиную сбрую; из нее делали также денежные мешки (саноч). Производст во кожи осуществлялось за стенами города (неподалеку от ворот Шергирон), на берегу арыка. Проживавшие в кварта ле форсы были мясниками. В этом квартале жили и ткачи; это не были постоянные жители; здесь находилось общежи тие цеха ткачей (такия), где жили ткачи, приходившие в Бухару из других мест, ища работу в качестве наемных ма стеров (халфа). В большинстве своем это были узбеки из Шахрисябза, Китаба или Карши. Во главе этих пришлых мастеров, живших в «такия», стоял выборный старшина (да болошон аз хутошон як калонтарашон буд). «Такия» пред ставляло собой небольшой двор, окруженный худжрами, ко торых было около 15. Несмотря на то что обитатели «такия» были гораздо более тесно связаны с жителями ткацких квар талов Бухары, в которых они работали, они считались (по месту своего жительства) членами общины квартала Чарм гарон (по выражению информатора, «уно да хисоби мо буд» — «они были за нами»). Это выражалось в их обяза тельном участии во всей обрядовой жизни квартала: посеще нии ими происходивших в квартале семейных торжеств (сва деб и обрезаний) и траурных собраний и похорон.

Квартальная мечеть представляла собой каркасную по стройку, оштукатуренную внутри ганчем. Имелась тахоратхо на, где зимой согревалась вода для ритуальных омовений всего мужского населения квартала. В квартале был хоро ший хауз, облицованный камнем. Вода в него шла из хауза квартала Мир Дустум, проходя через сад, известный как Чорбоги Барот бек (см. дальше). Святыней квартала, почи тавшейся исстари, была могила ишана Нур Мухаммада, находившаяся внутри небольшой постройки, перед которой был айван. При мазаре жили потомки «святого», которые присматривали за могилой и получали приношения ве рующих.

Квартал Чармгарон в Джуйбаре упомянут в вакуфной грамоте 1863 64 г. [141].

53. Квартал Халифа Худойдод خلفه خدايداد (имя духовного лица).

Квартал состоял из 148 домов (Т, 1929 — 52 дома). На селен был в основном таджикоязычными бухарцами, кото рые считали себя узбеками. Часть населения, главным об разом кожевенники, была тюркоязычная. Б меньшем количе стве в квартале жили форсы. Главным занятием жителей было шорное дело (сарроджи) и частично кожевенное (из готовляли идущую на шорные изделия тонкую белую кожу,— меши). Здесь было также довольно много ткачей, которые производили шелк — шохи и адрас, а по некоторым сведени ям — также бумажные ткани (в основном для себя): одно цветный карбос, полосатую грубую ткань калями и полоса тую ткань «шойча», в основу которой в небольшом коли честве вводились шелковые нити. Мастерские ткачей были очень маленькие — наибольшее число станков в мастерской не превышало 3—4, причем работали на них главным обра зом члены семьи ткача. Наемный труд в ткацких мастер ских этого квартала, как правило, не применялся.

В квартале были торговые ряды, где находились мелоч ные и овощные лавки (бакколи) и чайхана (самоворхона).

Мечеть была в то же время хонако • — по пятницам там происходили громкие религиозные радения типа «джахр». При хонако было общежитие для слепцов — чтецов Корана.

Хонако Халифа Худойдод относится к числу историче ских памятников (XVIII в.). Население приписывает по стройку хонако крупному ишану Халифа Худойдоду, похо роненному на соседнем кладбище Эшони Имло. По преда нию, он жил 200 лет назад: отдельные пожилые бухарцы еще помнят со времен своего детства людей, которые говорили, что еще застали Халифа Худойдода в живых. Так, мастер строитель Усто Маджид, родившийся около середины XIX в., в детстве знал столетнего старика, который считал свое дол голетие результатом благословения, полученного им в детстве от этого «святого» старца. Усто Маджид слышал от стари ков, что Халифа Худойдод пришел в Бухару из Ургенча. Не исключено, что Халифа Худойдод тожествен с шейхом Худойберды, жизнеописание которого под названием «Лут фи бузург» известно в рукописях. Согласно этому источнику, Худойберды происходил из Балхской области и шестилетним ребенком был привезен в Бухару, где правил тогда Мухам мед Рахим мангыт (1753—1758). Худойберды пользовался

[141] ГА, ед. хр. 294. Сообщение уроженца этого квартала, 80-летнего кожевенника.

• большим уважением бухарских правителей и умер в глубокой старости в 1841 г. Жизнеописание Худойберды составил его сын в 1842 43 г.[142] Биографические данные во многом совпадают с приведенным выше народным преданием, а оба имени шейха являются точной калькой одно другого (Худойдод — таджикское, Худойберды — узбекское). Другое предание относит время жизни Халифа Худойдода к правлению Абдулазиз хана (1645—1680). По этому преданию, Абдулазиз хан был мюридом Халифа Худойдода, состоя одновременно и мюридом другого бухарского «святого» — Мавлоно Шарифа (XVII в.)[143]. Оба старца долго боролись за хана, который колебался, кому из них отдать предпочтение. Наконец он счел за лучшее отдать решение этого вопроса на волю судьбы или, вернее, своего верхового коня. Велев посадить себя на лошадь (хан был парализован и не мог ходить), он пустил ее идти, куда она захочет. Сначала лошадь пошла в сторону квартала Халифа Худойдод, однако, дойдя до моста через городской канал, известного под названием Пули ошукон («Мост влюбленных»), повернула в ту сторону, где жил Мавлоно Шариф. Пройдя полпути, лошадь опять повернула в сторону Пули ошукон, потом пошла обратно, колеблясь не меньше своего хозяина. Наконец, решившись, она направилась в сторону жилища Мавлоно Шарифа, которое находилось в центре города, где был квартал, позже носивший его имя. Когда Абдулазиз хан подъехал к дому Мавлоно Шарифа, тот сидел и беседовал с духом (рух) самого пророка Мухаммеда. «Святому» доложили о приезде хана. Он сказал: «Пусть придет сюда». Услышав этот приказ, хан легко спрыгнул с лошади, как будто никогда и не был парализован. Войдя к «святому» и увидев сидевшего там Мухаммеда, хан сначала лишился чувств, но потом пришел в себя и принял участие в беседе. Тем временем Халифа Худойдод, узнав о том, что хан уехал к Мавлоно Шарифу, явился туда с тысячной толпой своих мюридов, намереваясь завладеть ханом хотя бы силой. Оставив своих мюридов снаружи, он вошел к своему сопернику в весьма воинственном настроении. Однако, увидев там дух пророка, он оставил свое намерение и принял участие в общей беседе. После этого Абдулазиз хан сделался мюридом обоих ишанов, примирив их этим друг с другом[144]. Несмотря на хронологи

[143] Н. Д. Миклухо-Маклай. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения АН СССР. «Ученые записки Ин-та востоковедения», XVI, М.—Л., 1958, стр. 264 265.

[142] О нем подробно см. в описании квартала Мавлоно Шариф (№ 164).

[144] Легенда сообщена Ахьёром Ахараровым, 65 лет, женатым на последней праправнучке (точно число поколений не выяснено) Мавлоно Шарифа.

ческие несоответствия и легендарный характер этого предания, оно очень интересно для характеристики взаимоотношений между главами суфийских общин. Рассказ о борьбе между «святыми старцами» не лишен правдоподобия.

Мечеть, медресе и тахоратхона Халифа Худойдод упомянуты в грамоте 1797-98 г. как находящиеся в квартале Чорбоги Боки Мухаммад хон [145]. Это упоминание доносит до нас старое название квартала, а также старое название имевшегося в этом районе сада, который позже оказался на территории квартала Чукур махалла. По видимому, это получилось в результате дробления кварталов.

54. Квартал Чукур-махалла محله چغور («Слобода в низине»). Юго восточная часть квартала носила название Джиляухона — جلوخانه («Помещение для уздечек») [146] и во многих сообщениях выделялась как самостоятельный квартал. Однако отделение не успело завершиться, и в наиболее достоверных сообщениях Джиляухона вместе с хаузом того же имени связывается с кварталом Чукур махалла в одно целое.

Квартал Чукур махалла состоял из 160—180 домов, являясь, таким образом, одним из самых крупных кварталов Бухары. (В 1930 г. отмечены отдельно кварталы Чукур махалла — 62 дома, Боки хон — 82 дома и Джиляухона — 22 дома.) Квартал Чукур махалла был населен почти исключительно одними форсами. Этим и объясняется то, что квартал назывался «махалла» [147]. По сообщениям, некоторые из форсов этого квартала сравнительно недавно переселились в Бухару из Ирана. Такие переселенцы выделялись из среды местных уроженцев форсов прозвищем «машади» («мешхедец»). Нередко поздними выходцами из Ирана оказывались женщины: у богатых форсов, ездивших туда по торговым делам, было в обычае привозить себе жен. Такое происхождение имели, например, жены религиозного руководителя бухарских шиитов — шейха Мад Косима, который сам был уроженцем Бухары. Кроме форсов в квартале жили несколько семей таджикоязычных бухарцев суннитов. Между обеими группами были близкие связи, и те и другие посещали друг друга в дни семейных торжеств и траура; были случаи смешанных браков. Сунниты ходили на ежегодные

[145] ГА, ед. хр. 17. Описание составлено по сообщениям кожевенника из квартала Чармгарон, 80 лет, и мастера строителя Усто Маджида. Солитхова ок. 90 лет, из квартала Кош мадраса, уроженца квартала Джанафарон.

[146] Так называлось помещение, где оставлялись лошади тех, кто приезжал для представления правителю.

[147] О термине «махалла» см. выше, стр. 75, прим. 40.

шиитские траурные собрания (ашури) в память убиения имама Хусейна.

Главным занятием форсов было шелкоткачество. Здесь вырабатывали шелк канаус, адрас, бархат, шелковые платки, как простые, так и выполненные более сложной техникой тирма (тканье в шахматный узор). Такой же техникой ткались шарфы, предназначавшиеся для вывоза в Туркмению. Все эти виды тканей изготовлялись каждый ткачами особой специальности. Наиболее известными мастерами среди жителей квартала за последнее время перед революцией были Усто Джурабой и Усто Шараф, оба ткачи бархата. Кроме ткачей в квартале жили также шелкомотальщики (пиллакаш). Таджикоязычные бухарцы занимались торговлей, в частности пряностями, и изготовлением сладостей (хальвогари).

По сведениям, в квартале Чукур махалла была суннитская мечеть, представлявшая собой каркасное здание[148]. В квартале было два медресе Боки хони накиб и Хаким оим[149]. Постройка последнего преданием приписывается жене джуйбарского ишана Ходжа Калона (Ходжа Саъд). Ей же, по преданию, принадлежал имевшийся в квартале большой сад парк, который раньше, по воспоминаниям стариков, назывался Чорбоги Хаким оим. Во времена Музаффар хана этим садом владел крупный сановник, приближенный хана — Барот бек, бывший в чине удайчи. Наиболее старые из наших информаторов его еще помнили. По их рассказам, Барот бек происходил из простого народа и был тюркоязычным узбеком из какого то района. Придя в Бухару, он поступил на службу в эмирскую армию, постепенно возвысился до чина удайчи, разбогател и занял положение крупного чиновника аристократа. Однако конец его был трагический: он был брошен в тюрьму (обхона) в арке и умер от голода. Как рассказывают, причиной ханского гнева послужило следующее. Однажды, когда Музаффар хан устроил большое гулянье в своем загородном дворце Ширбудун, Барот бек, опьянев, вырвал бубен у музыканта и принялся сам играть на нем. Это увидел эмир и за то, что Барот бек «уронил достоинство приближенного эмира», приказал схватить его, бросить в тюрьму, не давать ни пищи, ни воды. Барот беку немедленно скрутили руки, взвалили его на лошадь, отвезли в арк, бросили в обхону и оставили там. Гулянье в Ширбудуне продолжалось еще 7—8 дней, и, только вернувшись в арк, эмир велел посмотреть, что сталось с Барот беком. Несчастного вытащили из обхоны с признаками жизни, но он

На плане Парфенова—Фенина она не обозначена.
В экспликации к плану Парфенова—Фенина: Чучух-оим.

тут же умер. Как оказалось, мучимый голодом, он разодрал на себе одежду и пытался откусить кусок мяса от собствен ного плеча. Это происшествие сделалось широко известным в Бухаре, о нем знают многие, а сад получил имя Барот бека. Этот сад, несомненно, соответствует упоминаемому в грамотах XVIII в. саду Чорбоги Боки хон, или Чорбоги Боки Мухаммад-хон (последнее было также названием кварта ла) [150]. Видимо, сад этот образовался очень давно и вошел в границы города при строительстве последней стены, охва тившей Джуйбар. Вряд ли первой его владелицей была женщина — Хаким оим; он скорее всего мог достаться ей при разделе наследства. Изменения в названиях сада (Чорбоги Хаким оим — XVI—XVII вв., Чорбоги Боки хон — XVIII в., Чорбоги Барот-бек — XIX в.) отмечали переход этого сада из рук в руки. В начале XX в. в нем помещалось российское посольство; это говорит о том, что сад находился в руках казны или самого эмира. Вероятно, он был конфискован по сле казни Барот бека [151].

55. Квартал Тан чорбог باغ چهار ته («Возле са да»), или Гузари нау نو گذر («Новый квартал»).

Квартал состоял из 60 домов (Т. 1930—8 домов), был населен исключительно форсами. Главным занятием их было шелкоткачество. Здесь вырабатывался шелк канаус, адрас и платки, выполнявшиеся техникой тирма. 15—20 семей занима лось торговлей пряностями и мелочной торговлей. Жил здесь также духовный глава шиитской общины — шейх Мад Косим. При доме был построен большой молитвенный дом шиитов (хусайнияхона). На женской половине устраивались женские моления, которыми руководила жена Мад-Косима, почтитель но именовавшаяся Оя муллоджон. Ежедневные пятикратные намазы в хусайнияхона не происходили, так как совершать их сообща в особом месте для шиитов считается необяза тельным. Хусайнияхона предназначалась главным образом для траурных обрядов — таазия (шахсей вахсей) по поводу смерти Хусейна, сопровождавшихся самоистязаниями участ ников. Эти обряды совершались ежегодно в течение первых десяти дней месяца мухаррам (ашури). В другое время осо бо набожные шииты собирались в хусайнияхона вечером под пятницу и проводили время за чтением религиозных книг.

Суннитской мечети в этом квартале, населенном исклю чительно шиитами, не было. Здесь также находился эмир ский сад, известный под названием Чорбоги хоса («Личный

[150] ГА, ед. хр. 55, 20, 17.

[151] Сообщения Эдгора Юсупова, ткача форса, 58 лет, из этого квар тала и жителей соседних кварталов (Пайкан. Хаджи Хабибулло и др.).

сад»)[152] или Чорбоги гул («Сад цветов»). Некоторые старики знали его также под названием Боги Насрулло хон («Сад Насрулла хана»), что может указывать на время его возникновения (Насрулла хан правил с 1827 по 1860 г.). При последних эмирах этот сад считался собственностью эмирского гарема (амира урдёш-баниго мекард) и служил местом летнего выезда матери и жен эмира. Чтобы при проезде в сад на женщин не мог упасть взгляд постороннего, их везли туда ночью, закутанными в платки и паранджи, на арбах, крытых паласами (гилемпуш карда). При этом провожающие царский поезд звонили в колокольчик (диринг диринг мекардан), чтобы, заслышав звон, все заблаговременно могли уйти с пути следования кортежа. Таким же образом и также ночью ехали обратно в арк. Рядом с садом находились казармы конных сарбазов (капкоз — «кавказцы»), которые назывались так за свою форму, заимствованную у терских казаков. Это были бухарцы, которые вне службы носили обычную бухарскую одежду, жили с семьями в разных кварталах, в свободное от службы время занимаясь различными профессиями.

Этот квартал в вакуфной грамоте 1848 49 г. назван кварталом Чорбоги оли[153].

56. Квартал Узбак-ходжа خواجه ازبک (здесь «Узбак», вероятно, имя собственное).

Квартал был определен как небольшой, но при обследованиях (Т, 1928 и 1929) в нем было отмечено 59 домов. Население было смешанное. Большинство составляли таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками, меньшинство — форсы. Имелась мечеть и, по некоторым сведениям, святыня — могила, известная под именем Узбак ходжа. Узбак ходжа жил в конце XVII в., это имя упомянуто в указе Убайдулла-хана на владение землей[154].

Мечеть была простая, каркасная, имела немного прихожан, так как форсы в суннитские мечети, как правило, не ходили. Она помещалась в крайней западной части квартала. Ее посещали также торговцы из расположенных неподалеку торговых рядов. В квартале также имелась школа и тахоратхона.

[152] Полное его название — Чорбоги хосаи дарун («Внутренний личный сад») в отличие от «внешнего» (Чорбоги хосаи берун), который находился вне городской стены, за воротами.

[153] ГА, ед. хр. 38. Сообщения Едгора Юсупова, 58 лет, из квартала Чукур махалла, мастера строителя Усто Мавлида Солихова из квартала Джанафарон и др.

[154] О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., Ташкент, 1954, стр. XVIII.

57. Квартал Вакф وقف («Вакф», в просторечии: «Вахм»).

Квартал состоял из 80 домов и был населен преимущественно форсами, почему его иногда называли Гузари эрониxо («Квартал ирани»). Гораздо меньше было здесь таджикоязычных бухарцев, которые считали себя узбеками. Занятием большинства жителей было шелкоткачество, вырабатывали канаус и адрас. Некоторые форсы были мастерами по изготовлению леденцов. Таджикоязычные бухарцы занимались шитьем сапог и другими ремеслами.

58. Квартал Хаузи баланд حوض بلند («Высокий хауз»). В квартал входило около 100 домов (Т, 1928 и 1929 — 95 домов). Население состояло преимущественно из форсов; только одна улица была заселена таджикоязычными. узбеками и потому именовалась Кучайи узбако («Улица узбеков»). Жители занимались шелкоткачеством, вырабатывая главным образом канаус. Были здесь также торговцы пряностями, мясники, мелкие лавочники и хлебопеки. Среди последних был хозяин большой хлебопекарни, поставщик лепешек в арк.

Мечеть была из жженого кирпича с балочным перекрытием. Форсы имели в этом квартале молитвенный дом (хусайнияхона), который находился при доме их шейха Абдулхолика. В месяц мухаррам моления и оплакивание имама Хусейна производились там то женщинами, то мужчинами поочереди.

Квартал Хаузи баланд упомянут в вакуфной грамоте 1710 11 г.[155].

Джариб четвертый. Чашма Аюб

«Микрорайон» Чашма Аюб, название которого (махалла-Чашма Аюб) имеется на плане из архива Лерха, занимал северо западную часть города, располагаясь вдоль стены, между воротами Шергирон и Углон. На этот отрезок городской стены приходились также ворота Талипоч.

Джариб Чашма Аюб представлял собой территорию,. включенную в черту города, вероятно, тогда же, когда и район Джуйбар, т. е. во второй половине XVI в. Эта часть города сохраняла окраинный характер, здесь протекала «Городская река» и находилось несколько больших садов, которых было мало в Бухаре. Население, в значительной част»

[155] ГА, ед. хр. 284. Описание составлено по сообщениям нескольких форсов жителей квартала Чукур-махалла, мастера строителя Усто Маджида Солихова из квартала Джанафаро» и др.

пришлое, сложилось из оседавших в столице родо племенных узбеков, попавших сюда в порядке набора в феодальное войско наукеров, и таджикоязычных бухарцев.

Главной достопримечательностью этого джариба был широко известный мазар Чашма Аюб («Источник Иова»), где имелся колодец, вода которого считалась целебной, особенно при кожных болезнях. Вокруг мазара располагалось обширное кладбище, которое, видимо, образовалось очень давно и попало в черту города при его расширении и включении в городскую черту пригородного сельского района.

В джариб Чашма Аюб входило 19 кварталов: Хаджи дорго, Надир курчи, Ходжа Гунджори (или Пардозгарон), Шишахона, Сорвоно, Кул-Махмад-хаджи, Дурман, Калмокон, Окмачит, Зиндафиль Ахмади Джоми, Кабул-ато, Ахмад дорго, Мачити кунджак, Баходур-бий, Муддао, Лянги араб, Деволи похса, Такия, Чашма Аюб.

59. Квартал Хаджи-дорго حاجی دارو غه (чиновник, совершивший паломничество в Мекку).

Квартал Хаджи дорго состоял из 60 домов. Население в большинстве составляли таджикоязычные бухарцы. Один из информаторов, по семейному преданию, происходил из туркмен. В квартале жили также переселенцы из Хорезма (урганджи), которые еще сохраняли узбекский язык, хорошо владея в то же время и таджикским. Одна семья была из форсов. Многие жители квартала занимались ремеслами (строительным делом, выпечкой лепешек; выходцы из Хорезма выделывали сапоги (муза), форсы — медные предметы). Часть жителей занималась мелочной торговлей, жил здесь также ковровый маклер (даллол).

Мечеть представляла собой простое каркасное здание и считалась одновременно медресе, так как вокруг нее было построено 15 келий для студентов. По преданию, эту мечеть лет 100 назад построил какой то богатый туркмен (вероятно, предок информатора). В квартале была школа, помещавшаяся также в каркасном здании, и хорошее, из жженого кирпича помещение для полных и неполных омовений — гуслхона и тахоратхона. Вдоль улицы, которая вела от Шергиронских ворот к центру города, располагались торговые ряды, в которых находились мелочные лавки и до 15 хлебопекарен.

Квартал Хаджи доруга упомянут в вакуфных грамотах 1795 96 г.[156].

[156] ГА, ед. хр. 213, 212, 210. Сообщения жителей этого квартала: бывшего гузархома, 78 лет, ведшего свое происхождение от переселившихся в Бухару туркмен, и мастера строителя, 65 лет.

60. Квартал Надир-курчи نادر قورچی («Надир гвардеец») [157].

Квартал состоял приблизительно из 60 домов. Население было таджикоязычное, занималось преимущественно ремеслами. Больше всего было сапожников (кафшу махсидуз); были мясник, строители, резчики по алебастру, плотники, пекари и др. Жили здесь также откупщики (иджорадор), бравшие на откуп вакуфные земли. Некоторые жители занимались мелочной торговлей.

В квартале имелись мечеть, школа и тахоратхона. Вдоль большой улицы тянулись крытые торговые ряды (собот), в которых продавали всякую мелочь [158].

61. Квартал Ходжа Гунджори خواجه غنجاری (название святыни), или Пардозгарон پرداز گران («Лощильщики»),

В квартале было 60 домов (Т, 1929 — 60 домов). Население состояло из таджикоязычных бухарцев. Жители занимались ремеслами. Здесь было несколько домов лощильщиков, которые лощили полушелковые ткани, отбивая их тяжелым деревянным молотком. Часть жителей занималась изготовлением сладостей. В квартале жили также ходжи из рода Убони, большая группа которых жила в квартале Ходжа Убонихо. И те, и другие переселились в Бухару из кишлака Убон [159], причем ходжи, которые жили в квартале Ходжа Гунджори, пришли, видимо, позже — это видно из того, что они не успели сблизиться с окружающим их населением и держались особняком. Все ходжи этого рода занимались отчитыванием больных психическими болезнями.

В квартале Ходжа Гунджори своей мечети не было, но зато здесь находилась святыня — могила «святого» Ходжа Гунджори, давшая кварталу его название [160] и пользовавшаяся широкой известностью. Мазар был окружен кладбищем, занимавшим довольно большую часть территории квартала. Ходжа Гунджори был историческим лицом: он упоминается в «Книге Мулло-зода», где говорится, что его полное имя было Лбу Абдулло Мухаммад бен Сулаймон бен Комил Бухори. Нисба свидетельствует, что он был природным бухарцем. «Гунджори» было его прозвищем (от араб. غنجار «румяна»), которое он получил за свое румяное лицо. Это был ученый,

[157] Курчи — личная гвардия бухарских эмиров XVII в. из иноземных рабов («История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 81).

[158] Сообщение жителя квартала Хаджи дорго, бывшего гузаркома, 78 лет.

[159] Этот кишлак находился в 40 км от Бухары. Он и его ходжи описаны С. Айни («Воспоминания», стр. 340 и далее).

[160] Сообщения жительницы этого квартала, 82 лет, и жительницы квартала Мир-Дустум, вдовы крупного торговца посудой, 70 лет.

знаток хадисов и историк, написавший книгу «История Бухары» (до нас не дошла). Он умер в 936 37 г.[161].

Подлинная биография «святого» забыта. По легенде, Ход жа Гунджори был зятем (домод) Исмаила Саманида. Про звище «Гунджори» легенда толкует как искаженное «Гунд жони» («вмещающий») и объясняет чудом, совершенным яко бы этим святым: пригласив к себе в гости тестя, Исмаила Саманида, вместе со всем его войском, «святой» вместил (гунджонд) всех их в свою келью и хорошо угостил, хотя «котел не кипел — кушанья появлялись чудесным образом». В этой легенде можно узнать сказочный мотив о чудесных скатертях самобранках [162].

62. Квартал Шишахона [illegible] («Дом из стекла» или «Мастерская по изготовлению стекла») [163].

Квартал насчитывал приблизительно 100 домов (Т, 1928 — 78 домов). Население было смешанное, оно состояло из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками, из тюркоязычных узбеков мангытов, принадлежавших к служи лой аристократии (бекхо), и форсов. Занятием таджико-язычных бухарцев было шитье верхней одежды и продажа го тового платья, здесь жили также торговцы кисеей (дока фруш) и матой (карбосфруш). Один из торговцев готовым платьем, Мирзо Усмон, был старшиной продавцов готового платья. Форсов в квартале было около 40 семейств, они за нимались изготовлением леденцов и тканьем шелка канауса. Среди форсов имелись также торговцы пряностями. Форсы шииты составляли обособленную группу. Однако они поддер живали связи с суннитским населением квартала; и те, и дру гие ходили друг к другу на свадьбы, похороны, поминки, все одинаково участвовали в жизни квартальной общины, но сме-шанных браков между ними не было.

В квартале имелась мечеть. Наличие других учреждений, связанных с культом, не выяснено. Из общественных заведе ний в квартале была баня, отстроенная заново в конце XIX в. на средства кушбеги Остонакула на месте старой бани, пришедшей к тому времени в негодность. Из этого видно, что баня была вакуфным владением какого то куль тового заведения. При перестройке старое здание было сне сено, место расчищено и на нем построено новое здание. На постройке работало до 30 мастеров, среди которых был известный бухарский зодчий Усто Маджид Солихов. Это

[161] «Книга Мулло-ходжа», стр. 28.

[162] Имеется таджикский вариант этого сюжета — сказка о Дедушке Аисте (Бо Лайлак); она была записана автором в Самарканде.

[163] Как известно, в Средней Азии производство стекла было развито в средние века, а потом прекратилось.

было в годы его молодости. От стариков он слышал, что раньше на месте бани была мастерская, в которой делали зеркала (шиша сир мекардан). Усто Маджид помнил, что еще во времена Ахад-хана, т. е. в конце XIX в., в Бухаре был один мастер из рода ремесленников, изготовлявших зеркала. Он имел лавку мастерскую в пассаже Токи Тельпак, где и торговал своими изделиями.

Квартал Шишахона упомянут в грамоте 1780 81 г.[164].

63. Квартал Сорвоно ساروانان («Погонщики верблюдов»).

Квартал состоял из 50—60 домов. Население было смешанным. Значительную часть его составляли таджикоязычные бухарцы, которые занимались преимущественно различными ремеслами. Особенно много было починщиков старой обуви (кухнадуз). Кроме того, были строители и плотники. Другая половина жителей была тюркоязычная. Это были представители военно служилого сословия, которые ведали эмирскими верблюдами, и их подручные, ухаживавшие за животными. Верблюдов здесь было около трехсот; они содержались в загоне, днем их выгоняли пастись в степь, иногда верблюды бродили и по улицам квартала. Верблюды служили для перевозки имущества эмира, когда он выезжал из Бухары в туманы, а также, по видимому, для караванной торговли с Каршинским туманом, откуда, по сообщениям, постоянно возили грузы.

В квартале имелась мечеть, при которой было 7—8 худжр для учащихся медресе, и школа. Здесь было несколько мазаров, которые считались «кадамгох» (местом, которое посетил какой нибудь «святой»); названия этих мазаров установить не удалось. В квартале был свой хауз [165].

64. Квартал Кул-Махмад хаджи قل محمدحاجی (имя собственное), или Хаузи Чубин حوض چوبین («Деревянный хауз») [166].

Квартал состоял из 54 домов (Т, 1928). Население было смешанное: часть его, принадлежавшая к низшим слоям военно служилого сословия (сипо), была тюркоязычная. Некоторые из сипо жили в казенных квартирах, представлявших собой небольшие строения обычного типа. Таджикоязыч

[164] ГА, ед. хр. 341. Об этом и соседних кварталах сообщил Маджид Салихов.

[165] Сообщение жителя квартала Хаджи дорго, бывшего гузаркома, 78 лет. На плане Парфенова—Фенина мечеть не указана.

[166] Это название квартал получил за свой хауз, отличавшийся от обычного в Бухаре: он был укреплен деревянными балками.

кое население квартала занималось ремеслами, преимущественно сапожным (кафшдузи). Здесь были также пекари и другие ремесленники.

Мечеть была кирпичная, мактаб помещался в каркасном строении. Имелась и тахоратхона. Святыни в квартале не было. По видимому, часть территории квартала занимали какие то пахотные земли (вероятно, огороды, посевы кормовых трав). Это видно из вакуфной грамоты 1906 07 г., которая оформляет пожертвование в пользу квартальной мечети одного танапа земли, находящейся в том же квартале[167].

Название мечети Кул-Махмад-хаджи встречается в грамоте 1662-63 г., где говорится, что она находится в квартале Бобо-Ахмадиён[168]. «Старые вакуфные земли», которые называются «землями Бобо Ахмадиён», упоминаются в еще более раннем документе 1564 65 г.[169].

65. Квартал Дурман دورمن (название узбекского племени дурмен).

В квартале было 54 дома (Т, 1928). Большинство его населения составляли тюркоязычные узбеки (зарегистрированы узбеки племени кенегес), которые принадлежали к сипо и служили в войсках эмира. В квартале жили и таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками. Часть территории занимали сады парки богачей, наиболее крупные были три сада: Чорбоги Шарифи Пахта (сад крупного торговца хлопком), Чорбоги Хаджи Лятта (сад крупного торговца парчой и готовым платьем), Чорбоги бойбачахо (сад, принадлежавший сыновьям крупного торговца сладостями). Здесь же находились сады меньших размеров — кушбеги Остонакула и крупного богача маклера на лошадином базаре Джуракули аспджаллоб. В квартале находился один казенный эмирский дом. Имелась своя мечеть, о прочих общественных зданиях сведения отсутствуют. Квартал Дурман назван в вакуфной грамоте 1910 г.[170].

66. Квартал Калмокон, или Калмок قلماقان («Калмаки»)[171].

[167] ГА, ед. хр. 470.
[168] ГА, ед. хр. 306.
[169] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 135. Описание квартала составлено по сообщениям бывшего гузаркома квартала Хаджи-дорга, 78 лет, н музыканта-сурнайчи, форса, хорошо знавшего город, так как профессия требовала посещения семей, живущих в разных кварталах.
[170] ИВ АН УзССР, ф. 47, ед. хр. 242. Сообщения 82 летней жительницы квартала Мир-Дустум и жителей кварталов Чашма Аюб и Кош-ата раса.
[171] Калмаки (калмыки или ойроты) являются народом монгольского происхождения. В Средней Азии под названием «калмак» была известна

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1929—14 домов). Население было смешанное. Около половины его состояло из таджикоязычных узбеков, относивших себя к племени кал мак. Все они принадлежали к сословию сипо. В изучаемый период в этом квартале жили служилые люди чином не вы ше туксабо и мирохур. Остальное население квартала было из местных бухарцев. Эти семьи занимались торговлей и различными мелкими ремеслами.

В прошлом квартал Калмокон имел территорию значи тельно большую. Во второй половине XVIII в. в нем было построено еще две мечети — Ок-мачит и Баходур бий, вокруг которых образовались самостоятельные приходы. Возмож ность выделения появилась в связи со строительной деятель ностью знатного жителя этого квартала Баходур бия калмо ка, что хорошо прослеживается по нескольким вакуфным гра мотам второй половины XVIII в., в которых встречено на звание этого квартала (1764-65, 1787 88, 1795 96 гг.[172]).

67. Квартал Ок-мачит آق مسجد («Белая мечеть»).

Квартал состоял приблизительно из 70 домов (Т, 1927 — 54 дома). Большинство жителей принадлежало к военно служилому сословию, занимая не слишком высокие, но все же начальственные должности. Это были родо племенные уз беки, предки которых пришли в Бухару два три поколения назад, по набору на службу к эмирам. Здесь жили, например, кенегесы, родиной которых была долина Кашкадарьи. Кроме кенегесов здесь были калмаки, а раньше и мангыты, но по следних на памяти стариков уже там не оставалось. Мно гие семьи сипо жили в казенных домах, представлявших обычные для Бухары каркасные постройки. Помимо родо племенных узбеков в квартале было также и таджикоязыч ное население из исконных бухарцев, но к какому народу они себя относили, выяснить не удалось. Эта часть жителей квар тала занималась ремеслами, в частности здесь было много пекарей, которые специализировались по выпечке разного сорта хлебов: некоторые выпекали обычные лепешки, дру гие — сдобные.

Мечеть квартала представляла собой каркасную построй ку, такой же было и здание школы. В квартале имелся хауз того же названия, а также небольшой базарчик (бакколи) [173].

этнографическая группа в составе узбекской народности, которую боль- шинство исследователей считает одним из узбекских племен. Подробнее см.: О. А. Сухарева, Бухара... стр. 134—137.

[173] ГА, ед. хр. 306, 1787, 1291.

[172] Сообщения бывшего гузаркома из квартала Хаджи дорго, 78 лет, и мастера вышивальщика из квартала Усто Рухи, 76 лет, имевшего род ственников в соседнем квартале Дурман и потому знавшего кварталы этой части города.

Квартал Ок-мачит выделился из квартала Калмокон во второй половине XVIII в., после того как знатный калмык Баходур бий построил в квартале Калмокон вторую мечеть. Это видно из вакуфных грамот в пользу мечети Ок мачит, составленных в 1795 96 и 1805-06 гг.[174]. В последней сказано, что строителем этой мечети является Баходур-бий-калмок.

Квартал Ок мачит был самым крупным из семи кварталов, объединявшихся под этим названием в группу кварталов, имевших в составе своего населения много родо племенных узбеков сипо. В нее входили кроме Ок мачит кварталы Мачити куиджак, Лянги араб, Баходур бий, Ахмад дорго, Калмокон и Кул Махмад хаджи.

68. Квартал Зиндафиль Ахмади Джоми زنده فیل احمد جامی (имя собственное и прозвище, Зиндафиль — букв. «Живой слон»).

Квартал прилегал к городской стене. Имелось предание, что именно здесь находились двенадцатые ворота города; это не имело под собой реальной почвы — установлено, что ворот в Бухаре было одиннадцать [175].

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1929 — 38 домов). Население было смешанное: таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками, и тюркоязычные узбеки, принадлежавшие к военному сословию. Крупных военачальников среди них не было, все сипо относились к низшим представителям этого сословия. Некоторые из них жили в казенных домах. Остальные жители занимались торговлей и различными ремеслами (строительным, плотничным я др.)

В квартале были мечеть, школа, хауз и небольшое кладбище, где находилась святыня — мазар Зиндафиль Ахмади Джоми, который считался могилой одноименного «святого». Ахмади Джоми, по прозвищу Зиндафиль («Живой слон»),— известный суфий и поэт (1049—1141), араб, по происхождению из Хорасана [176].

Странное, теперь непонятное бухарцам прозвище «святого» породило легенду, записанную в двух вариантах. У одного царя (в варианте — у его дочери) был слон. Когда он издох, царь призвал всех своих мулл и, грозя казнью, приказал им оживить слона своими молитвами и заклинаниями. Никто не мог исполнить приказа царя. За это взялся Ахмади

[174] ГА, ед. хр. 1291 и 307.

[175] Это число ворот засвидетельствовано для X в., когда они были поименованы арабскими географами. Столько же ворот было в стене, возведенной в XVI в. Число и положение ворот определялось направлением дорог, по которым осуществлялась связь города с другими районами.

[176] «Персидские и таджикские рукописи Ин-та народов Азии АН СССР. Краткий алфавитный каталог», ч. II, М., 1964, стр. 10. .

Джоми. Собрав всех мулл города в том помещении, где лежал мертвый слон, он сказал, обращаясь к трупу: «Встань, [заклинаю] именем бога, встань» (Хез, ба изми худо хез). Однако слон продолжал лежать неподвижно. Тогда святой сказал: «Встань, [заклинаю] своим именем, встань» (Хез, ба изми худам хез), и слон тут же вскочил на ноги (давида хест). Муллы, возмущенные тем, что святой посмел оживить слона своим именем, взяв на себя функцию бога, убили святого (в рассказе «Живого слона»). По второму варианту легенды, сам бог велел святому, жившему где то в далекой стране, идти и оживить слона своим собственным именем. Святой отправился в путь, по дороге оживляя павших животных. Но когда он подошел к царскому слону, то, не решившись оживить слона своим именем, сказал: «Встань во имя бога» (сообщивший легенду неграмотный сурнайчи форс из пригородного кишлака пытался сказать эту фразу и по арабски: «Кум, ба изми худо кум»). Но слон не ожил. Невидимый для других, к святому приблизился дух пророка Мухаммеда и прошептал ему на ухо: «Ты запнулся (телба шуди), испугавшись смерти?». Святой устыдился и сказал так, как ему было указано: «Встань, заклинаю тебя своим именем, встань». Слон тут же вскочил на ноги, а святого за богохульство побили камнями (сангсор кардаги), которые по гребли его под собой и образовали могилу, внутри которой, по преданию, он остался стоять, засыпанный камнями [177].

69. Квартал Кабулато قبول (имя собственное; здесь: имя «святого»).

В квартале был 51 дом. Его население, в основном тюркоязычное, занималось в своем большинстве профессиональным нищенством. Жили здесь и ремесленники, например строители.

В квартале была мечеть, представлявшая собой простое каркасное здание. Своей школы квартал не имел, дети учились в соседнем квартале Ок-мачит [178].

. . . . . احمد داروغه . . . собст-

. . . . . [179]

б 40 домов (Т, 1929 — дома). Население составляли таджикоязычные бухарцы и. тюркоязычные узбеки, в большинстве принадлежавшие к со-

[177] Сообщения жителя квартала Хаджи-дорго бывшего гузаркома, 78 лет, и музыканта сурнайчи, форса, 70 лет,

[178] Сообщение музыканта сурнайчи из пригородного кишлака, 70 лет..'

[179] Доруга (дорго)—чиновник, участвовавший во взимании натурального налога с земледельцев. Был подчинен амлякдору.

словию сипо. Таджикоязычное население занималось мелкой торговлей и ремеслами.

В квартале имелась мечеть и школа. Святыни не было. Против мечети находились хауз и базарчик, состоявший из нескольких мелочных и овощных лавок. Было также один или два казенных дома.

Квартал Ахмад-дорго упомянут в вакуфной грамоте 1917 18 г.[180].

71. Квартал Мачити кунджак مسجد کنجک («Угловая мечеть»).

Квартал считался средним по размерам — в нем было около 50 домов (Т, 1930 — 36 домов, на плане Т указан дом № 51). Одна часть населения квартала была тюркоязычная и принадлежала к сипо, вторая часть состояла из таджикоязычных бухарцев и занималась ремеслами и торговлей, В частности, среди жителей квартала было несколько продавцов тюбетеек и меховых шапок (каллапуш ва телпакфруш).

В квартале имелась своя мечеть[181].

72. Квартал Баходур бий بهادر بی (ИМЯ знатного лица).

Квартал состоял из 60—70 домов. Население было смешанное: таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками, и тюркоязычные узбеки. Последние в большинстве принадлежали к сословию сипо. Таджикоязычное население занималось главным образом ремеслами.

В квартале была мечеть, выстроенная в начале второй половины XVIII в.[182], и школа. Святыней квартала считалась могила Исмаила Саманида, которая находилась на его территории. Над могилой, внутри мавзолея, стоял шест с хвостом яка (туг), на который верующие навязывали тряпочки. Имелись хранители мазара — шейхи, получавшие доброхотные даяния паломников. Среди бухарцев Исмаил Саманид был известен под именем Поччо Исмоил Сомони (царь Исмаил Саманид) и Хазрати султон (святой султан). Культ его поддерживался легендой о том, что Исмаил Саманид правит страной и после своей смерти. Поэтому бухарцы подавали ему прошения (ариза), опуская их в щель, имевшуюся в изножии могилы; на другой день якобы у изголовья ее появлялось в письменном же виде решение. По другой легенде, Ис

[180] ГА, ед. хр. 432. Описание составлено по сообщению жителя квартала Хаджи-дорго, бывшего гузаркома, 78 лет.

[181] Описание этого давно" уже не существующего квартала составлено на основании скудных сведений, полученных от различных малоосведомленных информаторов — жителей других кварталов Бухары.

[182] ГА, ед. хр. 306.

манл Саманид отказался от правления (пошогйя тарк кар даги) после того, как его пытались обмануть два слепца: один из них подал мертвому царю иск на другого, обвиняя его в том, что тот взял у него деньги; обвиняемый, спрятав украденные деньги в углубление, которое он выдолбил в сво ем посохе, положил посох на землю и поклялся, что у него в руках денег нет. Этот обман так рассердил Исмаила Са манида, что он отказался в дальнейшем от выполнения обя занностей верховного судьи над своими подданными. Одна ко до последнего времени сохранялось поверье, что, если на писать прошение и положить его к изножию могилы, проси мое исполнится и ответ на прошение, если оно подано чело веком благочестивым и с искренней верой, может быть по лучен в письменном виде. Рассказывают о случаях, когда та кой ответ действительно был получен: несомненно, его пи сали шейхи мазара, желая укрепить население в этой вере, приносившей им немалые доходы [183].

73. Квартал Муддао مدعا («Желаемое»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 29 домов). Население было в своем большинстве таджико язычное, занималось ремеслами (здесь жил, например, один золотошвей) и торговлей. Несколько семей принадлежало к сипо, среди них был один в чине бия, другой — в чине чур огоси. Они были тюркоязычные, хотя прекрасно владели и таджикским языком.

В квартале имелась мечеть и школа. Был также хауз.

Квартал Муддао упомянут в вакуфных грамотах 1801 02 и 1870-71 гг.[184].

74. Квартал Лянги араб لنگ عرب («Хромой араб»).

По сообщениям, квартал был небольшой, в него входило немногим более 30 домов (Т, 1930 — 25 домов). Большин ство населения состояло из тюркоязычных родо племенных узбеков, принадлежавших к привилегированному сословию сипо. Таджикоязычные семьи (в сообщении — таджики) зани мались преимущественно ремеслами.

Б квартале имелась мечеть и мактаб. Святыни не было.

Квартал Лянги араб упоминается в вакуфных грамотах 1801 02, 1870 71 гг.[185].

[183] Сообщения жителя квартала Хаджи дорго, бывшего гузаркома, 78 лет, Усто Маджида Солихова, мастера строителя из квартала Кош-мадраса, и др.

[184] ГА, ед. хр. 368 и 367. Описание составлено по сообщениям жите лей квартала Чашма Аюб — Мулло Умода, 70 лет, и его жены.

[185] ГА, ед. хр. 368 и 367. Описание квартала сделано по сообщениям жителя квартала Хаджи-дорго, бывшего гузаркома, 78 лет, и др.

75. Квартал Девóли похса خشه دیوار («Глинобитная стена»; вероятно, имелась в виду городская стена, около которой находился этот квартал).

В квартале было 30—35 домов (Т, 1929 — 35). Население состояло в большинстве из таджикоязычных бухарцев, которые занимались главным образом ремеслами: здесь были сапожники (кафшдуз), пекари, строители, а также, по некоторым сведениям, гончары (косагар). Кроме того, здесь жили сипо, тюркоязычные.

В квартале имелась мечеть. Святыни не было.

Квартал Деволи похса упомянут в вакуфной грамоте 1892 93 г.[186].

76. Квартал Такия تکیه («Убежище», «Общежитие») [187].

Квартал состоял из 40 домов (Т, 1929 — 61 дом). Население было таджикоязычное, но в сообщении жители квартала названы узбеками. Они занимались ремеслами и торговлей, главным образом приготовлением и продажей лакомств — жареного гороха (бирьёнгари) и халвы (халвопази). Несколько семей принадлежало к низшим представителям сипо; они были тюркоязычные.

Мечеть была простая, каркасная; имелась и своя школа.

Квартал Такия упоминается в вакуфной грамоте 1735 36 г.[188].

77. Квартал Чашма Аюб چشمه ایوب («Источник Иова»).

Квартал состоял приблизительно из 80—90 домов (Т. 1928 — 85 домов). Большинство населения составляли таджикоязычные бухарцы, которые занимались мелкой торговлей и ремеслами. Здесь жило несколько торговцев солью, пряностями, несколько семей токарей (харрот), переселившихся сюда из соседнего квартала Харротон, один ювелир, несколько строителей. Меньшинство населения — десять семей сипо — принадлежало к узбекам племени бахрин. Они были таджикоязычны, хорошо владея в то же время и узбекским языком. К именам мужчин из этих семей прибавлялась приставка «бек» в знак их знатного происхождения. Наиболее

[186] ГА, ед. хр. 502. Описание составлено по сообщениям жителей различных кварталов, в том числе мастера вышивальщика из квартала Усто Рухи, 76 лет, жителя квартала Хаджи-дорго, 78 лет, и др.

[187] В изучаемый период — общежитие ткачей, в прошлом — общежитие дервишей (см.: А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии в 1863 году, СПб., 1865, стр. 88).

[188] ГА, ед. хр. 129. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Чашма Аюб — Мулло Умода, 70 лет, и др.

знатным среди них был Исмоил бек, занимавший одно время придворную должность девонбеги.

Большая часть территории квартала была отведена под кладбище (пушта), где находилась святыня — мазар Чашма Аюб. К мазару вела улица, начало которой было оформлено в виде арки; вход преграждало бревно, вмазанное в арку на высоте около одного метра, чтобы туда не мог зайти скот. К востоку от арки находился большой кирпичный дом Исмоила-девонбеги, на запад — большое кирпичное помещение таратхоны, над которым во втором этаже помещалась школа (мактаб). По другую сторону улицы стояло двухэтажное кирпичное медресе, имевшее 12 худжр. Поодаль были расположены казармы сарбазов, носивших кавказскую форму (капкозо).

Квартальная мечеть была простой каркасной постройки. Главной святыней квартала являлась «могила» (мнимая) и колодец Хазрат Аюб (святого Иова). Над ними было возведено сложное архитектурное сооружение, относящееся к XIV в. Оно состояло из купольных помещений, вытянутых по одной линии с востока на запад и соединенных между собой. Купол второго помещения имеет необычную для Средней Азии конусообразную форму (купол в виде опрокинутого кубка — джоми сарнагун) [189]. В третьем помещении находилась могила, приписываемая библейскому Иову [190], а во втором — колодец, водой которого он якобы исцелился. Несомненно, что мазар, связавшийся под влиянием мусульманства с именем Иова, является местом какого то древнего культа. К этому мазару приходили больные кожными болезнями и проказой {чаще женщины), согревали в принесенных с собой сосудах воду и обмывались ею поблизости от мазара.

Мечеть Хазрат Аюб и одноименный квартал упоминаются во многих вакуфных грамотах XVIII—XIX и начала XX в. [191], оформляющих пожертвования в пользу мечети и мазара. Обращает на себя внимание то, что большинство пожертвований сделано от имени женщин; вероятно, это были те, кто обращался к мазару в поисках исцеления. Упоминание этого мазара в источнике XV в.— «Книге Мулло зода», а также возведение над ним здания в XIV в. свидетельствуют о том, что он был известен гораздо раньше.

Второй святыней квартала, несомненно более поздней, была могила «святого» Охунди Хованд, известного под прозв

[189] Здание мазара Хазрат Аюб является историческим памятником, взято под охрану государства. Описание его см.: В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары, 1936. Ташкент, стр. 50.

[190] Мазар упоминается в «Книге Мулло зода», где говорится, что могила мнимая, но сообщается легенда о приходе Иова в Бухару.

[191] ГА, ед. хр. 396, 420 и др.

вищем «Тоджи шариат, миллят ва дин» («Венец шариата, народа и веры»). Время жизни этого святого и его биография населению неизвестны[192].

Джариб пятый. Регистон

Джариб Регистон мы поместили к северу от площади Регистана, в северо северо западном углу города. Он прилегал к городской стене между воротами Углон и Хазрат Имом. Часть этой территории входила в ранний рабад — это кварталы, расположенные ближе к Регистану; другая часть — северная, прилегавшая к городской стене, вошла в город при перестройке стены в XVI в. В соответствии с этим характер кварталов, входивших в этот джариб, был различен. Южные принадлежали к старым кварталам, расположенным на территории раннего рабада, они находились в районе одного из торговых центров города — площади Регистан. Северные кварталы — окраинные, менее населенные и неторговые.

Название «микрорайона» — Махалла Регистан имеется на плане из архива Лерха. Однако локализация его на плане неправильна: там махалла Регистан помещено в центре города, к югу от арка, где должно было располагаться другое махалла, названное на этом же плане — Мурдашуён. Это одно из многих искажений, которые мы обнаруживаем на плане из архива Лерха.

В джариб Регистон включено 19 кварталов: Мухаммад-пайк, Дарвозайи Углон, Харротон, Кози Файзи, Шикастабандон, Урусон (или Муллоён), Табибон, Мирджон-Али, Усто Рухи, Писташиканон, Аскар бий, Ходжа Курбон, Шер Мухаммад джувозкан, Назарча, Кофар работ, Хоса пулод, Кози Мир-Хошим (или Согутарошон), Мирза Гафур, Мехтар Шохбек.

78. Квартал Мухаммадпайк محمد بیگ (В просторечии Мухаммад-пай — «Мухаммад-посол»).

По сообщениям, квартал был маленький, состоял из 20 домов (Т, 1928 — 49 домов). Большинство населения было таджикоязычное, но называло себя, как и большинство бухарцев, узбеками. Меньшая часть, принадлежавшая к служилому сословию (сипо), была тюркоязычная. Большинство жителей квартала занималось различными ремеслами и торговлей. Здесь жили, например, мастера по изготовлению халвы (халвопаз) и жареного гороха (бирьёнгар).

[192] Сообщения жителей этого квартала Мулла Умода, 70 лет, его жены и др.

Квартал Мухаммад пайк упоминается в вакуфных грамотах 1815-16 и 1900 01 гг.[193].

79. Квартал Дарвозайи Углон دروازه وغلان («У ворот Углон»), или Чорбакколи Дарвозайи Углон جهار بقالی دروازه وغلان («Базарчик у ворот Углон») [194].

Квартал делился на две части; название Дарвозайи Углон относилось, собственно, к северной части, состоявшей из 22 домов. Южная, насчитывавшая 50 домов, называлась Кучаи нагорачихо («Улица барабанщиков») или просто Нагорачихо («Барабанщики») [195], это название нередко употреблялось и как название всего квартала. Население квартала было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Население северной части квартала занималось токарным и плотничным ремеслами. Там жил также один «яхдончи» — владелец хранилища льда, которое находилось за городской стеной. Лед собирали зимой на городских хаузах, а летом продавали для охлаждения напитков и приготовления местного мороженого (рохати джон). Здесь жили также торговцы, которые занимались скупкой и продажей муки, приготовлением и продажей жареного гороха и пр. Жители той части, которая называлась Нагорачихо, были преимущественно (40 домов) музыкантами: барабанщиками (нагорачи) и флейтистами (сурнайчи). Они обслуживали население, день за днем обходя город в поисках домов, где родился ребенок или произошло какое нибудь иное радостное семейное событие, по обычаю отмечаемое музыкой, чаще всего игрой на сурнае и бубне. Некоторые музыканты состояли на службе в арке. При каких нибудь событиях или в праздники они играли в помещении над воротами арка, называемом «нагорахона». Оркестр, игравший там, состоял из 8 барабанщиков и 8 флейтистов. Во время месячного поста (руза) они играли несколько раз в течение ночи (от полночи до рассвета). Население Бухары по характеру музыки определяло, близок ли рассвет. Не проспать этот момент было очень важно, чтобы успеть подкрепиться, так как с наступлением рассвета вступал в силу запрет на еду и питье.

Несмотря на четкое членение квартала на две части, разделения их не произошло, они составляли один квартал, приход одной мечети. Мечеть, известная под именем Мачити

[193] ГА, ед. хр. 351, 350. Описание составлено по сообщениям жителей квартала Кош-мадраса.

[194] Углон — узб. «юноша», также «царевич».

[195] Нагора — барабан, сделанный из глиняного или металлического сосуда, обтянутого кожей. В зависимости от размера сосуда барабаны давали звуки различной высоты.

Дарвозайи Углон прилегала одной стеной к небольшому медресе того же названия. Святыней была могила Углон ато,. находившаяся в воротах.

Квартал Дарвозайи Углон упомянут в вакуфной грамоте 1887 88 г., где он назван «Дарвозайи Углон хатми пири да стгир» («Ворота Углон — молитва старца помощника») [196], из чего видно, что название ворот Углон (букв. «царевич») было связано с мазаром, а не с царевичем [197].

80. Квартал Харротон خراطان («Токари»), или Эшо ни Имло ایشان املا (имя бухарского «святого»).

В квартале было 49 домов (Т, 1928), его считали кварта лом средней величины. Население было таджикоязычное. Жители занимались преимущественно токарным делом (хар роти), что и послужило причиной наименования квартала. Токарные мастерские, являвшиеся в то же время и лавками, в которых продавались изделия токарей, находились при их жилых домах, открываясь в сторону улицы.

В квартале имелась мечеть. Святыней считались дом и келья (чиллахона) ишана Имло, которого в Бухаре называют «святым последнего времени» — авлиёйи охир ул замон; по сле него «святых» не было и не будет (так же как после последнего пророка, Мухаммеда,— пайгамбари охир ул за мон — не было и не будет пророков). По преданию, ишан Имло жил в квартале Харротон, получившем его имя; его могила находилась на кладбище, также носившем имя этого святого. По сообщениям, «святой» жил двести лет назад [198], т. е. в XVIII в. В сочинении «Маджму ат таварих», находя щемся у частного лица, встретилось упоминание «святого» Халифа Имло, умершего в 1266/1849-50 г. Эта дата ошибоч на. В «Тухфат аз-заирин» сообщается, что он умер в 1162/1748 49 г., а в документах 1760 61 и 1812 гг. упоминается уже квартал Эшони Имло [199].

81. Квартал Кози Файзи قاضی‌بضی («Судья Файзи»).

Квартал состоял приблизительно из сотни домов (Т, 1929 — 43 дома). Население было таджикоязычное. Занятия жителей были различны, ни одно из них не было преоб ладающим. Здесь жило много ремесленников: золотошвеи,

[196] ГА, ел. хр. 358. В грамоте это выражение, очевидно, означает чте ние Корана (хатм) в честь «святого» Углон ато.

[197] Описание составлено по сообщениям жителя квартала Чашма АюС — Мулле Умода, 70 лет, и др.

[198] Сообщения жителя квартала Усто **Рухи** вышивальщика Салилло Мирзоева, 76 лет, н др.

[199] «Тухфат аз-заирин», стр. 90; ГА, ед. хр. 503 и 205.

ювелиры, токари, мыловары, мастера по отливке свечей. Так же много было торговцев разных специальностей, среди них — торговцы мукой (аллоф). Были здесь и менялы (сарроф). Один из жителей квартала занимался помолом зерна на мельнице (харос), находившейся при его доме.

Мечеть представляла собой кирпичное купольное здание, имелись также школа и тахоратхона.

Мечеть Кози Файзи упомянута в нескольких вакуфных грамотах: 1754—55 г., где строителем мечети назван Гулом Али тупчибоши; и 1755-56 г.; одна грамота — недатированная, заверена печатью Шах-Мурада [200]. Время жизни Кози Файзи, давшего имя кварталу, выясняется из грамоты 1664 65 г.[201], на которой стоит печать Кози Файзи. Это доказывает, что в то время он был бухарским казикаляном. Вероятно, он жил в этом квартале и отстроил за свой счет мечеть.

82. Квартал Шикастабандон شکسته‌بندان («Косто правы»).

Квартал состоял приблизительно из 60—70 домов (Т, 1928 — 92 дома). Население было таджикоязычное. Около десятка семей имели наследственную профессию костоправов (шикастабанд), что и дало кварталу его название. Лечением занимались и мужчины, и женщины, почему эти семьи старались родниться при браках между собой; девушек со стороны брали только в случае отсутствия невест в своей среде. Кроме костоправов среди населения квартала были ремесленники. Здесь жил, в частности, знаменитый в Бухаре кондитер Усто Аъло, который изготовлял халву для поставки в арк, а также мастер архитектурной росписи (наккош) Усто Абдуфаттох, который одновременно занимался торговлей пряностями. В квартале жили также служилые люди (сипо), вероятно тюркоязычные [202].

В квартале была мечеть. Она указана в экспликации к плану Парфенова — Фенина как мечеть Шикастабандон, или Кози Мирзо Пайк (в экспликации ошибочно бек). Благодаря этому название Мирзо Пайк удается идентифицировать с названием Шикастабандон. Название квартала Кози Мирзо Пайк упомянуто в нескольких грамотах, одна из которых относится к 1747 г., другая, недатированная, заверена печатью Шах Мурада, остальные более поздние [203]. Грамоты сохраняют старое название Кози Мирзо Пайк, вероятно, в качестве

[200] ГА, ед. хр. 332, 359 и 306.

[201] ГА, ед. хр. 310. Описание составлено по сообщению уроженца квартала Чашма Аюб — Мулло Умода 70 лет.

[202] Сообщение мастера строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош мадраса.

[203] ГА, ед. хр. 307, 306, 351 (1815 16 г.), 350 (1900 01 г.) и др.

официального, «дафтарного», тогда как более популярное среди бухарцев Шикастабандон являлось неофициальным, народным.

83. Квартал Урусон[204] اروسان (урус — название узбекского племени), или Муллоён ملایان («Муллы», «Грамотные люди»). Второе название, по видимому, более старое.

Квартал состоял из 30—40 домов (Т, 1928 — в квартале Муллоён указано 40 домов; Т, 1930 — в квартале Урусон указано 34 дома). Население было смешанное: большинство составляли таджикоязычные бухарцы, называвшие себя узбеками, меньшинство — форсы. Последние занимались преимущественно изготовлением и продажей сладостей. В квартале имелась мечеть. Она упоминается в вакуфной грамоте 1716 г.[205].

84. Квартал Табибон طبسان («Табибы», «Врачи»), или Ходжахо خواجه‌ها («Ходжи»).

Квартал состоял приблизительно из 30 домов (Т, 1928 — 36). Население было таджикоязычное. Жители занимались торговлей и ремеслами. Сведений о наличии там ходжей (о чем говорит второе название квартала) не имеется. Некоторые семьи квартала занимались обмыванием мертвых. В квартале имелась своя мечеть. Она упоминается в вакуфной грамоте 1801 02 г.[206].

85. Квартал Мирджон-Али میرجان علی (имя собственное).

Квартал состоял из 30—40 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками; здесь жили также форсы. Занимались торговлей (торговали мукой, чаем) и ремеслами: плотничным, строительным, токарным, ювелирным. В двух домах жили ткачи (видимо, форсы), они вырабатывали бархат, в одном — золотошвеи. Здесь жили также купцы-иджорадор), бравшие на откуп вакуфные земли.

В квартале имелась мечеть. Сведения о других общественных зданиях отсутствуют.

[204] По сообщению бухарцев, это название было дано потому, что в старину здесь поселяли послов (элчи) из России. Это название следует поставить в связь с наличием в окрестностях Бухары кишлака Урусон, упоминаемого в документах XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 140). Более вероятно, что квартал получил свое название в связи с этим селением или с названием узбекского племени урусон.

[205] ГА, ед. хр. 306. Составлено по сообщению ювелира Мухтора Мухсинова, 70 лет, из квартала Кош-мадраса.

[206] ГА, ед. хр. 505. Описание составлено по сообщению жителя квартала Кош мадраса мастера-строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет,

Хауз в квартале Табибон

Мечеть Мирджон Али упомянута в вакуфных грамотах 1790 91 и 1826 27 гг.[207], когда в вакф этой мечети было сделано пожертвование эмиром Насрулла-ханом.

86. Квартал Усто Рухи وستاوحی (имя ремесленника, усто — «мастер»).

Квартал принадлежал к самым большим, в него входило 210 домов (Т, 1929 — 55 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками; занималось ремеслами и торговлей (торговали рисом, мукой, чаем). Из ремесленников здесь жили токари, которые специализировались на выделке детских колыбелей, плотники, ювелиры, вышивальщики на вышивальной машине (патдуз), которая появилась в Бухаре в начале XX в. и на которой шили до революции только мужчины. Были в квартале также люди, жившие на доходы с земель, находившихся за пределами города (дехкон). Около 20 семей принадлежало к сипо. Эти семьи жили обособлен

[207] ГА, ед. хр. 306 и 48. Описание составлено по сообщениям ювелира Ата Мирзоева, 82 лет, и 80 летнего жителя квартала Мавлоно Асари.

Мечеть квартала Мерджоп-Али

но, в частности они не вступали в брак с остальными жителями квартала.

Мечетей на территории квартала было две: одна — мечеть Усто Рухи — была «панджвакти», т. е. предназначалась для ежедневной пятикратной молитвы; вторая, известная под названием мечеть Болохауз («Мечеть над хаузом»), была мечетью эмирской; туда иногда приходил на намазы эмир со своей свитой. Обычными посетителями ее были многочисленные торговцы, лавки которых располагались неподалеку, на Регистане. Перед этой мечетью находился большой, обложенный мрамором хауз, который и дал мечети ее имя.

Святыней квартала Усто Рухи была давшая ему название могила мазар «святого» Усто Рухи, находившаяся внутри мечети. Вероятно, это было лицо историческое. В. Л. Вяткин упоминает «мистика Шамсуддина Рухи, ученик которого, шейх Джамиль, был духовным наставником Абдулазиз-хана, сына Убейдулла-хана»[208]. Это позволяет отнести время жизни «святого» к первой половине XVI в. Прозвище шейха, вероятно имевшее значение «духовный» (от араб. روح «рух» — «дух»), понималось как производное от سيم (В произношении «рух») — «цинк», в связи с чем имя «святого» стало пониматься бухарцами как имя ремесленника металлиста. Это вызвало появление соответствующих легенд и поверий, вероятно породивших эпитет «усто» («мастер»). По одной легенде, распространенной среди населения близлежащих кварталов, «святой» был мастером по обработке цинка; его мастерская находилась под полом мечети, и человек богобоязненный и чистый, приложив ухо к полу, мог якобы услышать стук молотков работающего «святого». Вторая легенда, записанная со слов жителя квартала Гозиён — Яхъё Шарифова, 68 лет, была рассказана ему в годы его молодости стариком, считавшим, что он является единственным хранителем истинной истории мазара Усто Рухи. Согласно этой легенде, Усто Рухи был учеником «святого» Бобои Порадуз, патрона сапожников[209]. Бобои Порадуз приказывал своему ученику собирать обрезки кожи и сор, остававшиеся у него при починке обуви, и сносить все в чулан (мадон) своего дома. Однажды ученик усомнился, в здравом ли уме его учитель. Учитель сразу понял это и велел ученику пойти и набрать

[208] В. Л. Вяткин, Шейх» Джуйбари, стр. 7.

[209] Бобои Порадуз — прозвище шейха Абу Бакра Мухаммеда бен Ахмада ал-Искафи, современника Шах-Мурада (1785—1800) (А. А. Семенов, Очерк устройства центрального административного управления..., стр. 26, прим. 3). Его мазар (по А. А. Семенову — ханака Хазрати Бобо) находился недалеко от города, за воротами Саллаххона. Этот мазар упоминается в «Книге Мулло-зода», где приводится и полное имя «святого» (стр. 39 40).

в полу халата несколько пригоршней имевшегося в комнате сора. Когда ученик открыл дверь, то увидел, что весь сор превратился в золото. Он раскаялся в своих сомнениях и просил у учителя прощения. Тот велел ему построить на это золото мечеть. Это и была мечеть Усто Рухи, названная так по имени ее строителя, который, отказавшись от всего земного, предался совершенствованию своего духа, вследствие чего и получил прозвище Усто Рухи.

К кварталу Усто Рухи относилось очень крупное медресе, известное в народе под названием Мадрасаи Гуспанд, вольное сокращение от полного названия — Мадрасаи Фатхулло гуспанд-джаллоб («Медресе Фатхулло, торговца баранами»), или, по другим сообщениям, Мадрасаи бозори гуспанд («Медресе на бараньем базаре»). В медресе имелись аудитории для чтения лекций, и это было одно из немногих бухарских медресе, где чтение лекций продолжалось и в предреволюционные годы. В квартале были также своя школа и тахоратхона. Известностью пользовалась находившаяся в этом квартале баня — Хамбоми Биби халфа («Баня учительницы»), выстроенная, как показывает название, на средства какой то женщины, имевшей конфессиональную школу для девочек и являвшейся чтицей молитв при совершении семейных обрядов[210].

Название Рухи упоминается как название соборной мечети (جامع) в грамоте 1615 г. Квартал Усто Рухи упомянут в вакуфной грамоте 1788 89 г.[211].

87. Квартал Писташиканон شکنان پسته («Разбиватели фисташек»)[212].

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1930— 20 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Профессией многих жителей было надкалывание и продажа фисташек и урюковых косточек, которые употреблялись как лакомство и в большом количестве скупались кондитерами (халвогар), приготовлявшими различные виды халвы. Эти же «надкалыватели фисташек» приготовляли соленые урюковые косточки (дона шурак), которые кипятились в соленой воде и употреблялись как лакомство. Некоторые жители занимались плотничным делом. В северной части

[210] Описание составлено по сведениям жителя этого квартала вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, музыканта-бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Таи зиндон и его сотоварища сурнайчи (флейтиста), 72 лет.

[211] ГА, ед. хр. 7, 1294.

[212] Квартал с таким же названием имелся и в Джуйбаре. Базар Писташиканон находившийся на территории шахристана, упомянут Наршахи (Мухаммад Наршахи, История Бухары, перевод, стр. 71). Это показывает, что профессия надкалывателей фисташек в Бухаре была древней.

квартала, на границе с кварталом Харротон, жили семьи токарей. Были в этом квартале и торговцы.

Сделавшись самостоятельным, квартал Писташиканон не имел своей мечети: его жители ходили либо в мечеть сосед него квартала Усто Рухи, пользуясь и имевшимся при ней по мещением для омовений, либо в большую парадную мечеть, стоявшую напротив ворот арка и известную под названием Болохауз («Мечеть над хаузом»). Дети учились преимущест венно в мактабе квартала Кози Файзи[213].

88. Квартал Аскар-бий عسكربي (в просторечии Ас кар би; имя знатного человека).

Квартал состоял приблизительно из 70 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занима лись мелкой торговлей и ремеслами (кузнечным, ювелир ным). Мечеть квартала считалась в то же время и медресе, так как при ней было несколько келий для учащихся[214].

Квартал Аскар бий упомянут в вакуфной грамоте 1870-71 г.[215]. В более ранних грамотах 1785 и 1818 19 гг. упо минается медресе Аскар бий в квартале Камбар бий (Кан бар-атолик)[216]. Из этого видно, что в течение столетия квар тал утратил свое прежнее название и стал называться па имевшемуся там медресе.

89. Квартал Ходжа Курбон خواجه‌قربان (имя соб ственное).

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1929 — 53 дома) Население было таджикоязычное, но называло себя узбека ми. Занималось мелкой торговлей и ремеслами (ювелирным и др.). В квартале имелась мечеть, школы не было[217]. Квар тал Ходжа Курбон в прошлом назывался Ходжа Аёз. Наи более раннее упоминание мечети Ходжа Курбон в квартале Ходжа Аёз мы встречаем в грамоте 1715 г.[218], составленной, возможно, еще при жизни этого лица. Другая грамота — не датированная, заверенная печатью Шах-Мурада, оформляет пожертвование в пользу этой мечети 800 танапов земли[219].

[213] Сообщения жителей квартала Усто Рухи: вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, и ювелира Ато Мирзоева, 82 лет.

[214] Сообщение жителя квартала Усто Рухи вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет.

[215] ГА, ед. хр. 367.

[216] ГА, ед. хр. 494 и 26.

[217] Описание составлено по сообщениям жителя квартала Усто Рухи вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, жителя пригородного кишлака музыканта-сурнайчи, 72 лет, и жителя квартала Искандар-хои — Шоева, 50 лет.

[218] ГА, ед. хр. 303.

[219] ГА, ед. хр. 494.

Наиболее позднее пожертвование было сделано в 1919-20 г.[220], т. е. накануне народной революции. Количество и размеры пожертвований говорят о том, что Ходжа Курбон и, вероятно, его потомки были людьми богатыми. По некоторым сообщениям, могила Ходжа Курбона считалась мазаром, она находилась в этом квартале. Если это верно, мы имеем здесь пример причисления к святым исторического лица, жившего в начале XVIII в.

90. Квартал Шер-Мухаммад джувозкан شير محمد جواز كن (имя собственное и эпитет — «мастер, выделывающий ступы для маслобоек»).

Квартал состоял приблизительно из 70 домов (Т, 1929—92 дома). Население было таджикоязычное. Большинство занималось торговлей. Жили здесь также служилые люди низшей прослойки сипо, из таджикоязычных бухарцев, например один мулозим[221].

Мечеть являлась в то же время и медресе: при ней были построены кельи для учащихся. Имелся свой мактаб. Святыней квартала был мазар Шер-Мухаммад-джувозкан — могила, находившаяся в небольшом здании на кладбище, расположенном на небольшой возвышенности (тал). Этому мазару приписывалось свойство излечивать коклюш[222].

Мечеть Шер Мухаммад джувозкан упоминается в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах Мурада[223].

91. Квартал Назарча نظرجه (имя собственное в уменьшительной форме), или Ляндахур لندهور («имя государя в Индии»)[224].

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1928—45 домов). Население было таджикоязычное, занималось главным образом торговлей. Здесь были торговцы мукой, мясники, торговцы рисом. Из ремесленников отмечены чистильщики хлопка (наддоф).

[220] ГА, ел. хр. 304.

[221] Мулозим — служитель в канцелярии казия.

[222] Мазары с такой «специальностью» имелись во всех среднеазиатских городах и некоторых селениях. В Бухаре «излечивающими коклюш» считались также мазар Шайх Джалол и небольшой мазар в квартале Пес хона.

[223] ГА, ед. хр. 255. Описание составлено по сообщениям жителя квартала Чашма Аюб — Мулло Умода, 70 лет, жителя квартала Усто **Руки**— Садулло Мирзоева, 76 лет, и др.

[224] И. Д. Ягелло. Полный персидско-арабско-русский словарь, стр. 1351. В экспликации к плану Парфенова—Фенина название «Ляндахур» дано как второе, т. е. менее употребимое, устаревшее.

В квартале была большая мечеть и против нее хауз Назарча, из которого брало воду население четырех кварталов: Назарча, Аскар бий, Дарвозайи Углон и Кофар работ. Можно предположить, что его постройка была причиной вытеснения старого названия квартала. Так как название хауза было в постоянном употреблении, оно вытеснило постепенно название того квартала, где хауз находился. Такой процесс удалось отметить в нескольких случаях. Назарча, по преданию, было именем человека, построившего хауз на свои средства, выкопавшего или облицевавшего его камнем[225].

По сообщению информатора ювелира Ато Мирзоева, 82 лет, название Ляндахур было дано ему по имени легендарного героя, жившего якобы 800 лет назад. Квартал Ляндахур упомянут в вакуфной грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара[226].

92. Квартал Кофар-работ بارباط كافر («Караван сарай торговцев камфарой»?) [227].

Квартал состоял приблизительно из 90 домов. Население было в большинстве таджикоязычное, некоторые семьи были тюркоязычны. Здесь жили водоносы (машкоб) и жители, занимавшиеся мелкими ремеслами, например пекари, в частности, выпекавшие маленькие сдобные лепешки (кулча). Здесь находились казармы сарбазов (капкозо), носивших форму кубанских казаков. Некоторые из них в этом квартале и жили[228].

Достопримечательностью квартала была небольшая постройка, в которой находилась клетка с эмирским тигром (шерхона). Для ухода за тигром был приставлен один из жителей квартала. По сообщениям, тигр был прислан эмиру гиссарским беком.

Мечеть Шер Мухаммад джувозкан, «известная как Кофар работ», упомянута в недатированных грамотах, заверенных печатью Шах Мурада, и в грамоте 1871 72 г.[229]. Это показывает, что раньше кварталы Кофар работ и Шер Мухаммад джувозкан составляли одно целое.

[225] Сообщения жителей квартала Усто Рухи — Садилло Мирзоева, 76 лет, и его жены, около 65 лет.

[226] ГА, ел. хр. 305.

[227] Перевод слова «кофар» неясен. Некоторые бухарцы пытались объяснить название квартала как «Рабат неверных» (Кофир-работ), но старики произносили название квартала «Кофар работ».

[228] О быте сарбазов в Бухаре см.: О. А. Сухарева, Бухара... стр. 284—287.

[229] ГА, ел. хр. 255. Описание составлено по сообщениям Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи, бубниста Кенджа, 72 лет. из квартала Таи зиндон и флейтиста (сурнайчи), 72 лет, из пригородного киш лака.

93. Квартал Хоса-пулод خاصه پولاد («Особая сталь») [230].

Квартал состоял из 30—35 домов (Т, 1929 — 31 дом). Население было таджикоязычное. Тут жили ремесленники деревообделочники, изготовлявшие различные деревянные орудия (например, вилы) и предметы домашнего обихода. Эти ремесленники назывались «согутарош» (согу — деревянный, иногда берестяной сосуд; тарош — корень от глагола тароши дан — вытачивать). Жили здесь также гончары. Их обжигательные печи находились за стенами города. Были здесь также ювелиры. Жившие в квартале торговцы специализировались на торговле рисом и чалмами.

Мечеть была купольная. Имелся свой мактаб. У городских ворот Хазрат Имом располагалось несколько лавок и чайхан. За воротами находился очень почитаемый мазар имама Хафси Кабира[231]. По преданию, под шестом, поставленным на этом мазаре, лежат сорок тысяч святых (муджтахид). Среди бухарцев была распространена вера, что «святой» Имом Хафси Кабир хорошо помогает обращающимся к нему в нужде, почему он назывался также Эшони ходжат барор («Ишан, помогающий в нужде»). Свидетельством особого уважения к этому мазару, а также и к самой Бухаре было поверье, что в день воскресения мертвых «двери рая откроются от Бухары, из под Имама, помогающего в нужде» (дари бихишт аз Бухоро яла мешавад, аз таги Имбми ходжатбарор). Еженедельно, в вечер под субботу, на мазаре бывало гулянье (сайль) и ночное моление, заканчивавшееся уже на рассвете громким радением. Как говорят, на эти моления выходила «вся Бухара». Паломники проходили по улице квартала Хоса-пулод[232].

94. Квартал Кози Мир-Хошим قاضی میر هاشم («Судья Мир Хашим»), или Согутарошон ساغوتراشان («Мастера, выделывающие деревянные предметы»).

Население квартала составляло приблизительно 40 домов и было таджикоязычное. Занятием многих была выделка деревянных предметов: посуды, вил и т. п. Торговля этими изделиями производилась в находящихся здесь же лавках,

[230] Хоса — «особый», обычно «царский». Возможно, здесь находились казенные мастерские, изготовлявшие сталь или стальные предметы (оружие?). Однако на памяти современного населения таких мастерских здесь уже не было.

[231] Имам Хафси Кабир упомянут в «Книге Мулло-зода» как лицо, жившее в X в. (стр. 24).

[232] Сообщения бубниста Кенджа, 72 лет, из квартала Таи зиндон и флейтиста, 72 лет, из пригородного кишлака.

образующих торговые ряды вдоль улицы. В квартале жили также различные мелкие торговцы (дукондор) и более крупные (тимчи), торговавшие в тимах[233] Бухары.

В квартале имелась мечеть. Сведений о прочих общественных зданиях нет.

Мечеть Кози Мир-Хошим, «находящаяся в квартале Порсбонон», упоминается в вакуфной грамоте 1664 65 г.[234]. Таким образом, выясняется старое название этого квартала, а также определяется значительная давность сменившего его названия Кози Мир Хошим.

95, Квартал Мирзо Гафур ميرزا غفور (имя собственное), или Таи арк تاق ارک («Возле арка» — квартал с юга примыкал к арку).

Квартал состоял приблизительно из 60—65 домов (Т,. 1928 — 66 домов). Население в большинстве было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Оно занималось преимущественно торговлей. Были здесь крупные торговцы ичигами и кожаными калошами, а также сапожники, которые их шили. Часть населения занималась выделкой деревянных предметов (согутароши). Из служилых людей здесь жил служащий канцелярии казикаляна (мулозим), коренной бухарец, таджикоязычный.

Мечеть имела купольный свод, вокруг нее располагались кельи для учащихся, также купольные. Во дворе мечети находилась тахоратхона, а напротив нее — хауз, который считался «новым», почему квартал иногда называли Хаузи. нау[235]

Старое название квартала было Хофиз Чанги. Это устанавливается по вакуфной грамоте 1692 93 г. и по недатированной грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара (1800—1826) [236]. Возможно, что название Хофиз Чанги было и названием находившегося в этом квартале хауза. Мирзо Гафур упоминается в последней грамоте как строитель мечети, медресе и хауза в квартале Хофиз Чанги. Полное его имя в этом документе — Мирзо Абдулгафур Мушарраф бен Усто Амин. Вероятно, это был Ходжа Гафур, зять эмира Данияра (Даниёр бека), который купил привезенного в Бухару Филиппа Ефремова[237]. Предполагать, что Мирзо Гафур был чело

[233] Тим — купольный пассаж, где помещались торговые ряды.

[234] ГА, ед. хр. 310. Описание составлено по сообщениям Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи и музыканта бубниста Кенджа, 72 лет, из квартала Таи зиндон.

[235] Сообщения Шоева, 50 лет, из квартала Искандар хон, Садилло Мирзоева 76 лет, из квартала Усто Рухи, и др.

[236] ГА ед. хр. 494 и 305.

[237] Ф. Ефремов, Девятилетнее странствование, стр. 16.

век знатный (несмотря на то что его отец назван усто — «мастер, ремесленник»), позволяет его эпитет «мушарраф» («благородный, почтенный»).

96. Квартал Мехтар Шохбек مهتر شاه بیک (имя сановника).

По числу домов квартал был небольшим. Имелась квартальная мечеть. Видимо, к этому кварталу относился мазар Чиль духтарон, находившийся у подножия арка. Более подробных сведений об этом квартале не имеется. Его название упоминается в вакуфных грамотах 1815-16 и 1870-71 гг.[238], но, конечно, оно более раннее, так как чин мехтар в XIX в. уже не существовал.

Джарибшестой. Хыёбон

Джариб Хыёбон состоял из кварталов, расположенных вокруг проспекта Хыёбон, который тянулся с севера на юг, по восточной границе Джуйбара. Это была единственная улица Бухары, носившая свое название на всем ее протяжении — обычно улицы делились на отрезки, которые входили в разные кварталы и назывались по этим кварталам. Проспект Хыёбон, по видимому, образовался на месте той городской стены, которая была снесена после возведения новой в XVI в. До этого времени западные кварталы этого джариба являлись частью прилегавшего к городу сельского района, а восточные — окраинными кварталами города первой половины XVI в. К началу XX в. проспект Хыёбон сделался одним из торговых центров города, вдоль него тянулись торговые лавки. Однако и торговые ряды, и кварталы этого «микрорайона» не совсем утратили свой окраинный характер, хотя городская застройка была здесь достаточно плотной.

В джариб Хыёбон включено 18 кварталов, тяготевших к проспекту Хыёбон. Следует, однако," оговориться, что если западная граница джариба не вызывает сомнений, то восточную его границу, как и границы многих «микрорайонов» центральной части города, со всех сторон окруженных другими джарибами, установить с полной уверенностью не удается, она остается в большей или меньшей степени условной, так как кварталы смежных джарибов сплетались в одно целое.

К джарибу Хыёбон относятся следующие 18 кварталов: Кош-мадраса, Мир Дустум, Ходжа Рофеъ, Мехтар Кофилон, Волида-хо́ни шахид, Мачйти баланд, Ходжа Туйгун, Мехтар Ориф, Пайкан, Кыргыз оим (или Чубутон), Хаджи Хабибул

[238] ГА, ед хр. 305 и 367

ло (или Хыёбон), Карчигай, Моркуш, Мирджон кельды (или Хамбоми каппа), Собунгарон, Ахтачи, Ходжа Аспгардон, Аб дулло кушбеги.

97. Квартал Кош-мадраса قوش مدرسه («Двойные,. или парные, медресе»).

Квартал состоял из 60 домов (Т, 1929 — 48 домов). Насе ление было таджикоязычное, но считало себя узбеками, на- зывая таджиками форсов. Последние также считали осталь ных жителей квартала узбеками, говоря, что «сами они уз беки, а язык у них таджикский» (худашон узбак у, заббна шон тоджики). Население состояло преимущественно из ре месленников. Здесь жили строители, ювелиры, сапожники (махсидуз), починщики старой обуви (сиёкор) и др. Некото рые жители занимались торговлей. Здесь жили, например, торговцы мукой (аллоф), занимавшиеся покупкой пшеницы из продажей смолотой из нее муки.

Особой мечети не было — и ежедневные пятикратные, и пятничные намазы совершались в мечети при медресе Аб дулла-хана[239].

Свое название квартал получил по двум крупным медресе XVI в., стоящим друг против друга по обе стороны ули цы[240]. Одно из них известно как медресе «Абдулло хон»,, второе — как медресе «Модари хон» («матери хана»)[241]. Од нако из сохранившейся вакуфной грамоты 1570 71 г. в поль зу медресе, известного как «Модари хон», видно, что построй ку этого медресе приписало матери хана более позднее народное предание: медресе построено и вакф завещан са мим Абдулла-ханом[242]. Когда появилось название квартала Кош мадраса, неизвестно, но, надо думать, вскоре после постройки там двух парных медресе. В вакуфной грамоте 1703-04 г. квартал Кош мадраса уже упоминается[243]. Как видно из более ранней грамоты 1593-94 г., составленной в пользу «медресе Абдулла хана» и, возможно, по оконча нии его строительства, квартал назывался в то время

[239] Сообщение мастера строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из этого квартала.

[240] См. характеристику этих медресе в «Истории Узбекской ССР», т. I, кн. I, Ташкент, 1955, стр. 452; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Реи пель. Бухара, М., 1949, стр. 41—43.

[241] В. А. Шишкин пишет, что из двух медресе «восточное построено от имени матери Абдулла хана (Модари хон)... в 974 (1566 67) г., второе, западное, именуемое медресе Абдулла хана, окончено в 998 (1589 90) г.» («Архитектурные памятники Бухары», стр. 62).

[242] Е. А. Давидович, К вопросу о курсе обращения серебряных монет в государстве Шейбани хана (XV в.). — «Труды САГУ», вып. 11, 1950, стр. 138 и 167, прим. 4.

[243] ГА, ед. хр. 17.

Хыёбон (كوى خيابان), но в документах архива джуйбарских шейхов перед названием Хыёбон отсутствует слово «ку» («квартал») [244]. Это показывает, что название Хыёбон, и в конце XIX — начале XX в., и раньше обозначавшее улицу, тянувшуюся по восточной границе Джуйбара, в один из периодов было названием квартала, которое затем сменилось названием Кош мадраса.

98. Квартал Мир-Дустум مير دوستوم (имя собственное).

Квартал был одним из четырех крупнейших в Бухаре. Среди бухарцев было распространено мнение, что он состоял из 360 домов; однако точный подсчет, произведенный в 1924 г., когда состав населения кварталов Бухары еще не успел претерпеть значительных изменений, показал, что в квартале имелось 159 домовладений [245]. На плане, составленном при обследовании кварталов Тропином, в квартале Мир-Дустум указан дом № 159, однако в материалах обследования Т, 1929 — 95 домов. Квартал Мир Дустум отличался не только большим количеством населения, но и очень большой территорией. Он состоял из 6 улиц и переулков. Население было смешанное. Большинство составляли таджикоязычные бухарцы, называвшие себя узбеками. Среди них были семьи, которые причисляли себя к узбекским родам мангыт и найман.

Некоторые семьи вели свое происхождение от туркмен (возможно, от нуратинских узбеков туркман). Все они полностью перешли на таджикский язык. В квартале жили также и форсы (которых, по сообщению информаторов, остальное население квартала называло таджиками).

Жители занимались главным образом ремеслами. Больше всего здесь было золотошвеев (зич зардуз буд — «сплошь были золотошвеи»), почему квартал нередко называли кварталом золотошвеев — Гузари зардузо. Среди золотошвеев было два очень крупных мастера — Хаёт оксакол и Садилло оксакол; в их мастерских трудилось по 15—20 наемных мастеров-халфа и многие мастера надомники, работавшие у себя на дому с участием членов семьи. Кроме золотошвеев в квартале было 2 семьи ткачей: в одной, семье форса, ткали шелк канаус, в другой, семье таджикоязычного бухарца, — адрас. На берегу канала Шахр руд, проходившего по северной оконечности квартала, находилась мастерская абрбанда — одна из восьми имевшихся в Бухаре. В квартале жили также

[244] ГА, ед. хр. 2; «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 127.
[245] Сообщение жителя этого квартала Алиева, бывшего Б ТО время «гузаркомом».

плотники (2 семьи) и строители (5 семей). Много было также торговцев, как мелких (дукондор), так и крупных (савдогар); из последних здесь жил крупный оптовый торговец. фарфором Садилло Чинни. Его обороты были настолько значительны, что он заказывал русским фарфоровым фабрикам специальную посуду, причем иногда на изделиях заказывалась надпись «Туджóри Бухоро» («Бухарские купцы»). В квартале жили также представители высшей аристократии — «миро» (мн. ч. от «мир» —«князь, правитель») и военно служилого сословия (сипо). Здесь находился, например, дом последнего бухарского кушбеги Усмон бия, назначенного на эту должность в 1919 г. и остававшегося на ней до самой победы народной революции. Он был коренным таджикоязычным бухарцем. Здесь же был дом и канцелярия казикаляна Бако хона (в годы обследования квартала в нем помещался облсобес и обллит). Имелся в квартале один казенный дом — обыкновенный, небольшой, в котором жили мелкие чиновники.

Среди жителей этого квартала были также представители чиновного официального духовенства — «урок» и «эшони судур». Все они состояли на жалованье и снабжались продуктами от казны, для чего им выдавались четырехгранные выструганные палочки (хатчуб), на которых отмечались полученные ими продукты. Мясо, хлеб, чай и др. выдавалось им в определенных лавках, которые, имея договоренность с канцелярией девонбеги, получали там расчет по предъявлении палочек[246].

Квартальная мечеть была известна среди населения как хонако — так называли ее за ее купольное перекрытие (радения в этой мечети не происходили). В документе 1695 96 г. мечеть названа Хонакóйи ляби хаузи Мир-Дустум[247]. Среди населения сохранилось предание о строительстве этого здания, как и находившегося в квартале хауза Мир Дустум. Оно в какой то мере подтверждается документами. Предание считает строителем мечети Мир Дустум современника Абдулла хана, его наукера по имени Мир Дустум, постепенно повышавшегося в должности и в чине. Говорят, что он построил в Бухаре 7 мечетей: одну около Мазарских ворот и шесть квартальных мечетей — Ходжа Зайниддин, Мехтар Ориф, Мачити Балянд, Мир Дустум, Дуст чурогоси и еще одну, место нахождение которой информатор запамятовал. При этом мечеть Дуст чурогоси была построена им в начале его продвижения по иерархической лестнице, еще в то время, когда

[246] О применении палочек для записей расчетов см.: О. А. ва, К истории городов Бухарского ханства, стр. 101—102.
[247] ГА, ед. хр. 129.

юн носил низший чин — чухра-огоси [245]. Информаторы сообщили и родословную этого человека: Мир Дустум был сыном Дустум бия, сына Хаким бия, сына Джоним-бия [249]. Время жизни Мир-Дустума еще недавно могло быть точно установлено, так как на мечети (хонако) Мир Дустум была указана дата постройки. По преданию, этим же человеком был также выстроен большой хауз этого квартала. В настоящее время и то и другое уже разрушилось.

Что касается мечетей Ходжа Зайниддин и Балянд, то, как известно, их постройка действительно относится к XVI в.[250]. Квартал Дуст чурогоси, согласно этому преданию получивший имя лица, по которому назван и квартал Мир Дустум, упоминается в недатированной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада [251], а это значит, что он мог существовать уже в более раннее время.

В квартале был большой, облицованный камнем хауз Мир Дустум. Так как не всем жителям квартала было удобно брать воду из этого хауза, в западном конце квартала был устроен второй хауз, который назывался Хауз и Бодом. Старики помнят еще историю постройки этого хауза. Как говорят, он был построен на средства самого населения, причем строительством распоряжался человек, имевший прозвище Бодом (миндаль). Оно и закрепилось за хаузом. Постройка второго хауза способствовала отчленению части квартала Мир Дустум, однако, по видимому, выделение не успело оформиться и квартал Мир Дустум оставался единым, по крайней мере административно. Вокруг хауза Мир Дустум и вдоль главной улицы шли торговые ряды. Здесь было до 20 мелочных и овощных лавок, три пекарни и рынок, где продавался каймак, причем для него каким то баем было построено специальное крытое помещение [252].

99. Квартал Ходжа Рофеъ خواجه رافع (имя собственное).

[248] Сообщено жителем квартала Ходжа Зайниддин, ок. 1875 года рожд.

[249] Сообщено жителем квартала Мирджон-кельды, гилькором (ок. 1870 года рожд.). Надо отметить, что имена сыновей рифмуются или согласуются здесь с именами отцов, как это практикуется и в настоящее время.

[250] См.: В. А. Шишкин, Архитектурные памятникки Бухары, стр. 67. Е. А. Давидович уточняет датировку мечети Ходжа Зайниддин, относя ее к началу XVI в. (Е. А. Давидович, К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре,— «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1950, стр. 27—28).

[251] ГА, ед. хр. 76.

[252] Описание составлено по сообщениям многих жителей этого квартала, главным образом Алиева, бывшего здесь в 1924 г. гузаркомом. Некоторые сведения сообщены стариками из соседних или близлежащих кварталов.

Квартал был небольшой, в нем было около 30 домов (Т,. 1930 — 22 дома). Население состояло из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками. Было также несколько семей форсов. Жители квартала занимались главным обра зом торговлей. Здесь жил также чиновник, который был в должности тупчи боши (начальника артиллерии)[253].

Квартал Ходжа Рофеъ упомянут в вакуфной грамоте 1861-62 г.[254]. Лицо, по которому квартал получил свое на звание, могло быть сыном известного сановника Убайдулла хана, Мехтара Шафеъ; это видно из вакуфной грамоты 1710-11 г. в пользу мечети квартала Хаузи баланд (в Джуй баре), строителем и завещателем вакфа которой указан Ход жа Мухаммад Рофеъ бен Мухаммад Шафеъ[255]. Эта иденти фикация кажется весьма вероятной как вследствие хроноло гической близости, так и потому, что Мехтар Шафеъ кроме мечети его имени, давшей название кварталу около ворот Саллаххона (см. *Xs* 15), построил также, согласно вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада, мечеть квартала Кофилон (Мехтар Кофилон), который находился неподалеку от квартала Хаузи баланд[256]. Возможно, эта семья была связана с указанным районом местом жительства или про исхождением.

100. Квартал Мехтар Кофилон مهتر قافلان («Стар- шина караванов»)[257]. В просторечии употреблялась сокра щенная форма — Кофилон.

Теперь полное название помнят только люди очень преклонного возраста. В понимании части современных бу харцев «Мехтар Кофилон» или «Кофилон» является лишь именем «святого», мазар которого находился в этом квар тале.

Квартал состоял приблизительно из 60 домов (Т, 1928 — 36). Населен был таджикоязычными бухарцами, считавшими себя узбеками. Жители занимались ремеслами (здесь были, например, ювелиры), мелкой торговлей (торговали пряно стями и пр.). Жили здесь также представители духовенства и

[253] Описание составлено по сообщениям жителей квартала Миф-Ду- стум: вдовы крупного торговца фарфором Садилло-Чиппи, 70 лет. форса. Алиева, бывшего гутаркома квартала, и др.

[254] ГА, ед. хр. 471.

[255] ГА, ед. хр. 284.

[256] ГА, ед. хр. 55.

[257] О значении термина «мехтар» см. выше, в описании квартала Мех- тар Шафеъ (№ 15). Термин «мехтар кофилон», возможно, имел то же зна чение, что и заменивший его позже термин «корвонбоши», являющийся узбекско-таджикской калькой первого. Помимо своего прямого значения он употреблялся в Бухаре в значении «старшина купеческой гильдии» (см.: О. А. С у х а р е в а, Бухара..., стр. 257—258).

• служилые люди, вероятно из военных. **В этом квартале** на ходились две самые большие в Бухаре казармы пеших сар базов, в которых якобы размещалось 2000 солдат (цифра сомнительная). Сарбазы носили казачью форму, почему и назывались «кавказцами» (капкозо), а их казармы — капкоз хона. Казармы состояли из множества небольших помеще ний (худжра). Сарбазы, которые были в большинстве своем местными бухарцами, не жили там постоянно: они являлись в казармы по очереди (нубат кати) и надевали форму, лишь находясь на дежурстве. На их обязанности лежало нести • службу три дня в неделю (субботу, воскресенье и понедель ник), а в остальное время они жили со своими семьями, за нимаясь каждый своим делом, одеваясь в обычную одежду бухарцев.

В квартале была мечеть и школа. Перед мечетью находил ся большой, очень благоустроенный хауз, из которого брали воду жители нескольких окрестных кварталов.

Название квартала связано с именем известного истори ческого лица — Мехтар Шафеъ, что видно из вакуфной гра моты 1707 08 г. в пользу медресе Мехтар Кофилон, состав ленной от имени Мехтар Шафеъ бен мехтар Латиф[258], воз можно, еще при жизни жертвователя. Название квартала Мехтар Кофилон встречается и в нескольких более поздних грамотах: 1857 58 и 1911 гг.[259]

101. Квартал Волида-хôни шахид والدة خان شهيد («Мечеть матери убиенного хана»)[260]

В квартале было домов 60 (Т, 1928 — 68 домов). Боль шинство населения составляли форсы, меньшинство — тад жикоязычные бухарцы, называвшие себя узбеками. Среди последних было 6 домов ходжей.

Жители в основном были ремесленники. Форсы занима лись тканьем адраса и шои (шохи), изготовлением сладостей (кандалот, канд мерехтан) и торговлей пряностями. Здесь жило также несколько семей чиновников, в том числе одного амлокдора.

Имелась большая мечеть, к которой примыкало медресе, состоящее из келий, в которых жили студенты.

Название квартала в настоящее время объясняется преда нием (по видимому, сравнительно недавнего происхождения)

[258] ГА, ед. хр. 55. Описание составлено по сообщениям Усто Маджи да Солиxова, ок. 90 лет, из квартала Кош-мадраса и жителя квартала Мир-Дустум, 82 лет.

[259] ГА, ед. хр. 434, 435.

[260] Шахид — человек, погибший в битве (первоначально — за веру), убитый, умерший не своей смертью.

о женщине по имени Волида хон, которая, отстраивая на свои средства мечеть, пожелала осмотреть постройку, упала с крыши и разбилась насмерть. Могила Волида хони шахид находилась в квартале.

По другим сведениям, это было название очень старого и почитаемого мазара. Уточнить характер культа этого мазара не удалось.

Квартал Волида хон упоминается в вакуфной грамоте 1815 16 г.[261].

102. Квартал Мачити баланд مسجد بلند («Высокая мечеть»).

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1928 — 96 домов). Население было таджикоязычным. Вопрос о том, к какому народу — таджикам или узбекам — оно себя относило, не выяснен вследствие отсутствия информаторов из этого теперь уже не существующего квартала. Жители занимались главным образом мелкой торговлей (торговали кожаными калошами, ичигами и др.) и ремеслами. Две семьи принадлежали к служилым людям (сипо).

В квартале находилась старинная мечеть (XVI в.) с очень высоким фундаментом; входить в нее приходилось по каменной лестнице в несколько ступеней. Отличал эту мечеть и высокий потолок как в самой мечети, так и на окружавшем ее айване[262]. Эта мечеть служила для пятничной молитвы, на которую сходились молящиеся из нескольких кварталов. Жители квартала Мачити баланд ходили на ежедневную пятикратную молитву в соседние кварталы, главным образом в квартал Собунгарон. Около мечети находилось маленькое медресе из 8 келий для студентов, построенное в XX в. одним баем[263].

103. Квартал Ходжа Туйгун خواجه تویغون (имя собственное).

Квартал насчитывал 70 домов (Т, 1929 — 25 домов). Население в большинстве состояло из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками. Меньшинство составляли фор

[261] ГА, ед. хр. 223. Описание составлено по сообщениям Усто Мамиджа Солихова, ок. 90 лет, и его родственницы из квартала Кош мадраса, а также бывшего гузаркома этой группы кварталов Исмоила Олимова, 26 лет, жителя квартала Пайкан.

[262] Об этой мечети см.: «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 453; В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 66; Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, Бухара, стр. 36.

[263] Сообщение Усто Мамиджа Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош мадраса.

Мечеть квартала Мачити баланд

сы. Первые занимались преимущественно строительными ремеслами; здесь было, по словам информатора, до 40 домов строителей и плотников. Среди них было несколько хороших резчиков по ганчу: известностью пользовались усто Курбон-Бадаль и Хаджи Малик.

В квартале были мечеть (каркасная), школа и помещение для полных омовений (гуслхона). Возле мечети находился хауз.

Квартал Ходжа Туйгун упомянут в вакуфной грамоте 1896-97 г.[264]

104. Квартал Мехтар Ориф مهتر عارف (Ориф — имя собственное, мехтар — придворный чип).

Квартал состоял из 60—70 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, занималось преимущественно ремеслами. Здесь были сапожники (кафшдуз), два ткача шелка (адрасбоф и шохибоф). По некоторым сообщениям, сапожники были узбеками, тогда как ткачи — таджи

[264] ГА, ед. хр. 201. Описание составлено по сообщениям мастера гилькора Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кельты

ками. Жили здесь также плотники, специализировавшиеся на выделке оконных рам, и один паккош. Было также немало мулл и чтецов Корана (корн), а также мелких торговцев (баккол). Некоторые жители занимались разбиванием ганча (гачкуби), в квартале была мастерская, где изготовлялся ганч.

Мечеть была простая, каркасная. Имелась школа и гусл хона. Святыни не было.

По некоторым сведениям, квартал Мехтар Ориф раньше не был самостоятельным, он составлял часть («одну стену»— як девол) квартала Хаджи Хабибулло. О времени выделения его современное население не помнит[265].

105. Квартал Пайкан پیکن (Пайкенд) [266]

Количество домов в квартале точно не установлено: по одним сведениям, он состоял из 60—70 домов, по другим — из 35—40 домов. Последняя цифра, если принять во внимание занимаемую ранее кварталом территорию, кажется более близкой к действительности, тем более что, по сообщениям, квартал не имел своей мечети и его жители были прихожанами мечети соседнего квартала Мехтар Ориф. Население квартала Пайкан было таджикоязычное, но считало себя узбеками.

Некоторые семьи относили себя к племени мангыт. Жили здесь также форсы. Значительная часть жителей занималась плотничным ремеслом. Здесь были также ткачи (вероятно, из числа форсов), мастера по выделке зеркал, а также представители обслуживающих профессий (например, несколько цирюльников). Пять домов принадлежало ходжам из рода Саид атои. Родословная этих ходжей не выяснена. По мнению представителя этого рода, это были самые почитаемые из ходжей (по видимому, они вели свой род от Хасана и Хусейна) [267].

[265] Сообщения Исмоила Олимова, 26 лет, бывшего гузаркома жителя квартала Пайкан, мастера гилькора Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кельды и жительницы этого квартала, 60 лет.

[266] В названии квартала, возможно, сохранилось название селения Пайкенд, известного с X в. О селении (городе) Пайкенд см.: Наршахи, История Бухары, перевод, стр. 27—28; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 85, 106, 109 и др. Бухарцы, однако, понимают название квартала как «преследователь» (пай — «след», канд от глагола кандан — «рвать») и объясняют его преданием о том, как жители этого квартала однажды решили исход сражения, прогнав и преследуя напавших на Бухару туркмен-помудов (здесь мы имеем позднее переосмысление названия).

[267] Сообщения Исмоила Олимова, 26 лет, из этого квартала, бывшего в последние годы гузаркомом; Бахрома Джураева, мастера гилькора, 76 лет, из квартала Мирджон кельды, и др.

106. Квартал Кыргыз-оим قرغز آيم («Госпожа киргизка»), или Чубутон جيوتان (чуюты — узбекское племя)[268].

Квартал был большой, состоял из 80—100 домов (Т, 1929 — 85 домов). Этот квартал был известен как «квартал служилых людей» (гузари сипохо), так как там жило очень много военных, принадлежавших в большинстве к родо племенным узбекам. Здесь были мангыты и кырк-юзы, а раньше и чуюты. Кырк юзы вели свое происхождение из Ура Тюбе. По сообщению 76 летнего вышивальщика (патдуз) Садилло Мирзоева, который сам был из этой группы, переселение кырк юзов из Ура Тюбе в Бухару произошло во времена Музаффар-хана и было связано с «самаркандской войной» (джанги Самарканд), после которой все те, кто не хотел или не мог оставаться в пределах русского Туркестана, потянулись в Бухару. Так оказались в Бухаре и уратюбинские кырк юзы, их профессией стала служба в эмирских войсках. Они получили места для поселения в окраинных кварталах Бухары, где имелись казенные дома или свободные участки и где плотность населения не была так значительна, как в центральных районах города. Принадлежа к привилегированному военно служилому сословию, сипо из квартала Кыргыз оим не занимали высоких должностей: здесь жили так называемые «етим сипо» — «слуги сипо» и низшие чины — ясоул, чур огоси и один удайчи. Тем не менее к именам мужчин из этих семей прибавлялась приставка «бек» (Бек Али бек, Саид Али бек, Ходжикул-бек-удайчи и т. д.), которая указывала на принадлежность к знатным узбекским родам. Часть сипо была тюркоязычна; для других родным языком являлся таджикский, по видимому вследствие того, что они переселились в Бухару раньше и успели значительно ассимилироваться с местным населением, переняв у него язык. Сохранение племенного самосознания стимулировалось привилегированным положением, которое занимали в Бухаре родовитые узбеки вообще и узбеки племени мангыт в частности. К сипо принадлежали и некоторые форсы этого квартала. Здесь жили и простые сарбазы. Прочее население, состоявшее из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками, и форсов, занималось ремеслами (изготовлением сладостей и др.). а также торговлей. Здесь жил, например, Ходжи Солёхи Синдиль. Его прозвище Синдиль было дано ему, так

[268] Название квартала Чугутон или Чубутон, по видимому, представляет собой название племенной группы чувит, или чуют. Кварталы Чутон (несомненно, этимология та же) имелись также в Шахрисябзе (см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 132). Бухарцы, однако, объясняют это название тем, что в квартале жили переселенцы из города Чубут, или Чугут, находившегося якобы в Иране или Египте.

лак он служил уполномоченным в фирме Цинделя в Бухаре. Он был форс, сына женил на таджичке.

Мечеть квартала была простая, каркасная. Имелась и школа[269].

107. Квартал Хаджи Хабибулло حاجی حبیب الله (имя собственное), или Хыёбон خیابان (улица, протянувшаяся по восточной границе Джуйбара).

Этот квартал считался одним из крупнейших в Бухаре. Число входивших в него домов точно выяснить не удалось. Информаторы называли цифру 360, которая употреблялась в тех случаях, когда хотели подчеркнуть множество чего либо (Т, 1928— 104 дома; Т, 1929 — 110 домов). Население было смешанное, состояло из форсов и таджикоязычных бухарцев. По некоторым сведениям, здесь жили также и тюркоязычные узбеки. Занятием большинства были ремесла. Форсы занимались преимущественно шелкоткачеством. Здесь были плотники, строители, пекари, мясники и другие ремесленники.

В квартале находилась большая мечеть для пятничной молитвы. К ней примыкало двухэтажное здание медресе, выходившее на улицу Хыёбон. Большую часть территории квартала занимало кладбище Эшони Имло. Оно было настолько значительно, что во многих сообщениях его название выступает как второе название всего квартала или северной его части, которую некоторые информаторы считали самостоятельным кварталом[270]. Как говорят, на кладбище находились могилы самого ишана Имло и Халифа Худойдода (имя которого носит близлежащий квартал). Обе они почитались как мазары; над ними были воздвигнуты шесты с хвостами яков. На этом же кладбище была усыпальница эмирской семьи (гурхонайи пошохо), имевшая вид мавзолея. По сообщениям, место, где хоронили членов эмирской семьи, было огорожено и у привратного помещения (дарвозахона) всегда стояли па страже сарбазы. Посреди кладбища находилась старинная сардоба, откуда жители окрестных кварталов брали воду для питья. Об этой сардобе шла дурная слава: считалось, что она притягивает к себе людей («зо нет» — бонг мезанад).

Время жизни ишана Имло и Хаджи Хабибулло в некото

[269] Сообщения Бахрома Джураева, 76 лет, мастера строителя из квартала Мирджон-кельды; мастера вышивальщика Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи, связанного родством с семьями сипс из квартала Кыргыз-оим.

[270] Квартал, называемый Эшони Имло, находился к северо западу от арка, его другое название — Харротон (см. № 80). Там же см. об ишане Имло.

рых сообщениях было отнесено к царствованию «эмира Джаннат макони», т. е. эмира Шах Мурада (1785—1800), причем указывалось, что один был учителем другого (по видимому, ишан Имло был учителем Хаджи Хабибулло) [271].

108. Квартал Карчигай قرچغی («Ястреб»).

Этот квартал был одним из самых маленьких в Бухаре. Возможно, он выделился из крупного квартала Хаджи Ха бибулло — их территории соприкасались. По данным обсле дований, производившихся врачами в 1926, 1929 и 1930 гг., в него входило 17—18 домов, из них к 1930 г. 10 домов запустели и разрушились, так как к тому времени прежнее население стало покидать **этот** район, что в дальней шем привело к почти полной смене его населения, к пере планировке и новой застройке, осуществившейся уже в по слевоенные годы.

Квартал Карчигай был населен местными таджикоязыч ными бухарцами. При посемейном обследовании этого квар тала в 1926 г. большинство его жителей назвало себя узбе ками (из десяти обследованных семей — восемь). Две семьи отнесли себя к таджикам, в одной из «узбекских» семей таджичкой назвала себя невестка. Занятия населения не вы явлены. Описание составлено по данным архива Тропина за 1926, 1929 и 1930 гг.

109. Квартал Моркуш مارکش («Убивающий змей»), или Урдайи маврихо اوردهٔ مرویها («Ставка, резиденция мерв цев») [272].

Квартал Моркуш считался средних размеров **(Т, 1929 — 56** домов). Население было смешанное; большинство состав ляли таджикоязычные бухарцы, считавшие себя узбеками, меньшинство — форсы. Форсы и бухарцы, жившие в кварта ле, поддерживали между собой добрососедские отношения, посещали друг друга в дни семейных торжеств и траура, но смешанных браков не было. Среди форсов было несколько семей сипо, остальные форсы занимались изготовлением и продажей сладостей, продажей пряностей и ткачеством (вы рабатывали адрас). Среди ткачей был владелец довольно крупной ткацкой мастерской — Усто Очил. Жители кварта ла — бухарцы занимались в большинстве изготовлением и продажей халатов (джомадузи ва джомафруши). Шитье ха

[271] Сообщения жителя этого квартала, мастера-строителя, 65—70 лет; Усто Малжила Солихова, ок. 90 лет, уроженца квартала Джанафарон, и кожевенника, 80 лет, из квартала Чармгарон.

[272] О переселении в Бухару жителей Мерва см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 154—156.

латов было делом женщин. Скупкой и продажей халатов занимались торговцы, нередко раздававшие женщинам заказы и обеспечивавшие их материалами.

Квартальный аксакал (за период, к которому относятся сведения информаторов) был из бухарцев.

В квартале имелась и суннитская мечеть, и шиитский молитвенный дом (хусайнияхона), самый крупный в Бухаре, построенный, видимо, в начале XX в. Была здесь школа и небольшое медресе, известное под названием Миён Исхок. Могила его строителя, Миён Исхока, считалась мазаром, над ней возвышался шест с хвостом яка [273].

110. Квартал Мирджон-кельды کیلدی (имя собственное) [274], или Хамбоми каппа حمام کپه («Баня хижина»).

Количество домов в квартале не выяснено. Его население было смешанное. Здесь жили таджикоязычные бухарцы, называвшие себя узбеками и составлявшие большинство, и форсы, которых здесь называли таджиками; как было сказано информатором: «В квартале есть и таджики, пришедшие из Ирана» (тоджик ам дорад, а Эрон омадаги). Среди таджикоязычных жителей квартала, называвших себя узбеками, были семьи, сохранявшие родо племенные названия — мангыты, найманы и уч-уруг. Жители занимались преимущественно ремеслами. Здесь было 12 семей мастеров строителей, несколько плотников, седельщиков (зинсоз), один ювелир, а также два мельника, имевших при доме мельницы (харос), и один маслобойщик (джувозрон). Из числа живших в квартале форсов три семьи занимались тканьем шелка и бархата. Среди форсов было также несколько семей чиновников, в том числе семья сына кушбеги Остонакула, по имени Джон мирзо, имевшего чин туксабо. В квартале жили и торговцы, в частности торговцы пряностями (аттор).

В квартале имелась мечеть и святыня, давшая кварталу одно из его названий — мазар Хамбоми каппа. Мазар представлял небольшое, как бы игрушечное здание с куполом,

[273] Сообщения Баротз Саидова, 70 лет, из квартала Миракон и Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кельды.

[274] По некоторым сведениям, Мирджон кельды был братом Мирджон-Али, имя которого носил другой квартал (см. № 85). Это сообщение кажется сомнительным: в вакуфной грамоте 1710-11 г. (ГА, ед. хр. 284) упоминается местность Мирджон кельды (میر جان کیلدی), находящаяся где то недалеко от Бухары. Совпадение названий вряд ли случайно. Возможно, оно указывает на происхождение из этой местности жителей одноименного квартала. Что переселение произошло давно, показывает возраст вакуфной грамоты, по которой завещано имущество, находившееся в этой местности, в пользу бухарской мечети Масчити баланд.

напоминающим купола местных бань. Этот мазар считался могилой «святого» Ахати Баховаддина, а вместе с тем игрушечной баней. По легенде, святой в раннем детстве, играя на дороге, сделал из пыли «баню». В это время мимо проезжал царь. Шутя обратился он к мальчику и предложил продать ему баню. Ребенок запросил с царя 400 танга. Царь заявил, что это слишком дорого, отказался от покупки и уехал. В ту же ночь он увидел во сне, что это не баня, а светлый прекрасный дворец. Проснувшись, он снова поехал на то же место и опять увидел мальчика, мастерившего из пыли баню. Царь сказал, что он согласен купить баню за 400 танга. Ребенок запросил с царя новую, очень высокую цену. Царь спросил: «Почему ты вчера просил только 400 танга, а сегодня за эту цену не отдаешь?» Тот сказал: «Вчера ты покупал товар за глаза (моли надида), а теперь ты видел своими глазами то, что хочешь купить». Царь понял, что мальчик будет «святым», и поклонился ему. Лицо, скрывающееся под именем Ахати Баховаддина, в народных представлениях соединилось со знаменитым мистиком XIV в.— Баховаддином Накшбандом, хотя, по видимому, совпадение случайное. После революции мазар этот разрушил пинком ноги один из местных жителей, желая доказать своим согражданам, что за этим мазаром не кроется ничего таинственного и священного.

Часть квартала Мирджон кельды, прилегавшая к мазару, вместе с находившимся здесь медресе, при котором имелось специальное помещение для совершения пятикратной молитвы, начала выделяться в самостоятельный квартал Хамбоми каппа, и в качестве такового он выступает во многих сообщениях. Однако выделение это не успело завершиться, и административно обе части квартала представляли собой до самого конца их существования один квартал[275], который в некоторые периоды носил название Хамбоми каппа.

Квартал Хамбоми каппа упомянут в грамотах 1669 70 и 1804 05 гг.[276].

111. Квартал Собунгарон صابونگران («Мыловары»). Квартал состоял из 70 домов (Т, 1929 — 130 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Было также несколько семей форсов. По роду занятий часть жителей принадлежала к ремесленникам. Мыловаров на памяти современного поколения не было. По сообщениям, мыловарение было запрещено в густонаселенных кварталах

[275] Сообщение 76 летнего жителя и уроженца этого квартала мастера гилькора Бахрома Джураева.

[276] ГА, ед. хр. 305, 396. •

эмирскими властями. Возможно, мыловары исчезли из квартала в связи с этим запрещением. В квартале жили семьи, профессией которых было обшивание халатов тесьмой (зехдузи). Эта работа выполнялась по заказу женщинами. Жили здесь хлебопеки и владельцы маслобоен и мельниц (харос), моловшие муку здесь же, в своих домах. Среди живших в этом квартале представителей духовенства были ишаны, выступавшие в роли заклинателей (дуохон), отчитывавших больных. В этом же квартале жил казий, известный под прозвищем Кози-биринчи (узб. «Первый казий»).

Имелась своя мечеть.

Квартал и мечеть Собунгарон упоминаются в вакуфных грамотах. Наиболее ранняя датируется печатью Шах Мурада [277], что может указывать на более раннее происхождение этого названия.

112. Квартал Ахтачи خته‌چی («Конюх»)[278].

В квартал входило 30—35 домов (Т, 1928 — 66 домов). Население было смешанное, большинство состояло из таджикоязычных бухарцев, считавших себя узбеками, меньшинство — из форсов. Последние были по профессии кондитеры (каннот), изготовляли преимущественно леденцы. Занятием остального населения было главным образом слесарное дело: изготовление замков, всевозможных инструментов, гвоздей. Ремесленники занимались и продажей своих изделий (хурда фруши). Среди жителей были торговцы.

В квартале имелась мечеть, при которой было две кельи для студентов, и школа. Против мечети находился хауз Ахтачи.

Квартал Ахтачи упомянут в вакуфной грамоте 1915 16 г.[279].

[277] ГА, ед. хр. 161. Описано по сообщениям жителя квартала Мирдажон-кельды — Бахрома Джураева, 76 лет, и др.

[278] Значение названия квартала неясно. В живом языке слово «ахтачи» означает специалиста по кастрированию животных (от глагола «ахтан» — «холостить», неупотребимого в живом современном языке, где он заменился сложным глаголом «ахта кардан»). В словаре Будагова слово «ахтачи» переведено как «конюх». Так же переведено слово «ахтачи» и в Бабур наме (Захириддин Бабур, Бабур-намэ, [Ташкент], 1948, стр. 23; Бобир-нома Тошкент 1948, стр. 31). Жители Бухары объясняли, однако, название квартала тем, что его жители происходили из города Ахса — «аз шахари Ахсо» (Ахсикент?), откуда они, согласно преданию, были переселены сюда во времена Тимура принудительно (окуйлук карда омадаги). Поселившись здесь и выстроив мечеть, они постепенно превратились в семь родов (йетти уруг шуда рафтаги). Однако такое толкование названия квартала весьма сомнительно.

[279] Собрание грамот ИВ АН УзССР, ед. хр. 339. Сообщения мастера строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош мадраса и жительницы квартала Мир Дустум, 82 лет.

113. Квартал Ходжа Аспгардон خواجه اسپ گردان («Святой, вокруг которого обводят лошадей» — здесь: на звание мазара Ходжа Аспгардон).

Домов в квартале было немного (Т, 1928 — 28 домов). Жители принадлежали к таджикоязычным бухарцам. Об их занятиях сведений не имеется. В квартале была мечеть. Большую часть территории квартала занимало кладбище, известное под названием Ходжа Чоршанби («Святой Среда»). Оно упоминается в источнике XV в.— «Книге Мулло-зода»[280]. Название кладбища иногда переносилось и на квартал — в грамоте 1882 83 г. упоминается квартал Ходжа Чоршанби[281]. Возможно, этот же квартал носил название Мехтар Идрок: мечеть Мехтар Идрок на плане Парфенова — Фенина помещена у южного конца кладбища Ходжа Чоршанби, а квартал Мехтар Идрок упомянут в грамоте 1909 г.[282].

В квартале был мазар Аспгардон, он считался излечивающим лошадей, которые страдают задержанием мочи. Для излечения лошадей обводили (мегардондан) вокруг мазара. На мазар приносили при этом в качестве жертвы масляные светильники и кушанья, которые отдавали жившим при мазаре шейхам[283].

114. Квартал Абдулло-кушбеги عبدالله قوشبیگی (имя сановника, занимавшего главный административный пост в Бухарском эмирате).

Квартал состоял из 40—50 домов (Т, 1930 — 64 дома). Население было таджикоязычное; часть считала себя узбеками, и некоторые из них относили себя к племени мангыт. Жившие в квартале семьи служилых людей (сипо) были таджиками. Они происходили из Восточной Бухары (современного Таджикистана), из Куляба или Бальджуана. Бухарцы звали их «шо», «шо-бача» или «миро» в противоположность знатным узбекским семьям, которых называли «беко» (бекхо). Одна семья «миров» жила в большом казенном доме (хаулийи пошоги).

Часть населения квартала занималась ремеслами; здесь были плотники и седельщики (зинсоз); последние изготовляли и расписные пеналы (каламдон).

В квартале была мечеть, представлявшая собой каркасную постройку, тахоратхона и школа, помещавшаяся на вто-

---

[280] «Книга Мулло зода», стр. 34.
[281] ГА, ед. хр. 122.
[282] ГА, ед. хр. 473.
[283] Сообщения жителя квартала Куйи хонакс — Мулло Умода, 70 лет, переселившегося из квартала Чашма Аюб, и жителя квартала Мирджонкельды — Бахрома Джураева, 76 лет.

ром этаже здания, нижний этаж которого был отведен для хранения всякого инвентаря, связанного с похоронами.

Квартал Абдулло кушбеги упомянут в вакуфной грамоте 1891-92 г.[284].

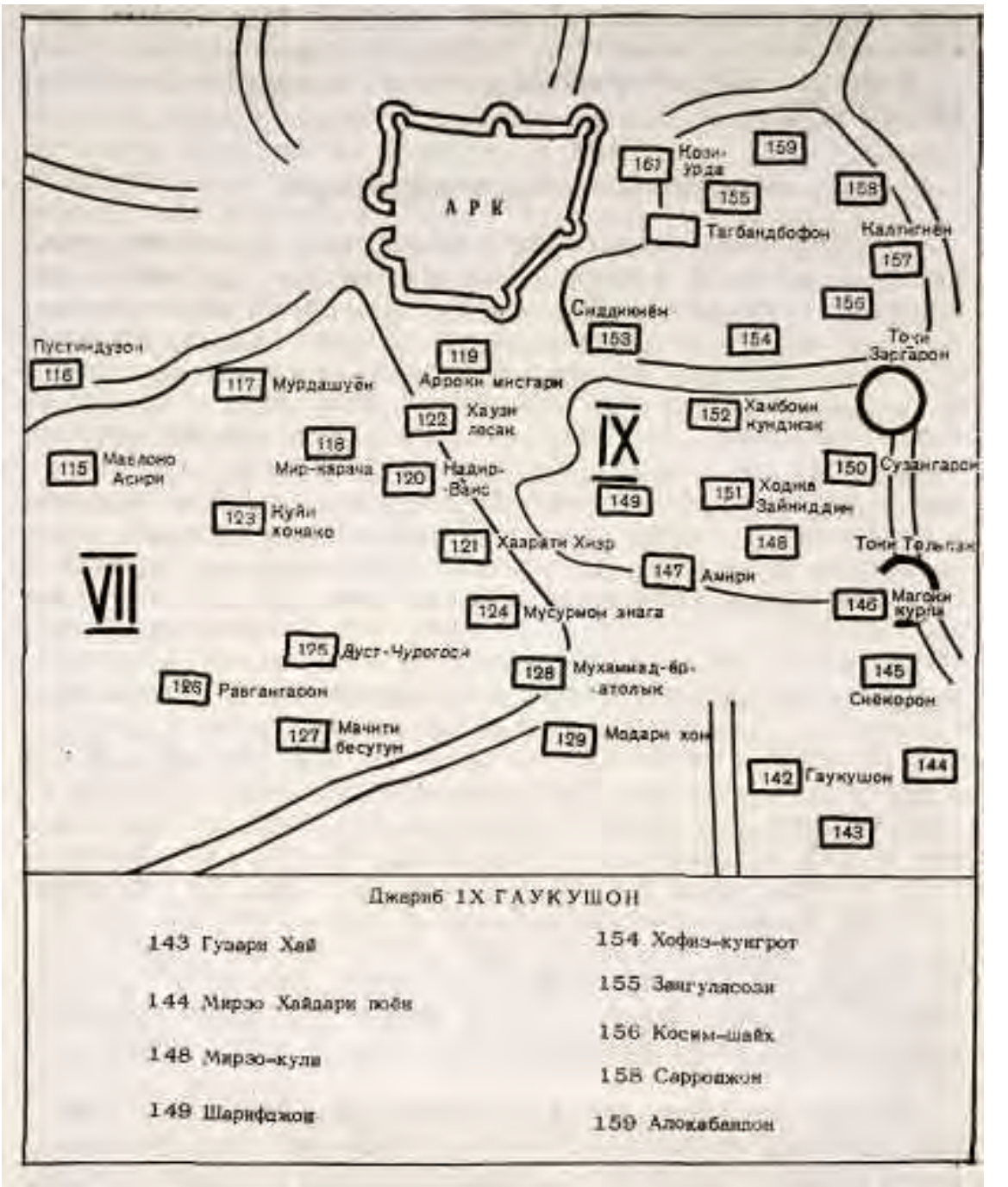
Джариб седьмой. Мурдашуён

«Микрорайон» Мурдашуён располагался к югу от арка, на той территории, в которую входил квартал Мурдашуён, по которому назывался весь джариб. Название Мурдашуён как название одного из двенадцати махалла мы находим на пла не из архива Лерха, но там это махалла помещено совершен но неправильно — в северо западном углу города, у самой городской стены. Это одно из многих искажений, которые имеются на этом плане. На самом деле квартал обмываль щиков мертвых, по которому назван этот джариб, находился в центральном районе города. Появление здесь людей этой профессии относится, вероятно, к очень давнему времени. Обмывальщики мертвых составляли своего рода касту «не прикасаемых», и поселиться на этом месте они могли только тогда, когда здесь была окраина, т. е. в период образова ния раннего кольца рабадов. Характерное для мусульман уважение к собственности являлось препятствием к измене нию порядка, установившегося издавна. Поэтому остался на своем месте и квартал обмывальщиков мертвых, так же как и старая Еврейская слобода в Бухаре, несмотря на притесне ния евреев, оставалась на том месте, где когда то образова лась, и тогда, когда эта часть города сделалась его торговым центром. Также оставалась на своем месте слобода, где жи ли прокаженные (Песхона), после того как этот район при последней перестройке городской стены оказался в черте города, а впоследствии и среди жилых кварталов, образо вавшихся на месте вошедших при этом в черту города се лений.

Остался на своем месте и квартал обмывальщиков мерт вых, которых охранял к тому же внушаемый ими суеверный страх и нежелание обидеть людей, которые рано или поздно могут понадобиться каждой семье. Возможно, к раннему вре мени относился и хауз этого квартала, водой которого до са мого конца его существования пользовались только семьи обмывальщиков мертвых.

В джариб Мурдашуён мы включили 15 кварталов: Мав лоно Асири, Пустиндузон, Мурдашуён, Мир карача, Арроки

[284] ГА, ед. хр. 50. Сообщения мастера гилькора Бахрома Джураева, 76 лет, из квартала Мирджон-кельды и жителя пригородного кишлака, сапожника (кухнадуз), лет 60, который часто бывал в этом квартале.



Джарибы VII и IX (схема)

мисгари, **Надир-Ванс**, Хазрати Хизр, Хаузи лесак, Куйи хонако, **Мусурмон-энага**, Дуст чурогоси, **Равгангарон**, **Мачйто бесутун**, **Мухаммад-ёр-атолык**, Модари **хон**.

115. Квартал Мавлоно Асири مولانا اسیری (имя духовного лица).

Квартал состоял из 70 домов (Т, 1930 — 68 домов). Население было таджикоязычное, в большинстве занималось

ремеслами. Здесь жили мыловары, мастера по отливке свечей, шитью овчинных шуб и меховых шапок. Кроме того, здесь были представители строительных ремесел, главным образом каменщики.

Мечеть считалась в то же время и медресе, так как вокруг дворика было выстроено 11 келий для учащихся. Здание было из жженого кирпича, с плоским балочным перекрытием, а кельи — купольные. Считалось, что под мечетью находится могила «святого» Мавлоно Асири, который якобы был поэтом при дворе Исмаила Саманида (аз шоирбни Поччо Сомони). Однако никаких внешних признаков могилы не было: в мечети не было ни надгробия, ни шеста (туг), которым обычно обозначалось место погребения «святого». Недалеко от мечети находилась тахоратхона, которая представляла собой простую каркасную постройку. Школа помещалась в старинном купольном здании, которое было разрушено уже после революции, при проведении через территорию квартала широкой мощеной улицы. Второе медресе было небольшое, известно как медресе Мулло Ахмадджон. По северной оконечности квартала проходил канал Шахруд, через него был перекинут старинный мост из жженого кирпича, с арочными пролетами, которых в настоящее время три. В старину же, до произведенной на памяти информатора (Усто Маджида Солихова) переделки, было два пролета. Этот мост известен под названием Пули ошукон —«Мост влюбленных»[285]. Некоторые бухарцы приписывали строительство моста Ходжа Ахрору (XV в.). По другому преданию, под одним из пролетов моста находилась могила «святого», почему до недавнего времени верующие ставили там светильники (нукча). Это делалось обычно в тех случаях, когда чье нибудь заболевание приписывалось тому, что, пройдя мимо «святого» места в нечистом, с точки зрения ритуала, состоянии, человек навлек на себя гнев «святого» и был наказан болезнью.

Медресе Мулло Асири упомянуто в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью Мухаммад Рахим бия атолыка (1753—1758)[286].

116. Квартал Пустиндузон دوزان پوستین («Тулупники»)[287].

Число домов, составлявших квартал, осталось невыяснен ным; так как он считался небольшим, можно думать, что их

[285] По объяснению информатора, слово «ошукон» понималось в суфийском значении: в смысле любви между мюридами и их духовным руководителем — пиром или ишаном.

[286] ГА, ед. хр. 36. Сообщение 80-летнего жителя этого квартала.

[287] В Бухаре имелось два квартала Пустиндузон (см. № 23).

было два три десятка. Население было таджикоязычное, за нималось ремеслами и торговлей. Несколько семей до са мой революции продолжали заниматься пошивкой овчинных шуб (пустиндузи) — ремеслом, давшим имя кварталу. Од ному из таких ремесленников приписывается постройка квар тальной мечети; в экспликации к плану Парфенова — Фенина она названа Ахмадджон-Пустиндуз. Постройка этой мечети относится, по сообщениям, к середине XIX в.: один из ин форматоров, ювелир Усто Мухтор Мухсинов, 70 лет, из квар тала Кош мадраса, слышал от своего отца, что мечеть строи лась в годы молодости последнего, еще до рождения Усто Мухсинова [288].

117. Квартал Мурдашуён مردشویان («Обмывальщи-ки мертвых»), или Джиляухона جلوخانه («Помещение для уздечек») [289].

Название Джиляухона информаторы нередко относили лишь к северной, выходящей к Регистану, части квартала. Одна из улиц квартала, на которой находились ряды масте ров по изготовлению ослиных и верблюжьих седел (тукум), носила название Тукумдузи и нередко также выступала в сообщениях как самостоятельная часть квартала.

Квартал считался довольно большим, он состоял из 60—70 домов (Т, 1928 — указан квартал Джиляухона, состояв ший из 51 дома). Население было в подавляющем большин стве таджикоязычное, лишь 7 семей сипо говорили по уз бекски. Все три части квартала, хотя и объединялись общей мечетью, были настолько обособлены, что для каждой из них число домов указывалось отдельно. Особенно обособлена была основная часть квартала, насчитывавшая 40—45 до мов, где жили обмывальщики мертвых. Они представляли со бой замкнутую эндогамную общину. Ее членов, наследствен ных обмывальщиков мертвых, отделял от остального насе ления города суеверный страх и брезгливое к ним отноше ние. С ними не только не вступали в брак, но не ели с одной скатерти, не пили из одной чашки. Однако по законам об щинных отношений, связывавших жителей квартала, их, как и остальных членов соседской общины, приглашали на свои пиры (туй) и сами посещали их пиры; но при этом для гостей обмывальщиков постилалась отдельная скатерть, с которой не ели ни хозяева, ни другие гости. Так же по ступали и обмывальщики, приглашая к себе в гости посто

[288] Сообщение Усто Мухтора Мухсинова.

[289] О значении термина «джиляухона» см.: А. А. Семенов, Бухар ский трактат о чинах и званиях, — «Советское востоковедение», V, М—Л., 1948, стр. 150, прим. 77.

ронних. Жившие в квартале представители сословия сипо, а также крупные баи в силу своего привилегированного положения могли позволить себе некоторые вольности — они не звали обмывальщиков на свои пиры и сами не ходили к ним. Часть квартала, носившая название Джиляухона, состояла из 10—12 домов, другая его часть, Тукумдузи,— из 5—6 домов; их жители занимались изготовлением верблюжьих и ослиных седел, работали в обращенных на улицу лавках мастерских, за которыми находились обращенные в противоположную сторону их жилые дома. Здесь же были мастерские кузнецов, выделывавших кетмени (таш). Неподалеку от лавок седельщиков находилась баня — Хамбоми Тукумдузи. Один из переулков с тупичками был населен семьями «пиявщиков» (шуллукчи) и также носил особое название — Кучаи шуллукчихо («Улица пиявщиков»). В квартале имелось два хауза: один возле мечети — хауз Джиляухона, второй севернее — хауз Мурдашуён. Причиной существования в квартале двух хаузов являлось то же суеверное отношение к обмывалыцикам мертвых, нежелание пользоваться хаузом, из которого они черпают воду.

В квартале была мечеть, школа и двухэтажное медресе Ходжа Нихоль. По некоторым данным, был и мазар, который в одних сообщениях был назван Шайх Хилвати («Старец отшельник»), в других — Имом Хафси Сагир (Имам Хафс младший) [290]. В этом квартале находилась также мертвецкая (гарибкашхона), куда приносили трупы казненных, у которых не было родственников, чтобы забрать и похоронить их. Сделать это должны были низшие служащие эмирских учреждений, жители близлежащих кварталов, торговцы, имевшие здесь лавки, и все те, кто хотел таким образом снискать благословение Аллаха и прощение грехов, так как это считалось «богоугодным делом» (савоб) [291].

Квартал Мурдашуён («Ляби хаузи мурдахо» — «У хауза мертвецов») упомянут в двух грамотах — 1794 95 и 1799 1800 гг., где указано, что мечеть квартала носила имя Тарматой-бия [292]. Квартал Джиляухона упоминается в вакуфной грамоте 1911 г.[293], а название базара Тукумдузон встречается во многих документах архива джуйбарских ходжей, что датирует это название XVI в.[294].

[290] Мазар имама Хафси Кабира («старшего»), как известно, был за Имамскими воротами и представлял собой одну из наиболее популярных святынь Бухары.

[291] Сообщения Вафоджона Бакоева, 67 лет, из квартала Куйи хонако, жителя квартала Мавлоно Асири, 80 лет, и др.

[292] ГА, ед. хр. 186 и 203.

[293] Собрание грамот ИВ АН УзССР, ед. хр. 306.

[294] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 28, 64, 316.

118. Квартал Мир карача ميركراچه (имя собственное).

Квартал прилегал к площади Регистан и состоял из двух трех десятков домов. Население было таджикоязычное, информатор назвал его таджикским. Большая часть жителей занималась торговлей, некоторые принадлежали к духовенству.

Мечеть была каркасная. Своей школы не было, дети учились в соседнем квартале Арроки мисгари. При мечети была тахоратхона. Одна из улочек этого квартала носила название «Кучайи сангин» («Каменная улица»); такое название ей было дано потому, что для удобства пешеходов посреди улицы лежало штук двести крупных необтесанных камней, по которым можно было перейти на другую сторону в дождливый сезон, когда глубокая грязь покрывала улицы Бухары.

Мечеть Мир карача упоминается в нескольких вакуфных грамотах. Наиболее ранняя заверена печатью Шах Мурада (что позволяет предполагать, что названия мечети и квартала имеют более раннее происхождение), их названия встречаются и в грамотах 1812 и 1912 13 гг.[295].

119. Квартал Арроки мисгари اراک میسگری («Аррок медников») [296].

Значительная часть квартала была занята мастерскими и торговыми рядами медников (мисгар). Жилая часть была небольшая, состояла из 10—12 домов. Население было таджикоязычное, и информатор отнес его к таджикам. Часть жителей занималась изготовлением медной посуды, другая принадлежала к духовенству.

Мечеть была простая, каркасная. Несмотря на малые размеры квартала, там имелась и школа [297].

120. Квартал Надир-Ваис نذرویس (имя собственное), или Киёу ходжа کیاو خواجه («Зять ходжа») [298].

Квартал состоял из 40 домов. Население было таджикоязычное и при опросе отнесло себя к таджикам. По роду занятий оно принадлежало к мелким торговцам и духовенству (мулло).

В квартале имелась своя мечеть, здание которой было простое, каркасное, с балочным перекрытием. Школы не бы

[295] ГА, ел. хр. 305, 451. Описание составлено по сообщению жителя квартала Надир-Ваис, 78 лет.

[296] Значение слова «аррок» неясно (может быть, производное от «арк» по образцу арабского множественного числа).

[297] Сообщение жителя квартала Надир-Ваис, 78 лет.

[298] Узб. «киёу» является синонимом тадж. «поччо». Объяснение этого названия см. в описании квартала Поччо ходжа (№ 4).

ло, дети ходили учиться в соседние кварталы. Святыни квартал также не имел.

Квартал Надир-Ванс упоминается в вакуфной грамоте 1791 92 г.[299].

121. Квартал Хазрати Хизр حضرت خضر {«Святой Хизр»)[300].

Населения в квартале было очень мало — он состоял всего из 7—8 домов. Жители были таджикоязычные, в большинстве занимались торговлей. Здесь были торговцы фабричными тканями (баззоз) и мелкие лавочники. Кроме того, здесь жили ремесленники — жестянщик (тунукасоз) и плотники.

Мечеть была большая, каркасная; при ней имелось 8 келий для студентов, почему она считалась одновременно и медресе. Школы не было. В примыкающих к кварталу крытых торговых рядах продавали готовое платье[301].

122. Квартал Хаузи лесак حوض لیسک («Хауз, где лижут»).

По сообщениям, квартал был маленький, состоял из десятка домов. Однако при обследовании в нем было отмечено один раз 37 домов (Т, 1929), другой раз — 65 (Т, 1930). Население было таджикоязычное, занималось разными ремеслами (в частности, ткачеством) и торговлей. Жили в этом квартале и служилые люди (сипо). В квартале была мечеть, перед ней находился хауз и рынок, на котором торговали птицей. Название квартала объясняется характером имевшейся здесь святыни. Она представляла собой большой камень, якобы вытащенный из хауза. По легенде, в хауз «упало имя пророка Мухаммеда (номи хазрат галтидаги)», которое и передало этому камню волшебную силу. Считалось, что он «развязывает язык» и исцеляет от косноязычия. Поэтому сюда приводили детей, отдаваемых в школу, и заставляли их лизать камень или слизывать с него специально налитое

[299] ГА, ед. хр. 306. Описание составлено ло сообщению жителя этого артала, 78 лет.

[300] Хизр — один из наиболее популярных на Востоке «святых», о котором Бартольд говорит, что «в образе Хизра сплелись в одно целое легенды различных племен и народов, от вавилонского Гильгамеша до ветхозаветных Еноха и Ильи» (В. В. Бартольд, Ислам,— Сочинения. т. VI, стр. 116). По легенде, святой Хизр — вечный странник, который бродит по миру, делая чудеса и помогая людям. В Узбекистане имелось немало мазаров, которые считались местом, где ступала нога этого святого. Очевидно, такая святыня была и на месте мечети квартала Хазрати Хизр в Бухаре.

[301] Сообщение Мулло Ашура из квартала Ходжа Зайниддин ок. 70 лет.

на него кислое молоко. Это делалось преимущественно в месяц рамазан, когда у мечети этого квартала бывали ритуальные гулянья (сайль), во время которых и совершался обряд лизания камня. С той же целью его совершали и взрослые люди, например перед тем, как держать ответ в суде.

Квартал Хаузи лесак упомянут в грамоте 1795-96 г.[302], вероятно, это название относится к значительно более раннему времени, об этом свидетельствует архаический характер культа, локализованного в этом квартале.

123. Квартал Куйи хонако كوی خانقاه («Квартал Хонако»).

Квартал состоял из 84 домов (Т, 1928—120 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занималось в большинстве торговлей. Некоторые были «дехканами» (дехкон): они имели за городом земли и жили на доход с них. Мечеть была старинная, купольная, в ней происходили религиозные радения. К мечети примыкала школа и имелись кельи для студентов. За мечетью помещалась святыня — мазар Садри Бадри Майдони («Садр[303] по имени Бадр из Майдона»), или Шайх Бадри Майдони («Старец Бадр из Майдона»). Мазар представлял собой мавзолей, в котором находилось несколько надгробий. Там был похоронен, по преданию, «святой» Садри Бадри Майдони вместе со своими братьями и родственниками (ака-укохошон-катн). Этот «святой», согласно преданию (в качестве источника которого была указана книга «Таварихи тавозиъ»), жил в то время, «когда на месте осушенного болота было построено медресе Мири Араб»[304]. Приехавший из Балха Садри Бадри Майдони начал якобы читать в медресе лекции (дарс яля кардаги), и у него появились мюриды. Он жил и был похоронен в квартале Куйи хонако. При мазаре имелись кельи, предназначавшиеся для тех, кто дал обет провести в одиночестве и молитве 40 или 10 дней (чилля ё даха мешиштан). Квартал Куйи хонако упомянут в вакуфных грамотах 1855 56 г. и более ранней, недатированной, но заверенной печатью Шах-Мурада. Вероятно, это была копия более старой грамоты[305].

[302] ГА, ед. хр. 129. Описание составлено по сообщению жителя квартала Надяр-Ванс, 78 лет.

[303] Садр — духовный чин или должность.

[304] Медресе Мири Араб (XVI в.) находится на территории шахристана, где подпочвенные воды стоят очень низко. Однако надо сказать, что и на этой территории были выходы подпочвенных вод на поверхность, где образовывались болота.

[305] ГА, ед. хр. 199 и 494. Сообщения жителей этого квартала Мулло Умода, 70 лет, Бакоева, 45—50 лет, и жителя квартала Мавлонс Асири, 80 лет.

Улица у Городской реки. Мост Пули Ошукон в квартале Мавлоне Асири

124. Квартал Мусурмон-энага اینگه ـــلمان (Мусурмон — мусульманин, здесь имя собственное; энага — придворный чин).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов. Население было в большинстве таджикоязычное, исключение представляла семья крупного сановника узбека, Евкочты-бека, бывшего при дворе в должности дастархондора[306]. Отец и дед Евкочты бека также были сановниками. Сам Евкочты-бек родился при Музаффар-хане, в ночь, когда были разбиты и бежали подступившие к Бухаре враги — в память этого события ему и было дано его имя[307]. Этот сановник жил в находившемся в квартале большом казенном доме, который полагался ему по должности. Жители квартала занимались преимущественно торговлей. Были здесь также и ремесленники, больше всего шапочники, выделывавшие очень принятые в Бухаре меховые шапки (телпак).

[306] Дастархондор — человек, ведавший столом эмира.

[307] Евкочты — узб. «враг убежал». Это имя было, по видимому, употребительно среди узбекской знати. О сановнике с этим именем, жившем в конце XVIII в, упоминается в «Гульшен ал-мулук» (см. рук. ИВ АН УзССР, № 1507, л. 161б).

Улочка в квартале Куйи хонакс

В квартале были мечеть и большое двухэтажное медресе, известное как медресе Уткур кушбеги, вакф в пользу которо го был пожертвован в 1860 г. эмиром Насрулла ханом [308]. Своей школы квартал не имел, дети ходили в соседний квар тал Равгангарон. Святыней считалась могила «святого», над которой был выстроен небольшой мавзолей (гурхона), отме ченный шестом с хвостом яка. Название мазара установить не удалось [309].

125. Квартал Дуст-чурогоси دوست چهره‌غاسی (Дуст — имя, чурогоси — придворный чин) [310].

Квартал был очень большой, состоял из 120 домов. На селение было таджикоязычное, часть его (28 домов) состав ляли форсы, ассимилировавшиеся с местным населением и ставшие суннитами. Все они вели свой род от Усто Иброхим пиллакаша, который приходился прадедом старшему поколе нию этих семей. Усто Иброхим, по приблизительному под счету родившийся в последней четверти XVIII в., пришел в

[308] ГА, ед. хр. 37

[309] Сообщение жителя квартала Дуст чурогоси — суфи Наранкула

[310] По А. А. Семенову, второй чин снизу, этимологически — «„начальник придворных пажей"... в действительности же он являлся „цензором нравов" (рапсом) стремянных... в XIX—XX столетиях лица в этом чине уже не имели определенной должности» («Очерк устройства...», стр. 60).

Бухару из Ирана еще юношей, здесь он обосновался, женился и остался навсегда. Некоторые его потомки занимались наследственной профессией — размоткой коконов. Коренные жители квартала были преимущественно торговцами, торговали меховыми шапками (телпак), несколько человек вели мелочную торговлю овощами.

Мечеть была из жженого кирпича и раньше имела купольный свод, потом купол обвалился и было сделано балочное перекрытие. В мактабе сохранился купольный свод. Была здесь также школа для девочек, на дому у учительницы. Святыней квартала считалось жилище «святого» ишана Имло[311]. Оно давно разрушилось, там был построен жилой дом; считалось, что на месте его передней (дахлез) когда то была келья (чиллахона) «святого».

Квартал Дуст чурогоси упоминается в вакуфпой грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада[312]. Возможно, строителем мечети был тот Дуст-Мухаммад-чухраогоси, который приложил руку в качестве свидетеля к купчей 1710 11 г.[313]. Народное предание считает Дуста чурогоси тем самым лицом, которому приписывается строительство мечетей в кварталах Мир-Дустум и Ходжа Зайниддин[314].

126. Квартал Равгангарон روغنگران («Масло делы»).

Квартал состоял из 40—45 домов (Т, 1928 и 1930 — 42 дома). Население было таджикоязычное. Часть жителей занималась ремеслами, связанными главным образом с изготовлением одежды: здесь жили «зехдузы», занимавшиеся обшиванием халатов тесьмой (зех), узор которой выплетался на пальцах. Они работали в основном по заказам из арка, причем в работе принимали участие как мужчины, так и женщины. Другие же занимались изготовлением тюбетеек (кал лапуш) из бархата и других ценных тканей или шили на продажу халаты. Несколько ремесленников делали ножны для ножей и сабель (гилофдуз). В квартале жили также мыловары и 5 домов было вязальщиков веников (джоруббанд). Что касается маслоделов, на наличие которых указывает название квартала, то на памяти информаторов их там не было. Часть жителей квартала занималась

[311] Об ишане Имло см. описание квартала Эшони Имло (№ 80), где, по преданию, также находилось жилище этого лица.

[312] ГА, ед. *хр.* 76.

[313] «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве», вып. 1, Ташкент, 1954, стр. 115.

[314] Сообщения жителя квартала Дуст чурогоси, суфи квартальной мечети, Нарзикула около 1890 года рожд., одного из потомков Усто Иброхима.

торговлей, как мелкой, так и крупной. Среди богатых купцов были торговцы каракулем (5—6 семей), один ростовщик по имени Панми бонк (от русского «банк»), который получил свое прозвище вследствие того, что постоянно имел дело с банком и через него осуществлялась связь между банком и канцелярией кушбеги. В том же квартале жил дядя (со стороны матери) эмира Алим-хана — Сидцик-хон-тюра[315] При последнем эмире он был в опале и находился под домашним арестом (хабси аз остона дарун). Он был человек ученый, астроном, писал книги и имел большую библиотеку. Освобожденный из под ареста после революции, он работал в Государственной библиотеке, куда перевез и сдал несколько тысяч своих книг. Затем он получил разрешение на выезд в хадж, по слухам, из Аравии проехал в Афганистан, потом на Памир и там умер. Мечеть квартала имела балочное перекрытие, такой же был мактаб, при котором имелась так называемая сакохона — помещение, где стояла корчага с водой, которая обновлялась ежедневно. Около корчаги лежал черпак (тумча), сделанный из тыквы, на длинной ручке. Вода была к услугам тех, кто испытывал жажду. В квартале были также два медресе — медресе Хусайн бой и медресе Ходжа Зохид, они стояли рядом. По некоторым данным, к этому кварталу относилось также медресе Уткур кушбеги, которое, по другим сведениям, находилось в квартале Мусурмон-эпага. По народному преданию, оно было выстроено при мангыте Рахим бие, т. е. в середине XVIII в. Имелся в квартале хауз, известный как Хауз дастархончи. Как указывает его название, постройка хауза приписывалась какому то сановнику в чине дастархончи (распорядителя ханского стола). Этот хауз, как говорили, был вырыт при эмире Музаффар хане, т. е. во второй половине XIX в. По хаузу стала называться и часть квартала, примыкавшая к нему.

Квартал Равгангарон встречается в грамоте 1642 43 г., он также упомянут под своим полным названием — Сари пули равгангарон («У моста маслоделов») в грамоте 1735 36 г.[316].

127. Квартал Мачити бесутун مسجد بیستون («Мечеть без столбов»).

Квартал состоял из 32 домов (Т, 1929 — 14 домов). Население было таджикоязычное, информатором отнесено к тад

[315] В экспликации к плану Парфенова—Фенина его дом назван «казенной квартирой Мансур-хапа, брата эмира». Возможно, Мансур хан жил при предшественнике Алим хана, Ахад-хане, и приходился ему братом.

[316] ГА, ед. хр. 115, 478. Сообщения Мулло Умода, 70 лет, из квартала Куйи хонако, Садилло Мирзоева, 76 лет, из квартала Усто Рухи и Бахрома Джураева 76 лет, из квартала Мирджон-кельды

жикам. Сам он происходил из семьи узбеков, перешедших на таджикский язык, их предки переехали из селения Пирмаст в конце XIX в. Большинство жителей занималось различными ремеслами: здесь жили каменщики, мастера по изготовлению свечей, золотошвеи, тюбетеечники (каллапушдуз), пекари. Выходцы из Пирмаста были гончарами, изготовлявшими из необожженной глины печи для выпечки лепешек. Их было четыре семьи, все между собой родственники. В квартале жили также муллы и торговцы.

Мечеть отличалась своеобразной архитектурой: ее потолок типа тахта мурабба состоял из отдельных дощечек и в отличие от обычной конструкции таких зданий не поддерживался столбами или столбом, стоящим в центре. Эта необычность конструкции породила легенду о том, что потолок мечети был перенесен чудесным образом, в одну ночь, и утром оказался на месте. Причиной участия в постройке мечети сверхъестественных сил считалось наличие под мечетью могилы Кутейбы (имом Кутайба][317], которая, однако, не имела никаких внешних признаков — была скрыта в земле. По мнению других информаторов, здесь была не его могила, а «кадамгох» — место, где ступала его нога. Эта легенда делала мечеть квартала и его святыней. Второй святыней была могила (вероятно, также мнимая) «святой» Биби Мохрух («Луноликой госпожи»). Этот мазар, отмеченный шестом с хвостом яка, находился у самой стены бани, известной под названием «Обу оташ» («Вода и огонь»). «Луноликая госпожа» считалась покровительницей рожениц, почему перед родами женщины совершали паломничество к мазару, жертвуя при этом большой кусок ваты: его клали на водосточный желоб (нова), женщина пролезала под желобом, в который в это время кто нибудь лил воду, «чтобы роды прошли так же легко и быстро, как стекает по желобу вода».

Мечеть квартала Мачити бесутун упомянута в вакуфной грамоте 1695 96 г.[318].

128. Квартал Мухаммад-ёр-атолык محمد یار اتالیق (имя знатного лица, бывшего в чине атолыка) [319].

В квартале было 29 домов (Т, 1929). Жители квартала были таджикоязычные (кем они себя считали, осталось не известным). Среди них было много ремесленников: камен

[317] Кутайба — арабский полководец, захвативший в начале VIII в. Бухару и насаждавший здесь ислам.

[318] ГА, ед. хр. 494. Сообщения жителя этого квартала, ок. 1880 года рожд., и жителя квартала Дуст-чурогоси — суфи Нарзикула.

[319] Титул «атолык» носил первый чиновник ханства до мангытской династии, потом он был отменен.

щиков, сапожников (махсидуз), ювелиров, портных (моши начи). Некоторые семьи шили и продавали легкие тюбетейки (аракчин). Жили тут и ткачи шелка, работавшие в ткацких мастерских Джуйбара. Одна семья занималась набивкой узоров черного цвета на платки из бумажной ткани обычной среднеазиатской техникой, только без нанесения красного цвета, вследствие чего не было нужды варить орнаментируемую ткань. Нанеся на нее узор штампами для черного цвета, ее сдавали заказчикам неотмытой,— это производилось ими дома. Обычную набойку в черный и красный узор этот мастер не делал.

Мечеть была очень большая и называлась хонако по типу своей архитектуры — наличию купольного свода. Радений там не происходило, по крайней мере на памяти информаторов. Мечеть использовалась и для ежедневных пятикратных намазов, и для пятничных, общих; на них, видимо, приходили и из других кварталов. Школы в квартале не было, дети ходили учиться в квартал Амири. Достопримечательностью было большое двухэтажное медресе Турсунджон, которое по своему значению стояло в Бухаре на четвертом месте, там проводили занятия старшие муфтии (муфтихойи калон) [320].

Соборная мечеть Мухаммад-ёр-бий-атолык упоминается в грамоте 1668-69 г.[321], причем указано, что она находится в квартале Бозо́ри нау. В грамоте 1750 51 г. упоминается мечеть Мухаммад ёр бий в квартале Ходжа Абульхафиз аълам, а в грамоте 1824 25 г. говорится уже о квартале Мухаммад-ёр-атолык[322]. Предположить, что речь идет об одном и том же квартале и что Мухаммад ёр атолык и Мухаммад ёр бий одно лицо, трудно, так как между первым и третьим документом слишком большой хронологический разрыв (почти з сто лет), причем низший титул мы находим в более поздней грамоте. Видимо, имя Мухаммад ёр носили два человека.

129. Квартал Модари хон مادر خان («Мать хана» — имеется в виду, что мечеть построена на средства матери хана).

Более полное название квартала — Моди́ри хони ля́би руд («Мечеть матери хана, построенная на берегу реки»).

Квартал состоял из 45—50 домовладений. Население было таджикоязычное, занималось ремеслами (ювелиры, медники) и торговлей. Здесь жили и мелкие лавочники (дукондор), и крупные (саудогар, бой). Среди населения имелись и муллы.

[320] Сообщения жителя этого квартала, очень преклонного возраста, жителя близлежащего квартала Амири, слесаря, ок. 1880 гола рожд.
[321] ГА, ел. хр. 8.
[322] ГА, ед. хр. 10,306

Мечеть квартала была старинная, с купольным сводом, при ней имелось 9 келий для учащихся в медресе, почему она называлась одновременно и медресе. Во дворе мечети была тахоратхона и колодец. В квартале имелась школа и святыня. К этому кварталу относился большой караван са рай старой постройки, он назывался Саройи Урганджи, в нем останавливались купцы из Хорезма, привозившие оттуда, в частности, яблоки, которые хранились и продавались в этом караван сарае.

Квартал Модари хон упомянут в недатированной грамоте, оформляющей пожертвование в пользу «мечети и медресе» этого квартала, сделанное эмиром Насрулла-ханом[323]. Это могло бы служить намеком на то, что мечеть была построена его матерью. Однако последнее исключено, так как прави тели мангытской династии титула хана не носили. Это за ставляет предполагать, что название мечети относится к бо лее раннему времени.

Джариб восьмой. Суфиён

Джариб Суфиён помещался между джарибами Хыёбон и Гаукушон. Это был один из старых городских районов, сло жившийся на территории второго кольца рабадов. Через этот джариб пролегала одна из важных городских магистралей — улица, ведшая на юго запад, к Каракульским воротам. На звание махалла Суфиён мы находим на плане из архива Лер ха, но локализация его там неверна. Это название связано с одним из старых кварталов, который помещался не на юго востоке, где показано махалла Суфиён на этом плане, а зна чительно западнее. Там мы и поместили джариб Суфиён. В него входило 12 кварталов: Ляби хаузи арбоб, Кукалтош, Ходжа Убони, Ялаши Бокиджон-кушбеги, Миёнколиён, Бо бойи нонкаш, Суфиён, Заббиён, Чор харос, Поччокул хаджи, Куйи дарахт, Имом Мухаммад Газоли.

130. Квартал Ляби хаузи арбоб لب حوض رباب

хауза, который и дал кварталу имя. Там же находилась свя тыня квартала — мазар Ходжа Рушнои («Святой Свет»), представлявший собой небольшой мавзолей (гурхона), внут-

[323] ГА, ед. *хр.* 54. Описание составлено по сообщениям жителя квар-тала Дуст-чурогоси — суфи Нарзикула и др.

ри которого имелось 7—8 сводчатых (видимо, из жженого кирпича) надгробий. Этот мазар считался помогающим при родах, и потому женщины приходили сюда на поклонение перед родами[324]. На мазаре они зажигали светильники и рассыпали в качестве жертвы просо, что являлось весьма распространенным приемом вызывания плодородия. Связанный с мазаром культ, так же как и само название, указывает на наличие каких то старых представлений и старого культа, которые не исчезли, несмотря на мусульманизацию культа. Присоединение к слову «рушнои» («свет») титула «ходжа» говорит лишь о персонификации старого культа, закономерной при локализации его на месте кладбища. В южной части квартала, на границе его с кварталом Гозиён, находился второй хауз, известный под названием Кимсон (переводу не поддается). Его водой пользовались жители окружавших его домов[325]. Напротив хауза находилось большое двухэтажное медресе (в экспликации к плану Парфенова — Фенина медресе Мирзо Турды элликбоши). Мечеть Ляби хаузи арбоб упомянута в вакуфной грамоте 1751-52 г.[326].

131. Квартал Кукалтош كوكلتاش (кукалтош — букв. «молочный брат», в Бухаре стало названием одного из высших чинов или, вернее, означало высокое положение при дворе).

Квартал состоял приблизительно из 70 домов (Т, 1928 — 60 домов). Его население составляли таджикоязычные бухарцы, которые занимались ремеслами и торговлей. Из ремесленников здесь больше всего было строителей и плотников. Четыре семьи были ткачи адраса. Здесь жил также старшина корпорации купцов-оптовиков — корвонбоши[327]. Восточная часть квартала была известна как Чодирдузон, так как здесь жили семьи, наследственной профессией которых было шитье садовых палаток (чодир). В особый квартал она не выделилась, не было и отдельной мечети. Но в сознании жителей эта часть квартала отчетливо отделялась от остальной его территории и была широко известна в Бухаре, что свидетельствует о значительной давности ее выделения. Изготов

[324] Связь названия мазара Ходжа Рушнои с родами, может быть, объясняется какими то не вскрытыми еще представлениями, которые отразились в широко распространенном выражении «чашмаш равшан шуд» («ее глаза просветлели»), т. е. «родила».

[325] Описание составлено по сообщениям жителей кварталов Куйи хонако и Кукалтош.

[326] ГА, ед. хр. 494.

[327] О значении термина «корвонбоши» см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 258.

лением палаток (чодир, хайма) здесь занималось большинство семей, и ремесло это следует отнести к очень старым, в их изделиях обнаруживаются старые традиции.

Мечеть Кукалтош была кирпичная (сангин), с купольным сводом, а напротив нее стояло медресе Мирзо Хамдам. Время его постройки, по сообщению информатора, старожила этого квартала, относится к середине XIX в. — об этом он слышал от своего отца. Мечеть была более старая — отец информатора относил ее к XVIII в. («двести лет назад»). Но документы позволяют установить, что ее построил тот самый Кулбобо кукалтош, который был строителем самого крупного в Бухаре медресе — медресе Кукалтош — и современником Шейбанида Абдулла-хана[328]. В вакуфной грамоте 1585 86 г. говорится о мечети Кулбобо кукалтош, «строителем и завещателем вакфа которой был названный Кукалтош»[329]. Мечеть эта была построена раньше, чем большое медресе: его вакуфная грамота датирована 1593 94 г., в ней упомянуто и имя отца строителя — это был Амир Ёр-Мухаммад[330]. Под полным именем — Кулбобо-кукалтош — упомянута квартальная мечеть и в грамоте 1841 42 г., из чего видно, что сокращенное название Кукалтош в официальных документах стало употребляться позже. Что речь идет именно о мечети описываемого квартала, свидетельствует упоминание в последней грамоте расположенного поблизости хауза Мир Дустум[331].

132. Квартал Ходжа Убони, или Убонихо خواجه اوبانی (اوبانی‌ها) («ХОДЖИ ИЗ рода Убони»), или Ходжа гарибон خواجه غریبان («Святые бесприютные»).

Квартал считался небольшим, он состоял из 30 домов. Население было таджикоязычное. Имелось также 2—3 семьи тюркоязычных узбеков, недавно переселившихся в Бухару откуда-то из кишлака. Население в большинстве занималось ремеслами. Больше всего было сапожников, они шили почти все виды местной обуви (муза, кафш, махси). Из махсидузов один дежа аемы масеро (халфа), остальные работали без применения наемного труда. В квартале было несколько плотников, две семьи пекарей, портные (мошиначи). Здесь жил также мельник (хароспон), который молол зерно на мельнице, приводимой в движение животным, мельница находилась тут же, при его доме. Было также в квартале несколько торговцев скобяными изделиями (замками, гвоздя-

[328] См.: «История народов Узбекистана», т. II, стр. 64.
[329] ГА, ед. хр. 494.
[330] ГА, ед. хр. 1.
[331] ГА, ед. хр. 392.

ми) (булякфруш или хурдафруш). Здесь же жил довольно крупный купец, известный под прозвищем Хероти бой — «Гератский бай» (причины, которые породили это прозвище, остались неизвестными).

Жившие в квартале ходжи, переселившись в Бухару, не успели еще ассимилироваться с окружавшим их населением: они сохраняли узбекский язык и, по видимому, держались несколько особняком[332]. Некоторые из них отчитывали душевнобольных и назывались поэтому «дующие и плюющие ишаны»[333] («эшоқон куфу суф мекардаги»). Особенно был известен ишан Камариддии. Его пациенты нередко содержались у него в доме, где они были посажены на цепь. По нескольку раз в день их приводили к ишану, который их отчитывал.

Квартал имел мечеть из жженого кирпича с балочным перекрытием и тахоратхону. Школы не было, дети учились в соседних кварталах. Имелось старое кладбище и мазар Ходжа гарибон, давшие кварталу второе название. На кладбище в последнее время уже не хоронили[334].

133. Квартал Яланги Бокиджон-кушбеги يلنگی باقی خان قوشبیگی («Пустырь кушбеги Бокиджона»).

Квартал состоял приблизительно из 50 домов. Население было смешанное: часть была таджикоязычная, но считала себя узбеками, другая, меньшая, принадлежала к форсам. Занимались торговлей и ремеслами: здесь жили сундучники (сандуксоз), каменщики, плотники.

Мечеть была из жженого кирпича, с балочным перекрытием, так же как и школа. К мечети примыкало небольшое медресе, тоже носившее имя кушбеги Бокиджона. Мечеть Яланги Бокиджон кушбеги упоминается в грамотах 1734, 1752 53, 1784 и 1800 гг.[335], причем в грамоте 1752 53 г. указывается второе название квартала — Алочабофон. Можно думать, что наиболее ранние из этих грамот оформляли завещание вакфа, пожертвованного при строительстве мечети, вероятно, самим строителем, т. е. Бокиджоном кушбеги, а более поздние, составленные спустя 50 и 66 лет после первых, оформлены его сыновьями, возможно в связи с его смертью или в его память.

[332] О происхождении этих ходжей см. стр. 125.

[333] При отчитывании, дуя на больного, произносили слова «ку-ф-ф» и «суф ф ф», так же называли и ходжей из этого рода, проживавших в квартале Ходжа Гунджори.

[334] Сообщения двух жителей этого квартала, ок. 60 и 40 лет, и жителя квартала Мирджон кельды — Бахрома Джураева, " мастера строителя, 76 лет.

[335] ГА, ед. хр. 359.

134. Квартал Миёнколиён ميانكليان («Миянкальцы», «Переселенцы из Миянкаля»)[336]

Квартал состоял из 43 домов (Т, 1929 — 22 дома). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. О переселении из Миянкаля (на что указывает название квартала) преданий не сохранилось, видимо, это произошло давно и население квартала успело смениться. Сведений о занятиях нет.

Мечеть была большая, каркасная. Таково же было и здание школы. Около него находилось помещение (тобутхона), где хранились носилки для гроба и другой похоронный инвентарь. Святыней был мазар Ходжа Шофбоз («Святой Рубака саблей»). Этот мазар считали своим также жители соседних кварталов.

Квартал Миёнколиён упомянут в двух вакуфных грамотах, одна из которых заверена печатью Шах Мурада, другая датирована 1877 г.[337].

135. Квартал Бобойи нонкаш بابای نانکش («Дед — разносчик хлеба»).

Квартал состоял приблизительно из 60 домов (Т, 1928 — 53 дома). Население было таджикоязычное. Большинство занималось торговлей чаем, фабричными бумажными тканями и др. Было в этом квартале также несколько служилых людей (сипо).

В квартале имелась мечеть. О наличии прочих общественных зданий сведений нет.

Мечеть Бобойи нонкаш упомянута в двух вакуфных грамотах: одна, без даты, имеет печать эмира Шах Мурада (следовательно, может быть копией более раннего документа), вторая — 1868 69 г.[338].

136. Квартал Суфиен سوفیان («Суфии»).

Квартал состоял приблизительно из 80 домов (Т, 1928 — 75 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Большинство составляли торговцы (среди них — несколько продавцов книг) и ремесленники, в особенности слесари, которые частично поставляли свою продукцию жившим в этом же квартале торговцам скобяными товарами.

[336] Миянкаль — район в Самаркандской области, расположенный между Акдарьей и Карадарьей.

[337] ГА, ед. хр. 494 и 490. Сообщение уроженца этого квартала, сапожника, лет 45.

[338] ГА. ед. хр. 494 н 43. Описание составлено по сообщению уроженца этого квартала, 45 лет.

Имелась мечеть, которая представляла собой старинное купольное здание, и школа. Было также большое медресе Авез бой. Перед этими зданиями находился хауз. Святыни в квартале не было[339].

Квартал Суфиён упоминается в акте 1562 63 г. и в более поздней вакуфной грамоте 1781 82 г.[340].

137. Квартал Заббиён ضبان (значение неясно, по форме может быть родовым именем; возможно, от араб. ضب —«ящерица» или ضب—«держать, хватать»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 48 домов). Население считало себя узбеками, но было тад жикоязычное, за исключением трех тюркоязычных семей слу жилых людей (сипо). Сипо этого квартала занимали не очень высокие должности: удайчи, саркарда. Был также один пи сец (мирзо) из правительственной канцелярии. Жители в большинстве являлись торговцами, торговали готовым плать ем, каракулем. Среди последних были довольно крупные баи. Из ремесленников здесь жили мастера по приготовлению жареного гороха (бирьёнгар).

Мечеть считалась в то же время и медресе, так как при ней было выстроено несколько келий для учащихся. Была и школа, помещавшаяся в специально выстроенном старин ном купольном здании из жженого кирпича.

Квартал Заббиён упоминается в грамоте 1755 56 г. и в грамотах, заверенных печатью Шах Мурада, могущих быть копиями более ранних документов[341].

138. Квартал Чор харос چهار خراس («Четыре мель ницы»)[342].

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1929 — 39 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Среди жителей было много торговцев (дукондор).

Имелась мечеть и школа, а под ней помещение для похо ронных носилок (тобутхона). В квартале было также боль шое старинное медресе Олимджон.

Квартал Чор харос упоминается в грамотах 1727 28, 1862 63 и 1886 87 гг.[343].

[339] Сообщения жителя квартала Гозиён — Яхъё ходжа Шарифова, 68 лет.

[340] «Из архива шейхов Джуйбария», стр. 95; ГА, ед. хр. 202.

[341] ГА, ед. хр. 248, 494, 247. Описание составлено по сообщениям Яхъё ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён и Вафоджона Бакое ва, 67 лет, из квартала Куйи хонако.

[342] Харос — мельница, вращаемая животным (этимологически — ос лом, в действительности же чаще лошадью).

[343] ГА, ед. хр. 494, 253, 252. Сообщения жителя квартала Гознён — Яхъё ходжа Шарифова, 68 лет.

139. Квартал Поччокул-хаджи[344] بادشاه قل حاجی (имя собственное).

Число домов осталось невыясненным. Бухарцы считали, что это был квартал средних размеров. Население состояло из таджикоязычных бухарцев, несколько семей принадлежало к ирани. Эти семьи занимались тканьем шелка. Были здесь также ювелиры, слесари, часть жителей занималась торговлей ситцем (читфруши). Жили в квартале также муллы.

Имелась мечеть и школа; обе представляли собой здания с балочным перекрытием. Здесь находилось также медресе Гахбанд, старое, по сообщениям, построенное более ста лет назад. Название его показывает, что его построил человек, специальностью которого была очистка серебра и золота от примесей (гахбанди). В квартале находилась почитаемая могила, на которой был воздвигнут шест с хвостом яка. Названия мазара установить не удалось[345].

Квартал Подшохкули бий хаджи упоминается в вакуфной грамоте 1699 1700 г.[346], которая оформляет крупный дар — 1000 танапов земли,— завещанный мечети квартала знатным лицом Подшох (Поччо) кули-бием-хаджи. В грамоте указано, что строителем (бони) этой мечети был красильщик — Ходжа Али-рангрез. В другой грамоте — 1797-98 г. упомянута мечеть Ходжа Али, «известная как мечеть квартала Подшох кули-хаджи»[347]. Сопоставление этих грамот показывает, что за мечетью закрепилось не имя строителя мечети (как это бывало обычно), а имя того, кто пожертвовал в ее пользу крупный вакф. Как видно из его титула — бий, это был один из высших военных чинов.

140. Квартал Куйи дарахт کوی درخت («Квартал, обсаженный деревьями»).

Квартал тянулся узкой полосой с юга на север. На его единственной улице протекал небольшой арык и росло несколько деревьев, которые делали эту улицу тенистой, что резко отличало ее от большинства бухарских улиц и послужило причиной наименования квартала.

Квартал состоял, по сообщениям, приблизительно из 20 домов (Т, 1929—32 дома). Население было таджикоязычным. Здесь жили ремесленники: шапочники, несколько ювелиров и среди них знаменитый заргар Исхоккул, который ра

[344] О значении слова «поччо» см. стр. 70, прим. 24.
[345] Сообщение ювелира Ато Мирзоева, 82 лет, уроженца этого квартала.
[346] ГА, од. хр. 494.
[347] ГА, ед. хр. 285.

ботал в дворцовой мастерской при эмире Ахад хане и за свое мастерство получил чин мирохура. Часть населения занималась торговлей. Здесь жил крупный торговец каракулевыми шкурками, который имел при доме мастерскую (ёмхона), в которой шкурки заквашивались и обрабатывались наемными работниками. Этот торговец был наследственным баем — он получил капитал и профессию от своего отца. Было несколько мулл, среди них — известный мударрис по имени Домулло Рахмон Али Туркистони, читавший лекции в медресе Джафар ходжа. Он готовился уже к тому, чтобы получить духовный чин муфтия (что было связано с назначением мударрисом в следующее по значению медресе — Ходжа Нихоль), но, не достигнув этой должности, умер. В этом квартале жили мухаррир[348] и два писца, помощники муфтиев в правительственной канцелярии, один из них был математиком, а также один писец из канцелярии казикаляна. Два последних считались принадлежавшими к сипо — военно служилому сословию, так же как и живший в этом квартале чиновник амляқдор.

Имелась приходская мечеть, с плоским балочным перекрытием. Школы не было — дети учились в квартале Забиён.

Квартал Куйи дарахт упоминается в актах второй половины XVI в.[349].

غزالی (имя собственное), или Мирзоджони кассоб جان قصاب (имя мясника), или Бозори нау بازار نو («Новый рынок»).

В квартал входило около 30 домов (Т, 1929 — 32 дома). Население было таджикоязычное. Большинство принадлежало к торговцам, среди них были и крупные купцы (савдогар), ездившие за товарами в Хорезм и в Москву. Один из жителей занимался изготовлением кунжутного масла, у него в доме была маслодавильня (джувози равган).

Мечеть представляла собой кирпичную постройку с купольным сводом. Такую же архитектуру имела и школа. При мечети было выстроено несколько келий для студентов, почему она считалась в то же время и медресе. Святыней являлась могила, которая считалась могилой Имама Мухаммада Газоли, известного теоретика суфизма (ум. в 1111 г.)[350].

Мазар пользовался известностью целителя больных, страдающих головными болями. Ищущие исцеления ложились головой к подножию стоявшего у могилы шеста с хвостом яка и приносили в жертву (нарз) одну дыню, которая тут же разрезалась на части и раздавалась жившим при мечети студентам медресе (муллобача). В квартале имелся еще один мазар — Ходжа Абдуллойи гульрез. Как показывает название, «специальностью» мазара считалось исцеление всяких язв и кожных болезней[351].

Третье название квартала, наиболее популярное, было и самым старым. Квартал Куйи Бозори нау упоминается уже в документе XV в.[352]. В одном из актов XVI в. упоминается не «Новый рынок», а «Рынок при новых воротах» — «Бозори дарби нау»[353]. Некоторые информаторы считали, что название Бозори нау шире, что оно охватывает и четыре соседних квартала: Модари хон, Мачити бесутун, Мухаммад-ёр-атолык и Ляби хаузи арбоб.

Джариб девятый. Гаукушон

«Микрорайон» Гаукушон занимал территорию, на которой находился важный торговый центр, образовавшийся, по видимому, в раннем периоде истории феодальной Бухары. Здесь был перекресток улиц, которые вели к южным, восточным и западным городским воротам. Вдоль улиц тянулись торговые ряды, а сами перекрестки были отмечены возведенными в XVI в., при Абдулла хане, купольными пассажами Токи Тельпак и Токи Саррофон, внутри которых тоже располагались торговые лавки. На территории этого джариба находилась одна из торговых площадей Бухары — площадь Гаукушон. В XVI в. на ней были построены большое медресе и соборная мечеть с высоким и широким в поперечнике минаретом, который уступал по своей величине только бухарскому минарету XII в. Постройки на площади Гаукушон были сделаны на средства второго джуйбарского шейха — Ходжа Саъда, известного под прозвищем Ходжа Калон.

Название Гаукушон носит одно из двенадцати махалла на плане из архива Лерха, откуда мы его и заимствовали, уточнив его локализацию по одноименному кварталу Гаукушон.

Так как значительную часть территории этого джариба занимают торговые ряды и культовые здания, для жилой застройки места оставалось мало. Расположенные здесь кварталы невелики по размеру, их насчитывалось 20: Гаукушон,

[351] Сообщения уроженки этого квартала, 45 лет; Исаиова из квартала Куйи дарахт. 50 лет, и гончара, 70 лет, из квартала Мачити бесутун.
[352] ГА, ед. хр. 1186.
[353] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 26.

Гузари Хай, Мирзо Хайдари поён, Сиёкорон, Магоки курпа, Амири, Мирзо-кули, Шарифджон, Сузангарон, Ходжа Зайниддин, Хамбоми кунджак, Сиддикиён, Хофиз кунгрот, Зангулясози, Косим шайх, Калтигиён, Сарроджон, Алокабандон, Тагбандбофон, Кози урда.

142. Квартал Гаукушон گاوکشان («Убивающие крупный рогатый скот»).

В квартале было 29 жилых домов (Т, 1928). Значительную часть его территории занимала площадь, вокруг которой размещались крупные общественные здания: два медресе — Ходжа калон и Абдурахмон Аълам, соборная мечеть с большим минаретом. Ее постройку, как и медресе Ходжа калон, предание, в соответствии с действительностью, приписывает джуйбарскому шейху Ходжа Саъду, сыну Ходжа Ислама (XVI в.). Между этими постройками посреди площади был большой хауз, заключенный в каменную ограду. Перед ним размещался рынок («Бозори Ходжа калон»), где находились торговые ряды продавцов жареного гороха, который готовился тут же, в лавках, мастерские токарей (харроти) и шапочников (тельпакдуз). В квартале имелась мужская баня (хамбоми Гаукушон), а на границе с кварталом Оби равон помещался большой эмирский дом. Квартал Гаукушон упоминается в грамотах XVI в.[354].

143. Квартал Гузари Хай گذر هی (название квартала толкуется как междометие одобрения — хай хай!).

По преданию, этот квартал выделился из квартала Гаукушон. Когда всемогущий джуйбарский ишан строил **там** большую соборную мечеть, он захватил под нее и территорию, принадлежавшую жителям квартала. Не смея открыто протестовать, они сказали ему: «Браво, браво, но и нам дайте место для мечети!» («Хай хай, мохон ба ям якта мачита джояша тед!»). Тогда ходжа построил рядом со своей соборной мечетью еще одну очень маленькую мечеть, рассчитанную на малочисленное население квартала. Она имела две кельи (худжра), размещенные вторым этажом[355].

144. Квартал Мирзо Хайдари **поён** میرزا حیدر پایان («Нижняя, т. е. южная, мечеть Хайдара»)[356].

[354] Там же, стр. 55 и др. Сообщения Яхъё ходжа Шарифова, 68 лет, из квартала Гозиён и Кори Мирзо, 69 лет, из квартала Пустиндузон.

[355] Сообщение Кори Мирзо из квартала Пустиндузон.

[356] В Бухаре направление на юг считалось «нижним», а на север — «верхним».

Хауз на площади квартала Гаукушон

В квартал входило около 40 домов. Население было таджикоязычным, занималось торговлей и ремеслами: выделкой сундуков, ткачеством (изготовлялись полосатая полушелковая ткань бекасаб, алоча и др.). Было несколько семей водоносов. Мечеть была небольшая. При ней имелось две кельи, одна из которых находилась в распоряжении муэззина квартальной мечети. Была и школа. Часть территории квартала, прилегавшая к пассажу, была занята торговыми рядами и караван сараями. Вторая мечеть — Мирзо Хайдари боло («верхняя», или «северная») помещалась среди этих торговых рядов и ни к какому кварталу не относилась — она предназначалась для совершения намазов торговцами и их покупателями, оказавшимися здесь к моменту молитвы[357]. Вероятно, обе мечети были построены одним лицом. В вакуфных грамотах 1797 98 и 1808 09 гг. говорится о «мечети квартала Мирзо Хайдар», а в грамоте 1859 60 г. — «о мечети Мирзо Хайдари боло», причем указывается, что строитель и жертвователь вакфа — «упомянутый Мирзо Хайдар»[358].

145. Квартал Сиёкорон سیاه‌کاران («Чернильщики»).

Квартал состоял из 26 домов. Население было таджикоязычным. Главным занятием была починка, чернение и продажа поношенной обуви («сиёкори»), что и послужило причиной наименования квартала. Чернение производилось краской, добывавшейся из цветов черной мальвы. По видимому, занятие это было традиционным для жителей этой части города, а может быть, и этого квартала. В акте 1588 89 г. упоминается лавка на соседнем базаре Амири, которая граничила с домом Насима-музапардоза[359]. Термин «музапардоз», видимо, синоним более позднего сиёкор.

Мечеть была небольшая, каркасная (чубин). При ней было построено три кельи, которые занимали имам и муэззин мечети, — на памяти современного населения учащиеся медресе в них не жили. Своей школы в квартале не было, дети обучались в соседнем квартале Магоки курпа. Святыни также не было.

Квартал Сиёкорон упомянут в вакуфных грамотах XVIII—XIX вв.[360]. В некоторых из них сказано, что квартал Сиёкорон — это то же, что квартал Камонгарон. Как видно из описания квартала Магоки курпа, название «Камонгарон» в XVII в. прилагалось и к нему[361]. Это свидетельствует о

[357] Сообщение Кори Мирзо. 69 лет, из квартала Пустинаузон.
[358] ГА, ед. хр. 188, 564, 524.
[359] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 116.
[360] ГА, ед. хр. 378 (1709 10 г.), 379 (1828-29 г.). Описано по сообщению жителя квартала Магоки курпа ок. 50 лет.
[361] ГА. ед. хр. 131 (1656 57 г.).

том, что кварталы Сиёкорон и Магоки курпа в то время составляли один квартал; разделение их произошло после XVII в. в ходе закономерного процесса дробления кварталов.

146. Квартал Магоки курпа مغاک کورپه («Впадина у [базара] одеял»).

Жилых домов в квартале было всего 20 (Т, 1929; Т, 1928 — 67 домов; Т, 1930 — 28 домов). Значительную часть территории квартала занимали торговые ряды. Здесь продавались готовые одеяла, размещались ряды лавок мастерских слесарей и кузнецов (которые в Бухаре объединяются термином «челонгар»). Жители были таджикоязычны и занимались преимущественно кузнечным и слесарным делом.[1]

Мечеть была купольная, в два этажа: верхний служил летней мечетью, нижний — зимней. Рядом находилось помещение для омовения. Эта мечеть была построена тем же джуйбарским шейхом Ходжа Калон, который построил большую соборную мечеть и медресе Гаукушон. Предание говорит, что мечеть Магоки курпа была построена сначала в качестве соборной, но оказалась мала, вследствие чего Ходжа Калон предпринял строительство другой мечети, а эта была использована как приходская мечеть для ежедневных пятикратных намазов. В противоречии с этим преданием находится второе — о том, что строитель мечети похоронен под ее михрабом [362]. Это предание существовало, несмотря на то что никаких внешних следов могилы или отмечавшего ее шеста в мечети не было.

Святыней квартала считалась могила «святого» Ходжа Мухаммади паррон («Ходжа Мухаммад сшибающий»). Его эпитет объяснялся поверьем, что он сбрасывает с лошади всякого, кто не спешится, проезжая мимо святыни. «Святому» приписывалась также способность наказывать параличом рук или ног того, кто пройдет мимо, не будучи ритуально чистым, или сделает поблизости от святыни что нибудь неподобающее. По некоторым сообщениям, «святой» Ходжа Мухаммади паррон являлся мифическим «миршабом Бухары»[363], охраняющим город от всего, что может осквернить его святыни или нарушить законы шариата. Приписываемая этому «святому» могила находилась внутри одного из сводчатых помещений пассажа Токи Тельпак; рядом с ней располагались мастерские лавки шапочников [364].

В прошлом название мазара служило и названием квар

[362] Строитель соборной мечети Ходжа Калон, как известно, похоронен в фамильной усыпальнице джуйбарских шейхов — Чорбакр.

[363] Мир шаб — чиновник, ведавший охраной города ночью, некоторые авторы называли его поэтому «полицмейстером».

[364] Сообщения двух жителей этого квартала, 70 и 50 лет.

тала: в документе 1840 41 г. упомянут квартал Ходжа Мухаммади паррон[365]. Название мечети Магоки нау или Магоки курпа (в отличие от более старой мечети Магоки аттори) упомянуто в грамоте 1656 57 г., однако в ней говорится, что эта мечеть помещается «в квартале Камонгарон»[366]. По видимому, названия Камонгарон, Ходжа Мухаммади паррон и Магоки курпа последовательно сменяли друг друга, временами употребляясь одновременно. В некоторых грамотах этот квартал назван Магоки лятта (лятта — тряпка, товары из тканей)[367].

147. Квартал Амир и امیری («Эмирский»), или Кафши олак آلک کفش («Кожаные калоши»).

Квартал состоял из 40 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, относя термин «таджик» к форсам. Большая часть населения (25 семей) занималась слесарным ремеслом (челонгари). Изготовляли замки, бритвы, всякого рода плотничьи и иные инструменты, занимались правкой и натачиванием ножей. Мастерские помещались здесь же на улице, вдоль которой до пассажа Токи Тельпак тянулись торговые ряды, где сбывалась продукция. Несколько семей занималось изготовлением сладостей, одна — выпечкой лепешек. Из нетрудового населения здесь жило несколько менял. В этом квартале находились также склады и ряды, где продавалась простая рабочая обувь, что дало кварталу его второе название. Существование здесь этих рядов в начале XIX в. отмечает вакуфная грамота 1837 38 г., в которой упоминается «квартал Амири, известный как Бозори кафш»[368]. Ряды лавок, где продавалась эта обувь, шли по обеим сторонам улицы. В старину улица была крытая, однако в конце 80 х годов прошлого века перекрытия пришли в ветхость и были разобраны. С обеих концов рядов имелись ворота, которые на ночь запирались, так что движение по этой улице прекращалось. Ряды охранялись специальным сторожем, товары оставались на ночь в лавках.

Мечеть представляла собой старинное кирпичное куполь ное здание. Рядом находилась школа, тоже из жженого кирпича, но с балочным перекрытием. В квартале была баня, которая являлась вакфом медресе Ходжа Нихоль. Имелся мазар — могила Сиёхпуши вали («Святой, одетый в черное»); могила (дакма) помещалась в довольно просторном склепе. Над склепом, в верхнем помещении, стояло надгробие (сагона) прямоугольной формы. Склеп служил помещением

[365] ГА, ед. хр. 147.
[366] ГА, ед. хр. 131. См. квартал Сиёхпуши
[367] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47 (грамота 1893 94 г.).
[368] ГА, ед. хр. 277.

для радений: там совершался обряд «ёздахум»[369], радения происходили вокруг могилы.

Название квартала Амири в народном представлении свя залось с эмиром (амир) Абдулла ханом. В результате сло жилась легенда, объясняющая название квартала тем, что якобы Абдулла хан при строительстве квартальной мечети собственноручно положил первый кирпич или, по другому ва рианту, передал его мастеру[370]. Это предание недостоверно. Название квартала Амири известно с XVI в., причем в доку ментах этого времени мы встречаем полное название кварта ла — Мулло Амири или Мавлоно Амири, из чего можно за ключить, что это было имя духовного лица, вероятно по строившего квартальную мечеть[371].

148. Квартал Мирзокули ميرزا قلی (имя собственное).

Квартал принадлежал к малолюдным и небольшим по территории и потому был малоизвестен[372]. Его достоприме чательностью была находившаяся там канцелярия казия (ко зихона). Население квартала было таджикоязычное. Часть жителей обслуживала канцелярию казия (в квартале жили служители казия — мулозим), другие занимались ремеслами и торговлей.

Мечети и прочих общественных зданий в квартале не было[373].

149. Квартал Шарифджон شریف جان (имя собственное), или Ангиштиё انگشتیها («Угольщики»).

Квартал был небольшой, состоял приблизительно из 35 домов (Т, 1929 — 63 дома). Население было таджикоязыч ное. Большинство составляли муллы: здесь **жили** муфтии, козикалян и другие. Из ремесленников в квартале было не сколько кузнецов подковочников (наългар) и ювелиров. Тор говцев было немного, из их числа — торговцы обувью (кафш фруш).

Мечеть имела плоское балочное перекрытие, недалеко от нее находилось здание школы. Святыни не было.

Квартал Шарифджон упомянут в грамоте 1893 94 г.[374].

[369] Религиозное радение в 11 й день каждого месяца.

[370] Сообщения жителей этого квартала, кондитера (халвогар) Усто Шукурулло, ок. 70 лет, и слесаря, несколько старше.

[371] «Из архива шейхов Джуйбарн», стр. 30, 31 и др.

[372] Возможно, что он составлял одно целое с широко известным квар талом Шарифджон, где находился дом козикаляна.

[373] Сообщения жителя квартала Амири, Усто Шукурулло, ок. 70 лет.

[374] ГА, ед. хр. 516. Сообщения Усто Шукурулло, кондитера, ок. 70 лет, из квартала Амири к Каримова, 70 лет, из квартала Хамбоми кунджак.

150. Квартал Сузангарон سوزنگران («игольчники»).

Квартал был небольшой, состоял из 15—20 домов. Часть его территории была занята базарными рядами, в которых продавались специи, клей, воск, различные металлические предметы, в том числе ножи и иглы. Производства игл (на что указывает название квартала) на памяти современного населения уже не было, иглы в Бухаре употреблялись фабричные, привозные.

Население квартала было таджикоязычное, информаторы назвали его жителей таджиками. Здесь жили медники, жестянщики, сапожники (музадуз).

В квартале были своя мечеть и школа, помещавшиеся в простых каркасных зданиях, и мазар Ходжа Нуриддини Хилвати («Ходжа Нуриддин отшельник»). Это была могила с надгробием (макбара); «святой», по преданию, жил «во времена Кызыл Арслан хана». По другим сведениям, могила Ходжа Нуриддини Хилвати находилась в одной из ниш купольного пассажа Токи Тельпак, обращенной в сторону квартала Сузангарон[375]. Мазар Нуриддини Хилвати упомянут в «Книге Мулло-зода» как помещающийся «внутри хисара» (подразумевается, конечно, так называемый старый хисар, стена которого проходила как раз в этом месте, у Ворот Кузнецов — Дарвозайи охангарон)[376].

По грамоте 1824-25 г., в квартале находилась «танигох хона», в которой было сосредоточено 26 станков (дукон) и сновальное колесо (чархи абришимтани)[377]. По аналогии с этнографическими данными можно думать, что это была мастерская, принадлежавшая цеху, а хозяевами отдельных станков были разные мастера[378].

Квартал Сузангарон упомянут также в вакуфной грамоте 1881 82 г.[379].

151. Квартал Ходжа Зайниддин خواجه زين الدين (имя собственное).

Квартал состоял из 70—80 домов (Т, 1930 — 60 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Из ремесленников здесь были сапожники (кафшдуз). Большинство жителей являлось торговцами и муллами. Среди последних был один казий.

[375] Сообщения двух жителей квартала Маҳаллаи курпа, оба преклонного возраста.

[376] «Книга Мулло зода», стр. 70. О «старом хисаре» Бухары см.: Е. А. Давидович, К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре, стр. 28—30; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 60—62.

[377] Вакуфная грамота из собрания Бухарского музея, № 1301.

[378] О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 71.

[379] от ГА, ед. хр. 264.

Хауз и мечеть квартала Ходжа Зайниддин

Достопримечательностью квартала была большая старинная мечеть XVI в.[380] с купольным сводом. О постройке этой мечети имеется предание, что строилась она каким то царем (пошшо), распорядителем строительных работ был царский слуга Зайниддин. Царь остался настолько доволен его службой, что приказал назвать мечеть его именем. По другому преданию, мечеть построена наукером Абдулла хана Мир Дустумом[381]. Напротив мечети имелся большой хауз. Помещение для омовений (тахоратхона) представляло собой капитальную постройку. Здание школы, так же как и мечети, было старинное купольное.

Святыней считалась почитаемая могила, известная под именем Ходжа Турк, которая находилась в одной из наружных ниш мечети и имела вид надгробия, над которым возвышались два шеста (туг).

Квартал Ходжа Зайниддин упоминается много раз в документах джуйбарских ходжей (XVI в.), то как Куйи хаузи

[380] В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары, стр. 67.
[381] Возможно, это то же лицо, которому приписывается постройка мечети в квартале Мир Дустум (см. описание № 98).

Ходжа Зайниддин, то как Куйи масчиди Ходжа Зайниддин, то как маҳалли Ходжа Зайниддин[382].

152. Квартал Хамбоми кунджа كنجك حمام («Угловая баня»).

Квартал состоял из 32 домов (Т, 1930 — 20 домов). Население было таджикоязычное. По занятиям большинство принадлежало к торговцам {савдогар, дукондор, баккол). Много было также мулл. Из трудового населения здесь жили водоносы (машкоб).

Мечеть была с балочным перекрытием. Один из домов квартала являлся ее вакфом — доход с него (вероятно, арендная плата) шел на ремонт и убранство мечети. На пятничный намаз жители ходили в находившуюся невдалеке большую мечеть Мачити Калон. В квартале имелась школа, а также медресе Хамбоми кунджак, состоявшее из 10—12 келий для учащихся. В квартале была также чайная (самовархона), где жители покупали кипяток для заваривания чая.

Название квартал получил по старинной бане, принадлежавшей казне. Она была известна под названием Хамбоми кунджак. Мечеть Хамбоми кунджак упоминается в вакуфной грамоте 1721 22 г.[383].

153. Квартал Сиддикиён صدیقان («Искренние»; возможно, родовое имя — «потомки Сиддика»).

Сведений о населении квартала не имеется (Т, 1930 — 32 дома). Его название упомянуто в вакуфной грамоте 1805 06 г.[384].

154. Квартал Хафиз-кунгрот حافظ قنغرات («Певец из племени кунграт») [385].

Квартал состоял приблизительно из 30 домов (Т, 1930 — 11 домов). Население было таджикоязычное. По роду занятий жители были частью ремесленниками (ювелиры), частью — торговцами обувью (кафшфруш). Жили здесь также муллы.

[382] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 90, 99, 97, ПО, 129. 121. Описание составлено по сообщениям жителей этого квартала Мулло Ашура и Кори Усмона ок. 70 лет.

[383] ГА, ед. хр. 375. Сообщения жителя этого квартала, Каримова, 70 лет, работавшего сторожем в Бухарском музее.

[384] ГА, ед. хр. 360.

[385] Первоначальное значение названия квартала большинством бухарцев было забыто, н многие произносили его «Хофиз-Кунгурок» (кунгурок — колокольчик, бубенчик), понимая слово «кунгурок» как прозвище человека по имени Хафиз, занимавшегося якобы выделкой и продажей колокольчиков и бубенчиков (что было профессией жителей соседнего квартала Зангулясози).

Мечеть была простая, каркасная, с балочным перекрытием. Своего мактаба в квартале не было, как и святыни[386].

155. Квартал Зангулясози زنگولەسازی («Выделка колокольчиков»), или Сесуки охунди калон سه سوق آخوند کلان («Перекресток старшего ахунда», имеется в виду пересечение трех улиц).

Этот квартал был очень маленький, состоял всего из 15 домов. Население было таджикоязычное. По роду занятий большинство принадлежало к духовенству (муллы, муфтии).

Первое название квартала определилось наличием здесь торговых рядов и мастерских, где изготовлялись и продавались колокольчики, главным образом верблюжьи, которые находили себе сбыт вследствие развития караванной торговли[387]. Второе название, видимо, было дано в честь знатного лица, отстроившего квартальную мечеть или ряды.

В квартале была старая мечеть. Время ее постройки и строитель неизвестны. На плане Парфенова — Фенина на территории квартала значится также медресе Сесуки охунди калон. Хотя название квартала, видимо, старое, на что указывает не употреблявшийся в последние века титул, оно не встречено в известных автору источниках. В поздней вакуфной грамоте 1916 17 г. упоминается квартал Сесуки Охунди Суфи[388] который может быть идентичен с описываемым.

156. Квартал Косим-шайх شیخ قاسم (имя духовного лица).

Квартал состоял приблизительно из 50 домов (Т, 1929— 76 домов). Население было таджикоязычное. Большинство занималось ремеслами; очень много было ювелиров.

При мечети имелось помещение для совершения полных омовении (гуслхона). Святыней квартала был мазар Косим шайх, который считался местом пребывания (кадамгох) этого «святого», по преданию, жившего во времена Абдулла хана и похороненного в Кермине. Народное предание подтверждается наличием в Кермине относимой к XVI в. мечети Косим шайх[389]. Около мазара находился колодец, появление которого приписывалось «святому», почему вода его считалась целебной.

Квартал упомянут в вакуфной грамоте 1810 г.[390].

[386] Сообщения жителей квартала Ходжа Зайниддин.

[387] Сообщения жителя квартала Хамбоми кунджак — Каримова, 70 лет.

[388] ГА, ед. хр. 445. Сообщения старожила этого квартала, ювелира, ок. 60 лет.

[389] «История народов Узбекистана», т. II, стр. 64.

[390] Вакуфная грамота из собрания Бухарского музея, КП 402, инв. 9619/12.

Улица в центре города и квартальная мечеть (квартал Косим шайх?)

157. Квартал Калтигиёи كلتگیان («Калтийцы», «Переселенцы из Калти»).

Квартал состоял из 35 домов (Т, 1929—31 дом). Население было таджикоязычное. Судя по названию, здесь жили переселенцы из кишлака Калти, но время переселения их теперь уже забыто. Как показывают источники, квартал носил это название уже в XVII в.; следовательно, поселение здесь калтийцев произошло еще раньше. Население занима

Лось в большинстве торговлей. Жили здесь также менялы (сарроф) и муллы (последних было 8 домов). Кроме того, 3 дома занимали служилые люди (сипо).

В квартале имелась мечеть, школа и медресе Мир-Камо-ли сарроф, построенное в конце XIX в. на средства богатого жителя квартала Саид Ахмада. Приготовив все необходимые для постройки материалы, но не успев начать постройку, он умер, завещав своему дяде Мир Камолю осуществить его на мерение. За медресе закрепилось имя того, кто произвел по стройку, а не имя жертвователя. В квартале имелась чайная (самоворхона), которая была наполовину частной собствен ностью некоего Кори Ахмада (исполнявшего там обязанности чайханщика), наполовину — вакфом, завещанным отцом Кори Ахмада, Мир Мухаммадом. По завещанию, половина доходов с чайханы шла ее владельцу, вторую половину он был обязан тратить на благотворительность; раз в месяц там устраива лось даровое угощение (худои) для. бедняков (кашшоко), которые после еды читали молитву за того, кому они были обязаны возможностью пообедать. В старину в квартале бы ла баня Хамбоми кухак («Баня горка»). Лет 60 тому назад она пришла в ветхость' и на ее месте построили караван са рай, где складывалась и продавалась морковь. Эта баня упо минается в акте 1561 62 г. как. находящаяся в квартале Хофиз-Тафтон[391].

Название квартала Калтигиён также встречается в ран-них вакуфных грамотах (1694 95 г.). Есть упоминания и бо лее поздние (1854-55 г.)[392].

158. Квартал Сарроджон سراجان. («Шорники»), или Ходжахо خواجه‌ها («Ходжи»).

Квартал состоял из 52 домов (Т, 1929 — 49 домов). На селение было таджикоязычное, но считало себя узбеками. В квартале жили ходжи (семей двадцать), родовитых ход жей здесь не было. Основным занятием населения была тор говля, из ремесленников здесь жил литейщик бронзы (рех тагар). Шорников в квартале не было, из чего явствует, что свое название квартал получил давно. Мечеть помещалась в старинном здании. Своей школы не было, дети учились в соседнем квартале Калтигиён.

Квартал Сарроджон упоминается в вакуфной грамоте 1844 г.[393].

[391] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 18.

[392] ГА, ед. хр. 494, 135, 134 и др. Описание составлено по сообщению жителя этого квартала — сапожника (кухнадуз), лет 70.

[393] ГА, ед. хр. 482. Сообщение старожила этого квартала, ок. 60 лет.

Жилой дом в центральных кварталах города

159. Квартал Алокабандон علاکابندان («Позументщики» — мастера по изготовлению тесьмы) [394].

Квартал состоял из 41 дома (Т, 1928 — 50 домов). Население было таджикоязычное. Большинство являлось ремесленниками, здесь жили сапожники (кафшдуз, махсидуз), ювелиры, золотошвеи, плотники, каменщики; пять домов принадлежало муллам, некоторые из них были мударрисами бухарских медресе.

Мечеть представляла собой старинную постройку из жженого кирпича, с плоским балочным перекрытием; вход (дарвозахона) имел купольный свод. Имелась школа и маленькое медресе, состоявшее из 11 келий, в которых жили учащиеся крупных бухарских медресе. В квартале находился также караван сарай, где был склад и велась торговля кошмами. Склад этот был казенный, очевидно, принадлежал эмиру [395]. Раньше в квартале Алокабандон был базар цинов ок: в вакуфной грамоте 1816 17 г. говорится, что этот базар был пожертвован эмиром Хайдаром в вакф соборной мечети арка [396].

160. Квартал Тагбандбофон تگبندبافان («Ткачи поясов») [397].

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 58 домов). Населенне было таджикоязычное, занималось преимущественно ремеслами. Жители в подавляющем большинстве (домов 25—30) ткали пояса (тагбанд и камар), другие изготовляли завязки к халатам, заканчивающиеся кисточками (туф) [398]. Этим занимались мужчины, женщины изготовляли черные кисти (также называвшиеся «туф») для подвесок к женским косам. Торговые ряды, где продавались изделия мастеров квартала, находились в пассаже Токи Тельпак. Как пояса, так и кисти для халатов нередко изготовлялись по заказу из арка, сразу в большом количестве. Из остальных профессий в квартале были представлены ювелиры.

В квартале была своя мечеть О других общественных зданиях сведений нет [399].

[394] Это значение названия квартала забыто, оно понимается в современном значении — как «завязывающие отношения».

[395] Сообщения жителя этого квартала. 50 лет, и жителя квартала Тагбандбофон — Восеева, ювелира, 59 лет.

[396] ГА, ед. хр. 484.

[397] Тагбанд — тканый пояс с пряжкой, надеваемый неслужилыми людьми под верхний халат, служилые люди носили его поверх халата. Об этом промысле см.: О. А. Сухарева. Позднефеодальный город..., стр. 115 и далее.

[398] Там же, стр. 115.

[399] Сообщение жителя этого квартала Восеева, 59 лет, ювелира.

161. Квартал Кози урда قاضی اوردہ («Судья ставки») [400], или Охунди Мулло Усмон آخوند ملا عثمان (имя высшего духовного лица) [401].

Квартал состоял приблизительно из 40 домов. Все население было таджикоязычное, в том числе жившие здесь семьи одного муфтия и одного служилого человека (сипо), который был старшим служителем у кушбеги (пешкадамаш). В этом квартале находился также дом казия, который был судьей в одном из бухарских туманов. Среди населения было много ремесленников, в их числе 4 медника (мисгар), мастерские которых помещались тут же, в квартале. Они работали на хозяев, имевших лавки в торговых рядах квартала Арроки мисгари. Мисгары из квартала Кози урда делали всевозможную медную посуду: чашки (коса), кувшины с носиком и с ручкой (офтобахо́йи урганджиги), подносы (лаъли/лайли) и т. п. Посуда изготовлялась и простая, и чеканная. Из чеканщиков в квартале жил хороший мастер Облоёр-бек (приставка «бек» говорит, что он происходил из знатного узбекского рода).

В квартале была мечеть и два медресе: Ходжа Давлят и Аёз бий. Святыней считалась могила Мулло Усмон-охунда, который был, по преданию, очень ученым человеком. В квартале была самоворхона, в которой продавался кипяток [402].

Территория квартала известна у населения Бухары как «Арки баста» («Закрытый арк»). Раньше так назывался и сам квартал — это видно из вакуфной грамоты 1702 03 г, [403]. Информаторы сообщают, что это название было дано вследствие того, что ворота арка, выходившие раньше на эту сторону, позже были заложены и оставлены лишь западные ворота, функционирующие и сейчас. Это было сделано якобы для удобства посещения эмиром большой мечети Болохауз, которая расположена против современных ворот арка. Закладка ворот, по некоторым сообщениям, произошла «четыре царя тому назад» (чор пошшо пеш шудаги), т. е. при эмире Насрулла-хане (1827—1860) [404].

[400] Один из высших чинов эмирата. В исследованиях А. А. Семенова по этому вопросу такой чин или должность не указаны. По Мейендорфу, козн урда (cazi-ordou) — то же, что и козн аскар (G. Meyendorff. Voyage d'Orenbourg a Boukhara. стр. 260).

[401] Охунд — духовный чин, даваемый мударрису главного бухарского медресе Кукалтош.

[402] Сообщения жителя квартала Тагбандбофон — Восеева, 59 лея:, и музыканта-сурнайчи из пригородного кишлака.

[403] ГА, ед. хр. 23.

[404] Хронология неверна, закладка ворот произошла еще до начала XVIII в. См.: О. А. Сухарева, К истории городов... стр. Г"

В джариб Шахристоа выделена та часть территории Бухары, которая известна как шахристан и считается территорией дофеодального города. Во времена арабского завоевания, как пишет Наршахи (X—XII вв.), «город занимал только пространство теперешнего шахристана»[405]. Граница шахристана прослеживается почти на всем протяжении. Вопрос о шахристане затрагивался во многих исследованиях[406].

В VIII в. шахристан делился, по-видимому, на четыре квартала: описывая один из кварталов, Наршахи прямо говорит, что он составлял четвертую часть города. В процессе дальнейшего развития городской жизни эти кварталы членились, и к началу XX в. на той же территории помещалось 24—36 кварталов (может быть, территория некоторых кварталов, например Магоки аттори, не входила в джариб Шахристон).

На плане из архива Лерха эта часть города в особое махалла не выделена. Однако в сознании бухарцев шахристан составлял особую часть города и при традиционных состязаниях одна из соперничавших групп называлась «шахристанцами». Поэтому мы приняли это не исчезнувшее из быта и сознания жителей Бухары название для микрорайона, занимавшего древнейшую часть города.

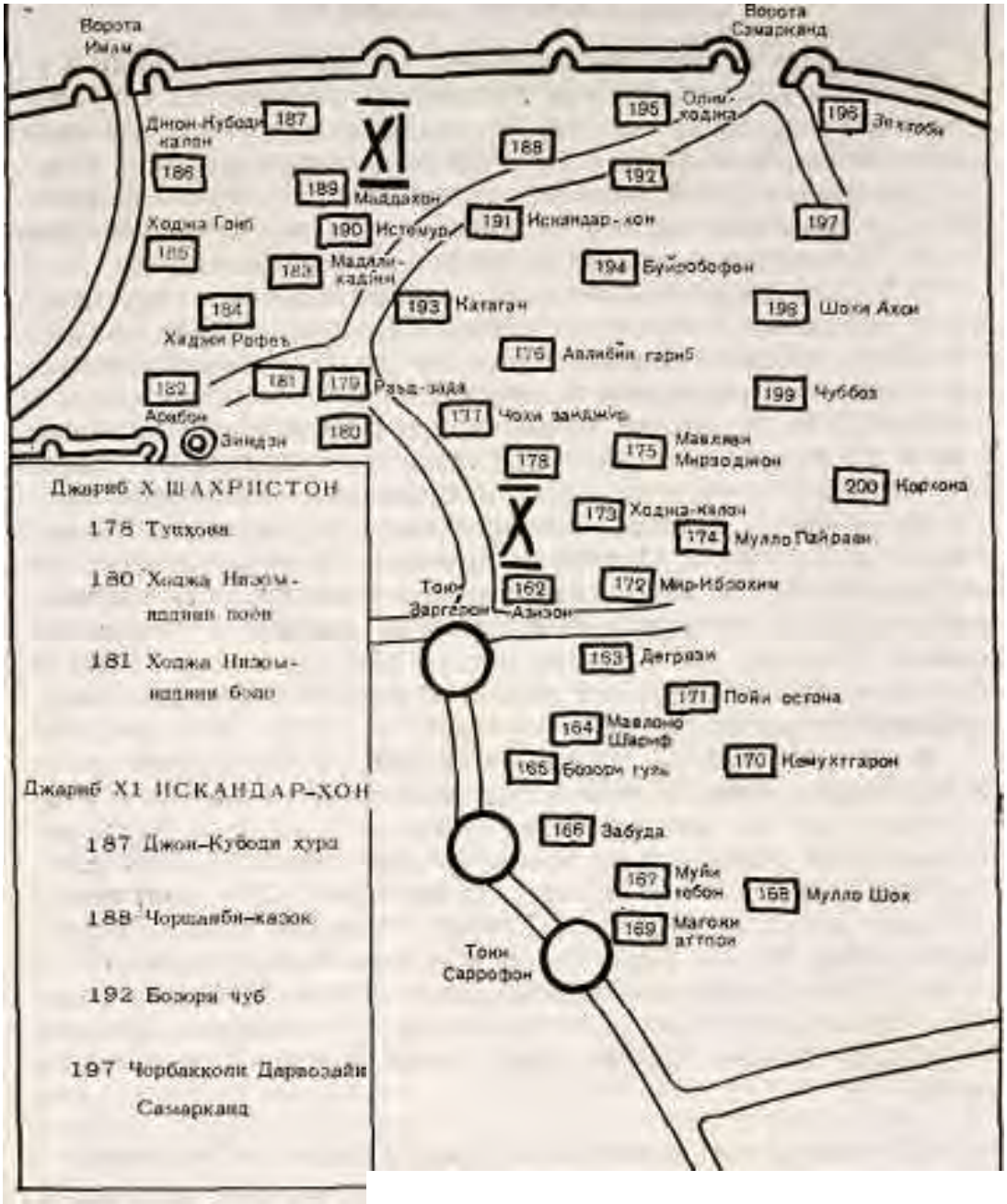
В джарибе Шахристон расположены самые старые кварталы, проделавшие наиболее длинный путь развития, в ходе которого они не раз членились; поэтому все они были не большие по размерам и очень плотно заселенные. К джарибу Шахристон отнесены следующие 20 кварталов: Азизон, Дегрези, Мавлоно Шариф, Бозбри гуль, Забуда, Муйи тобон, Мулло Шох, Магоки аттори, Кемухтгарон, Пойи остона, Мир Иброхим, Ходжа калон, Мулло Пайрави, Мавляви Мирзоджон, Авлиёйи гариб, Чохи занджир, Тупхона, Раъд зада, Ходжа Низомиддини поён, Ходжа Низомиддини боло.

162. Квартал Азизон عزیزان («Дорогие», «Любимые» — здесь: название суфийского ордена или эпитет его главы)[407].

[405] Мухаммад Наршахи. История Бухары, пер. Н. Лыкошина, стр. 42.

[406] В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, стр. 382; В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. И; Л. И. Ремпель, Из истории градостроительства на Востоке, стр. 217; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 15 и далее; е е ж е, Традиционное соперничество..., стр. 124; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 233.

[407] По видимому, «азизон» было термином, обозначавшим какую то категорию суфийских шейхов. В «Истории народов Узбекистана» (т. И, стр. 76) говорится о «кермининских азизонах», мюридом одного из них, Хашими Азизона, был Субханкули-хан



Джарибы X и XI (схема)

Жилой дом в центральных кварталах города

Квартал был очень маленьким, он состоял, по сообщени ям, всего из 14 домов (Т, 1928— 16 домов). Население было таджикоязычное и в большинстве занималось ювелирным де лом. Пять семей были близкими родственниками и вели свое происхождение от известного суфия XIV в. Саид Мири Кулол. Он считался мифическим патроном гончаров, а семьи его потомков почитались гончарами как «потомки пира» (пир зода). Сельские гончары иногда привозили им подноше ния [408].

Мечеть представляла собой старинное здание. Она упомя нута как хонако Азизон в вакуфной грамоте 1680 г. и как мечеть Азизон — в грамоте 1679 80 г. Квартал Азизон упоми нается в вакуфной грамоте 1685 86 г.[409]. К этому кварталу относились торговые ряды ювелиров и большое медресе Аб дулазиз-хана.

163. Квартал Дегрези دیگریزی («Литье котлов»).

В квартале было 40 домов (Т, 1929 — 11 домов). Населе ние, будучи таджикоязычным, считало себя узбеками. Мно гие жители занимались литьем из чугуна (дегрези); по их главной продукции — лемехам для плугов — их называли час то «позагар». Вдоль улиц квартала тянулись их торговые ря ды. Эта специализация квартала послужила причиной его наименования. Так как литье чугуна давало много дыма и было очень неудобно в условиях городской скученности, ли тейные мастерские, представлявшие собой довольно крупные кустарные предприятия, находились за городом, в селении Мугулбни кари. Мастера же со своими семьями жили в квар тале Дегрези. Форма его названия (букв. «литье котлов») позволяет предположить, что раньше в этом квартале находи лись и мастерские литейщиков.

В квартале Дегрези имелась своя мечеть и святыня — мо гила Саид Абульхасани Побанд, или Абульхасани Хамадони. По этому очень известному в Бухаре мазару квартал Дег рези назывался раньше Саид Бандкушо. Это название встре чается в актах XVI в., а также в грамоте 1790 91 г.[410]. «Свя той» Саид Абульхасан Хамадони, известный как Саиди По банд, упоминается в «Книге Мулло зода», где говорится, что его учеником (шогирд) был Абу Бакр Исхок Калободи (X в.). По изложенному в этом источнике преданию, Абуль хасан Хамадони происходил в девятом поколении от внука

[408] Сообщение жителя этого квартала Косимджона Миракова, юве лира, 60 лет.
[409] ГА, ед. хр. 129, 494.
[410] «Из архива шейхов Джуйбара», стр. 24 и др.; ГА, ед. хр. 441.

пророка Мухаммеда — Хасана сына Алия, сына Абу Талиба, что позволяет относить время его жизни примерно к X в. Его прозвище — Побанд объясняется легендой, согласно которой «святой» был брошен в темницу и там умер, завещав похоронить себя в цепях, которыми были скованы его ноги[411]. Народная легенда приукрасила биографию «святого» чудесами и дала ей счастливый конец. По этой легенде, каждый раз, когда приходило время намаза, цепи сами спадали с ног «святого» и он мог без помехи совершать молитву, после окончания которой снова оказывался в оковах. Однажды царь все это увидел во сне и приказал тюремщику узнать, что за благочестивый человек находится в темнице. «Святого» обнаружили и немедленно же освободили. Характер легенды определил собой «специальность» «святого»: считалось, что он помогает людям, попавшим в затруднительное положение или в заточение, почему он был известен в Бухаре под прозвищем Саид Бандкушо — «Саид, снимающий оковы». Вторая функция мазара заключалась в «исцелении» от бесплодия, которое нередко объясняли магическим «связыванием». В этом отношении чудодейственной считалась мраморная доска, вделанная в землю у изголовья могилы. По легенде, на этой доске разрешилась от бремени мать Мухаммеда — Амина, выразившая затем желание, чтобы эта доска была положена на могилу «святого» Саид Бандкушо. Это поверье отражено в «Книге Мулло зода», где говорится, что «тот камень, который находится на могиле Саид Хасана, привезен с горы Харо, с того места, где родился пророк, и Саид Хасан завещал положить его на его могилу, чтобы нужды людей, которые к нему приближаются, исполнялись бы»[412] Характер культа позволяет не сомневаться, что мазар широко использовался для собирания щедрых подаяний от паломников. В квартале Дегрези жил престарелый потомок — мнимый или действительный — «святого». Могила находилась в отдельном внутреннем дворике при его доме, откуда в этот дворик вела маленькая дверца. Большая дверь, оформленная в виде арки и позже закрытая, вела к мазару с улицы. Мазар представлял собой небольшое каркасное строение, в котором находилось обмазанное глиной надгробие обычного для Бухары типа (сагона). У изголовья могилы возвышался шест с хвостом яка и находилась упомянутая мраморная доска (хорошо отшлифованная, желтоватого цвета). Ритуал, который выполняли обращавшиеся к мазару,

[411] «Книга Мулло зода», стр. 66. О мазаре Саид Бандкушо в Бухаре и его перенесении «на другое место» (вероятно, в квартал Дегрези) см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 50—51.

[412] «Книга Мулло зода», стр. 68—69.

заключался, помимо подношений, в возжжении светильников и питье воды, которая сливалась со «священного» камня. По видимому, для стока этой воды под ним был сделан не большой желоб, выведенный из помещения наружу. На дво рике, перед строением, находились еще два надгробия (саго на). Под ними лежали отец и дед последнего по мужской линии потомка «святого», и сам он выражал желание быть похороненным здесь же.[413]

Квартал Дегрези упомянут в позднем документе 1881-82 г.[414]

164. Квартал Мавлоно Шариф مولانا شریف (имя духовного лица).

Квартал состоял из 25 домов (Т, 1929 — 17 домов). На селение было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Часть жителей занималась ремеслами: здесь жили литейщи ки (позагар), составлявшие большинство населения соседне го квартала Дегрези, сапожники (махсидуз) и др. Некоторые жители квартала были наследственными костоправами. Ос тальные принадлежали к духовенству и крупному чиновни честву: здесь были дома казия, раиса, муфтия. Здесь жили также хранители мазара Мавлоно Шариф, находившегося в этом квартале. Достопримечательностью квартала была боль шая мечеть хонако, постройка которой приписывается Мав лоно Шарифу. По преданию, на том месте, где стоит хонако, раньше была баня, являвшаяся вакфом медресе Кукалтош, по завещанию учредителя вакфа в ней должны были бесплат но мыться учащиеся этого медресе. Так как баня пришла в упадок, Мавлоно Шариф купил земли в кишлаке Дунгиён специально с целью передачи их в вакф медресе Кукалтош. Получив за них баню в свою собственность, он ее разрушил и построил на этом месте хонако. Здание мечети, сохранив шееся в полуразрушенном виде до сих пор, сложено из плос кого квадратного старинного жженого кирпича и имеет плос кое балочное перекрытие. По сообщениям, мечеть была капи тально отремонтирована в конце XIX в., при эмире Ахад хане. Она служила и для ежедневных пятикратных намазов (ма- чити панчвакти), и для намазов пятничных, общих (ма- чйти джумахони). Одновременно она являлась и хонако, т. е. местом радений: здесь после пятничного намаза совершались громкие радения (типа джахр). Это свидетельствует о том, что и Мавлоно Шариф принадлежал к суфийскому ордену,

[413] Сообщение жителя этого квартала Ахьёра Ахорова, считавшегося потомком Абульхасана Хамадони

[414] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47.

практикующему громкий джахр. Здесь же в последние 10 дней месяца рамазана шейхи и муллы предавались десятидневному уединению и молитве (даха мешиштан). Так как хонако было очень популярно, они таким образом оказывались на виду у населения и у власть имущих; поэтому желающих «сидеть десятидневие» в этом хонако всегда было очень много. На это время и мечеть, и находившийся перед ней айван перегораживались занавесками (парда), образующими множество отдельных кабин, в каждой из них сидело по 2—3 человека. Их обслуживало множество желавших приобщиться к «богоугодному делу»: все время кипели самовары, в многочисленных чайниках заваривался чай, который должен был поддерживать силы утомленных долгими молитвами. Каждый вечер для них готовился плов. Все необходимое щедро присылалось от эмира[415] и, вероятно, пополнялось доброхотными даяниями богатых прихожан.

В квартале имелось также медресе, которое, судя по тому, как глубоко его стены уходили в землю, принадлежало к очень старым зданиям Бухары. В него приходилось спускаться по нескольким ступенькам, почему оно называлось Мадрасайи Чукур («глубокое медресе»)[416]. Информатор сообщил, что на месте этого медресе раньше находилась топка (гулах) бани, приобретенной и разрушенной Мавлоно Шарифом. У входа в медресе помещался еще один мазар; он представлял собой кладбище, состоявшее из нескольких могил с надгробиями (сагона) и с возвышавшимся над ними шестом с хвостом яка. Имя тех, кто был здесь похоронен, теперь забыто.

В этом квартале имелось еще несколько медресе: Абдушукур бек (у Фенина — Абдушукур бай), Кори-ходжа и маленькое медресе, известное под названием «Мадрасайи Кампир» («Медресе старухи»). Имя его строительницы забыто. Лекции в них не читались, они являлись только общежитиями.

Расположенное на северной границе этого квартала большое медресе Абдулазиз хана относилось к кварталу Азизон, а на территории квартала Мавлоно Шариф была большая яма, находившаяся позади медресе, в которую жители этого и других близлежащих кварталов сбрасывали мусор. Она была засыпана только после революции.

Могила Мавлоно Шарифа — главная святыня квартала — находилась внутри мавзолея, выстроенного рядом с мечетью

[415] Не были ли бухарские эмиры мюридами ишанов из рода Мавлоно Шарифа? Вспомним легенду о хане, колебавшемся в выборе себе духовника между Мавлоно Шарифом и Халифа Худойдодом (см. выше, № 53).

[416] В экспликации к плану Парфенова—Фенина медресе Катта ходжа, или Чукур.

хонако. Мавзолей сохранился. Снаружи, у южной стены этого мавзолея, была вторая могила, считавшаяся могилой сына Мавлоно Шарифа. В истории Бухары упоминались два человека, носивших имя Мавлоно Шариф, и возможно, что речь шла об одном лице. В описании рукописей Института востоковедения АН УзССР упомянут «Мавлана Шариф ал Алави ал Бухари... известный теоретик дервишизма и автор трудов о громком зикре», умерший в 1679 г.[417]. В. Л. Вяткин говорил о «бухарском законоведе Мавлоно Шарифе, профессоре из мадрасы Кукалдош», «человеке влиятельном и ученом», помогавшем своими советами бухарскому правителю «при вторжении хивинского хана Ануши в 1097 (1686) г. в пределы Бухарского ханства»[418]. Народное предание о Мавлоно Шарифе подтверждает его принадлежность к высшему духовенству, оно рисует его охундом медресе Кукалтош[419], как и вакуфная грамота 1779 80 г., оформляющая вакуфное пожертвование в пользу «хонако охунда Мулло Мухаммад Шарифа». В ней указывается, что оно находится «позади медресе Заргарон»[420].

Эта локализация не оставляет сомнений, что речь идет именно о мечети квартала Мавлоно Шариф, а дата оформления вакфа, совпадающая с годом смерти «теоретика дервишизма», может быть принята как свидетельство того, что все эти документы и сведения относятся к одному человеку. Его облик до известной степени рисует приписывавшаяся ему одежда, которая хранилась как реликвия на мазаре «святого» и отличалась большой скромностью, скорее подобавшей простому суфию, чем крупному духовному аристократу, каким был мударрис медресе Кукалтош — самого большого в Бухаре[421]. Впрочем, показное смирение было в обычае, костюм мог и не соответствовать положению.

В квартале Мавлоно Шариф находился еще один мазар, по видимому более старый,— «Алам на расон». По легенде, Ходжа Алам на расон (Святой «Не обижай») был сыном Алия от одной из его жен (не Фатимы). Как и Ходжа Убон, он был усыновлен халифом Омаром, который остался бездетным, тогда как Алий имел многочисленное потомство. Стран

[417] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. **III,** Ташкент, 1955, стр. 353.

[418] В. Л. Вяткин, Ферганский мистик Дивонайи-Машраб,— «Сб. туркестанского Восточного института в честь А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 30—32.

[419] Сообщение очень осведомленного лица по имени Мулло Хотам, 70 лет, из квартала Чорбакколи Дарвозайи Самарканд.

[420] ГА, ед. хр. 474.

[421] Об этой одежде см.: О. А. Сухарева, Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в.,— сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., **1970.**

ное имя святого Алам на расон бухарцы объясняли тем, что он имел озорной нрав и из озорства нередко доставлял лю дям неприятности: одного при помощи свойственной ему ма гической силы валил с лошади, другого толкал или сбивал с ног. Алий, порицая его за это, говорил: «Балам, алам на расон» («Дитя мое, не обижай [никого]»). Эта фраза и сде лалась именем «святого»[422]. По этому мазару в некоторые пе риоды назывался и квартал: по сообщению одного из жите лей соседнего квартала, в имевшемся у него документе 1888 89 г. квартал Мавлоно Шариф был назван «гузари Ход жа Алам на расон»; в вакуфной грамоте 1815 16 г. также упоминается квартал Алам-на-расон[423]. Это название не было забыто и позже: в экспликации к плану Парфенова — Фени на квартальная мечеть названа «мечеть Мавлоно Шариф, или Ходжа Алам на расон».

165.. Квартал Бозо́ри гуль بازار گل («Рынок цве-тов»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1929 — 37 домов). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Десять семей происходило от переселившихся сравнительно недавно шахрисябзцев, которые, однако, успели настолько ассимилироваться с остальным населением, что их родным языком сделался таджикский. Эти семьи принадле жали к богатым торговцам, ездившим за товарами, как го ворят, в Казалинск. Они привозили оттуда фабричные тка ни, обувь, мясо и топленое баранье сало в коровьих желуд ках. Много торговцев было и среди остальных жителей. В ос новном это были торговцы обувью (кожаными калошами и ичигами), их склады (сарой) находились в помещениях пас сажа Токи Тельпак, где в маленьких лавочках и происходи ла торговля. Пять семей квартала занималось торговлей красками, лекарствами и пряностями. В квартале жили так же муллы и один из служителей раиса (аз халфахои раис): его «дуррадаст»[424].

В квартале была мечеть, сведений о других обществен ных зданиях не имеется.

Название квартала связано с нахождением в нем базара, где продавались саженцы деревьев, цветочная рассада и цве

[422] Сообщения жителя этого квартала, костоправа, 55—60 лет, жи теля квартала Дегрези — Ахьёра Ахророва, в семье которого хранилась приписывавшаяся Мавлоно Шарифу одежда, и Мулло Хотама, 70 лет, из квартала Чорбакколи Дарвозайи Самарканд.

[423] ГА, ед. хр. 101.

[424] Человек, носивший за раисом плеть (дурра//дарра) и наказывав ший ею по приказанию раиса каждого, кто нарушил предписания мусуль манской религии.

ты в букетах, которые в Бухаре очень любили, покупали и приносили домой; хозяева лавок украшали букетиком свое торговое заведение. В определенный сезон там продавались на вес сорванные со стеблей розы особого сорта (гули му раббои), лепестки которых употреблялись для варки варенья, что обязательно делали в каждой семье, которой это оказы валось по средствам. Некоторые информаторы объясняли название квартала иначе, считая, что первоначально оно зву чало как Бозори чашмайи гуль, причем слово «гуль» в дан ном случае понималось в значении «сыпь». По их сведениям, в квартале был древний источник (чашма), водой которого лечились при заболевании проказой, песью и всякими кож ными болезнями. Квартал Бозори гуль упомянут в вакуфной грамоте 1908 г.[425].

166. Квартал Забуда زبوده (значение неясно)[426].

Этот квартал был одним из четырех кварталов (Забуда, Мулло Шох, Муйи тобон и Кемухтгарон), во главе которых раньше стоял один общий аксакал. Вероятно, это свидетель ствует о том, что в старину это был один квартал, впослед ствии разделившийся на четыре, что было оформлено по стройкой отдельных мечетей. Это разделение произошло, од нако, давно, и воспоминаний о нем не сохранилось.

Квартал состоял из 25 домов. Его население было таджи коязычное, но считало себя узбеками. Часть жителей занима лась сапожным ремеслом (музадуз), другие были кожевенни ками (кемухтгар), третьи — банщиками (халтадор — банщик, оттирающий тела моющихся надетым на руку мешочком из грубой ткани). Банщики работали в бане, находившейся в этом квартале. Один из жителей принадлежал к служилым людям (сипо), он был мулозимом в канцелярии казикаляна Происходил он из этого же квартала.

Имелась своя мечеть. Баня этого квартала, по преданию, была выстроена на месте чиллахоны Ходжа Бахов аддина, почему около нее стоял шест с хвостом яка, она считалась своеобразным мазаром[427].

167. Квартал Муйи тобон نابان سوی («Вьющиеся волосы». В современном произношении Мохи тобон — نابان ماه «Блестящая луна»).

[425] ГА, ед. хр. 316. Сообщения жителя квартала Дегрези — Ахьёра Ахророва и др.

[426] В толковом словаре «Фарханги забони точнкй», т. I, М., 1969. слово «забуда» дано в значении «растение из породы лука» и «сухие из мельченные листья душистых трав, которые кладут для запаха в кушанья» (стр. 428).

[427] Сообщение Ахьёра Ахророва, 60 лет, из квартала Дегрези.

Квартал Муйи тобон оыл одним из четырех кварталов, объединяемых традицией (Муйи тобон, Мулло Шох, Кемухт гарон, Забуда). Он состоял из 30 домов. Население было таджикоязычное Жители занимались преимущественно тор говлей (торговали кожаными калошами, древесным углем, который они скупали у казахов, живших в окрестных сте пях). Один из жителей квартала был мулозимом у казикаля на и принадлежал к служилому сословию (сипо). В кварта ле находились ряды, где продавались гранаты и жили тор говцы гранатами, вследствие чего одна из улочек была известна под названием Кучаи анорихо («Улица продавцов гранатов»). Это название иногда переносилось и на весь квар тал, что объяснялось известностью этой части квартала. Гра наты у бухарцев широко употреблялись в свадебном обряде, символизируя плодородие.

Та часть квартала, где находились торговые ряды, носи ла также название Таи шур («У солончака»). Судя по тому, что солончаков в этом хорошо освоенном районе города дав но уже нет, надо думать, что название это очень старое. Оно встретилось в грамоте 1818-19 г. (в форме «Тахти шур») [428].

Квартальная мечеть была маленькая, каркасная. Около нее помещался караван сарай, где торговали овчинными шу бами. В квартале имелся мазар Муйи тобон; считалось, что это — могила женщины [429].

168. Квартал Мулло Шох محلهٔ ملا شوخ (имя собствен ное).

Квартал состоял приблизительно из 25 домов (Т, 1929— 24 дома). Население было таджикоязычное и занималось в большинстве торговлей (торговали обувью, пряностями). Жили здесь также кожевенники, скупавшие и обрабатывавшие воловьи шкуры (они назывались «хом джаллоб»), гребенщи ки (шонатарош), изготовлявшие деревянные гребни для рас чесывания волос. Четыре семьи принадлежали к духовенству, их главы были муфтиями. Мечеть была, по некоторым сооб щениям, построена богатым муфтием, имя которого, вероятно, и сохранилось в названии квартала. Время жизни этого лица показывает грамота 1721 22 г., в которой оно названо жертво вателем вакфа мечети квартала Хамбоми кунджак [430]. Квар тал Мулло Шох упомянут в грамотах 1816-17 и 1842 43 гг., а также в недатированной грамоте, заверенной печатью эми ра Хайдара (1880—1826). В других грамотах того же пе риода говорится о «мечети Мулло Шох в квартале Муйи

[428] ГА, ед. хр. 26.

[429] Сообщения Ахьёра Ахорова, 60 лет, из квартала Дегреза и ста рика кожевенника (кемухтгар) из квартала Кемухтгарон.

[430] ГА, ед. хр. 375.

топони[431], из чего видно, что в тот период отделение. Этих кварталов еще не завершилось.

169. Квартал Магоки аттори مغاک عطاری («Впадина москательщиков»).

Жилых домов в этом квартале насчитывалось 10—15. Население было таджикоязычное, информаторами названо таджикским. По роду занятий большинство являлось торговцами: москательщиками (аттор), продавцами кисеи (докаф руш) и т. п.

• Название квартала связано с находящейся па его территории очень старой известной мечетью Магоки аттори, которая вследствие естественного повышения почвы, происходившего в течение многих веков ее существования, углубилась в землю[432]. Однако она до последнего времени продолжала функционировать, служа мечетью для совершения ежедневных пятикратных намазов жителями этого квартала и торговцами из находившихся здесь торговых рядов москательщиков. Молящихся, как говорят, собиралось очень много, так как мечеть пользовалась популярностью. Ряды москательщиков появились на этом месте очень давно. Еще в XII в., по «Истории Бухары» Наршахи, располагавшиеся здесь городские ворота носили название Дари Атторон («Ворота москательщиков»)[433].

Мечеть Магоки аттори упоминается в нескольких вакуфных грамотах. В. А. Шишкин цитирует грамоту 1685 г. из собрания Бухарского музея[434], эта мечеть упомянута также в грамотах 1692 93 и 1792 93 гг. В последней говорится о «мечетях двух сторон Магоки аттори» (масчидхои дутарафи Магоки аттори)[435].

170. Квартал Кемухтгарон کیموختگران («Кожевенники, вырабатывающие шагрень»).

[431] ГА, ед. хр. 305, 112, 370, 374. Описание составлено по сообщениям старика кожевенника из квартала Кемухтгарон и жителя квартала Дегреза — Ахьёра Ахророва, 60 лет.

[432] О мечети Магокн аттори имеется обширная литература. См. работы В. А. Шишкина: Архитектурные памятники Бухары, стр. 42; Мечеть Магоки Аттори в Бухаре.— «Труды Института истории и археологии АН УзССР», вып. I, Ташкент, 1948; Археологические работы в мечети Магокн Аттори в Бухаре.— там же, вып. VII. 1955. О значении этого места в исторической топографии Бухары см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 18—20.

[433] Мухаммад Наршахи, История Бухары, пер. Н. Лыкошина, стр. 69. О том, что название Ворот Атторон появилось не в X, а в XII в., см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 18.

[434] В. А. Шишкин. Мечеть Магокн Аттори в Бухаре, стр. 3.

[435] ГА, ед. хр. 519, 307, 352. Сообщения двух пожилых жителей квартала Магоки курпа.

Этот квартал входил в группу из четырех кварталов (Кемухтгарон, Муллс Шох, Муйи тобон и Забуда), он был самым крупным из них, состоял из 65 домов (Т. 1929 — 43 дома). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. В квартале жило несколько эмирских чиновников, из самых мелких, которые причислялись к сословию сипс — это были мулозимы бухарского казикаляна. Большинство жителей были ремесленниками, в своих мастерских, находивших ся при жилых домах, они вырабатывали шагрень (кемухт). Кожа изготовлялась и на продажу и для казны — ее сдавали в канцелярию девонбеги и от него получали установленную плату. На территории квартала находилось болото (кул), вода которого использовалась при обработке кож, вокруг него располагались мастерские кожевенников и их торговые ряды. Большинство кожевенников работали сами, при участии членов своей семьи, но были здесь и крупные предпринимательские (устокор), например Сафар Мурод и Гулом Хамро. Всего в квартале было 20—25 мастерских кожевенников. Это производство относилось, несомненно, к очень древним, чем объясняется поселение шагренщиков, производство которых связано с дурными запахами, в самой густонаселенной части города, на территории шахристана. О древности ремесла свидетельствует суеверный страх перед ним: мастерские кемухтгаров считались «опасными», мифический патрон ремесла пользовался славой чрезвычайно сильного и мстительного. По поверью, человек, осквернивший то место, где шла обработка кож, лежали остатки отработанной кожи или орудия труда кожевенников, наказывался проказой. До сих пор рассказывают о каком то арбакеше, который, похвастався, что он не верит в это, на другой же день был поражен болезнью. Страх перед патроном кожевенников был настолько силен, что, когда однажды лошадь эмира, проезжавшего по улице мимо болота, споткнулась, эмир сейчас же прислал старшине шагренщиков продукты для устройства жертвенного угощения.

Название квартала Кемухтгарон было, по видимому, не официальным: в актах как середины XIX, так и начала XX в. квартал назван Кулолон («Гончары»), название Кемухтгарон дано как второе, «известное» (Кулолон машхур ба Кемухтгарон) [436].

Мечеть была построена, по мнению стариков, две три сотни лет назад. В квартале находилось большое медресе конца первого десятилетия XX в., известное под названием Мадрасайи Туркман («Медресе туркмена»). Оно было построено богачом туркменом из Чарджоу, торговавшим в Бухаре ка

[436] ГА, ед. хр. 146.

ракулевыми шкурками. Святыней считалась могила «свято го» Хазрати Насви, или Таббат ул Насви. Эта могила, на ходившаяся около болота, представляла собой раньше над гробие обычного бухарского типа (сагона), позже оно было заменено прямоугольным камнем, или насыпью (суфа), ос татки которой сохранялись до 50 х годов XX в. Легенда об этом «святом» рисует его развратником, который потом рас каялся и достиг святости. По легенде, «святой», переодев шись в женское платье, исполнял роль банщицы (халтадор) в женской бане, пользуясь этим для нескромных забав. Од нажды в баню пришла мыться сама царская дочь. Во время купания у нее пропал драгоценный перстень. Подозрение па ло на банщиц, и их стали обыскивать. Хазрати Насви стоял в ряду обыскиваемых ни жив ни мертв от страха перед тем наказанием, которое его ждет, когда обнаружится, что он мужчина. Обратившись к богу с горячей молитвой, он раска ялся в своем поведении и прочел арабский стих: «Ё аллаху ль лязина омману ауби иллохи таубатан насве». Как только он прочел эту молитву, перстень нашелся и обыск прекра тился. После этого он раскаялся и достиг святости [437].

171. Квартал Пойи остона پای ستانه («Святой по рог»).

Квартал состоял из 65—70 домов. Население было таджи коязычное. Занятием большинства жителей была торговля. Здесь жило также много мулл, среди которых имелись и мударрисы — преподаватели медресе. Квартал Пойи остона был одним из торговых центров Бухары. На крытом базаре (собот) торговали красками, размещались и мастерские кра сильщиков, местных евреев, окрашивавших шелковую и бу мажную пряжу в синий цвет, бойня (кушхона) и лавки мяс ников. Торговля красителями велась и в караван сарае этого квартала, там же находились склады таких товаров. Один караван сарай служил складом и рынком бузгунча[438]. Здесь же шла торговля кошенилью и анилиновыми красками, при возившимися в Бухару из Европы через Афганистан и Ин дию. Красками торговали афганские купцы, которые, при езжая, останавливались в караван сараях этого квартала. Здесь же находились склады белой кожи (меши). Всего в квартале было четыре караван сарая, в одном из них раньше производилась торговля рабами [439].

[437] Сообщения жителя этого квартала, старика кожевенника, и жи теля квартала Дегрези — Ахъёра Ахророва, 60 лет.

[438] Бузгунч — галл фисташкового дерева, употребляющийся как дубитель и краситель в черный цвет.

[439] Он описан в романе С. Айни «Рабы» (Сталинабад, 1952, стр. 40—

Мечеть квартала была очень старая, как и школа. К этому кварталу относилась баня, известная под названием Хам боми Пои остона.

Название кварталу дала находившаяся здесь святыня — келья Ходжа Баховаддина Накшбанда, в которой, по поверью, он жил и умер. Еще лет 30 назад эта келья сохранялась и служила местом поклонения.

Квартал этот упомянут в вакуфной грамоте 1860/61 г.[440].

172. Квартал Мир Иброхим ميرابراهيم (имя собственное), или Сари бозори Кали Фарход سر بازار گل فرهاد («У базара плешивого Фархада»).

Квартал состоял из 52 домов (Т, 1929—19). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. В этом квартале жили торговцы (например, атторы), муллы, ремесленники (ювелиры, гончары и др.). В центре квартала, на перекрестке, находились крытые ряды (собот), где размещались овощные лавки, чайная (самоворхона), пекарня. Тут же был караван сарай — Саройи таш, где торговали кетменями[441]. По преданию, па этом перекрестке во времена Тимура произошла битва. В квартале была своя мечеть и школа.

Квартал Мир Иброхим упоминается в акте 1911 г.[442].

173. Квартал Ходжа-калон خواجه کلان («Великий Ходжа» — прозвище джуйбарского ишана Ходжа Саъда, XVI в.)[443].

Ходжа калон был одним из самых маленьких кварталов Бухары, он состоял из 15 домов (Т, 1930 — квартал Ходжа калон зарегистрирован дважды: один раз в нем указано 11 и во второй — 24 дома). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Значительная часть жителей принадлежала к ходжам рода мир-хайдари. Как показывает название рода ходжей, они вели свое происхождение от Алия (Хайдар — араб. «лев», — прозвище Алия), по видимому, че

[440] ГА, ед. хр. ПО. Описание составлено по сообщению жительницы этого квартала, 78 лет, являвшейся одно время членом гузаркома

[441] Таш — в бухарском говоре «кетмень, мотыга».

[442] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 25. Сообщение жителя этого квартала, 59 лет, и др.

[443] Ходжа-калон в XVIII в. было названием чина и должности на ходжа-калоне «лежит окарауливание государева гарема и доставление в царский гарем пищи и платья...» (А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 148). А. А. Семенов переводит термин «ходжа-калон» как «великий дворцовый евнух». Этот перевод неудачен, так как в Средней Азии не было обычая использовать для обслуживания гарема кастратов. Ходжа-калон было почетным титулом, «вторым после шейх-ул-ислама» (Д. В. Вороновский, Гульшен-ул-Мулюк Мухаммеда Я'куба Бухари, комментарии, (диссертация), Ташкент, 1947, стр. 285)

рез одну из его жен, не Фатиму[444]. В изучаемый период ходжи этого квартала не отличались знатностью, хотя и были людьми состоятельными. Квартал Ходжа калон вообще считался кварталом богачей, однако особенно крупных баев там не было. Большинство его жителей занималось торговлей (обувью, чаем, мелочной торговлей). Некоторые семьи жили на доходы с земли, почему именовались дехканами (земли находились вне города и обрабатывались издольщиками).

В квартале имелась мечеть, было и медресе, известное под названием медресе Сарбйи таш («Медресе у склада кетменей»). Вдоль улицы квартала помещалось несколько мелочных и овощных лавок, пекарня и чайная (самоворхона). Этот базарчик относился и к соседнему кварталу Мир Иброхим. В квартале имелся большой хауз, известный как хаузи Ходжа-калон, он и дал кварталу название[445].

Как видно из вакуфной грамоты, датирующейся печатью Абдулфейз хана (1711—1747), хауз этот построен ходжой Ульфат ходжа ходжа-калоном, сыном Абдулло-ходжи, причем указано, что хауз находится в квартале Каппони мавиз[446]. Таким образом мы узнаем старое название квартала Ходжа калон.

174. Квартал Мулло Пайрави پیروی ملا (имя собственное).

Квартал состоял из 50 домов (Т, 1928—48 домов). Население было таджикоязычное, несколько семей было форсов. Большинство жителей принадлежало к духовенству: тут жили мударрисы, читавшие лекции в бухарских медресе, муллы, занимавшиеся чтением молитв, имамы мечетей. Немало было также в квартале торговцев. Часть жителей занималась ремеслами: сапожным (музадузи), ювелирным и др. В этом же квартале жил один представитель служилых людей в чине караулбеги. Он был из форсов.

В квартале имелась мечеть. Достопримечательностью и святыней была келья (чиллахона) Ходжа Порсо[447] или его школа (мактаб), или библиотека (китобхона). Правильность последнего подтверждается вакуфной грамотой 1407 08 г., где упоминается библиотека Ходжа Порсо, находящаяся на улице Дехканов[448]. Таким образом, выясняется старое название квартала Мулло Пайрави. Остатки здания до недавних

[444] Предания о происхождении разных родов ходжей от других жен Алия (не Фатимы) в Бухаре очень распространены.

[445] Сообщения старика халвогара (мастера по изготовлению сладостей) из квартала Корхона и водоноса, лет 50, из квартала Мир-Иброхим.

[446] ГА, ед. хр. 315.

[447] О Ходжа Порсо см. в описании квартала Ходжа Порсо (№ 207).

[448] ГА, ед. хр. 55. Об улице Дехканов см. ниже, стр. 295.

пор сохранялись. Вследствие поднятия почвы в течение многих веков и небольшой высоты строения оно было в 1947 г. почти совершенно скрыто в земле. Вход завален. До революции здание, считавшееся мазаром, содержалось в порядке, над ним возвышался шест с хвостом яка.

В квартале имелась мечеть. Упоминания квартала или мечети Мулло Пайрави в актах не встречено и потому неизвестно, к какому времени относится это название. По преданию, Мулло Пайрави был современником Ходжа Баховад дина Накшбанда и Саид Мири Кулоля [449].

175. Квартал Мавляви Мирзоджон مولوی میرزا جان (имя духовного лица).

Квартал состоял приблизительно из 60 домов. Население было таджикоязычное, в большинстве состояло из торговцев:

В квартале имелась своя мечеть, помещавшаяся в простом каркасном здании, а также помещение для омовений (тахоратхона). Своей святыни в квартале не было [450].

176. Квартал Авлиёйи гариб اولیای غریب («СВЯТОЙ чужеземец», здесь: имя собственное, ставшее названием мазара).

Квартал состоял из 60—70 домов (Т, 1929 — 20 домов). Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занималось ремеслами и торговлей. Жили здесь и муллы.

К мечети квартала примыкало медресе Домулло Рузи, построенное в самом начале XX в. Среди жителей оно было больше известно под названием медресе Авлиёйи гариб. В квартале имелось два мазара, могилы двух «святых»: Авлиёйи гариб (именем которого назывался квартал) и Авлиёйи кабир. Вокруг обоих мазаров были небольшие кладбища, причем существовало поверье, что второй «святой» «не принимает мертвецов» (мурдая кабул намекунад): похороненный на этом кладбище труп в ту же ночь оказывался выброшенным из земли, а похоронившие его наказывались болезнью или смертью. Поверье считает этих «святых» братьями (ака ука) [451]. По «Книге Мулло-зода» Авлиёйи гариб был сыном Авлиёйи калона, который являлся халифой шейха Абдухолика Гиждувони [452], что датирует время его жиз

[449] Сообщения жителя этого квартала, 60 лет, и др.

[450] Сообщения жителя квартала Дегрези — Ахьёра Ахророва, 60 лет, и его жены, уроженки квартала Авлиёйи гариб.

[451] Сообщения уроженки этого квартала Ахроровой, 45 лет, и ее мужа Ахьёра Ахророва; 60 лет, уроженца и жителя квартала Дегрези.

[452] «Книга Мулло зода>, стр. 66—67.

ни XIV в. Квартал Авлиёйи гариб упомянут в вакуфной гра моте 1840-41 г. и в нескольких более поздних[453].

177. Квартал Чохи занджир چاه زنجیر («Колодец с цепью»).

Квартал был большой, по сообщению, по видимому пре увеличенному, состоял из 160 домов (Т, 1929 — 52 дома). На селение было таджикоязычное Несколько семей принадле жало к форсам (которые составляли большинство населения соседнего квартала Тупхона). Некоторые жители занимались ремеслами (около 5 домов принадлежало ювелирам). Много было здесь мулл, из них несколько мударрисов, наиболее известные — Домулло Араб и Махсуми Аджаль. Жил в квартале также и откупщик по имени Абдунаби-иджорадор[454].

В квартале имелась мечеть. Об остальных общественных учреждениях сведений нет. Достопримечательностью квартала, определившей его название, был имевшийся там колодец, который бухарцы считали самым старым колодцем города (Чӯхаш бисьёр кухна, аз ин кухпатар чох нест да Бухоро). Название квартала известно с конца XVII в. — он упомянут в вакуфпых грамотах 1685 86 и 1782 83 гг.[455].

178. Квартал Тупхона توپخانه («Помещение для пушек», «арсенал»).

Квартал состоял из 90 домов (Т, 1929 — 95 домов). Значительную часть его населения составляли форсы, остальные были бухарцами, говорившими по таджикски, но считавшими себя узбеками. Форсы, проживающие в этом квартале, считают, что их предки пришли в Бухару очень давно, значительно раньше, чем форсы Джуйбара. Это мнение, по видимому, соответствует действительности, о чем свидетельствует, во первых, значительно большая ассимиляция этой группы форсов с окружающим населением[456], а во вторых, их поселение в старой, центральной, всегда наиболее густо населенной части города, в то время как форсы Джуйбара жили в са-

[453] ГА, ед. хр. 238 и др.

[454] Иджсрадор — человек, берущий на откуп получение доходов с вакуфного или казенного имущества. Иджорадоры принадлежали к крупнейшим богачам.

[455] ГА, ед. хр. 494 и 397. Сообщения Косимджона Миракова, ювелира, 60 лет, из квартала Дашои мастера строителя Усто Маджида Солихова, ок. 90 лет, из квартала Кош-мадраса и его родственницы, 60 лет, жительницы квартала Чохи **занджир.**

[456] Это, впрочем, может объясняться условиями жизни небольшой сравнительно группы ирани среди массы местного таджикоязычного населения.

мом молодом районе города. По своим занятиям форсы квартала Тупхона являлись в большинстве мотальщиками шелка (пиллакаш) и ткачами шелка (шохибоф, бахмалбоф). Среди них были также строители: плотники и каменщики. Бухарцы, жившие в этом квартале, занимались другими ремеслами (например, изготовлением сладостей — халвогари) и торговлей. Здесь жили и богатые купцы: торговец коврами и крупный торговец кустарным бархатом Бако бой, лавка которого находилась в тиме Абдулла хана. Это свидетельство о том, что Бако бой принадлежал к купеческой верхушке — мелкие торговцы в этом тиме места не получали. Этот бай незадолго до революции построил в квартале Тупхона небольшое медресе.

В квартале находились два казенных эмирских дома, в которых жили различные должностные лица (сипо), в последнее время здесь жили кулябец Мансур бий и один чиновник бухарец.

Здание мечети было из жженого кирпича, с балочным перекрытием. Имелся и мактаб. При доме форса — духовного руководителя шиитской религиозной общины квартала был шиитский молитвенный дом (хусайнияхона) Там проводились траурные обряды ашури, посвященные смерти Хусейна. В квартале был большой мазар, по сообщениям, очень старый, известный под названием Ходжа Суфиёни Саври. Там было несколько могил, возле которых был поднят очень высокий шест (туг). Этот мазар упомянут в «Книге Мулло зода», причем говорится, что он находится «недалеко от ворот Камаргарон» [457]. Временами по мазару назывался и квартал, что видно из вакуфных грамот 1680, 1695 96 и 1828 29 гг.[458]. Второй святыней был небольшой мазар, который считался могилой патрона мясников, «святого» Джон Марди кассоб, или, по некоторым сообщениям, Аббос Джон Марди кассоб. Эта могила была вделана в наружную стену дома, находившегося на углу одного из переулочков, попав туда. видимо, при постройке этого дома, занявшего и территорию мазара. В Узбекистане имелось несколько мазаров Джон Марди кассоб, несомненно, это один из древних народных культов[459].

[457] «Книга Мулло-зода», стр. 69.

[458] ГА, ед, хр. 129, 494 и 305. Следует отметить, что имя «святого» Суфиён всегда пишется через «син» в отличие от названия второго бухарского квартала Суфиён (Суфии), который пишется через «сад». Саври, безусловно, связано с названием солнечного месяца саур, происходящим от названия созвездия Тельца.

[459] В статье Ю. В. Кнорозова «Мазар Шамунабы» сообщается о наличии такого мазара (под именем Джумарт кассоб) в Хорезме и высказывается предположение, что «Джумарт Кассоб может быть сопоставлен с Гайомардом зороастрийских источников» («Советская этнография», 1949, № 2, стр. 93).

Название Тупхона встречено в поздней грамоте 1915 16 г."[60].

179. Квартал Раъд зада رعد زده («Убитый молнией») [461].

Квартал состоял из 25—30 домов (Т, 1929 — 30 домов). Населен был таджикоязычными бухарцами (осталось невыясненным, к таджикам или узбекам они себя причисляли). Несколько семей принадлежало к узбекам племени Баттал. Они были родом из Карши, переселились оттуда давно и, ассимилировавшись с таджиками, переняли таджикский язык. Однако связь с прежней родиной сохранилась, о чем свидетельствует специализация представителей этих семей на торговле коврами и паласами — последние изготовлялись, как известно, в районе Карши. Остальное население квартала также занималось преимущественно торговлей: здесь жили торговцы рисом, кожей — как привозимой из России лакированной (амрикон — «американской»), так и местной кожей сорта булгори («булгарская») [462].

Имелась своя мечеть. Сведений об остальных общественных зданиях нет.

В вакуфной грамоте 1692 93 г. упоминается мечеть Ходжа Мухаммади в квартале Раъд-зада [463].

180. Квартал Ходжа Низомиддини поён خواجه نظام الدين نايان («Ходжа Низомиддин (имя собственное) нижний», также «южный»), или Халолхурон حلالخوران («Едящие ритуально чистое» или «честно заработанное») [464].

Квартал состоял из 30 домов (Т, 1930 — 46 домов). Население было таджикоязычное, занималось главным образом торговлей. Здесь жили торговцы овощами, мелкие лавочники — торговцы фабричными тканями (баззоз).

[460] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 288. Описание составлено по сообщениям группы старожилов этого квартала.

[461] Арабское слово «раъд», по объяснению А. М. Беленицкого, употребляется для обозначения оружия (камони раъд — «каменные ядра»). «Раъд» был употреблен при осаде Хорезма в 1379 г. По предположению А. М. Беленицкого, употребление слова «раъд» («гром») указывает, что это было оружие огнестрельное (А. М. Беленицкий. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках,—«Изв. Тадж. филиала АН СССР», № 15, Сталинабад, 1949).

[462] Сообщение жителя соседнего квартала, сапожника.

[463] ГА, ед. хр. 494.

[464] Это название объясняют тем, что якобы, когда в Бухаре началось изготовление лепешек на продажу, эмир, желая обеспечить ритуальную чистоту хлеба, приказал брать закваску для теста у живших в этом квартале ходжей, потомков Ходжа Низомиддина.

Имелась своя мечеть, мактаба не было, дети обучались в соседних кварталах.

Раньше этот квартал составлял одно целое с кварталом Низомиддини боло. Отделение произошло, по видимому, лет сто назад, в середине XIX в.: старожил этого квартала, 70 лет, слышал об этом со слов современника события. Поводом к разделу якобы послужила ссора двух братьев. Младший, поссорившись со старшим, не захотел ходить в одну с ним мечеть и, будучи человеком состоятельным, построил вторую мечеть. Вокруг нее образовался новый приход, что и оформило выделение нового квартала[465].

181. Квартал Ходжа Низомиддини боло خواجه نظام الدين بالا («Ходжа Низомиддин верхний», также «северный»).

Квартал состоял из 22 домов. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками, таджиками там называли форсов. Занятием большинства жителей была мелочная торговля. Жили там и ремесленники, например один ткач (адрасбоф), работавший наемным мастером (халфа) у какого то крупного устокора на Хыёбоне. Из трудящихся здесь жило также несколько водоносов, разносивших воду из хауза Мирзо Гафур. В одной из улочек находились дома ходжей, потомков «святого», давшего кварталу имя.

По преданию, носящему черты исторической правдоподобности, смешанной с вымыслом, этот «святой» поселился здесь во времена Насрулла хана (1827—1860). Он приехал из Герата и привез с собой халат (хирка), шапку (кулох) и коврик для молитвы (джойнамоз), которые он выдавал за вещи, принадлежавшие пророку Мухаммеду, и, конечно, использовал для получения приношений от верующих. Согласно преданию, «святой» пользовался большим авторитетом у эмира, который при всяких затруднениях обращался к нему за советом. В случае нападения на Бухару врагов — что было не редкостью в ту эпоху, наполненную междоусобными войнами,— эмир приезжал спросить совета у Ходжа Низомиддина. Последний осведомлялся, дошли ли враги до Регистана. Только узнав, что враги уже в самом центре города, на Регистане, «святой» читал молитву (фотиха) и затем говорил эмиру: «Поезжайте теперь, посмотрите, что сталось с вашими врагами». И враги якобы неизменно оказывались отброшенными. На территории квартала находилась тюрьма (зиндон).

[465] Сообщения жителя квартала Ходжа Низомиддини боло, по происхождению араба, 70 лет, и жителя квартала Тагбандбофон — Воеева, ювелира, 59 лет.

Имелись мечеть, школа и мазар Кучкор-ата («Отец Кучкар») [466]. Мазар этот, в котором, по видимому, дошли до нашего времени отголоски какого то очень древнего культа, находился на территории зиндона. Он пользовался почитанием и считался «сильным» (зур), вследствие чего никто не осмеливался въезжать верхом на холм, где помещался зиндон: всадники обязательно спешивались и вели верховое животное на поводу. Особенностью культа было то, что если на мазаре приносили жертву, то это должны были быть бараны производители (кучкор), почему на этом мазаре было особенно много больших бараньих рогов.

Квартал Ходжа Низомиддин упомянут в вакуфных грамотах 1872-73 и 1900-1901 гг.[467].

Джариб одиннадцатый. Искандар-хон

«Микрорайон» Искандар хон располагался в северной части города, прилегая к городской стене между воротами Хазрат Имом и Самаркандскими, на юге доходя до Регистана. Эта территория до постройки стены в XVI в. не входила в черту города, хотя, возможно, в домонгольский период часть ее и была охвачена стеной. Восстановление стены, разрушенной при взятии Бухары войсками Чингиз хана, вероятно, произошло спустя довольно значительное время, так как целые полвека продолжались смутные времена, происходили частые нападения монгольских отрядов (в 1263, 1273 и 1276 гг.). Бухара сильно пострадала от таких нападений, все больше сокращалось население этого города и нарушалось нормальное течение городской жизни. Ибн Баттута в 1333 г. застал большую часть рынков, мечетей и медресе лежащими в развалинах [468]. Возможно, восстановление стен было связано уже с эпохой Тимура и Тимуридов. По крайней мере известно, что укреплением стен Бухары занимался Улуг-бек [469]. В. А. Шишкин, ведший археологические наблюдения при

[466] Кучкор — букв. «баран самец». Слово это употреблялось также в качестве мужского имени, которое давалось мальчику, если в семье не выживали сыновья.

[467] ГА, ед. хр. 508 509. Сообщение старожила этого квартала, араба по происхождению, 70 лет, в прошлом водоноса.

[468] О Бухаре послемонгольского периода см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II,. ч. I, стр. I51; «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 314, 315.и 325, прим. I; см.. также: Е. А Давидович, Денежное хозяйство и частичное восстановление торговли в Средней Азии XIII в. после монгольского нашествия.— «Народы Азии и Африки», 1970, № 6.

[469] روضة الصفا литогр. изд., Бомбей, кн. VI, 1271/1854 55, стр. 150. За указание на этот источник автор приносит благодарность А. М. Белецкому.

строительных работах в Бухаре в довоенный период, сообщил в беседе, что на этой территории остатков керамики и других следов жизни прошлых веков было гораздо меньше, чем в других частях города.

В соответствии с этой особенностью джариба Искандархон составляющие его кварталы, особенно расположенные в его северной части, были окраинными по своему характеру. Здесь, в частности, находился один из центров кожевенного производства, занимающего, как правило, всегда окраины городов. Здесь же был расположен квартал плетельщиков циновок Буйробофон, который сохранял свою обособленность, в результате чего его население не слилось с остальным населением Бухары и сохранило свой узбекский язык и особенности бытового уклада. Кварталы этого «микрорайона» были сравнительно велики по площади и числу домов, что свойственно больше всего окраинным кварталам.

На плане из архива Лерха мы не находим ни одного махалла, которое мы могли бы сопоставить с джарибом Искандар хон. Вследствие искажений в конфигурации территории города, а также ошибочного размещения других махалла для этого джариба на плане места не осталось. Название Искандар хон дано ему нами по одному из наиболее значительных и старых кварталов.

В джариб Искандар хон включено 19 кварталов: Арабон (или Таи зиндон, или Кучкор-курчи), Мадали хаджи, Хаджи Рофеъ Ходжа Гоиб, Джон Кубоди калон, Джон Кубоди хурд (или Шур куль), Чоршанби-казок, Маддохон, Истемур (или Атламиш), Искандар хон, Бозори чуб (или Мири табиб), Катаган, Буйробофон, Олим ходжа, Зехтоби, Чорбакколи Дарвозайи Самарканд, Шайхи Ахси, Чуббоз, Корхона.

182. Квартал Арабон عربان («Арабы»), или Таи зиндон تاى زندان («Возле тюрьмы»), или Кучкор курчи (имя человека в чине курчи)[470].

К[illegible] ПО домов (Т, 1930 — квартал включен в список два раза, оба раза отмечено 29 домов)[471]. Население было таджикоязычное, но одна часть его считала себя узбеками, другая — таджиками, третья — арабами. Последних было 40 домов, они и дали кварталу его наиболее популярное в народе название. Среди жителей квартала было много ремесленников: сапожники (кафшдуз), ювелиры, слеса[illegible]р, щ, д[illegible]носы, мелкие

[470] Курчи — чин военных из иноземных рабов, составлявших личную гвардию эмиров XVII в. («История народов Узбекистана», т. II, стр. 81).

[471] Так как в Бухаре имелось два квартала Арабон, вопрос о том, к какому из них относятся данные сведения, неясен.

торговцы и скотопромышленники (гуспанд-джаллоб) Кроме того, в квартале жило несколько чиновников и военачальни ков: главный казначей (хазиначи), командующий 6000 солдат (лашкар боши), командующий 1000 солдат (саркарда) и чи новник, ведавший прошениями и жалобами (додхох) [472].

В этом квартале помещалось полицейское управление (миршабхона) и жил в казенном доме дядя (амак) эмира, который находился под домашним арестом и не имел права выходить за порог дома. С ним никто из жителей квартала не общался. Обслуживали его специальные слуги, из арка нередко присылали ему еду.

В квартале имелись мечеть и медресе Садир бий. Оно бы ло одноэтажным, лишь одна келья была выстроена над во ротами (дарвозахона). Напротив этого медресе, под самой стеной арка, находилась святыня квартала — мазар Чиль духтарон {«Сорок дев»), представлявший собой небольшой навес, у которого стояло два шеста (туг). По преданию, здесь скрылись в болоте (шур) сорок дев. которые не хотели оста ваться среди безнравственных людей. Название этого мазара в какой то период было и названием квартала (возможно, неофициальным): в грамоте 1823 24 г. упоминается квартал Чиль духтарон[473].

Название Таи зиндон квартал получил по находящейся рядом тюрьме. Название квартала Кучкор курчи встречено в двух грамотах: 1856 57 и 1921 22 гг. В более ранних гра мотах названа мечеть Кучкор бия (1716 17 г.) и Кучкор бек бия кушбеги (1713, 1723 24 и 1760 61 гг.)[474]. Так как три последние грамоты составлены от имени сыновей Кучкор бе ка, сделавших пожертвование в пользу мечети его имени, можно заключить, что он жил в конце XVII — начале XVIII в. Возможно, что Кучкор-бий — то же лицо, что и Кучкор кур чи — изменения в званиях отражают его возвышение с долж ности курчи (находясь на которой он, возможно, построил мечеть) до должности кушбеги, в которой он умер[475]. Тож дественность Кучкор курчи и Кучкор бия подтверждается косвенно грамотой 1917 18 г., в которой говорится о мактабе квартала Кучкор бий.

[472] Пояснения касающиеся функции лашкар боши и саркарда, све дения о количестве войска, находившегося под их командованием,— даны информаторами. По А. А. Семенову, тупчи-бошийи-ляшкар были подчине ны все начальники воинских частей (саркарда) («Очерк устройства...», стр. 59).

[473] ГА, ед. хр. 305. Сообщение Вафоджона Нуруллаева, 60 лет, из этого квартала.

[474] ГА, ед. хр. 176. 177, 494, 178, 1125, 1136. 1174.

[475] О значении термина «кушбеги» в XVIII в. см.: А. А. Семенов, Бухарский трактат..., стр. 148.

183. Квартал Мадали хаджи محمد علی حاجی (имя собственное).

Квартал состоял из 30—35 домов (Т, 1930 — этот квартал указан дважды: один раз в нем отмечено 28, второй раз — 47 домов). Население было смешанное: большинство составляли местные таджикоязычные бухарцы, меньшинство — тюркоязычные семьи служилых людей (сипо), а также богачей, переселившихся в Бухару сравнительно недавно. Один из них, Абдушукур бой, торговец каракулем, приехал из Каракульского тумана. Рядом с медресе Абдулазиз хана он построил большое медресе, известное под его именем, а также мост через Зеравшан возле Вабкента. Тюркоязычны были семьи братьев богачей, скупщиков хлопка (гуза джаллоб), Хомид бека и Кобиль бека, так же как и приехавшая недавно откуда то одна знатная узбекская семья (в сообщениях — бекхо). Среди живших в квартале служилых людей самым высшим по чину был туксабо; он происходил из коренных бухарцев, семья была таджикоязычной. Здесь жили также мирохур, джевачи и дахбоши [476]. Проживали здесь также сарбазы из бухарцев, имевшие в этом квартале дома и семьи [477].

Мечеть квартала Мадали хаджи упоминается в вакуфной грамоте 1767 68 г., а в грамоте 1703 04 г. упомянуто медресе Мухаммад-Али-хаджи [478], находившееся в квартале Кош мадраса. Это позволяет предполагать, что и строительство квартальной мечети Мадали хаджи было осуществлено скорее в первой, чем во второй половине XVIII в., когда, возможно, в ее пользу был завещан дополнительно вакф. Социальное положение строителя этих учреждений характеризуется упоминанием в последней грамоте имени его отца — Мехтар Алибия, из чего видно, что Мухаммад Али хаджи был сыном одного из высших сановников ханства.

184. Квартал Хаджи Рофеъ رافع حاجی (имя собственное).

Квартал насчитывал 30 домов. Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Специализации населения на одной профессии не было, здесь жили ремесленники (кузнецы подковочники, ювелиры и др.) и торговцы. Из последних в квартале жили торговцы обувью (торговали са

[476] Термин «дахбоши» употреблялся в двух значениях: в войске это был низший чин; по сообщению А. А. Семенова, так назывались также лица, которым были подчинены микрорайоны Бухары (джарибы). См.: А. А. Семенов, Очерк устройства... стр. 48.

[477] Сообщения жителей квартала Музаффарова, ок. 70 лет, и его тетки, 80 лет.

[478] ГА, ед. хр. 351, 17.

погами из грубой замши желтого цвета) и торговец мелким скотом (гуспанд-джаллоб) Здесь жил также крупный бай, купец и предприниматель Джура Чанглок, скупавший неочищенный хлопок (гуза) в коробочках, сдававший его для очистки беднякам и затем продававший хлопковое волокно. Мечеть представляла собой простую каркасную постройку, такими же были школа и тахоратхона. Здесь находилось также довольно большое медресе, построенное перед самой революцией упомянутым выше баем. Оно состояло из 32 келий, расположенных в два этажа. На улице, ведшей от центра города к Самаркандским воротам, были две мелочные лавки (бакколи) [479].

185. Квартал Ходжа Гоиб غايب خواجه («Скрывшийся святой»).

Квартал состоял из 60 домов. Население было таджикоязычное. Занималось преимущественно различными мелкими ремеслами — специализации квартала на каком нибудь определенном ремесле не было. Кроме ремесленников здесь жили мелкие торговцы. Мечеть (на плане Парфенова — Фенина: Шукур бий кусоч) была из жженого кирпича, купольная, перед ней находился большой благоустроенный хауз. Сведения относительно школы расходятся, однако наиболее осведомленные информаторы сообщили, что мактаб имелся, была и тахоратхона. Святыней считался мазар Ходжа Гоиб, представлявший собой маленькое строение (хонача), окруженное небольшим кладбищем (пуштаи Ходжа Гоиб). Оно находилось на довольно высоком холмике и считалось древним. В то время, к которому относятся сообщения, там уже новых захоронений не производилось [480].

186. Квартал Джон-Кубод جان قباد (имя собственное, в просторечии — Джон Кувад), или Джон-Кубоди калон جان قباد كلان («Большой Джон Кубод»).

Квартал состоял из 50—60 домов (Т. 1930 — в квартале Джон Куват I — 57 домов, Джон Куват II — 64 дома). Население было таджикское, занималось торговлей кустарными тканями — алачой и канаусом, каракулевыми шкурками, грубой замшей желтого цвета, из которой шились сапоги (музайи чаппа), бывшие в большом употреблении у сельского населения. Квартал имел большую мечеть, каркасную, мактаб и тахоратхону. У самых городских ворот располагался

[479] Сообщения жительницы квартала Мадали-хаджи 80 лет, и музыканта-бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Арабон.

[480] Сообщения Вафоджона Нуруллаева и бубнистов — жителей квартала Арабок.

небольшой базарчик, где было несколько овощных лавок (бакколи) и самоворхона, в которой продавался кипяток.

Святыней считалась находившаяся у самой городской стены могила «святого», известного под прозвищем «Гесубар дори Хазрат» («Подниматель локона Святого»), или, по видимому более точно, «Гесубардори имом Хусайн» («Подниматель локона имама Хусейна»). Значение этого имени и характер культа остались неизвестными, ясно только, что они связаны с культом внука Мухаммеда — Хусейна и, возможно, с шиизмом. Непосредственно за стеной, снаружи, находилась другая почитаемая могила, которая приобрела значение мазара совсем недавно: это была могила некоего Шукур бека, которого, по преданию, Ботур хан (эмир Насрулла хан, 1827—1860) велел сбросить с помещения для музыкантов (нагорахона) над воротами арка. Рассказывают, что Шукур-бек остался невредимым, вскочил на ноги и бросился бежать, однако его снова схватили и прирезали [481]. Возможно, что в почитании могилы этого человека сказалось крайне неодобрительное отношение народа к эмиру Насрулла хану, который отличался необычайной даже для бухарских эмиров жестокостью, заслужив прозвище Ботыр кассоб («Батыр мясник»). Возможно, именно это лицо дало название мечети квартала Шукур бий, упомянутой в двух вакуфных грамотах: 1887-88 и 1915-16 гг. [482].

Название мечети Джон-Кубод-доруга встречается в вакуфной грамоте 1773-74 г.; эпитет «доруга» показывает, что строителем мечети был чиновник. В другой грамоте — 1845 г.— оформляется завещание вакфа в пользу тахоратхоны этого квартала [483].

187. Квартал Джон Куболи хурд جان قاد خرد («Малый Джон Кубод», Джон-Кубод — имя собственное), или Шур-куль شور کول («Солончаковое болото»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов. Население его не отличалось от населения квартала Джон Кубоди калон ни по языку, ни по бытовому укладу. Жили здесь ремесленники — мастера по выделке ослиных седел (тукумдуз) и уличные рассказчики религиозных историй (маддох), которые составляли население соседнего квартала Маддохон.

Квартал имел небольшую мечеть и школу. На его территории находилось большое солончаковое болото [484]. Этот квар

[481] Сообщения музыканта-бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Арабок и сурнайчи, 72 лет, уроженца пригородного кишлака.

[482] ГА. ед. хр. 381, 488.

[483] ГА, ед. хр. 494, 386.

[484] Сообщения бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Таи зиндон (Арабок) и сурнайчи, 72 лет, уроженца пригородного кишлака, и др.

тал, несомненно, раньше составлял одно целое с кварталом Джон Кубоди калон. Когда произошло разделение — неизвестно, в грамотах XVIII в. упоминается один квартал Джон Кубод, следовательно, это произошло позднее.

188. Квартал Чоршанби казок چهار شنبه قزاق (имя казаха).

Квартал был очень маленький, состоял из 15 домов, расположенных вдоль улицы (Т, 1930 — 32 дома). Он был населен родственными семьями казахов, происходивших, по рассказам, от одного родоначальника — Чоршамби-казаха, который был маклером на верблюжьем базаре. С этой же профессией были связаны и остальные жители квартала. Как сообщают, казахи жили замкнутой общиной, не вступая с остальным населением Бухары в брачные связи как говорят, «и своих девушек не отдавали, и себе (чужих) девушек не брали». Вероятно, они сохраняли связи с казахами, жившими в сельских и степных районах, но этот вопрос остался невыясненным. Мечеть, по видимому, обслуживала преимущественно завсегдатаев располагавшегося рядом с кварталом хлопкового базара, торговцев из находившихся здесь складов хлопка и шерсти и из рядов, где продавались циновки, находились мелочные лавки[485].

Квартал Чоршанби корвон упомянут в грамоте 1899-1900 г., другая грамота, 1891-92 г., составлена от имени Чоршанби корвонбоши бен Чакас бой казока, строителя и завещателя вакфа мечети квартала Атламиш[486]. Это позволяет предполагать, что квартал Чоршанби казок выделился из квартала Атламиш.

189. Квартал Маддохон مداحان («Маддахи»).

Квартал состоял приблизительно из 40 домов (Т, 1930 — 54 дома). Население было таджикоязычное. Профессией большинства, в соответствии с названием квартала, было рассказывание на улицах, при скоплении народа, историй религиозного содержания. Эта специальность, вместе с репертуаром рассказов, была наследственной. Жили здесь также музыканты низшего ранга (сурнайчи, тамбурчи), бродившие по городу в поисках клиентов и выступавшие на семейных праздниках[487].

В квартале имелась мечеть. В противоречии с сообщениями информаторов и с планом Парфенова — Фенина, где от

[485] Сообщения бубниста Кенджа из квартала Таи зиндон (Арабом) и его товарища-сурнайчи

[486] ГА, ед. хр. 369 и 358.

[487] Сообщение Шоева, 50 лет, жителя квартала Искандар-хон.

Хауз и мечеть Истемур

мечена мечеть Маддохон, в поздней грамоте 1919 20 г. квар тал Маддохон отождествляется с кварталом Джон Кубод (гу зари Джон Кубод, машхур ба Маддохон) —«Квартал Джон Кубод, известный как Маддохон»[486].

190. Квартал **Истемур** استیمور или Атламиш اتلمیش (имена собственные).

Квартал состоял из 36 домов. Население было таджико язычное. Занятием большинства жителей, как и в квартале Искандар-хон, было кожевенное дело (чармгари). Обработка кож производилась тут же, в квартале, у солончакового бо лота, занимавшего часть территории обоих кварталов. Кроме ремесленников в квартале жили торговцы дверями (дар фруш) и находились ряды с их лавками. Из этого квартала вышло много бачей, например знаменитые в Бухаре начала века Мулло хон, Джура хон и многие другие. Все бачи со стояли в ведении миршаба, который, по заявлениям желаю-

[486] ГА, ел. хр. 507.

щих, посылал их для выступлений на тоях и праздниках, взи мая, очевидно, с них определенную мзду в свою пользу: по существующему выражению, он «был их продавцом» (фуру шандещ буд). Бачи возглавлялись старшиной, который носил название «аталук».

Квартальная мечеть отличалась высоким фундаментом, в нее поднимались по ступеням (зина). Потолок ее был рас писной. При мечети имелось несколько келий, она считалась одновременно и медресе. Перед мечетью был большой хауз — Хаузи Истемур, на берегу его находился небольшой мазар.

С названием этого квартала связана легенда, согласно ко торой Атламиш был ханом, а Истемур — правителем области (хоким). Истемур отложился от хана, и между ними про изошла война[489]. Раньше, по видимому, квартал Истемур (Атламиш) составлял одно целое с кварталом Искандар хон: в грамоте, заверенной печатью Шах Мурада, мечеть Искан дар хон указана как находящаяся в квартале Атламиш[490]. Следовательно, разделение произошло позже конца XVIII в. Название Истемур в грамотах не встречено, но характер име ни и легенда не позволяют считать это название квартала новым: видимо, оно было неофициальным, народным.

191. Квартал Искандар хон اسکندر خان (ИМЯ соб ственное).

Квартал состоял из 75 домов. Население было таджико язычное, но часть считала себя узбеками племени мангыт, часть арабами (семьи арабов происходили из Шафиркама). Остальные были бухарцами, говорящими по таджикски, но называвшими себя узбеками. Основным занятием жителей квартала было кожевенное дело. Здесь вырабатывали белую баранью кожу (меши мепухтан).

В квартале была большая мечеть с плоским балочным перекрытием. По сообщениям, вакф этой мечети был очень велик: говорят, что он состоял из 1800 танапов земли, кото рая находилась частью в Ромитанском тумане, частью в Зия уддине и немного — в Катта Кургане. Имам мечети ежегодно получал из доходов с вакуфных земель 10 тыс. танга, 8 тыс получал муэззин мечети. Доходность этих должностей делала их очень заманчивыми. Сюда назначались крупнейшие муллы из родовитых семей духовной знати, и назначениями ведал сам эмир. Назначенные лица получали полагающиеся имаму вакуфные доходы, а имамские обязанности перепоручали дру гому лицу, которое совершало службу в мечети и требы, по

[489] Сообщения уроженца квартала Искандар хон — Шерза, 50 лет, и ыкантов — бубиста и сурнайчи, хорошо знающих город.
[490] ГА, ед. хр. 494.

лучая вознаграждение от прихожан. Кроме того, при мечети была 21 келья для чтецов Корана. Каждую неделю, в вечер под пятницу, являвшийся поминальным, 7 кори читали Коран (хатми куръон), вероятно, в поминовение строителя мечети. Каждый кори также получал большой доход — в 10 тыс. тан га ежегодно. Мечеть была выстроена отцом Абдулла-хана[491]. Искандар хан бен Джанибек хан упомянут в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах Мурада, где ска зано, что «упомянутый Искандар-хан» — строитель и завеща тель вакфа мечети квартала Атламиш[492]. Квартал Атламиш примыкал к кварталу Искандар хон; следовательно, оба они в прошлом составляли одно целое[493].

К этому кварталу относились два кладбища: небольшое кладбище Пуштайи Искандар хон и древнее кладбище Ход жа Сесарон, функционировавшее, по видимому, до самого конца рассматриваемого периода; оно помещалось на холме, где находился мазар Ходжа Сесарон, представлявший собой небольшое строение, у которого возвышался шест с хвостом яка. Как показывает название мазара (сесарон — «трехголо вые»), с ним была связана какая то древняя легенда. У юж ного подножия холма было пять домов, где жили могильщи ки и сторожа (гурков и гурбон), обслуживавшие это клад бище[494].

192. Квартал Бозори чуб بازار چوب («Дровяной базар»)[495], или Мири табиб مير طبيب («Знатный врач»).

Квартал, по сообщениям, был немноголюдный (Т, 1928— 61 дом). Его жители были таджикоязычны, в большинстве занимались торговлей лесом и дровами.

Мечеть помещалась на возвышенности, напротив хауза квартала Истемур, которым пользовались и жители окрестных кварталов. Первое название квартала объяснялось его место нахождением по соседству с лесным и дровяным базаром, вокруг которого группировались немногочисленные дома квар тала[496]. По видимому, этот квартал идентичен с указанным в

[491] О нем см.: «История народов Узбекистана», т. II, стр. 53.

[492] ГА, ед. хр. 494.

[493] Среди актов имеется еще несколько заверенных печатью Шах Мурада грамот, оформляющих вакуфные пожертвования в пользу мечети Искандар хон. В одной из них говорится о квартале Искандар хон (Куйи Искандар хон), находящемся «к югу от Регистана» (ГА, ед. хр. 19). Сле довательно, Искандар хон построил две мечети, давшие названия квар талам, из этих названий к концу XIX в. сохранилось только одно.

[494] Сообщения уроженца этого квартала Шоева, 50 лет, и старика плетельщика циновок из квартала Буйробофон.

[495] На этом рынке продавался строительный лес.

[496] Сообщения бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Таи зиндон (Арабон) и сурнайчи, 72 лет, из пригородного кишлака.

Мечеть в квартале Мири табиб (Бозори чуб)

экспликации к плану Парфенова — Фенина кварталом, мечеть которого названа «Мирзо табиб или Мири табиб». Мечеть Мири табиб, «находящаяся в квартале Атламиш», упомянута в вакуфной грамоте 1819 20 г. Грамоты 1845 и 1914-15 гг. упоминают уже квартал Мири табиб[497]. Это показывает, что квартал Бозори чуб выделился из квартала Атламиш, в чем проявился закономерный процесс членения кварталов как форма развития города. В данном случае выявилась история членения квартала Атламиш и образования трех кварталов — Атламиш (он же Истемур), Искандар хон и Мири табиб (он же Бозори чуб).

193. Квартал Катаган قتغن (катаган — название узбекского племени).

Квартал состоял из 41 дома (Т, 1929 — 57 домов). Население в большинстве было таджикоязычное, занималось различными мелкими ремеслами и торговлей.

Три семьи живших в квартале служилых людей (сипо) происходили из Шахрисябза и были тюркоязычны, они принадлежали к узбекам племени кенегес. Узбеков племени катаган на памяти современного поколения в квартале не было.

[497] ГА, ед. хр. 305, 386, 362.

В квартале имелась своя мечеть. Сведений о наличии других общественных зданий нет[498].

Название квартала представляет собой часть его старого названия — Эр Назар катаган. Имя Эр Назар бий девонбеги катаган, как имя отца завещателя вакфа, Иброхим бия додхо, упомянуто в вакуфной грамоте 1786 87 г.[499].

194. Квартал Буйробофон بويابافان («Плетельщики циновок»).

Квартал принадлежал к крупным, состоял из ПО домов (Т, 1929 — 42 дома). Население было тюркоязычное и делилось на две части: в южной половине квартала жила группа узбеков, выходцев из Хорезма (урганджи), в северной — группа обузбечившихся туркмен племени хидир эли, по одним сообщениям, пришедшая в Бухару откуда то со стороны Чарджоу. Большинство составляли потомки переселенцев из Хорезма, хидир элинцев было мало. По сообщению группы пожилых жителей этого квартала, предки как тех, так и других были приведены в Бухару из Хорезма по приказанию Шах Мурада после победы над хивинским ханом (его имя забыто). Сначала их поселили в центре города, но им там было тесно и неудобно, и они выбрали для поселения этот окраинный и тогда почти пустовавший квартал. Некоторые их родичи не захотели жить в городе, и эмир разрешил им самим выбрать подходящее место. Они поселились в местности Чет арык (не далеко от Каракуля), где живут и поныне. Население квартала Буйробофон поддерживает с ними постоянные связи, с другими же группами «урганджи», которых в Бухаре было несколько, связей нет. Браки заключались преимущественно внутри этой группы жителей квартала и родственными семьями из Чет арыка, а иногда и с «таджиками» (т. е. таджикоязычными бухарцами).

Хорезмцы и хидир элинцы раньше составляли одно целое, и квартал возглавлялся одним аксакалом, но потом, «во времена Алим хана», произошло разделение. Каждая группа хотела выдвинуть аксакала из своей среды. Не придя к согласию, каждая группа выбрала себе особого аксакала, и таким образом внутри одного квартала образовалось как бы две самостоятельных общины. Как сложились отношения между ними, выяснить не удалось. Главным занятием обеих групп было плетение циновок, это ремесло они привезли со своей прежней родины. В квартале находился и рынок циновок —

[498] Сообщения бубниста Кенджа, 70 лет, из квартала Таи эшдон и флейтиста, 72 лет, из пригородного кишлака.

[499] ГА, ед. хр. 494.

Улица в квартале Буйробофон («Циновочники»)
Производство циновок на улице перед домами

Бозори буйро (буриё) [500]. Имелся торговый старшина («окса коли бозор»), ведавший вопросами производства и сбыта циновок. К нему, например, обращались из арка, когда там бывали нужны циновки. Доставив заказанное, он получал бумагу, согласно которой из канцелярии девонбеги выдавали деньги. В квартале жило десять (по другим данным — 50) семей мыловаров, вырабатывавших самый последний сорт мыла (ширта) из остатков после варки обычного местного мыла. Они были таджикоязычны. Их производство раньше было здесь же, в квартале, но затем, вследствие того что оно связано с дурными запахами, его вынесли за пределы городской стены.

Мечеть построил, по видимому, один из мыловаров, она называлась Мачити Хакими собунгар. Этому лицу народное предание приписывало и самое основание квартала на пустовавшем раньше месте, которое якобы называлось тогда Беш каппа {«Пять шалашей»). Мечеть Хакими собунгар значится и в экспликации к плану Парфенова — Фенина, где отмечены не кварталы, а только мечети. Название Буйробофон было, вероятно, не официальным, а народным названием квартала,

[500] Раньше базар циновок находился в квартале Амири, как это видно из актов XVI в. («Из архива шейхов Джуйбари», стр. 41 и дп.)

именно оно было широко известно, и в вакуфной грамоте 1846 47 г. упомянут квартал Буриёбофон, мечеть которого названа мечетью Хаджи Курбон[501]. Очевидно, это было имя другого, может быть более позднего, строителя квартальной мечети.

195. Квартал Олим-ходжа خواجه عالم (имя собственное).

Квартал был одним из многолюдных, состоял из 112 домов (Т, 1928 — 91 дом). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Несколько семей вели родословную от знатного хивинского рода, от переселившегося в Бухару знатного хивинца Мир Саид шо Мухаммад хона. В семье его потомков сохранились предания о том, что переселению их предка в Бухару предшествовала война между «белотулупниками» и «желтотулупниками» (окпустин и саригпустин) и поражение хивинского хана в битве с бухарцами на берегу Амударьи, в водах которой обратившийся в бегство хивинский хан кончил свою жизнь. Мир Саид шо Мухаммад хон обратился за покровительством к Насрулла хану, ему и его близким было отведено место для поселения в Бухаре, его слуг и воинов, которых было довольно много, поселили в кишлаке Саросиё. Те, кто поселился в Бухаре вместе с Мир Саид шо Мухаммад хоном, полностью ассимилировались с бухарским населением и перешли на таджикский язык. В настоящее время в Бухаре живут прямые потомки Мир Саид шо Мухаммад хона: Мулло Хотам, 60—65 лет, и его сын Зиёдулло, который представляет шестое поколение переселенцев (Зиёдулло — Мулло Хотам — Абдулгафур — Абдулкарим — Мир-Саид Абдуррахим — Мир Саид шо Мухаммад хон). Часть населения квартала происходила из арабов (уругашон араб). Три семьи были тюркоязычны и связаны родством и происхождением с населением соседнего квартала Буйробофон и имели общую с ними профессию — плетение циновок. Таджикоязычное население занималось торговлей (дукондори); отдельные семьи жили на доходы с земли и назывались дехкон, хотя чаще эта земля обрабатывалась не ими самими, а сдавалась в издольную аренду. Часть населения занималась кожевенным ремеслом, выделывая белую кожу (меши). Кожевники жили на берегу солончакового болота, занимавшего часть территории этого квартала. Здесь жило также немало мулл, группировавшихся вокруг большой мечети, в которой имелись

[501] ГА, ед. хр. 562. Сообщения жителей квартала Буйробофон: старика плетельщика циновок из хидир-элишев и группы стариков урганджи

кельи для студентов, почему она считалась одновременно и

медресе. Эта мечеть принадлежала к типу хонако — там при ИСХОДИЛИ громкие радения (джáхру талкин), особенно часто совершавшиеся весной. Эта мечеть была в руках суфийского ордена Кодырия

По сообщению некоторых жителей квартала Буйробофон, Олим-ходжа был из Хорезма («Урганч»). В последнее время в квартале Буйробофон жил его потомок — Бако-ходжа. Эти ишаны пользовались большой известностью, и на еженедельные радения в мечети Олим ходжа собиралось очень много народа. Б последние 10 дней месяца рамазан желающие уединиться для поста и молитвы (обычно это делали муллы с целью приобрести авторитет у населения) «сидели десятидневие» (даха мешиштан) в этой мечети, никуда не выходя, отделенные от остального мира и друг от друга занавесками. Сведений о прочих общественных зданиях этого квартала не имеется.

Квартал Олим ходжа упомянут в поздней грамоте 1901 02 г.[502].

196. Квартал Зехтоби إهتابي («Плетение тесьмы»)[503], или Равгангарон روغنگران («Маслоделы»)[504].

Б квартале было около 25 домов. Население было таджикоязычно, занималось в большинстве обработкой бараньих кишок, из которых делали струны для дутаров. Позже стали обрабатывать кишки для отправки их в Россию. Здесь жили также кожевенники (пусттарош), которые помимо обработки кож варили из их остатков клей (йилем мерехтан). Часть жителей занималась земледелием, возделывая имевшиеся в этом квартале участки земли, которые засевались люцерной и пшеницей. Часть жителей жила на доходы с земли, находившейся вне города и обрабатывавшейся издольщиками. И те и другие назывались дехкон. В этом же квартале находились сады, принадлежавшие крупным ишанам из соседнего квартала Шохи Ахси. Мечеть квартала Зехтоби, построенная, как говорят, каким то маслобойщиком и получившая от него свое название — Равгангарон, была простая, каркасная; под этим названием она отмечена в экспликации к плану Парфенова — Фенина. При мечети было несколько купольных келий из жженого кирпича для учащихся медресе. Своей шко

[502] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47/183. Описание составлено по сообщениям жителей этого квартала: Мулло Хотама, 60—65 лет, ювелира Восеева, 59 лет, в прошлом мюрида ишана хонако Олим ходжа, и др.

[503] Некоторые информаторы объясняли это название квартала как «Выделка струн» (для дутаров).

[504] В Бухаре имелся второй квартал Равгангарон (в джарибе Мурдашуён).

лы в квартале не было, дети учились в соседнем квартале Шохи Ахси[506].

197. Квартал Чорбакколи Дарвозайи Самарканд سمرقند دروازهٔ چهارباغی (Базарчик у Самаркандских ворот»)[506].

Квартал состоял из 112 домов (Т, 1928 — 67 домов). Большинство жителей было таджикоязычно, часть (возможно, связанная с населением соседнего тюркоязычного квартала Буйробофон) была тюркоязычна. Три семьи (мясники) были из форсов. В квартале жили также семьи сапожников (музадуз) и скупщиков хлопка (квартал находился недалеко от хлопкового базара). Остальное население в своем большинстве жило на доходы с земли, сдавая ее издольщикам.

Мечеть была старинного типа, купольная, при ней имелось 12 келий для учащихся медресе и мактаб, помещавшийся в простом каркасном здании. Имелось и помещение для омовений (тахоратхона).

Вдоль большой улицы, ведшей к Самаркандским воротам, помещалось несколько мелочных и овощных лавок и чайхана. Этот базарчик и дал кварталу его название[507].

198. Квартал Шохи Ахси شاه اخسی (прозвище ишана)[508].

Квартал принадлежал к самым многолюдным, по определению информаторов, в нем было 360 домов[509] (Т, 1930 — 105 домов). Квартал состоял из четырех отдельных частей, которые, однако, не выделились в самостоятельные кварталы. Собственно Шохи Ахси называлась центральная часть его территории, которая была наиболее многолюдной. Северная часть, расположенная на границе с Чорбакколи Дарвозайи Самарканд, носила название Лязгихо — «Лезгины», хотя на памяти современного поколения лезгинов там не было. Распространение среди жителей этой части квартала ювелирного ремесла (им занимались в 5 из 20 домов), возможно, было связано с проживанием здесь в прошлом лезгинов,

[505] Сообщения Мулло Хотама, 60—65 лет, из квартала Олим-ходжа и других жителей соседних кварталов.

[506] Чорбакколи — маленький базарчик.

[507] Сообщение Мулло Хотама, 60—65 лет, из квартала Олим ходжа.

[508] Шохи Ахси (в просторечии — Шои Ахси) — «Царь Ахси» — прозвище известного суфия, строителя хонако Файзайди и, вероятно, мечети данного квартала. Ахси, или Ахсикет, — город в Ферганской долине, неподалеку от которого находилось местопребывание крупных ферганских ходжей, с которыми, возможно, были связаны происхождением и родовитые ходжи из квартала Шохи Ахси.

[509] См. выше, стр. 60—61.

которые имелись в составе населения Бухары и в начале XX в., занимаясь по большей части ювелирным делом[510]. Юго восточная часть квартала носила название Кошуки. Как говорят, это название было ей дано вследствие ее крайней необеспеченности водой, что заставляло ее жителей воду счи тать ложками (кошук). Северо западная часть называлась Кашкарихс — «Кашгарцы». Надежных сведений о происхож дении населения этой части квартала получить не удалось.

Население квартала состояло в большинстве из таджико язычных бухарцев, называвших себя узбеками. Здесь жило также несколько тюркоязычных семей (связанных, по види мому, с тюркоязычным населением соседнего квартала Буй робофон) и несколько семей форсов, которые составляли боль шинство населения другого соседнего квартала Тупхона. В квартале Шохи Ахси жило несколько родственных семей сеидов или ходжей, к именам которых прибавлялась при ставка «хон» (Султон хон, Накшбанд хон), подтверждающая их родовитость. Ведя свое происхождение от Алия и Хусейна (зятя и внука Мухаммеда), они считали себя арабами, хотя, конечно, не являлись ими ни исторически, пи антропологи чески, так как на протяжении многих веков они смешивались с бухарцами, мужчины женились на девушках, не принадле жащих к роду ходжей. В частности, за этих родовитых сеи дов, так же как и за ходжей Джуйбари, постоянно выдава лись девушки из арка, из семьи эмира или его родственников. В квартале жил также один представитель служилого сосло вия (сипо) — Назрилло бек, в чине мирохура. Он происходил из гиждуванских узбеков, эта семья была тюркоязычна.

Занятием населения были преимущественно различные ре месла. Большинство занималось сапожным промыслом (каф шдузи), некоторые специализировались на пошивке овчинных тулупов (пустиндузи), 5—6 семей занимались ткачеством, из готовляя полушелковый адрас. Кроме того, здесь жили масте ра по орнаментации тонких полупрозрачных шелковых плат ков способом батикования (резервации)[511].

Мечеть, прихожанами которой состояло население всех четырех частей, была добротная, большая, из жженого кир пича. Перекрытие было балочное. Эта мечеть служила как для ежедневных пятикратных намазов, так и для пятничных, общих. Она была также и местом совершения радений. Ее ишаны пользовались большой славой и властью и имели мно гочисленных мюридов. Мактаб квартала состоял из двух по мещений: в верхнем (болохона) занятия происходили летом.

[510] О ювелирах-ткачах см.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 44.

[511] См. там же, стр. 81—82.

Б пожнем — зимой. Имелось также старинное, с купольным перекрытием, помещение для омовений — как малых (тахорат), так и полных (гусл). Для омовений зимой каждое утро согревалась в котле вода. Считали, что это помещение построено одновременно с мечетью. Находившееся в этом квартале медресе Охунди Ихтиёр хон было построено при Музаффар-хане одним шахрисябзцем, который был охундом в медресе Кукалтош[512].

Хонако Шохи Ахси упомянуто в недатированной грамоте, заверенной печатью эмира Шах-Мурада. Б ней строителем хонако назван «Мир Поянда Мухаммед, известный как Шохи Ахси». Грамота оформляет крупное пожертвование в 1487 та напов земли и две лавки, сделанное Кучик бий углоном и другими лицами[513]. По сообщению весьма осведомленного жителя этого квартала — Накшбанд-хона Султанова (возможно, происходившего из потомков Шохи Ахси), Шохи Ахси умер в 1688 89 г. (1100 г. х.)[514]

199. Квартал Чу.ббоз چوپباز («Танцор на ходулях»), или Мирзоджони чуббоз میرزا جان چوپباز («Танцор на ходулях ло имени Мирзоджон»)[515].

Квартал состоял из 100 домов (Т, 1928 — 59 домов населенных и 18 пустовавших). Население было таджикоязычно. Занималось различными ремеслами: сапожным (кафшу мах сидузи), строительным, изготовлением сладостей, выпечкой мясных пирожков (самбусапази). Здесь жили банщики {хам бомчи), торговцы овощами (баккол) и обувью (кафшу мах сифруш).

В квартале имелись мечеть и мактаб, оба здания с плоским балочным перекрытием. Был также хауз[516].

200. Квартал Корхона كارخانه («Мастерская»).

По одним сообщениям, квартал состоял из 101 дома, по другим — из 150 домов (Т, 1929 — 105 домов). Население было таджикоязычное, но называло себя узбеками. По роду занятий большинство принадлежало к ремесленникам, среди которых было немало ткачей адраса. Некоторые из них имели

[512] О х у н (д) — высший духовный чин, лицо, которому поручались занятия в главном медресе

[513] ГА, ед. хр. 494.

[514] В действительности же он умер в 1601 г. («Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, Ташкент, 1955, стр. 331). Описание составлено по сообщениям жителя квартала Шохи Ахси, старика калгайсоза жителя квартала Олям-ходжа, Мулло Хотама, 60—65 лет, и др.

[515] Это вышедшее из употребления полное название квартала, по видимому, доносит до нас имя человека, когда то отстроившего кварталь ную мечеть.

[516] Сообщение группы стариков из квартала Тупхона.

сравнительно крупные мастерские, в которых работало до пяти наемных мастеров (халфа). Кроме ткачей, в квартале жили мастера по орнаментации способом батика и перевязки тонких шелковых платков (калгайсоз). Ткань для них изготовляли жившие в Бухаре евреи, или она привозилась из Ферганы — здесь их только орнаментировали. Были в этом квартале также мастера по изготовлению бумажных платков способом набойки (румолсоз) и сапожники, изготовлявшие сапоги на твердой подошве (муза).

В квартале имелись своя мечеть и мактаб. Святыней считалась могила «святого» Юсуфа Хамадони[517]. Над ней было небольшое строение, и ткачи приходили сюда на поклонение (зиёрат), принося с собой жертвенное кушанье (буй — лепешки, жаренные в масле). Общественных жертвоприношений (арвохи пир) ткачи здесь не совершали. Святыней считался и сам хауз: по поверью, под ним находится ткацкая мастерская (корхона) Юсуфа Хамадони. Считалось, что человек верующий и чистый сердцем, подойдя в пятницу к хаузу, мог услышать стук работающего станка и увидеть под желобом «святого», занятого работой. Это поверье было настолько живо, что при ремонте хауза, по рассказам, были приняты специальные меры, чтобы предохранить воображаемую мастерскую от просачивания в нее воды: стенки и дно хауза были покрыты водонепроницаемым раствором (кыр), который применялся при постройке местных бань и некоторых других сооружений.

Квартал Корхона упомянут в акте 1867 68 г., а хауз Корхона — в источнике XVI в., где говорится, что возле него построена мечеть[518].

На северо востоке к кварталу Корхона примыкало большое кладбище, известное под названием Ходжа Нуробод (Нуробод, букв. «созданный светом»), помещавшееся, по видимому, на месте какого нибудь древнего святилища. Оно упомянуто в «Книге Мулло зода», где говорится, что там похоронены многие святые, шейхи и духовные лица (уламо)[519]. В какой то период название кладбища служило и названием квартала: в вакуфной грамоте 1824 25 г. назван квартал Ну

[517] Ходжа Юсуф Хамадони был учителем Ходжи Абдухолика Гиждувани, основателя ордена ходжагон (см. «Собрание восточных рукописей», III, Ташкент, 1955, стр. 172). Умер в 1140 г. Оба суфийских «святых» считались покровителями отдельных отраслей ткацкого дела. Юсуф Хамадони считался патроном шелкоткачества (согласно рисоля ткацкого ремесла).

[518] ГА, ед. хр. 477. Сочинение Бадриддина ал-Кашмири «Равзат ар ризван ва хадикат ал-гилман» («Собрание восточных рукописей», I, 1952, стр. 67, шифр 2094). Список 1589 г. На этот источник указала Р. Г Мукминова, которой приношу благодарность.

[519] «Книга Мулло зода», стр. 66.

робод[520]. У бухарцев имелось поверье, что Ходжа Нуробод, Ходжа Сесарон и Ходжа Аспгардон[521] были братьями (ака ука). Примечательно, что это сложившееся, несомненно, в до вольно позднее время поверье связалось с древнейшими бу харскими кладбищами, оказавшимися внутри города в резуль тате его роста[522].

Невзирая на крайнюю тесноту внутри городских стен и дороговизну городских участков, обширная территория клад бища, находившегося в той части города, которая славилась хорошими климатическими условиями, не застраивалась. На кладбище среди множества могил имелось три больших мав золея (гурхона). Один из них, более старый, имел купольное перекрытие. Он был известен под названием мавзолея Комил бой (гурхонайи Комил бой); второй, построенный лет 60—70 назад,— под названием мавзолея Очильди бой. Приставка «бой» (богач) показывает, что это были богачи; откупив оп ределенный участок кладбища, они, возможно, при жизни воздвигли семейную усыпальницу, в которой и были похо ронены.

Джариб двенадцатый. Калобод

Джариб Калобод занимал северо восточную часть города, располагаясь между Самаркандскими и Каршинскими (Ка воля) воротами. На этом отрезке городской стены помеща лись и ворота Мазарские. Эта часть территории Бухары до постройки последней городской стены, вероятно, находилась вне города, была сельской местностью. Кварталы, особенно лежавшие около стены, больше, чем другие части города, со храняли полусельский облик. Здесь располагалась большая часть садов, которых в Бухаре было очень мало, и даже паш ни и огороды.

На плане из архива Лер.ха северо восточное махалла на звано Козиён (казии, судьи). Возможно, это связано с тем, что в этом «микрорайоне» находились два квартала, в со ставе названия которых значатся казии. Но если этот джариб и имел такое название, то как просторечное, неофициальное. В источниках для него мы встречаем другое название, старое и хорошо известное в Бухаре — Калобод. Оно встречается в источнике XV в. «Книге Муллo-зода» и в одной очень ста

[520] Собрание актов ИВ АН УзССР, ед. хр. 47/61. Сообщения старо жилов этой части города.

[521] Кладбище Ходжа Сесарон помещалось около Самаркандских во рот (см. описание квартала Искандар хон, № 191); кладбище Ходжа Асп гардон, или Ходжа Чоршанби,— на востоке от Хыёбона, в квартале Ход жа Аспгардон (№ 113).

[522] См. об этом: В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары, стр. 41; также: О. А. С у х а р е в а, К истории городов..., стр. 42—44.

рой, сохранившейся в копии вакуфпой грамоте в пользу на ходившегося в махалла Калобод медресе Арслан хаиа, на месте которого, видимо, в XVI в. было выстроено джуйбар ским шейхом Ходжа Саъдом другое медресе, получившее название медресе Калобод[523]. Эта часть города выделялась в сознании бухарцев, ее жители назывались «калабадцами», это выделение проявлялось в обычае традиционного соперни чества между жителями разных частей города[524], причем од ной из сторон были «калабадцы».

В этот джариб входило 20 кварталов: Мехчагарон, Кало бод, Зомуча, Мухаммади Пастак, Кокилайи хурд (или Ко килача), Ой бинок, Ходжа Порсо, Фатхулло кушбеги (или Саид-Камол), Абдулло кучкор, Саадакон, Песхона, Диль-кушойи дарун, Ходжа Таббанд, Куча бог, Джафар-ходжа, Мехтар Анбар, Имом Кози хон, Каро Камол, Мир Тахури де вон, Кози Нуриддин.

201. Квартал Мехчагарон میخچه گران («Гвоздари»).

Квартал состоял из 40 домов (Т, 1929—32 дома). Насе ление было таджикоязычное. Занятия жителей были разно образны: здесь жили один медник, несколько ткачей адраса, мастер по изготовлению сладостей, который тут же, в доме, продавал свои изделия. Часть жителей занималась торгов лей: продажей обуви, фабричных тканей, пряностей, уксуса.

В названии квартала отражена, по видимому, старая спе циализация его жителей. На памяти современного населения выработки гвоздей в Бухаре не было, гвозди завозили из России.

В квартале имелась мечеть. Святынями считались могила Ходжа Хофизи Бухори, расположенная у самой дороги, и могила Ходжа Туроб, которая помещалась в одном из дво риков квартала[525].

202. Квартал Калобод کلاباد («Построенный плеши выми»).

Название квартала происходит от городских ворот Кало бод, к которым вела дорога, пролегавшая через этот квар тал Это название ворот известно по источникам X—XV вв.[526]

[523] См.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 54—55.
[524] См.: О. А. Сухарева, Традиционное соперничество..., стр. 124.
[525] Сообщения жителя квартала Ходжа калон, 60 лет, и др.
[526] См.: В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия,— Сочинения, т. I, стр. 153; И. Умняков К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары,— «Сб. Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 153; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 53—55.

Медресе квартала Калобод

Квартал состоял из 50—60 домов (Т, 1930 — 40 домов).. Население было таджикоязычное, но считало себя узбеками. Занятия жителей квартала были разные. Одна семья зани малась, например, изготовлением набивных бумажных куша ков (фута). В квартале имелась мечеть и два медресе. Боль шое медресе Калобод было выстроено вторым из известных джуйбарских ходжей — Ходжа Саъдом, известным как Ход жа Калон (1530—1582) [527]. Это указано, в частности, в ва куфной грамоте 1608 09 г., где Ходжа Саъд Ходжа Калон наз ван строителем и завещателем вакфа этого медресе [528]. По рас сказам, медресе состояло из большого зала для занятий (дар схона) и 100 келий для учащихся. Это было одно из немногих медресе, где лекции читались до самой революции. Мударрисы этого медресе принадлежали к разряду «банораспуш» — «носивших халаты из банораса» (полушелковая ткань). В противоречии со сравнительно поздним происхождением этого медресе жители Бухары считали его самым древним в городе. По одной легенде, оно было построено сверхъесте ственными силами за одну ночь. Легенда рассказывает, что,.

[527] О ходже Са'де см.: П. П. И в а н о в, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954, стр. 55—68.
[528] ГА, ед. хр. 115.

когда Тимур воевал с кокандским царем и потерпел было поражение, его выручил отряд плешивых (каль), они проявили необыкновенное мужество и стойкость и прогнали врага. Тимур спросил их, что они хотят получить в награду. Они выразили желание, чтобы для них было выстроено медресе, которое и получило поэтому название Калобод[529]. По другой легенде, Тимур воевал с ферганским царем, споря за престол. В Фергане были найдены какие то загадочные письмена, которые никто не мог прочесть. У Тимура был ученый — Ходжа Исхок Калободи, знавший все языки мира. Тимур послал его в Фергану; когда тот прочел письмена, они оказались греческими (юнони), и в них содержалось указание, что престол должен принадлежать Тимуру. Разгневанный этим толкованием ферганский царь приказал убить ходжу. Его труп привезли в Бухару, там похоронили, а над его прахом воздвигли медресе Калобод. Эта легенда находится в противоречии с хорошо известными бухарцам фактами: в действительности могила Абу Бакра Исхока Калободи находилась за Мазарскими воротами и почиталась как мазар[530]. Видимо, расположение мазара около ворот было причиной того, что «святой» почитался как хранитель Бухары и носил прозвище «дарбони Бухоро».

Квартал Калобод упоминается во многих письменных источниках. О нем говорится в недатированной грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада, несомненно являвшейся копией более старого документа. В ней говорится о медресе Арслан хана, находящемся в квартале Калобод[531]. Это медресе, как известно, не сохранилось. Вторым медресе квартала Калобод было медресе Мирзо Фузайль, где жили учащиеся других медресе. Лекции здесь не читались.

203. Квартал Зомуча (Ходжа Зомуча) زاموچه (خواجه) («Дыня», здесь: название мазара).

Квартал состоял из 30 домов (Т, 1930—36 домов). Население было таджикоязычное. Занятия не выяснены. Имелась мечеть. Несмотря на маленькие размеры квартала, в нем находилось три медресе. Одно, самое старое, носило имя строителя — Домулло Шер. Оно упомянуто в вакуфной грамоте 1819-20 г.[532]. Второе было известно под названием Мад

[529] В этой версии легенды, несомненно, следует видеть отражение мотивов, свойственных таджикскому фольклору; в народных сказках «плешивые» (каль) выступают ловкими и умными, лишь прикрывающимися невзрачной внешностью.

[530] Об Абу Бакре Исхоке Калободи см.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, стр. 142.

[531] ГА, ед. хр. 55.

[532] ГА, ед. хр. 51.

расайи Хурджин — «Медресе — переметная сума», которое было дано ему за особенности его архитектуры: оно делилось на две равные части, к которым вели две двери из входного купольного помещения (миёнсарой). Это медресе упоминается в грамоте 1864 65 г. под названием «медресе Саид Аминбой, известное как Хурджин»[533]. Третье медресе, Мулло Султон, было вовсе маленькое, состояло всего из двух келий. Его построил лет за 10 до революции мулла, уроженец Ташкента, по имени Мулло Султон[534]

В квартале находился мазар — могила, возможно мнимая, «святого» Ходжа Зомуча, помещавшаяся внутри одного из домовладений.

204. Квартал Мухаммади Пастак محمد بستک («Мухаммед коротышка»).

Квартал был очень маленький. Количество домов не установлено. Население было таджикоязычное, занималось преимущественно торговлей.

Несмотря на незначительные размеры, квартал имел свою мечеть[535].

205. Квартал Кокилайи хурд کاکلهٔ خرد или Кокилача کاکلهٔ جه («Маленькое Кокила»)[536].

Количество домов в квартале точно не установлено, сообщения информаторов сильно расходятся: по одним сведениям он состоял из 20, по другим — из 59 домов. Население было таджикоязычное, занималось выработкой шелковых тканей, сапожным ремеслом (кафшдузи, махсидузи) и гончарным (сафолгари). Гончары здесь только проживали; их обжигательные печи и мастерские находились вне стен города, за воротами Саллаххона, в кишлаке Сепилон. Кроме ремесленников в квартале жили мелкие торговцы.

Квартальная мечеть была большая, каркасная. Своей школы не было, дети учились в соседних кварталах.

Квартал Кокилайи хурд упомянут в вакуфных грамотах 1791 92 и 1881-82 гг.[537].

206. Квартал Ой бинок آی بیناق (ВИДИМО, женское имя, возможно, от Ой биби инок, или Ой бий инок).

Квартал состоял из 35 домов (Т, 1928 — 30 домов). Население называло себя узбеками, хотя и было таджикоязыч

[533] ГА, ед. хр. 32.
[534] Сообщение жителя квартала **Калобод,** 60 лет.
[535] Сообщение Ахьёра Ахророва, 60 лет, из квартала Дегрези.
[536] О слове «кокила» см. квартал Кокилайи калон (№ 5).
[537] ГА, ед. хр. 448, 309. Сообщения жителя квартала Ходжа Булгор — Кодира Атоева и лр.

ное. Жители занимались главным образом торговлей (продажей чая и готовой одежды). Было здесь также немало мулл я мелких служащих эмирских учреждений, принадлежавших к служилому сословию (сипо).

В квартале была старинная купольная мечеть и школа, представлявшая собой простую каркасную постройку. Име лось два медресе — большое медресе Иброхим охунд и мед ресе Мухаммад Наби, которое было основано жителем этого квартала, происходившим из Денау, богатым землевладель цем (дехкон) и торговцем паласами, которые он привозил из Карши. Поссорившись со своими сыновьями, он завещал превратить после его смерти в медресе его собственный дом и оформил его как вакф. Помирившись с сыновьями, он по жалел об этом и хотел изменить свое реЩение, однако вслед ствие того что по закону имущество, превращенное в вакф, не может снова стать чьей нибудь собственностью, его хло поты по этому делу остались безуспешными, и дом превра тился в медресе — общежитие для учащихся. В память этой истории медресе получило в народе ироническое название Мадрасайи пушаймон — «Медресе раскаяния», или Мадра сайи истезо — «Медресе досады». В одном из двориков квар тала находилась святыня — почитаемая безымянная могила (возможно, мнимая). Шеста с хвостом яка над ней не было, она была отмечена лишь небольшим алтариком (чирогхона), где иногда возжигались светильники.

Квартал Ой бинок в форме Ой-бибй-инок упомянут в ва куфной грамоте 1858 59 г.[538]. Теперь это имя понимается ис ходя из значения слова «бинок», означающего нить, которая получается при прядении на прялке шерсти или хлопка, свер нутых валиком. Это толкование вызвало появление легенды, объясняющей название квартала: Ой бинок толкуется как прозвище бедной женщины, которая отстроила квартальную мечеть на деньги, вырученные ею от продажи шерстяных пор тянок. Шерсть для пряжи, из которой она ткала портянки, она якобы по клочку собирала в степи, где паслись овцы[539]. Легенда эта, несомненно очень позднего происхождения, яв ляется интересным примером осмысления и переосмысления ставших непонятными топонимов и связанного с этим про цесса мифотворчества.

207. Квартал Ходжа Порсо خواجه پارسا (имя су фийского шейха).

Квартал состоял из 50 домов (Т, 1928 — 58 домов). На селение было таджикоязычное Занятием большинства была

[538] ГА, ед. хр. 93.

[539] Сообщения жителей соседних кварталов, главным образом квар тала Калобод.

торговля. Жили в квартале и «дехкане» — землевладельцы, существовавшие на доходы с земли. Было немало мулл. Мечеть была простая, с балочным перекрытием. Имелся мактаб. В этом квартале находилось очень старое медресе Ходжа Порсо. Ходжа Порсо был известным бухарским суфием, учеником Ходжа Баховаддина Накшбанда, автором суфийских трудов[540]. Умер в 1419 г. Это медресе, давшее имя кварталу, упомянуто в грамоте 1407 08 г.[541], составленной при жизни. Ходжа Порсо и, возможно, относящейся ко времени постройки медресе. Второе пожертвование вакфа в пользу этого; медресе оформлено вакуфной грамотой 1781 82 г.[543]. Могила Ходжа Порсо тоже была в этом квартале, она находилась внутри медресе. У могилы стоял шест с хвостом яка и каменный алтарик (чирогхона) для возжжения светильников. Пожилые бухарцы передавали соответствующее фактам предание, согласно которому Ходжа Порсо был мюридом и преемником Ходжа Баховаддина в ордене Накшбандия. В годовые праздники внутри медресе происходили женские гулянья (сайли зано), на которые женщины приходили под предлогом поклонения святыне, принося с собой ритуальное поминальное блюдо — жаренные в масле лепешки (буй — запах; подразумевается запах масла при жарении, достигающий духов умерших и служащий им пищей)[543].

208. Квартал Фатхулло-кушбеги

(имя сановника, при последних эмирах занимавшего положение везира), или Саид-Камол سید کمال (имя собственное).

Население квартала состояло из 60 семей. Оно было таджикоязычное, но называло себя узбеками. Занятием большинства была торговля: здесь жили мясники, продавцы фабричных тканей и всевозможные мелкие торговцы (дукондор),. имевшие лавочки. Кроме того, здесь жили землевладельцы, которые существовали на доходы со своих земель, находившихся в окрестных кишлаках и обрабатывавшихся издольщиками (чайрикерами). Некоторые из этих «дехкан» на лето выезжали на свои земли с семьями, однако немало было таких, которые наведывались туда только для контроля за состоянием посевов и для раздела урожая.

В квартале находился большой эмирский дом (хавлийи пошоги), где никто не жил. Дом стоял в полном убранстве,

[540] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», г. III, № 2394. 2420 и др.

[541] ГА, ед. хр. 55.

[542] ГА, ед. хр. 457.

[543] Сообщения жительницы этого квартала, 30 лет, из актива домоуправления, и жителей кварталов Ходжа-Калон и Мир-Иброхим

за ним наблюдали специально назначенные люди, однако по стоянной стражи там не было. Время от времени туда на езжал эмир. Иногда в этом доме помещали знатных «гостей», приезжавших откуда нибудь для представления эмиру.

Мечеть была старинная, купольная. Рядом с ней находи лось небольшое медресе Ходжа Хасан и хауз, известный под названием хауза Мулло хон или Хаузи Ходжа Хасан. При мечети были помещения для омовений (тахоратхона и гусл хона), в которых в зимнее время согревалась по утрам вода для всех жителей, нуждающихся по требованию религии в полном омовении. Большое двухэтажное медресе Фатхулло кушбеги с высокой входной аркой (пешток) включало в себя большой зал для занятий (дарсхона) и 100 келий, распола гавшихся в каждом этаже двумя рядами: один ряд выходил во двор, другой — на улицу (по существующему выражению, оно было «двухсторонним» — «дуруя»). Несмотря на его вели чественные размеры и наличие дарсхоны, в этом медресе лекции давно не читались, там жили учащиеся других медре се Бухары. В 1935 г. оно было снесено за ветхостью. Медресе Фатхулло кушбеги упомянуто в нескольких вакуфных грамо тах, самая ранняя из которых относится к 1585-86 г. В другой грамоте, 1595 96 г., названо и имя отца Фатхулло-кушбеги — Амир Асадулло[544]. В этих грамотах квартал, где находилось медресе Фатхулло кушбеги, назван кварталом Масъуд бек مسعود بک کوی. Это старое название может восходить к име ни Масъуд бека, сына известного сановника, управлявшего Мавераннахром при хане Угэдэе (XIII в.)[545]. Если это так, то нахождение квартала, носящего его имя, на восточной окраине города может служить указанием, что эта террито рия в XIII в. входила в черту города.

Название квартяла Фатхулло кушбеги к началу XX в. оказалось, в свою очередь, вытесненным названием Саид Камол, по медресе, построенному, вероятно, в XIX в. В его пользу была составлена вакуфная грамота 1873 74 г. В ней указано, что отцом Саид Камоля (несомненно, строителя мед ресе) был Абдурасул корвонбоши, т. е. глава крупных бухар ских купцов-оптовиков[546].

Из общественных зданий в этом квартале находилось прибежище для нищих (гадойхона). Это был довольно боль шой дом. В нем жили бездомные бедняки, получавшие «от казны» и питание (вероятно, за счет какого нибудь вакфа):

[544] ГА, ед. хр. 29 и 13. Первая грамота доказывает, что датировка медресе Фатхулло кушбеги В. А. Шишкиным (1595 96 г.), возможно, за поздала на одно десятилетие (В. А. Шишкин, Архитектурные памят ники Бухары, стр. 64).

[545] О них см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 545 и др.

[546] ГА, ед. хр. 97.

через особого управляющего (девоноеги) им выдавались продукты и дрова. Пищу готовили сами обитатели прибежи ща. Трапезы были общими. Это прибежище было основано, по словам информаторов, давнс — «еще до Ахад-хана»[547].

Квартал Фатхулло кушбеги упомянут также в поздней грамоте 1924 25 г., в которой указано, что здесь находится рынок Ходжа (Бозори Ходжа)[548].

209. Квартал Аб дул л о ку ч кор عبدالله قوچقار (Аб дулло — имя собственное, кучкор — «баран самец», здесь, ве роятно, прозвище)[549].

Квартал состоял из 41 дома (Т, 1929 — 40 домов). Насе ление было таджикоязычно. Большинство жителей занима лось торговлей; жило здесь также много мулл и учащихся медресе (муллобача).

Квартальная мечеть была кирпичной, с плоским перекры тием. Во дворике мечети находилась могила, которая счи талась мазаром, на ней был поднят туг. Кто похоронен в этой могиле — неизвестно. Название Аб дул л о-кучкор население к этой могиле не относит. В квартале имелся мактаб[550].

210. Квартал Саадакон سعدکان («Счастливчики» — вероятно, родовое имя).

Квартал состоял из 41 дома (Т, 1928 — 47 домов). Насе ление было таджикоязычное. Занятия не выяснены. Имелась своя мечеть[551]. Квартал Саадакон упоминается в вакуфной грамоте 1900 01 г., причем указывается, что это то же, что Нахсакон. В другой грамоте, недатированной, вероятно более ранней, упомянуто только название квартала Нахсакон[552] (возможно, оно имеет значение «несчастные» — уменьшитель ная форма от арабского «нахс» — «несчастье, притеснение»).

211. Квартал Песхона پیس خانه («Лепрозорий»).

Квартал представлял собой лепрозорий для прокаженных, он считался не гузаром, а махалла («слобода», «местечко»). Б старину всякого бухарца, на которого падало подозрение в том, что он заболел проказой, помещали сюда, и он оста вался здесь до самой смерти. Квартал Песхона находился на северо восточной окраине города, с севера и востока примыкая

[547] Сообщение старожила этого квартала, 65 лет.
[548] ГА, ед. хр. 455.
[549] Слово «кучкор» служило также мужским именем, его давали маль чикам в семьях, где дети не выживали.
[550] Сообщение пожилой жительницы этого квартала.
[551] Сообщение старожила квартала Калобод
[552] ГА, ед. хр. 552 и 551.

к полосе садов и посевов, а на западе — к кладбищу Нуробод. Несомненно, лепрозорий образовался вне города и вошел в него при постройке городских стен в XVI в. Ко времени революции в квартале насчитывалось 120 домов (**Т, 1930** — когда слобода переименована в Озодон («Свободные»), в ней было 60 домов). Многие жители родились и выросли здесь, **нередко оставаясь до самой** смерти совершенно здоровыми.

Население было таджикоязычно, хотя считало себя узбеками (и даже свой таджикский язык — узбекским). Большинство, особенно действительно больные проказой, занималось нищенством: заходя и в центр города, они выпрашивали у прохожих подаяние. Если следы проказы были видны на лице, его прикрывали какой нибудь тряпкой. В слободе жили и ремесленники разных специальностей. Так как жители квартала жили в изоляции от остального населения города, они должны были во многих отношениях обслуживать себя сами. Среди них были сапожники, пекари, мясники и т. д. Все жители квартала были прихожанами находившейся здесь мечети, имамом и муэззином которой также были жители этой слободы. При мечети имелся и мактаб.

Святыней считался находящийся на Нурабадском кладбище мазар Ходжа Нуробод. К нему приводили детей, так как считалось, что этот мазар излечивает от коклюша[553].

212. Квартал Дилькушойи дарун (Дилькушо внутренний»[554], дилькушо — «радующий сердце»).

Название квартала объясняется наиболее благоприятными в климатическом отношении условиями этого района: сравнительное изобилие воды, садов и посевных земель делало эту часть города наиболее прохладной и наименее пыльной. Здесь имели сады и дома богачи и представители аристократии, которые жили в них в самые жаркие летние месяцы. Особенно стремились в этот район люди пришлые, непривычные к условиям жизни в Бухаре, например некоторые чиновники, происходившие из горного Таджикистана («аз Кулоб»).

Из этого квартала происходил известный поэт, ученый и художник XIX в. Ахмади Дониш (бухарцы больше знают его под прозвищем Ахмади Калля, данным ему за его большего ловость).

---

[553] Сообщение старожила квартала, лет 70—75, который при проверке, произведенной после революции врачами, оказался здоровым.

[554] «Внутренний», т. е. находящийся внутри городских стен, в отличие от кишлака Дилькушойи берун («внешний, т. е. «загородный»). Квартал образовался из той части селения, которая при перестройке стены в XVI в. оказалась включенной в чер **ороа**

Квартал состоял из 70 домов (Т, 1930 — 43 дома). Его жители были таджикоязычные, занимались главным образом ремеслами. Больше всего было сапожников, которые шили ичиги и кожаные калоши. Семь семейств изготовляло садо вые палатки (чодир, шомъёна, таммук) [555]. На них был спрос: палатки покупались богатыми и знатными людьми и уста навливались при выезде на общественные гулянья (сайль) или у себя в саду при приеме гостей в летнее время. По рас сказам, предки мастеров (чодирдуз) были форсами, однако их потомки совершенно ассимилировались с остальным насе лением квартала и ничем от него не отличались.

В квартале имелись мечеть, около которой был хауз, и мактаб. Лет за 10 до революции одна пожилая жительница квартала на свои средства построила маленькое медресе, ко торое носило ее имя, теперь уже забытое.

Квартал Дилькушойи дарун упомянут в вакуфной гра моте 1872 73 г. [556].

213. Квартал Ходжа Таббанд خواجه تبند (в просто речии Таббат — «Излечивающий (букв. „связывающий") ли хорадку»).

Квартал состоял из 35 домов (Т, 1930 — 24 дома). Насе ление было таджикоязычно, но называло себя узбеками, от нося термин «таджик» к форсам. Жители квартала занима лись починкой и чернением старой обуви (сиёкори) и ее продажей [557]. Другая часть жителей жила на доходы с земли, считаясь «дехканами». В квартале был дом богача Хаджи Яхъе-боя, ведшего крупную торговлю каракулевыми шкурка ми, а также казенный дом, в котором проживал раис [558] и находилась его канцелярия (раисхона).

Мечеть была с балочным перекрытием, с потолком старин ного типа из выструганных валиками дощечек (тахта маича). В квартале имелся мактаб, а также тахоратхона. Святыней считалась могила — мазар Ходжа Таббанд, которому припи сывалось свойство излечивать лихорадку. Его посещали мно гочисленные паломники, так как в Бухаре было много боль ных малярией. Выполнив обряд поклонения (зиёрат) и дав имаму или суфи мечети принесенные с собой деньги и жерт венное кушанье, они брали немного земли с могилы «святого»

[555] Этим ремеслом занимались также в квартале Кукалтош (см. № 131).

[556] ГА, ед. *хр.* 282. Описание составлено по сообщению жителя этого квартала, ок. 1905 года рожд.

[557] Этим ремеслом занималось также население квартала Сиёкорон, получившего от него название (см. № 145).

[558] Раис — чиновник, наблюдавший за выполнением предписаний ша риата и наказывавший за несоблюдение их (см.: А. А. Семенов. Очерк устройства..., стр. 44—47).

и воды из находившегося неподалеку колодца. Землю заши вали в ладанку и носили на шее, водой умывались и ее пили.

Квартал Таббанд упомянут в вакуфных грамотах 1615 и 1827/28 гг.[559].

214. Квартал Куча бог باغ كوچه («Садовая улица»).

Название квартала соответствовало его действительному облику: он был расположен в той части города, где находился основной массив садов, огородов и пашен. Квартал состоял из 48 домов (Т, 1930 — 38 домов). Население было таджико язычное, но считало себя узбеками. Занятием большинства было шитье мягких сапожков (махси); некоторые шили рас шитые золотом сапожки (хосаги) для эмирского двора. Кро ме сапожников в квартале жили кузнецы подковочники, мяс ники и плотники. Мечеть являлась одновременно и медресе, она была известна под названиями Куча бог и Эшони Кука ни («кокандского ишана»), так как была построена лет 60 назад ишаном, приехавшим из Коканда и обосновавшимся в Бухаре. Мечеть служила для совершения как ежедневных, так и пятничных намазов; здесь совершались и религиозные радения, почему эта мечеть называлась хонако. При мечети была фамильная усыпальница (гурхона) потомков этого ишана, также занимавшихся ишанской деятельностью. Их родоначальник умер в конце XIX в.

Сведения о других общественных зданиях не имеются. Квартал Куча бог назван в вакуфной грамоте 1911 г.[560].

215. Квартал Джафар-ходжа خواجه جعفر (имя собственное).

По сообщениям, раньше этот квартал составлял одно це лое с соседним кварталом Каро Камол и имел одну общую с ним мечеть. Лет 60 назад кварталы разделились, о чем ста рожилы квартала хорошо помнят по рассказам своих отцов. Разделение произошло, когда восточная часть квартала, где образовался квартал Каро Камол, очень разрослась. Пово дом к разделу послужила какая то ссора между населением обеих частей квартала.

Квартал Джафар ходжа состоял из 104 домов (Т, 1929 — 65 домов). Его население резко делилось на две части. Старо жилы, таджикоязычные бухарцы, занимались торговлей и ремеслами: здесь были строители, плотники, цирюльники и другие. Лицо квартала определяли главным образом те, кто

[559] ГА, ед. хр. 7, 290. Сообщения двух жителей этого квартала, 40 лет. и жителя квартала Калобод, 70 лет.

[560] Собрание актов ИВ АН УзССР. ед. хр. 47/292. Сообщения груп пы старожилов кварталов Джафар ходжа, Каро Камол и Дильхушой дарун.

был связан с деятельностью медресе Джафар ходжа: много численные муллы и учащиеся медресе (муллобача), среди которых было очень много пришлого народа, съехавшегося сюда с различных концов Средней Азии.

Медресе Джафар ходжа не отличалось пышностью архитектуры и состояло из 50 худжр простой, каркасной постройки. Однако ему были завещаны обширные вакуфные земли, простиравшиеся от Бухары до Чарджоу и дававшие громадные доходы. Это привлекало сюда и учащихся и преподавателей. По сообщениям, в этом медресе числилось до сорока мударрисов, в то время как в других крупных медресе Бухары их было не больше двух трех. Так как кельи приносили своим владельцам ежегодно немалый доход, многие из них перешли в руки людей, не имевших к медресе никакого отношения. Вопреки категорическому запрету шариата в отношении присвоения вакуфного имущества кельи превратились в предмет купли продажи, перешли во владение баев, которые сдавали их в наем или предоставляли учащимся медресе безвозмездно, в порядке «богоугодного дела» (савоб), получая в свою пользу падающий на каждую келью ежегодный доход с вакуфных земель (вакфона, в просторечии — вахмона).

Квартал Джафар ходжа упомянут в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью Шах Мурада,— следовательно, она может быть копией более ранней грамоты. Но бухарцы считают, что ишан Джафар ходжа, давший медресе и кварталу имя, жил не так давно: в квартале еще растет посаженное якобы им дерево, второе такое дерево было срублено совсем недавно. В 40-х годах здесь жил семидесятилетний правнук ишана Джафар ходжи, исполнявший должность мираба (мири об). Ишан Джафар ходжа вышел, как говорят, из числа чарджоуских муллобачей, приезжавших для обучения в Бухару. Судя по форме имени, в котором титул стоит позади, можно думать, что ишан был тюркоязычен. Постепенно выдвинувшись на духовном поприще, он превратился в крупного суфийского духовника и прославился своей «святостью». После смерти он был похоронен здесь же, в квартале, его могила превратилась в почитаемый мазар. Время жизни ишана Джафар ходжи могло относиться к началу XVIII или даже к XVII в., так как вакуфная грамота, в которой мы находим его имя, заверена печатью Шах-Мурада — следовательно, была составлена раньше[561]. Второе медресе этого квартала — медресе Эшони Устоз, возле которого тоже находилась могила основателя медресе, считавшаяся мазаром. Этот мазар относился к двум кварталам — Джафар-ходжа и Каро Камол. Время жизни этого ишана (его имя оста

[561] ГА, ед. хр. 49.

лось неизвестным, было забыто) могло падать на конец XVIII — начало XIX в., так как его внук умер в очень преклонном возрасте в 20 х годах нашего столетия. Он также был ишаном, и, обращаясь к нему, его называли «эшони тура».

Характер святыни имел находившийся в этом квартале мавзолей над могилой Шах Мурада, который в Бухаре больше известен под своим эпитетом «Джаннат макони» («тот, кому уготовано место в раю»).

На территории квартала было также небольшое семейное кладбище. Оно было устроено в самом начале XX в. для себя и своей семьи ишаном Хайрулло[562]. Старики еще помнили этого человека, он был уроженцем и жителем Бухары.

В некоторых сообщениях юго западная часть квартала выступала как самостоятельный квартал, но официального выделения не произошло.

Квартальная мечеть имела балочное перекрытие, так же как и мактаб. В квартале был хауз, известный под названием Хаузи Гунгак — «Хауз Немого»; название, вероятно, было дано по прозвищу его устроителя[563].

216. Квартал Мехтар Анбар مهتر عنبر (имя сановника в должности мехтара)[564].

Квартал состоял из 95 домов (Т, 1929 — 89 домов). Население было таджикоязычное, но называло себя «бухарскими узбеками» («узбакóйи Бухоро»). По роду занятий большинство принадлежало к торговцам. Здесь было много москательщиков (аттор), некоторые из них были крупными, ездившими за товарами в «крепость», т. е. Оренбург. Население одного из переулков этого квартала специализировалось на торговле рисом. Часть занималась торговлей одеждой (джомафруши), другие — индийской кисеей. Один из жителей квартала имел при доме маслобойку (джувоз) для выработки растительного масла, другой — мельницу (харос), приводимую в движение лошадью.

Мечеть была каркасная, мактаб помещался в старинном купольном здании. Позже купол обвалился, был произведен ремонт и сделано балочное перекрытие. В квартале имелось медресе, известное под названием медресе Аттор (в эксплика ции к плану Парфенова — Фенина — Ходжа Шарифи аттор).

[562] Устройство семейных кладбищ было в Бухаре обычным. Нередко богачи приобретали домовладение, сносили постройки и обращали эту площадь в свое кладбище — для этого никакого разрешения не требовалось.

[563] Сообщения группы старожилов кварталов Джафар ходжа и Каро Камол.

[564] О термине «мехтар» см. в описании квартала Мехтар Шафек (№ 15).

По воспоминаниям жителей квартала, оно было построено в 70 х годах прошлого века. На перекрестке помещался кры тый базар (собот), где находилось 10—12 мелочных лавок (бакколи)[565].

217. Квартал Имом Козн хон امام قاضی خان (имя имама).

Квартал был большой, в него входило, по приблизитель ному подсчету, 100 домов. Население было таджикоязычное. В большинстве здесь жил трудовой люд: мастера по пошивке овчинных шуб (5 семей), водоносы (около 10 семей), вязчи ки вьюков, работавшие в складах каракуля, подметальщики, сторожа и пр. Жили здесь также муллы, торговцы; из числа последних — оптовый торговец каракулем Сайфулло бой.

В квартале имелась мечеть и несколько мазаров. Главным из них была гробница Имом Козн хона. Этот мазар упоми нается в «Книге Мулло-зода», где приводится полное имя «святого» {Имам Хасан бен Мансур бен Махмуд бен Абду лазиз Маргилани} и сообщается, что Козн хон был в Бухаре судьей и написал несколько книг[566]. В Бухаре о нем ходила следующая легенда. Когда Хулагу хан [567] подошел со своими войсками к Бухаре, он объявил, что уничтожит весь город, если ему не ответят правильно на вопрос, кто привел его на головы бухарцев (мана да сари шумо ки овард). Бухарцы попроси ли сорок дней на размышление, однако не могли придумать ничего удовлетворительного. Наконец нашелся в одном мак табе мальчик, который взялся ответить Хулагу хану. Так как срок истекал и более почтенного ответчика не находили, то решили послать к Хулагу хану этого мальчика. Мальчик попросил, чтобы ему привели верблюда и большого белого козла, а его самого отправили бы к Хулагу хану в паланкине (маофа). Когда Хулагу хан увидел перед собой мальчика, он рассердился и сказал: «Неужели у них не нашлось никого побольше, неужели нет у них белобородых стариков, что они прислали ко мне ребенка?» Мальчик ответил: «Если вам надо кого нибудь большого ростом, то вот верблюд. Если вам надо белобородого — вот козел. Если вам нужен ответ, то от вечу я. Кто привел вас на наши головы? Вас привели наши плохие поступки (эъмо́ли бадамо овард)». Хулагу хан уди вился мудрости мальчика и сказал: «Много стран я прошел

[565] Сообщения старожила этого квартала, 62 лет, в прошлом водоно са, и жителя квартала Кокпайи калон — Бакирова, ок. 40 лет, препода вателя Бухарского пединститута.

[566] «Книга Мулло зода», стр. 55.

[567] Имя Хулагу хана (Халоку) народная этимология производит от слова «халок» («гибель»), считая, что оно было дано ему за то, что он всех губил (халок мекард).

и где ни задавал этот вопрос, никто не мог правильно ответить, а ты нашел хороший ответ, на который ничего нельзя возразить. Проси чего ни пожелаешь». Мальчик попросил дать ему столько земли, сколько займет верблюжья шкура. Велев зарезать верблюда и разделить его шкуру на тоненькие, как волос, ремешки, мальчик окружил ими город. Так он получил от Хулагу хана Бухару. Там, где лежали ремешки, он приказал построить стену. Стену стали строить, а он в это время был в отсутствии. По недогадливости строители брали глину для стены со стороны города, и потому город оказался в низине, а снаружи не получилось рва. Когда мальчик вернулся, то очень досадовал на себя, что не указал, откуда надо брать землю: «Если бы вы брали землю снаружи, получилась бы неприступная крепость». Этот мальчик достиг святости и прославился под именем Имом Кози-хон[568]. Его мазар считался помогающим при заболевании риштой[569]. Мазар Имом Кози-хон пользовался большим почитанием, мимо него никогда не проезжали верхом, а, приблизясь к мазару, спешивались и вели верховое животное на поводу.

Второй святыней квартала была могила «святого» Ахли намадпуш — «Человека, одетого в войлок». По преданию, этот святой был «как каландар», носил одежду из войлока. Ему приписывалось следующее чудо: начало намаза (суннат) он читал в Бухаре, а окончание (фарз) дочитывал в Мекке, переносясь туда чудесным образом. В «Книге Мулло зода» этот «святой» упомянут как шейх Хасан Намадпуш и приведено его полное имя; годом смерти этого лица указан 1115-16-й[570]. Мазар представлял собой маленькую каркасную постройку, внутри которой находилось надгробие (дакма), а снаружи рос старый тутовник, которому могло быть лет двести. На этот мазар по годовым праздникам сходились женщины, принося жертвенное кушанье (жаренные в масле лепешки — буй). Третий мазар этого квартала, известный как мазар Хаджи пиёда («пеший хадж»), вероятно, идентичен с упомянутым в «Книге Мулло зода» мазаром шейха Али Бухори, подвиг которого заключался в том, что он совершил хадж в Мекку 18 раз[571]. В легенде, которая была распространена среди жителей квартала Имом Кози хон, этот рассказ своеобразно пре

[568] Эту легенду пересказывает А. Борис («Путешествие в Бухару», М., 1848, стр. 429).

[569] Риштa — паразит (гвинейский червь) в виде длинного червя, зародыши которого, проникая в тело человека с питьевой водой, развивались внутри мускулов, производя сильные боли и язвы. От этого заболевания сильно страдали бухарцы — немногие из старшего поколения не болели этой болезнью. Она была искоренена лишь в советское время.

[570] «Книга Мулло зода», стр. 47.

[571] Там же.

ломился: «святой» совершает хадж в особо трудных условиях: он несет на спине парализованную мать[574].

218. Квартал Каро Камол قرا كمال (имя собственное), или Джуйи чаппа جوی چپه («Канал с обращенной вспять водой»).

Раньше составлял одно целое с кварталом Джафар ходжа. По некоторым сообщениям, название Каро Камол прилагалось к западной части квартала, а восточная, сделавшаяся самостоятельным кварталом, называлась Джуйи чаппа. Однако отделения, по видимому, не произошло, хотя различия между западной и восточной частями квартала имелись.

По преданию, на территории квартала раньше находились солончаковые болота (куль). Лет 100 назад, когда город разросся и места не хватало, были приняты меры к их осушению.

Второе название квартала объясняет легенда. Когда то на расположенные здесь земли, принадлежавшие «сильному» ишану, не дали без очереди воды. Рассерженный ишан повернулся к арыку, уже наполнившемуся водой, махнул рукой и сказал воде: «Кайт» (узб.) —«Возвращайся обратно», и вода потекла в обратную сторону.

Квартал Каро Камол состоял из 80—90 домов (Т, 1930—92 дома). Большинство населения было таджикоязычно, меньшинство — тюркоязычно. Тюркоязычная (или, вернее, двуязычная) группа являлась потомками когда то поселившихся здесь служилых людей (сипо) из узбеков разного происхождения. С течением времени они слились в однородную группу, сохранив, однако, память о своем происхождении и о своей племенной принадлежности. Среди них были, например, буркуты, предки которых переселились из Нур Ата или Кермине. В знак «родовитости» (авлоди) к именам всех мужчин из этих семей прибавлялась почетная приставка «бек». Они говорили между собой по узбекски, этот язык употреблялло в обращении к ним и окружавшее их таджикоязычное население из уважения к их более высокому социальному происхождению. Все эти семьи с течением времени потеряли свои сословные привилегии, обеднели, и их потомки в большинстве занимались сапожным ремеслом (махсидузи), на котором специализировалось около 90 семей квартала. Большинство шило преимущественно сапоги на мягкой подошве (махси), 2—3 семьи — кожаные калоши (кафш), одна семья — сапоги на твердой подошве (муза). Три семьи занимались изготовлением палаток (чодирдузи), составляя одну группу

[574] Сообщения нескольких старожилов этого квартала.

с теми семьями чодирдузов, которые жили в соседнем квартале Дилькушойи даруи (всего 10 семей).

Территория квартала Каро Камол вместе с находившимися на ней домами считалась вакфом мечети Джафар ходжа (она была пожертвована в вакф, очевидно, еще в то время, когда на этом месте квартала не было, оно представляло собой частью болото, частью — посевную землю и огороды). Поэтому жители вносили в пользу мечети подать в одинаковой сумме с каждого дома: раньше — ежегодно по 5 копеек (як мири), а затем, при последних эмирах,— по 15 копеек (як танга). Деньги шли на освещение мечети Джафар ходжа и покупку для нее подстилок. Подать называлась «фаршу рушнойи» («подстилки и свет»).

Мечеть, известная под именем мечети Охунди Каро Камол, представляла собой каркасную постройку с потолком из дощечек. По сообщениям, она была построена около 1870—1875 гг. Однако, видимо, тогда была осуществлена лишь перестройка здания,— мечеть Каро Камол упоминается уже в грамоте 1652 53 г., где говорится, что строителем ее является Шохим бий, а вакф — 10С танапов земли — завещан сыновьями Шохим бия. Мечеть Каро Камол упоминается также в грамотах 1685 86, 1700 01, 1910 гг.[573].

Около мечети находилась святыня, привлекавшая много паломников: небольшой хауз, по видимому родникового происхождения, вода которого считалась целебной для больных тифом (араки). Больного обрызгивали водой при помощи веточки с дерева, росшего на берегу хауза. Верили, что от этого у больного появится испарина и наступит выздоровление. У хауза на границе с кварталом Джафар ходжа располагалось упомянутое выше кладбище, называвшееся Пуштайи Эшони Устоз[574]. Второй хауз был расположен у западной границы квартала. По имени своего устроителя он назывался Шариф-бой-бинди[575]. По рассказам, Шариф-бой был одним из крупнейших торговцев каракулем. Сохранилось воспоминание о том, что он кончил жизнь, утопившись в этом хаузе, после того как убил свою жену. Это событие произошло лет 70 назад[576].

219. Квартал Мир Тахури девон ميرطهور ديوان (Мир Тахур — имя собственное, девон — одна из высших должностей) [577].

[572] ГА, ед. хр. 245, 328, 242.
[574] См. описание квартала Джафар ходжа (№ 215).
[575] Бинди (тадж. «нос») являлось, очевидно, прозвищем. В экспликации к плану Парфенова—Фенина ошибочно указано Шариф-бой-бинон.
[576] Сообщения группы старожилов этого квартала.
[577] По А. А. Семенову, «великий диван... является заведующим высо

Квартал Мир Тахури девон состоял из 120 домов. Насе ление было таджикоязычное, занималось в большинстве ре меслами: здесь жили мастера строители, плотники, сапожники (кафшдуз), мастера по выработке ганча (гачкуб) и, кроме того, возчики (кирокаш), могильщики (гуркау) и др. Жен щины занимались тканьем грубой бумажной ткани в полоса тый рисунок (калями). Их продукция шла на домашние нуж ды, на рынок не поступала.

Мечеть представляла собой старинное здание с куполь ным сводом, мактаб помещался в простой каркасной построй ке. Несколько домов этого квартала являлись вакфом ме чети, и с их жителей ежегодно собиралась подать, которая должна была тратиться на нужды мечети. В квартале на ходилось два медресе. Меньшее, более старое, было известно под названием Мадрасайи Биби-халфа — «Медресе учитель ницы» (в конфессиональной школе для девочек). При мед ресе имелось помещение для омовений (тахоратхона), пред ставлявшее собой небольшую каркасную постройку. Второе медресе было выстроено лет за 10 до революции неким Хад жи Курбоном, по профессии могильщиком. При медресе бы ло специальное помещение (хаджихона), в котором могли останавливаться паломники к святыням Бухары или те, кто эказался в Бухаре проездом. Святыней считались две могилы «двух братьев подвижников» (ду додарони муджтахид), по мещавшиеся внутри небольшого строения, как говорят, воз двигнутого каким то афганцем, которому якобы открылось, что в Бухаре есть великая, но заброшенная святыня. В Бу харе он нашел «могилы братьев» и принялся за благоустрой ство мазара, который его стараниями приобрел популярность и стал посещаться паломниками[576]. В этом рассказе мы имеем один из примеров того процесса появления или обнов ления различных локальных культов, который был так ха рактерен для эпохи феодализма. В качестве повода для по явления новых или оживления старых культов обычно вы двигалось соответствующее сновидение, в котором «являлся» дух святого и приказывал отметить его могилу шестом с хвостом яка. Нередко новый культ устанавливался гадалкой, к которой обращались для определения причины болезни: она указывала, ссылаясь на духов, какое нибудь место, где якобы находится неизвестная (иногда невидимая) могила, от которой ниспослана болезнь.

Упоминаний квартала Мир Тахури девон в источниках не

кими дефтерными записями» (А. А. Семенов, Бухарский трактат о чинах и званиях, стр. 141). При мангытских эмирах употреблялась узбекизированная форма «девонбеги».

[576] Сообщения старожилов этого квартала — Бахрома Курбановна, 62 лет, и др. •

встречено, однако форма названия говорит о том, что оно старое.

220. Квартал Кози Нуриддин قاضی نور الدین (имя судьи — казия).

Квартал состоял из 51 дома (Т, 1928). Население было таджикоязычное. Сведений о его занятиях не имеется[579].

Мечеть квартала упомянута в недатированной вакуфной грамоте, заверенной печатью эмира Шах Мурада [580]. Это ука зывает на то, что название квартала могло относиться ко времени более раннему, чем конец XVIII в.

2. Общая характеристика бухарских кварталов

Интересно свести воедино те данные, которые содержатся по отдельным вопросам в приведенных выше описаниях всех кварталов города без исключения. Именно эта полнота, до стижимая только при этнографическом обследовании, позво ляющем расширять круг источников привлечением все новых информаторов, дает возможность, с одной стороны, выделить те отличительные черты, которые свойственны всем кварта лам, а с другой — наметить различия, определяющие как бы типы кварталов.

Полное описание кварталов города позволяет выяснить закономерности в расселении разных категорий жителей. Анализ названий кварталов открывает просвет, через кото рый в ряде случаев можно заглянуть в их прошлое, тем бо лее что именно названия кварталов мы встречаем в письмен ных источниках прошлых веков, почти не оставивших иных следов жизни квартальной общины за минувшие столетия; лишь сам характер бытового уклада квартала неоспоримо свидетельствует о том, что он сложился в достаточно глубо ком прошлом.

Как видно из описаний, подавляющее большинство бухар ских кварталов обладало определенным комплексом общест венных учреждений, составлявшим как бы неотъемлемую черту облика жилого квартала феодального города вообще, по крайней мере на последних этапах его истории. В каж дом бухарском квартале имелась одна мечеть для соверше ния ежедневных пятикратных молитв (намози панджвакти). Ее прихожанами были все жители квартала, которые состав ляли один приход, что придавало квартальной общине харак тер приходской, хотя отнюдь не это лежало в ее основе. При систематическом обследовании кварталов Бухары выявилось,

[579] Сообщение жителей квартала Мир Тахури девон.
[580] ГА, ед. хр. 130.

что имелись там и кварталы без мечетей: жители их входили в приходы соседних кварталов или были прихожанами рас положенной поблизости крупной соборной мечети, если в ней совершались и ежедневные пятикратные молитвы. Но особен ностью бухарских кварталов была почти полная тождествен ность квартала и прихода в отличие, например, от Ташкента, где было немало кварталов, которые, сохраняя свое единство как одна квартальная община, махалла, распадались на два, а то и на три прихода, образовавшихся при строительстве в квартале второй или третьей мечети, в то время как первая продолжала функционировать. В Бухаре конца XIX — нача ла XX в. не было ни одного квартала, имевшего две приход ские мечети. В прошлом, видимо, такое положение в неко торых случаях имело место, но оно продолжалось, вероятно, недолгое время, и вслед за постройкой второй мечети ее при хожане выделялись в особый квартал, в отдельную общину. О том, что в те или иные моменты истории конкретного квар тала в нем иногда оказывалась вторая мечеть, можно судить только по наличию в вакуфных грамотах кварталов, носив ших название, с которым ие совпадало название его ме чети [581].

Итак, одной из характерных черт квартала было наличие в нем мечети — ее делало необходимым предписание ислама совершать ежедневно общественные молитвы. Так как соблю дение этого предписания было под постоянным контролем властей, то наличие мечети поблизости от жилищ прихожан было совершенно необходимым условием городской жизни.

По своей архитектуре мечети Бухары делились на имею щие купольный свод или балочное перекрытие. Отдельные сообщения о том, что балочное перекрытие было сделано пос ле того, как купольный свод обветшал, позволяют предпола гать, что в старину купольных мечетей было больше. Но все же каркасное строительство в Бухаре имело давние корни: еще при Наршахи, в X в., многие здания в Бухаре были «де ревянными» (чубин), т. е. с каркасным балочным перекры тием [582]. По характеру культа мечети делились на находив

[581] Примером может служить квартал Калмокон. Прослеживается история постройки в нем двух других мечетей, при которых образовались, конечно, самостоятельные приходы, а потом и кварталы (см. №66,67,72).

[582] В Бухаре, где, как и в других районах Средней Азии, деревянных зданий не было, термин «чубин» («деревянный») означал постройки, ко торые имели деревянную основу (столбы стояки, обвязки), заложенную кусками кирпича или глины н поверху оштукатуренную, и балочное пере крытие. Таковы же, вероятно, были в X в. постройки: бухарского рынка, названные у Наршахи «чубайи бакколон», так же как и другие здания (в частности, дворцы), которые, по этому источнику, в разное время по гибали от пожаров (Наршахи. История Бухары, перевод, стр. 70, 37). Описание конструкции среднеазиатских каркасных зданий см.: А. К. Пи

шиеся в руках ортодоксального духовенства и такие, где под руководством имама совершались, обычно по пятницам, после общей молитвы, религиозные радения, громкие или безмолвные, в зависимости от того, к какому ордену относилась данная мечеть. Это определялось, можно думать, принадлежностью к тому или иному ордену основателя мечети.

Почти обязательным дополнением к мечети была школа для мальчиков (мактаб), для которой строилось особое здание, а в отдельных кварталах и школа для девочек, которые учились на дому у учительницы. К сожалению, при собирании сведений о кварталах эта их черта, особенно важная для Бухары, где процент грамотных был сравнительно очень велик, была учтена не сразу и содержащиеся в описаниях данные по этому вопросу неполны: в некоторых кварталах имевшиеся там школы не были учтены. К счастью, этот пробел заполняется, до известной степени, сведениями, содержащимися в списке кварталов из архива А. Л. Куна[583]. Неизвестный составитель его, несомненно бухарец, дотошно отметил, была или нет в квартале школа и приблизительно число мальчиков, которые в ней учились. Эти данные еще предстоит изучить и обобщить.

Почти столь же необходимым учреждением в квартале было помещение для ритуальных омовений, имевшееся почти в каждом квартале, причем в некоторых кварталах оно отличалось особым благоустройством — его основание считалось делом «богоугодным» (савоб). Помещения для омовений, как уже говорилось, были двух типов: *тахоратхона* — для неполных омовений, предшествовавших каждой молитве, и *гусл хона* — для полных омовений, предписываемых исламом после полового сближения. Хотя в большинстве случаев гуслхона отмечены в кварталах, где среди жителей имелись несемейные мужчины (например, муллобача из находившегося там медресе), которым могло понадобиться совершить полное омовение, в прошлом, вероятно, гуслхона использовались и семейными мужчинами квартала, что проскальзывало в некоторых сообщениях. Это предположение подкрепляется сведениями о наличии общественных помещений для полных омовений, использовавшихся всеми мужчинами квартала, в других городах (например, в Ходженте, ныне Ленинабад)[584].

В кварталах Бухары отмечено огромное число *мазаров* — мест поклонения. Мазаров было много и в других средне

сарчик. Строительные материалы и приемы мастеров Ферганской долины,—«Среднеазиатский этнографический сборник», I, М., 1954, стр. 260—261.

[583] Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Архив А. Л. Куна, ф. 33, оп. 1, д. 217.

[584] Сообщение этнографа А. Давыдова (Душанбе).

азиатских городах, но для Бухары наличие святыни стало почти обязательной чертой квартала. Некоторые мазары имели более широкое значение, привлекали паломников даже издалека, другие, и таких было большинство, были известны главным образом внутри квартала, жители которого поддерживали мазар и совершали на нем обряды в случае болезни или несчастья. Проведенная при изучении бухарских кварталов регистрация имевшихся в них мазаров оказалась весьма важной: во первых, наличие или характер мазара часто объясняли название квартала, а во вторых, что еще более важно, названия мазаров нередко встречаются в письменных источниках прошлых веков, и в таких случаях мы получаем редкую возможность проникнуть в историю квартала, обнаружить его существование в далеком прошлом или выяснить, как квартал назывался раньше.

Важной чертой квартала было его водоснабжение. В Бухаре, где воды было очень мало, основным источником для получения воды были водоемы — хаузы. Хауз имелся далеко не в каждом квартале, гораздо чаще один хауз обслуживал два и больше кварталов. Если учесть, что в Бухаре на 220 кварталов имелось около сотни хаузов[585], то выходит, что в среднем один хауз приходился на два с лишним квартала. Следует однако иметь в виду, что хаузы и по своему объему, и по качеству отделки (обеспечивавшей сохранение или, наоборот, способствовавшей утечке воды) были неравноценны: из одних получали воду до десятка кварталов (ее приносили в дома специальные водоносы)[586], другими пользовалось население одного квартала или даже часть его жителей.

Этнографические данные, собранные при изучении кварталов, освещают вопрос об их размерах. Уже приходилось отмечать, что при отсутствии в Бухарском ханстве точной статистики населения речь может идти не о числе жителей города или квартала, а о числе домовладений, в каждом из которых жила одна семья, иногда малая, состоящая из одной брачной пары, иногда неразделенная, в которую входило несколько родственных брачных пар с их детьми. Таким образом, вопрос о размерах квартала — это прежде всего вопрос о числе входящих в него домовладений. Разные по площади кварталы были различны и по числу входивших в них домов, причем связь между тем и другим не всегда была прямой. Основное значение имела большая или меньшая плотность городской застройки, что и определяло количество населения квартала. В Бухаре колебания между крайними числами домов в квартале были особенно велики, несравнимы с другими

[585] Л. М. Исаев, Ришта и ее ликвидация в Узбекистане, стр. 7.
[586] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 317—320.

городами. Наряду с кварталами, состоявшими из одного двух десятков домов, были такие, в которых насчитывалось до двух сотен домовладений. Соотношение числа кварталов разного размера наглядно видно из следующих данных[587]:

10 — 20	19	80 — 90	7
30 — 40	26	90 — 100	7
50 — 60	23	100	15
60—70	25	150	5
70 — 80	13	Свыше 150	8

Интересно отметить некоторые закономерности в распределении крупных и мелких кварталов на территории города. Из 19 самых маленьких кварталов 12 были расположены в центральной части города, среди базарных рядов (кварталы Гузари Хай, Магоки аттори, Мирзо-кули, Зангулясози, Су зангарон, Арроки мисгари и др.). Почти все крупные кварталы—в 100—150 домов — помещались на окраинах, неподалеку от городских ворот: у Самаркандских ворот находились кварталы Чорбакколи Дарвозайи Самарканд (112 домов), Олим-ходжа (112 домов), Буйробофон (ПО домов), в том же районе был расположен крупнейший, по видимому, бухарский квартал Шохи Ахси; около Мазарских и Каршинских ворот располагались кварталы Мир-Тахури девон (120 домов), Джафар ходжа (104 дома), Имом Кози-хон (100 домов);там же неподалеку находились кварталы Корхона (101 дом) иЧуббоз (100 домов) . У ворот Саллаххона был расположен один из двух кварталов Арабон, состоявший из 120 домов, и квартал Эшони пир (100—150 домов). Особенно много крупных кварталов оказалось на территории Джуйбара: Абдулло ходжа (свыше 100 домов), Хонако (105 домов), Чакар (100 домов), Халифа Худойдод (148 домов), Чукур махалла (160—180 домов). На границе Джуйбара, в районе Кош мадраса, где до последней перестройки стены при Абдулла хане находились западные ворота, располагалось еще два очень крупных квартала: Мир Дустум (свыше 150 домов) и Шишахона (100 домов). Лишь четыре квартала подобных размеров были в центре города: Усто Рухи (210 домов) — к северо западу от Регистана. второй квартал Арабон (ПО домов) — к северу от арка, Дуст чурогоси (120 домов) — к западу от Регистана и Чохи занд жир (160 домов)[588] — на территории древнего шахристана.

[587] В эти данные включены те кварталы, в которых численность домов

[588] Последняя цифра, судя по небольшим размерам территории квартала, кажется преувеличенной.

Довольно близко к центру города оказалась также очень густо населенная Старая еврейская слобода. Это свидетельствует о том, что она зародилась еще в те времена, когда этот район был окраинным, во всяком случае задолго до перестройки стены в XVI в.[589].

Размещение кварталов, состоявших из 80—90 домовладений, показывает ту же картину: из 14 кварталов этого размера 8 принадлежало к окраинным, причем два из них (Вакф и Хаузи баланд) находились на территории Джуйбара и только два квартала располагались в центральных районах: Тупхона (90 домов) — на территории шахристана и Кози Файзи (около 100 домов) — к северо западу от Регистана. Также по большей части на окраинах, т. е. в самых молодых районах города, находились и кварталы с числом домов в пределах семи десятков.

Эти наблюдения показывают, что процесс развития феодального города выражался в его все более дробном членении вследствие деления кварталов. В наиболее старой, центральной части города он продолжался многие века, и кварталы успели сильно расчлениться; в окраинных кварталах, попавших в черту города значительно позже, этот процесс не успел развиться. В среднем бухарский квартал состоял всего из 50—60 домов, и потому при более чем двух сотнях своих кварталов Бухара включала в себя всего около 12 000 домов[590].

Для истории города и его населения дает материал анализ названий кварталов в языковом отношении. Этот анализ позволяет до известной степени судить о процессе сложения городского населения, которое формировалось постепенно, из самых различных, порой пришлых, элементов. Они заселяли городские кварталы в разное время, в названиях квартала порой различались следы происхождения отдельных групп горожан.

В языковом отношении названия кварталов Бухары можно разбить на три группы: в первую войдут таджикские по происхождению, во вторую — узбекские, в третью — названия, представляющие собой слова, употребляемые одинаково как таджиками, так и узбеками. Среди последней группы названий много арабских, в большинстве — общемусульманские собственные имена. Такие названия кварталов в ряде случаев

[589] Старая стена, видимо, доходила до южной границы Старой слободы и могла быть стеной раннего рабада не совпадая с той, которая в исторической топографии Бухары была известна как «старый хисар»: последний проходил севернее пассажа Токи Тельпакфурушон тогда как Старая еврейская слобода занимала территорию к югу от пассажа Сарафон (см.: Е. А. Давидович К датировке мечети Ходжа Зайнеддина..., стр. 29—30; О. А Сухарева К истории городов..., стр. 60—62).

[590] См.: О. А. Сухарева, К истории городов... стр. 72—73; ее же, Бухара..., стр. 100—103

по косвенным признакам оказалось возможным с большой долей вероятности отнести к таджикским или узбекским: к таджикской языковой традиции восходит постановка титулов, различных званий (таких, как ходжа, хаджи, мехтар, шейх) перед именем собственным (Шайх Рангрез, Ходжа Рофеъ, Мехтар Шафеъ и т. п.), узбекская же языковая традиция требует постановки всех этих званий или титулов после имени (Косим-шайх, Олим ходжа, Барот бек и т. п.). По этому признаку скорее к узбекским можно отнести, в частности, все имена, которые сопровождаются названиями должностей и чинов, узбекских по своей этимологии (Абдулло-кушбеги, Ахмад дорго, Баходур бий и т. п.), хотя не исключены случаи, когда носителем такого титула был таджик или форс.

Анализ показал, что значительная часть названий бухарских кварталов — таджикская. Даже в названиях, представляющих собой имена собственные, где сравнительно велик процент узбекских имен, из 79 названий — таджикских 48, а узбекских 31. Следует, однако, отметить, что среди названий кварталов XVI—XVIII вв. встречается много таких, которые произошли от имен специфически узбекских: Амир Тин-Кылыч, Кучкор-бек-бий, Тарматой бий и др. Этот факт, несомненно, стоит в прямой связи с политическим усилением узбекской племенной знати в XVI—XVIII вв., когда в столицу Бухарского эмирата переселилось много степняков, значительная часть которых попала в привилегированное военно служилое сословие, а часть — в состав высшего чиновничества и знати. Занимаясь строительством культовых зданий, в частности квартальных мечетей, они давали им свои имена, которые затем становились названиями кварталов.

Из названий, не являющихся именами людей, таджикских оказалось 145, в то время как узбекских было только 13, причем одно из них таджикско узбекское.

Если подытожить проделанные нами подсчеты, устанавливается, что всего в названиях кварталов XIX — начала XX в. таджикских элементов было 173, узбекских — 47, неопределенных — 35. Эти данные еще раз доказывают, как сильна была в Бухаре таджикская языковая традиция[591], опирающаяся на таджикское происхождение основной, старой части населения Бухары.

По семантике названия кварталов можно разбить на 6 групп. К первой группе отнесены названия, являющиеся именами отдельных лиц; ко второй — названия мазаров (среди них также встречается немало имен «святых», с которыми связывались многие квартальные мазары); в третью вошли

[591] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., разд. «Население», стр. 123 и далее.

названия, обозначающие группы людей (по происхождению, профессии и т. п.); в четвертую — названия различных заведений (промышленного, торгового и культового характера); в пятую — названия, содержащие указания на элементы городской топографии (улицы, хаузы и т. п.); в шестой группе оказались те названия, которые не поддаются надежной или хотя бы вероятной расшифровке.

Первую и наиболее многочисленную группу названий кварталов (82) составляют такие, в основе которых лежат имена людей. Среди них много имен известных исторических лиц. Как правило, имена сделались названием квартала через строительство там на личные средства мечети; ей присваивалось имя строителя, а потом по мечети назывался и квартал. Реже имя принадлежало строителю не мечети, а медресе или хауза. Анализ имен, ставших названиями кварталов, раскрывает ту прослойку, из которой выходили строители общественных зданий. Об этом говорят звания и титулы, сопутствующие многим именам. По ним мы обнаруживаем, что среди строителей больше всего было всевозможных должностных лиц из государственного аппарата во главе с членами царствующих династий. Имя номинального хана, за которого управлял сын, Шейбанид Абдулла хан, принявший ханский титул после смерти отца, носили два (в прошлом) квартала Искандар хон. Название квартала Чорбоги Боки Мухаммад хон, или Чорбоги Боки хон, имеет в своем составе имя Аштарханида, правившего в Бухаре с 1598 99 по 1605 г. Несколько собственных имен, ставших названиями кварталов, сопровождаются титулами высших сановников: Амир Тин Кылыч и Амир Ёр-Мухаммад-садр-атка: четыре имени имеют титул «мехтар»: Мехтар Анбар, Мехтар Ориф, Мехтар Шохбек, Мехтар Шафеъ. Последнее имя принадлежало известному сановнику Аштарханида Абульфайз хана, в ведении которого находились финансы государства и который своей денежной реформой — выпуском неполноценной серебряной монеты — вызвал народные волнения[592]. Среди кварталов, названия которых приводятся в грамотах XVIII в., встречаются имена двух аталыков — Канбар аталыка и Кучкор-бек-бий аталыка. Титул аталыка — первого сановника в государстве Аштарханидов — носил также строитель квартальной мечети Мухаммад ёр аталык (XVII в.). В составе названий двух кварталов мы находим титул «кушбеги» (кварталы Абдулло кушбеги и Яланги Бокиджон кушбеги) [593].

Имя очень знатного сановника лежало в основе названия квартала Катаган, очевидно тождественного с упомянутым

[592] «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 579.

[593] Как известно, этот титул был присвоен первому сановнику эмирата в более поздние века, когда титул «аталык» перестал употребляться.

в вакуфной грамоте конца XVIII в. кварталом Эр Назар ка таган. Высокое социальное положение обладателя этого име ни раскрывается из содержащегося в грамоте указания, что вакф мечети этого квартала завещан сыном Эр Назар бий девонбеги-катагана.

Крупнейшим представителем высшей аристократии был человек, прозвище которого сделалось названием квартала Шохи Ахси: это строитель хонако в Фатхабаде — Мир-Поян-да Мухаммад.

Крупный сановник был строителем мечети квартала Ку калтош. Титул «кукалтош», по видимому, носили когда то мо лочные братья ханов и эмиров[594]. Как явствует из документа, датированного XIX в., но, по видимому, являющегося копией более раннего, в данном случае он принадлежал известному придворному Абдулла-хана — Кулбобо кукалтошу, строителю одного из крупнейших медресе Бухары — медресе Кукал тош.

Высшее придворное звание отражено в названии кварта ла Ходжа калон, или Хаузи Ходжа-калон[595]; имя этого ли ца — Ходжа Ульфат, сын Абдулло-ходжи,— раскрывается до кументом XVIII в.[596].

Многие кварталы носили имена чиновников и военных, нередко принадлежавших к узбекской родовой знати, напри мер Аскар-бий. Баходур бий. Придворные титулы и названия административных должностей сопровождают ставшие назва ниями кварталов имена Дуст чурогоси, Мусурмон энага. К этой же категории названий нужно отнести Ляби хаузи арбоб и Ляби хаузи дастархончи; два квартала носят имена начальников артиллерии эмирского войска — Кучкор курчи и Надир курчи, один квартал — имя человека, исполнявшего обязанности посла (Мухаммад-пайк), три квартала — имена чиновников, ведавших сбором урожая и занимавших долж ность доруги (дорго) (Ахмад дорго, Хаджи дорго и Джон-Кубод, в документе XVIII в. квартал назван Джон Кубод доруга). Четыре человека, чьи имена сделались названиями кварталов, были казнями: Кози Мир Хошим, Кози Файзи, Кози Нуриддин, Кози Зохид. К ним добавляется Кози урда, название, не содержащее имени; возможно, его донесло до нас второе название этого же квартала — Охунди Мулло Ус мон. Чин «кози-урда» — «казия» разбирающего дела ханской семьи и гарема»,— был одним из самых высоких чинов в эми

— «молочный брат» (М. А. Гаффаров Пер сидско русский словарь, т. II, М., 1927, стр. 676).

[595] О титуле ходжа калон см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 292—293.

[596] ГА, ед. хр. 315.

рате. К концу XIX в. вышло из употребления еще одно подобное название — Кози Мирзо-пайк, упоминающееся в документах XVIII в.

Ряд имен сопровождается приставкой «мир», также говорящей о знатном происхождении их носителей: Мир Дустум, Мир-Иброхим, Мир-карача, Мир-Масъуд, Мир-Тахури девон. В последнем названии содержится указание на чин (девон, позже девонбеги). К этой категории названий кварталов надо присоединить еще четыре, являвшихся именами знатных женщин: квартал Модари хон, Волида-хони шахид (Волидайи хони шахид), Кыргыз-оим и, может быть, Ой бинок; последнее документом расшифровывается как Ой биби инок[597]. Отметим, что в прошлые века среди бухарских кварталов было довольно много таких, которые получили название по именам или титулам женщин: например, квартал XVI в. Масчиди джомийи Бегим. Всего среди кварталов конца XIX — начала XX в. больше трех десятков назывались по именам знати.

Еще больше в названиях кварталов встречается имен духовных лиц. Среди них два имени, сопровождаемые званием «халифа», руководителей суфийских общин (Халифа Худойдод и Халифа Хусайн); пять имен имеют духовные титулы «мавлоно» или «мавляви» (Мавлоно Асири, Мавлоно Шариф, Мавляви Мирзоджон и др.). Особенно много имен с титулом ходжа: Ходжа Порсо, Ходжа Зайниддин, Ходжа Рофеъ, Ходжа Туйгун и Джафар ходжа, Узбак-ходжа. Олим ходжа, Абдулло ходжа. Несомненно, видное духовное лицо — руководитель суфийской общины — скрывалось под прозвищем Эшони пир, которое сделалось названием квартала, в то время как подлинное имя этого лица забылось, не употребляясь, по обычаю, при его жизни в знак особого уважения. К этой же категории названий кварталов можно отнести Сохиб-зада. В литературе упоминается суфий Хазрат Сохиб зада (Миён Гулом Кодыр) (XIX в.) [598]. Три имени в названиях кварталов имеют звание «шейх», обозначавшее либо хранителя и хозяина мазара (если принять то значение, в котором этот термин употреблялся в конце XIX — начале XX в.), либо знатное духовное лицо; из них имена Шайх Шох и Шайх Джалол [599] принадлежали, вероятно, таджикам, Косим шайх — узбеку.

Пять названий кварталов состоят из имен, имеющих звание «хаджи», показывающее, что их обладатели совершили паломничество к святыням Мекки и Медины (Мадали-хаджи, Кул Махмад хаджи, Поччокул хаджи, Хаджи Амон бой, Хад

[597] О титуле «инок» в Бухаре см.: А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и рангах, стр. 139.
[598] Н. Лыкошин. Роль дервишей в мусульманской общине, стр. 126.
[599] Последнее было также названием южных городских ворот.

жи Курбон). Конечно, все эти люди принадлежали к состоятельным горожанам: совершить такое путешествие человеку из трудового народа было не под силу. Четыре имени в названиях кварталов имеют звание «мулло», обозначающее, что их обладатели были учеными, грамотными людьми (Мулло Шох, Мулло Пайрави, Мулло Хоки рох, Мулло Шамси Мухаммад). Несколько строителей квартальных мечетей имели звания мирзо: Мирзо Кули, Мирзо Гафур, Мирзо Хайдар, Мирзо Убайд (в основе названия квартала Мирзо бий, очевидно, лежит собственное имя). Термин «мирзо» не однозначен: в конце XIX — начале XX в. он имел значение «писец», обозначал человека, ведущего официальные, деловые бумаги; в прошлом же употреблялся при обращении раба к хозяину, а в еще более ранние времена был титулом принцев (Мирзо Улугбек, Мирзо Бобур и т. п.).

Таким образом, среди названий кварталов конца XIX — начала XX в. обнаруживается 33 названия, представляющие собой имена лиц, так или иначе связанных с духовными званиями и с мусульманской образованностью.

Имен, принадлежавших купечеству и богачам баям, среди названий кварталов очень мало. К ним можно отнести имя Хаджи Амон бой, приставка которого (бой) характеризует его обладателя как богатого купца. Другое имя — Чоршанби казок — известно нам по опросным сведениям как имя богатого казаха торговца, а по документам — как имя главы купцов или вожака караванов (корвонбоши). Имя крупного купца могло явиться основой названия квартала Кофилон, более полную форму которого — Мехтар Кофилон (глава караванов) — мы встречаем в документах[600] Несомненно, к этой же прослойке состоятельных горожан, торговцев или хозяев крупных мастерских, относился Ниёз-алача, имя которого как название квартала мы встречаем в вакуфной грамоте начала XIX в. Возможно также, что торговцам (во всяком случае, состоятельным горожанам) принадлежали немногие названия кварталов из имен, которые не имеют приставок, указывающих на социальное положение их владельцев (Шарифджон и др.) — видимо, эти люди происходили из простого народа, из той прослойки, которая не имела права на титулы или звания. То, что имена богачей торговцев, ставшие названиями кварталов, не столь многочисленны, вряд ли случайно. По видимому, состоятельное городское население мало стремилось к увековечению своего имени путем строительства в кварталах на собственные средства мечетей. Как показывают наблюдения, гораздо больше, в особенности в поздний пери

[600] В документе есть указание, что строителем мечети в этом квартале был известный Мехтар Шафеъ (ГА, ед. хр. 55).

од — в начале XX в., среди них было строителей медресе. Это связывалось, вероятно, с материальными расчетами: строитель медресе и завещатель в его пользу вакфа получал таким образом возможность (которая широко использова лась) для обращения некоторой доли своих доходов в неот чуждаемое имущество. Доходы с него, за исключением не большой части, идущей в пользу богоугодного учреждения, можно было завещать потомкам.

Имена людей из трудовых слоев населения в названиях кварталов мы встречаем очень редко. Среди 82 имен лишь три содержат указания на принадлежность их обладателей к ремесленникам: Шер Мухаммад джувозкан (мастер по вы делке ступ и пестов для маслобоек), Хаким собунгар (мыло вар) и Хаджи усто Курбон буйробоф (плетельщик циновок). Столь малое число ремесленников среди строителей кварталь ных мечетей понятно, так как трудовое население города, конечно, не имело свободных средств, которые могли бы быть вложены в «богоугодное» дело. Можно не сомневаться, что все три ремесленника, давших имя квартальным мечетям, принадлежали к наиболее зажиточной верхушке, к хозяевам крупных мастерских.

К первой выделенной нами группе названий кварталов, обозначающих одного конкретного человека, может быть, следует отнести и некоторые из названий, представляющих собой прозвища — когда то они, несомненно, сочетались с име нами, которые позднее забылись. Таково происхождение шести названий кварталов: Ахтачи (Конюх), Бобойи нонкаш (Старик разносчик хлеба), Лянги араб (Хромец араб), Поч-чо ходжа (Зять ходжа), Раъд зада (Убитый молнией), Чуб боз (Акробат, Ходок на ходулях). В отношении последнего наше предположение находит подтверждение — пожилые лю ди вспоминали, что раньше квартал назывался Мирзоджбни Чуббоз.

Несколько названий кварталов представляют собой имена легендарного характера. Квартал Атламиш, по преданию, носил имя тюркского правителя, а его второе название, Исте мур, было именем его полководца. Сюда же можно присоеди нить такое название, как Ляндахур (старое название кварта ла Назарча), которое, и по сообщению информаторов, и по словарю, было именем индийского царя[601].

Во вторую группу можно выделить названия кварта лов, которые были названиями находившихся там мазаров. В значительной своей части они также восходят к именам людей. Таких названий для конца XIX — начала XX в. мы

[601] لندهور (И. Д. Яковлев, Полный персидско-арабско-русский сло варь, стр. 1351).

находим 21, из них шесть являются именами известных исторических лиц, причисленных к «святым»: известный суфий Имом Мухаммад Газоли; Махдуми Аъзам — крупнейший суфий XII в., выходец из Ферганы, обосновавшийся в селении Дагбид под Самаркандом, где и поныне живут его отдаленные потомки; «святой» Ходжа Халимуддин Демуни (квартал Ходжа Халим), по свидетельству «Книги Мулло зода», жил в 1026-27 г.; «святой» Ходжа Гунджори, его полное имя и дата смерти (1021 22 г.) известны из этого же источника, «Книга Мулло зода» приписывает ему два сочинения, одним из которых была не дошедшая до нас «История Бухары». Название квартала Зиндафиль Ахмади Джоми является прозвищем суфийского шейха и поэта (1049—1141). К названию мазара, связанного с именем «святого» (по некоторым данным — Баховаддина Накшбанда), восходит название квартала Пойи остона («Священный порог»).

Наряду с именами исторических лиц среди названий мазаров (и кварталов) мы встречаем имена мифических персонажей: с общемусульманской мифологией связаны имена Ходжа Хизра[602], Хазрат Аюба (Чашма Аюб) и др. Местная мифологическая и историческая традиция породила названия таких мазаров (и по ним кварталов), как Ходжа Булгор, Шайх Рангрез, Усто Рухи, Бобойи Ол. Имом Кози хон и др. Имелись также и мазары, давшие названия кварталам, в которых связи с каким либо персонажем не усматривается: таков был мазар квартала Хаузи лесак; здесь почитание было обращено на находившийся возле водоема «чудодейственный» камень.

Интересно отметить, что в конце XIX — начале XX в. названия мазаров, еще сохранившихся в кварталах, во многих случаях уже не были названиями этих кварталов, как это имело место в прошлом. Так, по мазарам назывались раньше кварталы: Саид Бандкушо (XVI в.) — теперь квартал Дегрези, Ходжа Алам на расон (начало XIX в.) — в квартале Мавлоно Шариф, Суфиёни Саури (XVII в.) — в квартале Тупхона и т. п. Подобных примеров можно привести множество. В изменении названий таких кварталов можно усмотреть признак некоторого упадка культа мазаров, потерявших былую популярность у населения.

Третью группу названий кварталов, по нашей классификации, составляли такие, которые обозначают группы людей по их профессии, происхождению или принадлежности к определенной народности или родо-племенной группе. В последнюю входит 6 названий: два квартала Арабон, в которых

[602] О Ходжа Хизре см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. VI, стр. 115—116

еще в начале XX в. арабы составляли основное или наиболее заметное, сплоченное своей общностью, ядро населения; кварталы Калмокон, Дурман и Урусон носили названия узбекских племен. К концу XIX в. только в первом сохранялся тот состав населения, который дал кварталу его название[603]. В квартале Дурман в это время жили родо-племенные узбеки, но они относили себя не к дурменам, а к кенегесам. В документах название квартала Дурман не встретилось, хотя из вышесказанного ясно, что название он получил не в позднее время.

Четвертым кварталом, который носил название узбекского племени, был квартал Катаган. Однако, как уже говорилось, это название не указывает на проживание здесь группы узбеков катаган, а представляет собой часть имени знатного лица, принадлежавшего к этому племени. Это уточнение очень важно для исследования вопроса о составе городского населения.

Если названий, происходящих от узбекских племен, в Бухаре было всего четыре, то таких, которые можно трактовать как названия семейно родовых или земляческих групп (по форме представляющих собой таджикское множественное число от имен собственных или прозвищ), там насчитывалось около десятка: это кварталы Миракон, Сиддикиён, Саадакон (его старое название — Нахсакон), Баракиён, Азизон[604], Джанафарон и Бобо Ахмадиён. В эту же группу, вероятно, можно отнести название квартала Заббиён. Особенно ясно связь с семейно родовой группой видна в названии квартала Бобо Ахмадиён, встречающегося в актах XVI—XVII вв. По упоминаниям кварталов и строителей квартальных мечетей в актах или по семейным преданиям иногда можно проследить историю образования семейно родовых имен или происхождение отдельных семейно родовых групп. Так, название квартала Дасторбандон, встречающееся в документах начала XIX в., представляется происходящим от имени специалиста по повязыванию парадных чалм знати — Мирзо хаджи дасторбанда. Очевидно, с течением времени потомки этого лица образовали заметную группу, и название квартала приобрело форму множественного числа по ее семейно родовому прозвищу или, возможно, по ее профессии. Названия земляческих групп носили пять кварталов: Ургенджиён — хорезмцы (ургенчцы), Миёнколиён — миянкальцы, Сарахсиён — серахцы, Калтигиён и Понобихо — переселенцы из селений Калты и Поноб (Пойи об). Опросы жителей этих кварталов выяви

[603] О живших в Бухаре калмаках см.: О. А. Сухарева Бухара... стр. 184—188.

[604] Азизон — прозвище ишанского рода из Кермине

ли, что только в первом и последнем население сохранило предания о переселении. Вероятно, это указывает на то, что переезд этих двух групп в Бухару произошел сравнительно недавно. Удалось выяснить, что жители квартала Поноб стали переезжать в Бухару из селения Поноб с середины XIX в. Три из названных кварталов образовались давно: квартал Калтигиён, где преданий о переселении у населения не обнаружено, упомянут уже в документах XVII в., а квартал Сарахснён — XVI в. Грамота, в которой встречается упоминание квартала Миёнколиён, заверена печатью эмира Шах Мурада (1785—1800), а это значит, что она могла быть копией более ранней грамоты. Квартал Урганджиён упоминается только в одной поздней грамоте начала XX в., поэтому определить время появления этого названия (а значит, и переселения в Бухару этой группы хорезмцев) не удается.

Особый интерес для понимания состава городского населения имеют названия кварталов, обозначающие профессии. Таких названий в конце XIX — начале XX в. было 29. Особенно много среди них названий ремесел и ремесленников: Дегрези (литье котлов), Мехчагарон (гвоздари), Сузангарон (игольщики), Арроки мисгари (Аррок медников), Зангулясози (выделка колокольчиков), Косагарон (гоичары чашечники), Харротон (токари), Хуллабофон и Пухтабофон (ткачи), Тагбандбофон (ткачи, вырабатывающие пояса), Алокабандон (мастера басонных изделий — изготовление тесьмы, кистей и пр.), Зехтоби (изготовление тесьмы или струн), Чармгарон и Кемухтгарон (кожевенники), Сарроджон (шорники), Собунгарон (мыловары), Сиёкорон (чернильщики старой обуви), два квартала Пустиндузон (шубники), Буйробофон (плетельщики циновок), Равгангарон (маслоделы), два квартала Писташиканон (мастера по обработке фисташек и урюковых косточек), Гаукушон (вероятно, мясники, закалывавшие крупный рогатый скот), Сорвоно (погонщики верблюдов), Мурдашуён (обмывальщики мертвых). Как показал опрос, в большинстве этих кварталов жители сохраняли до конца XIX — начала XX в. профессию, определившую эти названия. Обилие среди названий кварталов таких, в которых содержится указание на профессию жителей, в особенности на занятие ремеслом, подкрепляет в известной мере предположение А. Ю. Якубовского и других историков о том, что квартал мог быть в прошлом общиной людей, занимающихся одной профессией, совпадая с ремесленным цехом[605]. Однако вряд ли правильно слишком обобщать подобные факты: совпадение цеха с кварталом могло иметь место лишь в отдельных случаях, но не быть правилом, так как в период разви

[5] «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 245.

того и позднего феодализма большинство промыслов давно вышло за рамки кварталов[606].

Среди названий кварталов, указывающих на занятие их жителей, выделяются такие, которые говорят о связи их населения с официальным культом или о проживании там духовных лиц. Это кварталы Суфиён (суфии), известный с XVI в., Муллоён (грамотные люди, муллы), Маддохон (рассказчики историй религиозного содержания). К этим названиям можно добавить название квартала Гозиён (газии, воины, борцы за веру).

В четвертую группу, состоящую из 39 кварталов, мы выделили названия, которые обозначают различные заведения промышленного или культового характера. Наибольший интерес историков привлекло название квартала Корхона («Мастерская»), которое невольно вызывает в памяти известное описание большой ткацкой мастерской (بيت الطراز или كارگه) в «Истории Бухары» Наршахи[607]. Однако местоположение квартала Корхона настолько не сходится с описанием Наршахи, что предположить связь этого позднего названия с мастерской X в. никак невозможно: древняя мастерская находилась между цитаделью и шахристаном, к западу от последнего,— квартал Корхона был расположен довольно далеко к востоку от шахристана. Название квартала Корхона жители связывают с воображаемой «святыней» этого квартала — невидимой ткацкой мастерской, якобы находившейся под хаузом около квартальной мечети, и с имевшимся во дворе мечети мазаром — могилой, приписывавшейся Юсуфу Хамадони[608], мифическому патрону покровителю шелкоткачей. Такая специфика святыни квартала Корхона, конечно, не случайна и объясняется, вероятно, тем, что этот район имел какие то очень старые традиции ткачества, которых не имел другой, более молодой, ткацкий район Бухары — Джуйбар, где производство шелковых тканей — канауса и бархата — находилось преимущественно в руках форсов, потомков переселенцев из Мерва, пришедших в Бухару в XVI—XVIII вв.[609]

Остается нерасшифрованным значение названия квартала Шишахона. Оно может указывать на наличие там либо здания, отделанного стеклом, либо производства стекла или стеклянных изделий. Если правильно последнее, то это название должно иметь очень давнее происхождение: как извест

[606] См. работы О. А. Сухаревой: Позднефеодальный город..., стр. 66, 67, 134; Бухара..., стр. 131.

[607] Наршахи. История Бухары, перевод, стр. 19.

[608] О Хаджа Юсуфе Хамадони см. выше, стр. 244, прим. 517.

[609] Подробнее см.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 65—66; ее же, Бухара..., стр. 155.

но, в Средней Азии умение вырабатывать стекло было утрачено еще в средние века[610]. Население окрестных кварталов связывало название Шишахона с производством зеркал, чем якобы занимались некоторые семьи квартала в начале XX в. Однако этот квартал упомянут под тем же названием в документе XVIII в., когда о производстве в Средней Азии зеркал ничего не говорят ни археологические, ни исторические источники. Видимо, название Шишахона еще более раннее.

К этой же группе кварталов относится, вероятно, и квартал Хоса-пулод, название которого говорит о существовании там мастерских, вырабатывавших «особую сталь»[611]. Форма названия уже упоминавшегося квартала Дегрези («литье чугуна») показывает, что когда-то там находились литейные мастерские, которых позже уже не было, но в квартале жили наиболее квалифицированные мастера литейщики, скупщики их продукции и помещались торговые ряды литейщиков[612]. Содержит указание на нахождение в квартале промышленных заведений и название квартала Чор харос (Четыре мельницы)[613]. О нахождении в кварталах различных заведений говорят также названия Тупхона (Орудийный парк), Хамбоми кунджак (Угловая баня) и др. К этой же группе можно отнести названия, являющиеся названиями рынков: Бозо́ри чуб (Дровяной рынок), Бозо́ри гуль (Рынок цветов) и Бозбри нау (Новый рынок). В первых двух кварталах, действительно, велась торговля соответствующими товарами; третье название — старое; в актах XVI в. оно встречается в другой форме; Бозори дарби нау (Рынок у новых ворот)[614]. В начале XX в. в этом квартале ежедневно происходил утренний базар, на котором продавались кипяченые сливки, привозимые сюда из сельских пригородов.

Среди этой группы названий кварталов значительное место занимали такие, в которых содержится указание на какое-либо культовое учреждение, нередко специфического облика: Мачити Баланд (Высокая мечеть), Мачити бесутун (Мечеть без столбов), Мачити кунджак (Угловая мечеть). В других названиях этой группы мы находим указание на наличие в квартале медресе или хонако (Кош-мадраса, Гарибия, вероятно также квартал Муддао, кварталы Хонако, Хонако́йи

[610] А. А. Семенов, Исторический очерк художественных ремесел Узбекистана,— «Литература и искусство Узбекистана», кн. IV—V, 1937, стр. 117.

[611] Слово «хоса» в конце XIX — начале XX в. обозначало в основном эмирские владения (хамбо́ми хоса, чорбо́ги хоса — личная баня, личный сад эмира).

[612] См.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 33.

[613] В Бухаре были распространены небольшие мельницы (харос), приводимые в движение животным — ослом или лошадью.

[614] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 62—65. См. ниже, стр. 302.

Чукмоки, Куйи хонако). Название квартала Вакф указывает на то, что сам квартал, вернее, его территория являлась ва куфным имуществом какого то культового учреждения[615].

В пятую группу выделены названия, в которых отра зился характер местности или местонахождение квартала: Чукур махалла (Слобода в низине), Таи пушта (Около клад бища), Таи чорбог (Возле сада), Яланги Бокиджон-кушбеги (Пустырь кушбеги Бокиджона) и др. К этой же группе от носятся названия кварталов, указывающие на расположение их около городских ворот: Дарвозайи Углон, Дарвозайи Сал лаххона, Чорбакколи Дарвозайи Самарканд. Очевидно, со старым названием ворот X в. было связано название кварта ла Калобод. В некоторых названиях имеется указание на улицы и перекрестки: Сесуки таррохи, Сесуки Охунди Суфи, Куйи дарахт и др. Среди таких названий следует отметить название двух кварталов Чакар (Чакари Джуйбор и Чакари Султонон)[616].

Довольно много названий содержат указание на находив шиеся в квартале водные источники: Хаузи баланд, Ляби хаузи арбоб, Хаузи нау, Чóхи занджир, Джуйи чаппа, Джуй зар; последнее название может быть очень древним[617]. Воз можно, к древним восходит и название квартала Пайкан, которое могло иметь связь с названием соседнего с Бухарой древнего города Пайкенда, захиревшего после арабского за воевания и не вернувшегося к жизни, несмотря на попытки Арслан хана (XII в.) вновь его заселить[618].

В шестую группу вошли названия нескольких кварта лов, которые пока расшифровать не удалось. Записанные от населения предания носят чисто легендарный характер и ни как не помогают разобраться в первоначальном значении этих названий.

К таким кварталам относятся Моркуш (Убивающий змей) и Мургкуш (Убивающий птиц или режущий кур).

Неясно значение таких названий кварталов, как Забуда, Зомуча (буки «дыня») и Карчигай (букв «ястреб»)[619].

[615] Подобные примеры в Бухаре конца XIX — начала XX в. имелись (см.: О. А. Сул а рева, Бухара..., стр. 274—276).

[616] О значении термина «чакар» см. стр. 105, прим. ПО.

[617] См. описание квартала Джуйзар, № 51.

[618] Н а р ш а х и, История Бухары, перевод, стр. 28.

[619] Л. И. Ремпель объясняет последнее тем, что «там жили сокольни чие эмиров или ханов» («Из истории градостроительства *пг* Востоке»,— сб. «Искусство зодчих Узбекистана», Ташкент, 1962, стр. 233). Это тол кование основано на недоразумении: название квартала имеет значение «ястреб», а не «ястребятник». Кроме того, охотничьими птицами в Сред ней Азии служили не ястребы, а беркуты («буркут»). В собирательном значении охотничьи птицы назывались «куш» (ср. термин «кушбеги» в его первоначальном значении). В названиях кварталов Бухары, приведенных в этой работе Л. И. Ремпеля, так же как и при характеристике отдель

Название Зомуча считается названием находившегося в этом квартале мазара (Ходжа Зомуча). Именами людей могли быть названия Ислом и Кутлук[620] — эти слова употреблялись в качестве мужских имен. Название квартала Алвопдж могло быть искажением имени Алвон бий (алвон — «кумачовый, красный»). В своей современной форме — Алвондж — это название квартала встречено в поздней грамоте начала XX в. Название квартала Гузари Хай бухарцы производят от одобрительного восклицания «хай хай».

Рассмотрение названий кварталов по их смысловому значению показало, что в Бухаре XIX — начала XX в. больше всего было кварталов, получивших названия по имени лиц, построивших в кварталах мечети или медресе, а также по имени «святых», могилы которых (нередко мнимые) были в данном квартале. Значение таких названий для исторического исследования заключается, во первых, в том, что имена благодаря имеющимся при них указаниям на чин, должность или титул строителя дают материал для характеристики той прослойки, из которой выходили строители культовых зданий, а во вторых, в том, что среди этих имен мы встречаем немало имен исторических лиц, деятельность которых благодаря этому освещается еще с одной стороны. Названия мазаров как источник особенно полезны: они сохранялись веками и могут быть использованы для локализации пунктов, известных по историческим источникам и служащих для решения важных вопросов исторической топографии[621]. Второе место по распространенности занимали названия кварталов, в которых содержалось указание на характер местности или наличие какого нибудь здания, моста и прочих данных, могущих служить ориентирами при изучении топографии города как в последний период его существования в качестве феодального, так и топографии исторической.

Названия, указывающие на происхождение или занятия жителей кварталов, не составляя численно значительной группы, имеют особенно большое значение для характеристики городского населения.

Изложенное показывает тот большой научный интерес, который могут представлять названия городских кварталов. Так

ных кварталов, допущено много неточностей и ошибок. Например, вместо названия Джуйи зар (зар — золото] дано Джуйи зард (зард — желтый), вместо Тан зиндон — Пай зиндон и т. п.

[620] Кутлуй — «счастливый, живучий». О значении слова «кут» см.: М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район, — «Изв. Об ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1929, стр. 113.

[621] Эти данные были использованы автором для определения границ Бухары до постройки последней городской стены (см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 45—63).

как в исторических источниках названия кварталов не увязаны с территорией и попадаются более или менее случайно, то и выводы из этих упоминаний могут иметь только самое узкое значение. Этнографические материалы позволили расширить истолкование этих фактов, дали возможность выяснить состав городских кварталов в целом, увязать сведения о них с конкретной топографией города и использовать их для изучения его истории.

Особо важен для характеристики кварталов вопрос о социальном составе их жителей. В литературе иной раз указывалось, что социально квартал был однозначным. В. А. Гордлевский, ссылаясь на Ибн Баттуту, говорит о кварталах знати, духовенства, купечества, ремесленников, т. е. считает, что кварталы различались по социальному или сословному признаку. Как пишет В. А. Гордлевский, характеризуя средневековую Конию, «цехи... профессиональные группы жили отдельно друг от друга». При этом вывод о раздельном поселении людей разных профессии (а следовательно, о совместном проживании профессиональных групп) он делает, исходя лишь из факта наличия отдельных рядов на конийском базаре[622]. М. Е. Массон, характеризуя Шахрисябз XV в., в составленном им плане выделяет одну часть города как «кварталы знати и духовенства», другую — как «кварталы ремесленников»[623]. Историки вынуждены толковать расширительно отрывочные данные письменных источников (в основном названия кварталов) для решения вопроса о том, на какой основе происходило в феодальном городе расселение различных социальных слоев и профессиональных групп. Более точные выводы могут сделать археологи, обнаружив места сосредоточения остатков того или иного производства, но, как показали этнографические материалы, место производства не всегда совпадало с жилищем ремесленника. По археологическим материалам почти невозможно определить места расселения ткачей и других ремесленников, следы производственной деятельности которых не обладают прочностью. Еще труднее наметить расселение неиндустриального населения. Поэтому большой интерес имеют этнографические данные, и в этом отношении исследование Бухары дает особенно ценный материал, так как Бухара до начала XX в. сохраняла много черт феодального города. Сведения, собранные по всем бухарским кварталам, позволяют судить о том, какой принцип лежал в основе расселения социально различных групп ее населения. Хотя эти данные относятся к последнему

[622] В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. I, М., 1960, стр. 155.

[623] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, разд. II, стр. 33.

этапу феодализма, они свидетельствуют и о времени более раннем.

В Бухаре конца XIX — начала XX в. представители привилегированного военно служилого сословия (сипо) жили в 53 кварталах города, но только в 12 кварталах они составляли заметную по численности часть жителей, причем это были преимущественно низшие слои служилых людей, в то время как в 41 квартале были отмечены лишь отдельные семьи сипо (одна, две, три), жившие среди ремесленно торгового населения. При этом в расселении служилых людей наблюдалась определенная закономерность: в центральных кварталах, например в кварталах, расположенных на территории древнего шахристана, они почти совершенно отсутствовали, расселяясь преимущественно на окраинах города. В двух районах города отмечены кварталы, где военно служилые люди жили компактными группами. Одним из них был квартал Кыргыз-оим, который получил в народе название «Гузари сипохо»; второй, более значительный, район поселения военно служилых людей находился в северо западной части города, к югу от ворот Талипоч. Здесь на территории двенадцати кварталов[624], особенно в семи из них, военно служилые люди составляли весьма заметную часть населения, определявшую облик кварталов, хотя и не являлись единственными жителями этого района: в тех же кварталах жили ремесленники и другие прослойки горожан.

Семьи служилых людей также отмечены в кварталах Ургандживён и Хонако в Джуйбаре. В последнем жили духовная знать из джуйбарских ходжей, а также служилые люди, занимавшие в этом сословии невысокое положение. Вместе с тем среди жителей этого квартала было также немало ремесленников форсов, в частности ткачей.

На противоположном конце города — на северо востоке тоже было немало служилых людей. Они жили в двух смежных кварталах — Каро-Камол и Дилькушбйи дарун, а также в кварталах, примыкавших к Самаркандским воротам.

Как в районах поселения компактных групп военно служилых людей, так и в тех кварталах, где они жили отдельными семьями, территориально они не были отделены от простого народа, жили бок о бок с торговцами, ремесленниками, духовенством и различными категориями обслуживающего люда. В одних кварталах семьи служилых людей принадлежали к постоянным жителям и имели там собственные дома, в других такие семьи проживали временно, в имевших ся там казенных домах, предназначавшихся для чиновников

[624] Сорвоно, Кул-Мухаммад-хаджи, Зиндафиль Ахмади Джоми, Окмачит, Калмок Дурман, Баходур бий, Лянги араб, Мачити кунджак Ахмад-дорго, Такия, Чашма Аюб (отдельные семьи сипо).

определенных должностей. Семья жила в таком доме до тех пор, пока в положении ее главы не происходила какая нибудь перемена, пока он не был смещен или переведен на другую должность. В большом казенном доме квартала Куйи мург куш все время жили, сменяя друг друга, семьи крупных сановников. В квартале Мир Дустум знатная аристократическая семья («миро») [625] жила постоянно, имея там свой дом. В этом же квартале проживала в своем доме семья последнего кушбеги — Усмон-бия (который после назначения на эту должность, конечно, переселился в арк, где в отсутствие эмира ему надлежало находиться неотлучно). В этом же квартале был дом казикаляна Бако-хона и жили представители крупнейшего чиновного духовенства — урок и судур. Небольшой казенный дом в этом квартале занимал какой то мелкий чиновник, которому по должности тоже полагалось жить на казенной квартире. Но эти семьи составляли небольшую часть жителей квартала Мир Дустум; значительный процент их состоял из ремесленников золотошвеев, которых было так много, что квартал Мир Дустум в народе был известен как квартал золотошвеев. Кроме золотошвеев здесь жили ремесленники других специальностей: ткачи, плотники. Вместе с тем в этом квартале было много торговцев — как средних, так и крупных, вроде богатого оптового торговца фарфором Садилло Чинни.

Таким образом, семьи привилегированного сословия знати и служилых людей в лице наиболее видных представителей этой прослойки жили разбросанно, в разных кварталах, вперемежку с другими слоями горожан. Поселение служилых людей довольно компактными группами наблюдалось лишь в отношении их низших категорий и определялось не традицией и не удобствами, которые могли проистекать от такой концентрации. Набираемые в вилаятах для несения военной службы [626], они поселялись компактной группой в столице ханства, получая от правительства место для жительства [627] преимущественно в менее заселенных окраинных кварталах, где имелось и иное население. Там продолжали жить и их потомки, нередко несшие службу на низших должностях эмирской армии.

Картина расселения по городским кварталам военно служилых людей будет неполна, если не показать расселение рядовых военных (сарбазов), которых насчитывалось в Бу

[625] Миро (мирхо) — мн. ч. от слова «мир».

[626] В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов,—«Изв. Среднеазиатского отделения РГО», вып. XVII, Ташкент, 1928.

[627] По материалам М С Юсупова. См.: О. А. Сухарева Бухара..., стр. 270.

харе до 10 тысяч. Их казармы имелись в кварталах Кофилон, Таи чорбог и Кофар работ, но сарбазы являлись туда лишь для несения службы, а жили в различных кварталах. Если это были местные бухарцы, то они проживали в своих кварталах, со своими родителями; попавшие в сарбазы люди из других мест снимали кельи в караван-сараях[625]. Семьи сарбазов были отмечены больше в кварталах, расположенных неподалеку от казарм. Среди сарбазов были ремесленники, они занимались ремеслом в свободное от дежурств время. Напоминая во многом русских стрельцов допетровских времен, которые так же совмещали военные занятия с ремеслами и торговлей, сарбазы Бухары отличались тем, что проживали не в отдельных слободах, а были рассеяны по всему городу, входя наравне с другими горожанами в общину того квартала, где находилось их жилище.

Тенденция к распространению по всей территории города особенно была характерна для торговцев. По сообщенным старожилами многих кварталов сведениям, видно, что в редком квартале торговцев не было вовсе. Различные их прослойки — крупные купцы (саудогар), богатые торговцы (тимчи), хозяева небольших лавочек (дукондор, баккол), наконец, ростовщики и менялы (сарроф) — отмечены в 130 кварталах. Но лишь в немногих торговцы составляли большинство жителей. К таким кварталам относятся, например, кварталы Пойи остона и Ходжа Порсо. Не наблюдалось в Бухаре и тенденции к поселению в одном квартале торговцев одной специальности, как и поселения этой прослойки в кварталах, расположенных около их торговых рядов или рынков. Разбросанность торговцев по всей территории города, несомненно, вытекала из особенностей самой торговли, отнюдь не стимулировавшей объединения семей торговцев в одном месте, а нередко прямо требующей их разобщения. Это касается, в частности, торговцев съестным, которые должны были обеспечить своими товарами все части города,— их торговля была выгодной лишь при этом условии.

Семьи духовенства, которого в Бухаре было больше, чем в любом другом среднеазиатском городе, были отмечены в 41 квартале. Из них в семи кварталах {Куйи дархат, Олим ходжа, Чохи занджир, Мулло Пайрави, Зангулясози, Ходжа Зайниддин, Магоки аттори) они составляли значительную или даже преобладающую часть населения. Эта прослойка горожан селилась по большей части в центральном районе города. Вряд ли случайным было скопление семей духовенства на территории, которая в средневековых актах обозначалась как город, «обнесенный древней стеной» (даруни хисори ка

См.: С. Айни, Дохунда, М., 1956, стр. 161—164.

дим), где было особенно много культовых учреждений. Но семьи духовенства отмечены и в окраинных кварталах. Их поселение там чаще всего было связано с находившимися в руках суфийского духовенства мечетями, в которых происхо дили радения. Около них нередки жили потомки основателя суфийской общины, когда то построившего мечеть. Там же находилась обычно его могила, превращенная в мазар. Так, около Самаркандских ворот располагался один из таких кварталов — Олим ходжа, где был крупный суфийский центр, основанный выходцем из Хорезма — ишаном Олим ходжой; несколько южнее был другой суфийский центр — в квартале Шохи Ахси, название которого являлось прозвищем извест ного суфия, основателя Файзабада. Мавлоно Поянда Му хаммада (ум. в 1601 г.) [629]. В квартале жили его потомки. На юго восточной окраине находился квартал Халифа Ху сайн, мечеть которого была построена ишаном Халифа Ху сайном. Его потомственные мюриды, а может быть, и преем ники жили в соседнем квартале Алвондж. У ворот Саллаххо на, в квартале Хонакбйи Чукмоки, жили потомки основателя хонако и находилась его могила

Расселение муллобачей — учащихся многочисленных мед ресе, которые частью были коренными бухарцами, частью же комплектовались из приезжих,— было тесно связано с разме щением медресе, в которых они имели в собственности или в пользовании келью — это было условием для обучения. Но они могли проживать в одном медресе, а учиться в другом. Они входили в общины тех кварталов, где находились медре се, в которых они проживали. Муллобачи-бухарцы, имея в пользовании келью в каком нибудь медресе, жили в семьях своих родителей и входили в общину того квартала, где на ходилось их жилище.

С известными оговорками к духовенству низшей категории можно отнести маддахов, специальностью которых было пуб личное рассказывание на площадях и улицах историй рели гиозного содержания. Маддахи занимали промежуточное мес то между каландарами и представителями различных видов народного театра и были объединены в общину или корпо рацию. Б Бухаре маддахи жили в особом квартале Маддо хон [630]; квартал того же названия имелся и в дореволюцион ном Самарканде.

Каландары внутри города Бухары не обнаружены. По со общению интеллигентного пожилого бухарца, в Бухаре ка ландархона находилась за воротами Саллаххона, в местности,

[629] См. описание квартала Шохи Ахси, № 198.

[630] О маддахах см.: А. Л. Тр о и ц к а я, Из прошлого калайдаров и маддахов в Узбекистане,— сб. «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии», М., 1975.

которая называлась Сепилон. Там жил их глава (бобойи ка ландаро). Однако на плане, сделанном в начале второй по ловины XIX в. бухарцем[631], каландархона показана на севе ро западе, на некотором расстоянии от ворот Тали Поч.

Приведенные факты показывают, что в расселении раз личных прослоек бухарского духовенства наблюдалась тен денция к концентрации, так что в некоторых кварталах эта прослойка горожан была довольно заметной. При этом наблю далась значительная разница в расселении ортодоксального и суфийского духовенства. Последнее селилось отдельными очагами, каждая группа вблизи фамильной святыни. Возмож но, более поздним появлением в Бухаре указанных суфийских общин объясняется локализация их в окраинных кварталах. Ортодоксальное духовенство селилось в центральных кварта лах, возможно, потому, что эта часть города, с точки зрения бухарцев, была наиболее удобной и ценимой. Конечно, имело также значение нахождение здесь множества культовых уч реждений.

Рассмотрев характер расселения всех этих привилегиро ванных групп, мы приходим к выводу, что четко выделявшей ся аристократической части города, где концентрировались бы семьи знати, богачей и духовенства, в Бухаре не было. Ко нечно, некоторые различия в социальном облике разных квар талов имелись, однако они были выражены слабо. Гораздо более характерным было проживание знатных и богатых горожан в одном квартале с семьями среднего достатка и беднотой.

Тенденция к объединению на одной территории однород ного по своему облику и социальному положению населения ясно и последовательно проявлялась лишь в расселении ре месленников. Этот вопрос был уже освещен в печати[632], здесь будут изложены только те факты, которые имеют непосред ственное значение для понимания характера населенных ре месленниками кварталов.

Историки востоковеды медиевисты высказывали предпо ложение, что в средние века ремесла совпадали с квартала ми[633]. Высокая степень развития ремесла, которой различ ные его отрасли достигли к XIX в., имела своим следствием то, что наиболее развитые отрасли далеко вышли за границы одного квартала. Ткачество, например, было отмечено в чет вертой части всех бухарских кварталов (51 квартал), сапож ное дело — в 32, ювелиры жили в 30 кварталах, кузнецы — в 15 и т. п. Сформировались целые районы, в которых одним

[631] См. выше, стр. 64—66.
[632] О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 21—30.
[633] См., например: В. А. Гордлевский, Государство Сельджуки дов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 126.

ремеслом занимались большинство жителей нескольких со седних кварталов. Ткачи, например, составляли основное население кварталов Джуйбара — самой молодой части го рода, вошедшей в его черту во второй половине XVI в. Второй центр ткачества образовался в восточной части города — в квартале Корхона. Этот район вошел в границы города зна чительно раньше, чем Джуйбар, и, по видимому, является в Бухаре более ранним районом ткачества, косвенным подтвер ждением чего можно считать наличие здесь связанной с этой профессией святыни и соответствующей легенды.

Причины, по которым то или иное ремесло локализовалось в определенной части города, были различны. В одних слу чаях это диктовалось наличием там необходимых для про мысла условий. Кожевенники, например, нуждались в воде, без которой не могла осуществляться обработка кож. Вместе с тем они должны были селиться так, чтобы не загрязнять воду, идущую от них по каналу. Поэтому кожевенники обыч но занимали кварталы на окраинах, эта закономерность на блюдается во многих городах [634]. В Бухаре кожевенники жили в двух кварталах (Чармгарон и Халифа Худойдод) около Шергиронских ворот и в трех кварталах (Эшони пир, Ара бон и Мир Масъуд) около ворот Саллаххона. Кроме того, они расселились около имевшихся внутри города болот, ис пользуя негодную для питья соленую воду родников. Один из таких районов, квартал Кемухтгарон, находился на терри тории шахристана и был, вероятно, самым старым центром кожевенного производства в Бухаре. Право, которое коже венники приобрели на это место, вероятно, в незапамятные времена, сохранялось за ними, несмотря на все неудобства, которые причиняло их соседство жителям остальных кварта лов этого района. Оно подкреплялось прочно сохранявшимся суеверием: боязнью наказания со стороны мифического пат рона кожевенников.

Также древней традицией объясняется сосредоточение в центральных кварталах мастерских ремесленников по обра ботке металлов — кузнецов, ножовщиков, игольщиков, гвоз дарей, литейщиков. В изучаемый период ремесленников, свя занных с такими промыслами, оставалось уже немного, в ряде случаев они исчезли в связи с прекращением самого про мысла, оставив по себе память только в названии квартала (в Бухаре кварталы Мехчагарон — Гвоздари, Сузангарон — Игольщики). Во многих случаях в квартале оставались толь- ко торговые ряды данного ремесла, как, например, в квар тале литейщиков Дегрези, расположенном на территории

[634] О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 136—137, см. планы Бухары и Шахрисябза

шахристана, но название квартала свидетельствует, что в прошлом здесь не только жили литейщики, но и производилось литье.

Проживание ремесленников одной специальности в особом квартале или в группе соседних кварталов, по видимому, объясняется глубокой традицией и соответствием этого интересам ремесленников и самого производства. При существовавшей среди ремесленников практике взаимопомощи [635] было важно, чтобы по соседству жили мастера той же специальности. Этот порядок нарушился для большинства ремесел при их развитии, сохранившись лишь в немногих слаборазвитых промыслах [636]. Эти немногие примеры показывают, что историки в своих предположениях о закономерном совпадении ремесла и квартала в феодальном городе были правы. Из этого был сделан вывод о совпадении квартала с ремесленной корпорацией. Как писал А. Ю. Якубовский, «едва ли ошибочным будет предположение, что шейхи махалля являлись одновременно главами того ремесла, которым занимались жители данной махалля, и что занимавшиеся ремеслом были объединены в свой цех» [637].

Однако это может быть верным лишь для ранних этапов истории феодального города: по мере развития ремесел и выхода их за пределы квартала такие совпадения становились всё более редкими. Как показывает пример Бухары, на последнем этапе ее существования как феодального города совпадение квартала и ремесла наблюдалось лишь в порядке исключения, а совпадение корпорации и квартала было невозможно принципиально: старшины кварталов имели обязанности, совершенно отличные от обязанностей старшин ремесленных корпораций, и потому даже в тех случаях, когда ремесло было замкнуто рамками одного квартала, в нем был отдельный старшина цеха и особый же старшина квартала. Эти должности никогда не совмещались в одном лице [638].

[635] См.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., разд. «Плетение циновок», стр. 135—136. Взаимопомощь в производстве ташкентских литейщиков описана Каримой Фазиловой в ее дипломной работе, первая часть которой опубликована (К. Фазилова. Ташкентский квартал литейщиков (махалля Дероз) в конце XIX — начале XX в.,—«Научные работы и сообщения Института истории и археологии АН УзССР», кн. 4, Ташкент. 1961, стр. 240—245).

[636] См.: О. А. Сухарева, Позднефеодальный город..., стр. 133—136, 115.

[637] «История народов Узбекистана», т. I, 1950, стр. 245.

[638] Обязанности старшин ремесленных корпораций освещены в книге автора «Позднефеодальный город...» (стр. 96—97, 106). Этот вопрос специально рассматривался Е. М. Пещеревой в ее работах: Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 316 и далее; О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XX в.,— «Краткие сообщения ИЭ АН СССР», вып. 33, М.—Л., 1960, стр. 40—44.

Для понимания роли квартала в производственной жизни горожан, в первую очередь в жизни почти единственного производительного компонента городского населения — ремесленников, очень важно учитывать, что связь общины квартала с производством и производственными отношениями к этому времени почти совершенно исчезла. Сохранялись некоторые производственные связи между ремесленниками одной специальности, живущими в одном квартале. Если же специальности были разные, дело ограничивалось обычными отношениями соседей по кварталу, так как занятие ремеслом вообще в Средней Азии не вело за собой ясно выраженной сословной и классовой общности между ремесленниками разных специальностей.

Занятие жителей различными ремеслами влияло на облик квартала по разному. Конечно, если производственный процесс осуществлялся в лавках мастерских, находившихся в базарных рядах, то он не сказывался на облике и жизни квартала. Но если ремесленники работали в своих домах, и особенно если они при определенных операциях должны были помогать друг другу (как, например, при подготовке основы для тканья) или же производство их осуществлялось одновременно {например, при очистке шкур кожевенниками), а тем более если они объединялись при заготовке сырья (как плетельщики циновок) и производили некоторые операции на улицах квартала (они же), — квартал приобретал в значительной мере производственный облик, резко отличавший его от других кварталов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ЖИЛОГО КВАРТАЛА

1. Исторический обзор кварталов

Свидетельства средневековых письменных источников позволяют установить, что жилой квартал был важнейшим элементом структуры феодального города на всех этапах его существования.

Для обозначения жилого квартала в письменных источниках и в живых современных языках народов Средней Азии были распространены три термина: *ку* (тадж. کو), *махалла* (араб. محله, мн. ч. محلات, от корня حل — «занимать место, селиться») и *гузар* (тадж. گذر «проход», от глагола گذشتن «проходить»). Эти термины употреблялись и как синонимы, и в разных значениях, исторически сменяя друг друга. Процесс и время смены терминов удалось проследить на материалах Бухары благодаря обилию находящихся в нашем распоряжении источников по этому городу[1]. Сделанные выводы подтвердились и в отношении Самарканда.

В наиболее раннем из использованных источников — в таджикском переводе «Истории Бухары» Наршахи, сделанном в XII в. с не дошедшего до нас арабского оригинала[2], встречаются термины *ку* и *махалла* (махаллат). Были ли они во времена Наршахи синонимами, как в более поздних источниках,— сказать трудно. В свете последних данных о наличии в структуре феодального города деления на «микрорайоны», в которые объединялась группа соседних кварталов, можно

[1] Терминология, связанная с жилыми кварталами, подробно рассмотрена в специальной статье (О. А. Сухарева, О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии,—«Народы Азии и Африки», 1965, № 6), и потому здесь вопрос о терминах излагается кратко и только в отношении Бухары.

[2] Мухаммад Наршахи, История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин, Ташкент, 1897. Перевод на английский язык опубликован Р. Н. Фраем (R. N. Frye, The History of Bukhara, Cambridge, Mass., 1954). Критический текст издан Шарлем Шефером: Description topographique... de Boukhara par Mohammed Nershakhy. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892.

р
р

высказать предположение, что и в X—XII вв. термин *махалла* мог обозначать не обычный городской квартал, расположенный в более или менее густой застройке, а какие то более крупные отдельные структурные единицы. Употребление обоих терминов в труде Наршахи как будто дает для такого предположения некоторые основания: термин *махалла* употреблен при описании кварталов, которые были «отделены и удалены друг от друга подобно селениям», а также при упоминании квартала, составлявшего «четвертую часть шахристана» — древнейшей части города. Термином *ку* обозначены кварталы, по видимому, более мелкие, внутригородские, хотя и в этом смысле употреблен иногда термин *махалла*.

В XV—XVI вв. жилой квартал в основном обозначался термином *ку*. *Махалла* в этом значении встречается как исключение и притом явно как синоним термина *ку*. Начиная с XVII в. в Бухаре (и в Самарканде) распространился новый термин — *гузар,* употребляемый там и поныне. Став господствующим, он тоже не сразу вытеснил старое *ку:* в вакуфных грамотах XVII в. встречаются оба термина, причем иногда в отношении одного и того же квартала. Из этого с несомненностью следует, что в тот период оба термина были синонимами. По грамоте начала XVIII в. можно воочию видеть смену терминов для обозначения кварталов: в грамоте сказано, что мечеть находится در کوی گذر غازیان, т. е. употреблены одновременно оба термина: устаревшее к тому времени *ку* и вошедшее в обиход *гузар*[3]. К XVIII в. термин *ку* совершенно вышел из употребления, сохранившись лишь как составная часть в нескольких названиях бухарских кварталов.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют выделить в истории бухарских кварталов пять этапов. Первый из них — это VIII—XII вв., второй: XIII — первая половина XVI в., третий: вторая половина XVI—XVII в., четвертый: XVIII — первая половина XIX в., пятый: вторая половина XIX — начало XX в. После социалистической революции, которая совершилась в Бухарском ханстве лишь в 1920 г., кварталы в ходе сложения социалистического города теряют прежнее значение, хотя в старых частях города и сохраняются в виде пережитка до сих пор. Жилые кварталы при этом в корне преобразуются, их жизнь и функции приобретают новое содержание. Этот период истории бухарских кварталов в данной работе не рассматривается — она посвящена городу феодальному.

Выделение указанных этапов, конечно, в значительной мере условно и продиктовано в первую очередь имеющимися в нашем распоряжении источниками, но все же оно отражает

[3] ГА, ед. хр. 450 (1706 07 г.).

этапы истории не только квартала, но и города, изменения, происходившие в его жизни под влиянием исторического процесса, определявшего исторические судьбы всего общества в целом. Первый из выделенных нами этапов — VIII—XII вв.— освещается «Историей Бухары» Мухаммада Наршахи (X в.) и ее переводчиков, дополнивших его сочинение сведениями о городе XII в. Этот период неоднороден[4]. В VIII в. феодальная Бухара только формировалась, а в X—XII вв. это был уже полностью сложившийся феодальный город с развитыми ремеслами и торговлей. Но мы вынуждены пока рассматривать весь этот период как один этап, лишь попытавшись выделить, насколько позволяет сложный текст источника, наиболее ранние черты городских кварталов, относящиеся, по видимому, ко времени арабского завоевания, т. е. к VIII в.

О кварталах Бухары начала VIII в. известно немного. Наршахи пишет, что город делился тогда на четыре части (четверти — ربع), каждая из которых, вероятно, в это время составляла один квартал. Во всяком случае это можно с уверенностью утверждать относительно одной из четвертей: Наршахи прямо говорит, что квартал, принадлежавший богатому дехкану Хына, занимал четвертую часть шахристана[5], которым во времена арабского завоевания, по словам того же Наршахи, и ограничивалась территория города. К этому же времени относится, вероятно, характеристика некоторых кварталов, по Наршахи не сливавшихся друг с другом, а расположенных разбросанно, далеко друг от друга. Это сообщение мы находим в рассказе о событиях того времени, когда Бухарой управлял Кутайба, т. е. начала VIII в. К таким расположенным обособленно кварталам мог относиться и квартал А'ло, окруженный оградой (خطيره) и имевший ворота[6].

Если считать кварталами все то, что Наршахи именует и «махалла», и «ку», то в этом источнике имеется 12 названий кварталов: Куйи Ридон, Куйи Вазир или Куйи Кох, Куйи А'ло, Куйи Бу Ляйс, Куйи Бакор, Куйи Мугон, Куйи Дехкон, махалла Гардункашон, махалла Ворот Мансура, махалла Ворот Самарканда, махалла Дарвозача и Махаллайи Фагсодара (Фагсодра][7]. Все эти кварталы упомянуты в тексте, который, по видимому, принадлежит самому Наршахи. Во вставках,

[4] Бухара VIII—XII вв. освещалась автором в статьях и в книге «К истории городов Бухарского ханства», Ташкент, 1958. В последней сделана попытка выделения некоторых разновременных частей в тексте «Истории Бухары» Наршахи (стр. 8—10), конечно, ни в коей мере не исчерпавшая вопроса.

[5] Наршахи, История Бухары, текст, стр. 52; перевод Н. Лыкошина, стр. 70.

[6] Там же, текст, стр. 53; перевод, стр. 72.

[7] Там же, текст, стр. 24, 27, 52—54, 93.

сделанных при переводе в XII в., названий кварталов мы не находим.

Все названия бухарских кварталов, упомянутые в «Истории Бухары», кроме одного, исчезли еще в период средневековья: мы не встречаем их не только среди названий XIX — начала XX в., когда были выявлены все бухарские кварталы полностью, но и среди многочисленных названий, известных нам по письменным источникам XV—XVIII вв. Только название Куйи Дехкон просуществовало дольше. Оно упомянуто в вакуфной грамоте начала XV в., составленной в пользу библиотеки медресе Ходжа Порсо, которая находилась, по этому документу, в квартале Куйи Дехкон[8]. Здание библиотеки в виде небольшого купольного помещения, почти вросшего в землю, так что над ней возвышался только верх купола, еще сохранялось в 40 х годах нашего века, и по этому ориентиру квартал Куйи Дехкон может быть локализован очень точно: он соответствовал кварталу Мулло Пайрави, помещавшемуся на территории шахристана, к северо востоку от пассажа Токи Заргарон. Исследование О. Г. Большакова, основанное на изучении арабоязычных географов, также привело его к убеждению, что Улица дехканов должна была помещаться в восточной части города X—XII вв.[9], где и был расположен квартал Мулло Пайрави. Эта локализация улицы расходится с той, которую предложил А. Ю. Якубовский, высказавший мнение, что эта улица находилась в западной части Бухары [10].

Вторым документом, в котором мы находим название квартала Куйи Дехкон, является упомянутый выше поздний список бухарских кварталов из архива кушбеги; в этом списке есть квартал Куйи Дехконон [11].

В X, а тем более в XII в. кварталы Бухары были, конечно, уже не такими, как описанные Наршахи кварталы VIII в. По известиям, оставленным арабскими авторами X в., видно, что Бухара к этому времени приобрела уже чисто городской облик, городская застройка сделалась очень плотной. Истахри сообщает о перенаселенности города и о значительном развитии в нем ремесленной промышленности и торговли [12], т. е. типично городских занятий. Это, конечно, определяло и облик кварталов того времени.

[8] ГА, ед. хр. 55.

[9] О. Г. Большаков, Город в конце VIII — начале XIII в., — в кн.: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 250.

[10] А. Ю. Якубовский, Ибн Сина, — сб. «Ибн Сина», Ташкент, 1958, стр. П.

[11] См. выше, стр. 59, № 101.

[12] В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 385. См. также: В. А. Шишкин, Города Узбекистана, Ташкент, 1943, стр. 8.

Второй этап в истории бухарских кварталов: XIII — первая половина XVI в. Письменные источники пока не позволяют расчленить этот трехсотпятидесятилетний период, хотя он был неоднороден не менее, если не более, чем первый этап. За эти века произошло разрушение Бухары войсками Чингиз хана, а потом медленное и неполное ее восстановление. Даже в блестящий период Тимура и первых Тимуридов город не вырос до прежних размеров и сохранял границы, которые определила городская стена, возведенная, вероятно, при восстановлении города после разгрома его монголами. Это обстоятельство и позволяет выделить в один этап весь этот длительный и неоднородный период. Конец ему положила перестройка стены во второй половине XVI в. Для этого этапа сведения о кварталах Бухары очень скудны: по источникам XV в. мы знаем названия лишь пяти кварталов, но зато все они могут быть вполне уверенно локализованы на территории города, причем три из них сохранили свои названия до начала XX в.

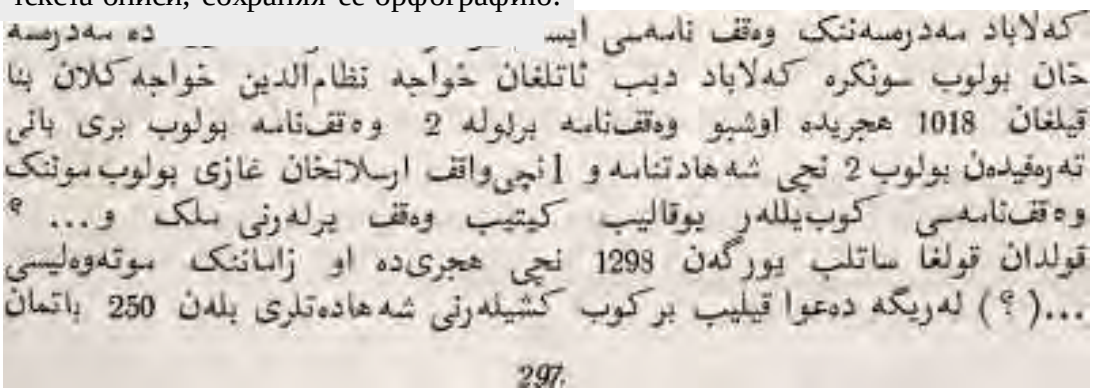
В «Книге Мулло зода» мы встречаем два названия. Одно из них Калобод. Квартал Калобод (محلهٔ کلاباد) можно считать самым древним из бухарских кварталов, сохранивших свое старое название. Название Калобод известно в Бухаре на протяжении целого тысячелетия: арабские географы X в. упоминают Ворота Калобод (Калябад), которые, по В. В. Бартольду и И. И. Умнякову, соответствовали воротам Каволя, или Каршинским. Это сопоставление было принято и другими историками Бухары. Однако реальная топография Бухары этого не подтверждает: квартал Калобод, существовавший еще в начале XX в., был расположен на дороге, которая вела не к Каршинским, а к Мазарским воротам. Это была самая северная из трех улиц, ведших от центра города к его восточной границе, она начиналась от перекрестка, на котором в XVI в. был возведен купольный пассаж Заргарон. К Каршинским (юго-восточным) воротам шла самая южная улица. Она отходила от перекрестка, где в XVI в. был возведен купольный пассаж Саррофон[18]. Квартал Калобод, несомненно, получил свое название от тех городских ворот, около которых он был когда то расположен, а ворота были названы по святыне — почитавшейся могиле Абу Бакра Исхока Калободи, которая, по сообщениям, еще в наше время находилась за Мазарскими воротами. Квартал Калобод, занимавший рань

[18] О неправильном отождествлении древних ворот Калабад с дошедшими до нас воротами Каволя, или Карши, см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 35—37, 54. О. Г. Большаков считает, что в восточной стеке было не двое ворот, а трое и что Калабадским воротам соответствовали Мазарские, а Каршинским «скорее... Мардкушанские» (см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, стр. 383, прим. 5 и 6).

ше положение около ворот, т. е. на самой окраине, при расширении границ города в XVI в. оказался довольно далеко от городских ворот. Территория этого квартала, конечно, могла за долгий период его существования изменяться, уменьшаясь при вычленении из него новых кварталов. Но его центр — улица, ведшая к городским воротам,— оставался без изменений.

Тождественность квартала Калобод XV—XVI вв. с современным одноименным кварталом доказывается наряду с прочими фактами тем, что находившееся в последнем медресе, известное среди бухарцев под названием Калобод, в документе (вакуфной грамоте) отождествляется с медресе Арслан-хана, как известно, в современной Бухаре не обнаруженным. К сожалению, подлинник грамоты пока не найден — он стал мне известен по описи вакуфных грамот, составленной в Бухаре в 1927 г. В этой описи подробно передаются наиболее важные сведения, содержавшиеся в подлинниках. Всего в список занесено свыше трех десятков грамот. Под номером 2 стоит грамота медресе Калобод. Вот что написано в описи: «В Старой Бухаре [есть] медресе, сначала называвшееся Медресе Хана, а потом названное медресе Калобод. Его построил Ходжа Низомиддин ходжа калон в 1018 г. хиджры (1609 10 г.). Эта вакфнома в одном свитке содержит две вакфнома Первая составлена от лица устроителя вакфа (т. е. Ходжа Низомиддина.— *О. С.)*... а вторая — это свидетельство, которое было составлено вследствие того, что вакфнома Арслан хана гози, который был первым учредителем вакфа, много лет была утерянной, а завещанные им земли... из рук в руки и продавались... В 1298 г. хиджры (1880 81 г.) мутавалли того времени предъявил иск и по свидетельству многих людей старые владения медресе были установлены...» (дальше содержится описание того, как должны расходоваться доходы с этого имущества) [14].

[14] Опись составлена на узбекском языке, написана на арабской графике по принятому в те годы новому правописанию. Ввиду большого интереса, который представляет этот пока не обнаруженный в архивах документ, проливающий свет и на историю медресе Калобод, или Арслан-хана, и на историческую топографию этого района Бухары, привожу часть текста описи, сохраняя ее орфографию:

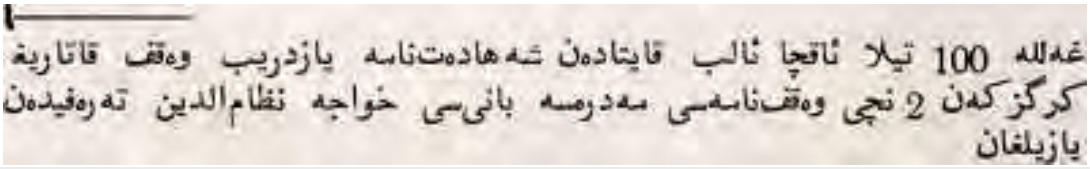


كەلاباد مەدرەسەننک وەقف نامەسی ایس ... ده مەدرەسە
خان بولوب سونکره کەلاباد دیب ئاتلغان خواجه نظام‌الدین خواجه کلان بنا
قیلغان 1018 هجریده اوشبو وەقف‌نامه برلوله 2 وەقف‌نامه بولوب بری بانی
تەرەفیدەن بولوب 2 نچی شەهادتنامه و 1 نچی‌واقف ارسلانخان غازی بولوب موننک
وەقف‌نامەسی کوب‌یللەر یوقالیب کیتیب وەقف یرلەرنی ملک و... ؟
قولدان قولغا ساتلب یورگەن 1298 نچی هجری‌ده او زامانک موتەوەلیسی
...(؟) لەریگه دەعوا قیلیب برکوب کشیلەرنی شەهادەتلری بلەن 250 باتمان

Что в квартале Калобод когда то было медресе Арслан хана, явствует из очень интересной грамоты, заверенной печатью Шах Мурада, который, как известно, предпринял восстановление обветшавших или утерянных вакуфных грамот. Видимо, в XVIII в. еще существовал подлинник, с которого и была снята заверенная Шах Мурадом копия. В ней оформляется вакф «медресе Арслан хана, находящегося в квартале („ку") Калобод» [15]. То, что это была грамота старая, подтверждается употреблением в ней термина «ку» в значении квартал — в XVIII в. он полностью исчез из употребления, заменившись термином «гузар». Наличие в Бухаре медресе, строительство которого приписывалось Арслан хану, подтверждается одним из дополнений, сделанных к «Истории Бухары» Наршахи при переводе ее на таджикский язык в XII в. В нем мы находим сообщение о том, что Арслан-хан «приказал обратить (построенный им.— О. С.) дворец в медресу для факихов». Этот дворец находился на улице Бу Ляйса «в местности Дарвозача» [16], которую О. Г. Большаков, как мне кажется, правильно локализует на северо востоке территории Бухары XIX — начала XX в. («западнее — юго западнее Нурабада») [17], т. е. как раз там, где располагался квартал Калобод. Медресе Калобод, вероятно, было возведено на том самом месте, где стояло медресе Арслан хана, и, возможно, на его фундаменте — такой прием широко практиковался в Бухаре позднего времени. Было бы весьма важно осуществить археологическое изучение этого пункта, пока он не застроен,— медресе Калобод лежит в развалинах.

В двух грамотах 1608 г. медресе этого квартала уже названо медресе Калобод, а не медресе Арслан хана [18]. Но бухарцы долго сохраняли память о преемственности медресе Арслан хана и Калобод: об этом свидетельствует то, что даже в 80 х годах XIX в. мутавалли смог получить подтверждение от «многих людей»,— это и позволило ему перевести вакуфные доходы медресе Арслан хана на медресе Калобод.

Интересен вопрос о строительстве последнего. Среди историков прочно утвердилось мнение, что медресе Калобод построено вторым из известных джуйбарских шейхов — Ходжа Саъдом. Об этом говорится и в вакуфной грамоте


غەلله 100 تىلا ئاقچا ئالب قايتادەن شەھادەتنامه يازدريب وەقف قاتارنه
كرگزكەن 2 نچى وەقفنامەسى مەدرسه بانىسى خواجه نظام الدين تەرەفيدەن
يازيلغان

[15] ГА, ед. хр. 55.
[16] Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, стр. 41.
[17] А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 250.
[18] ГА, ед. хр. 115 и 55.

1608 09 г., прямо указывающей, что строителем и завещателем вакфа этого медресе был Ходжа Саъд ходжа калон [19]. Так же — медресе Калобод — названо оно и в другой грамоте 1608-09 г., завещании вакфа этому медресе сыном Ходжа Саъда — Абдурахимом (واقف عبد الرحيم بن خواجه سعد مشهور به خواجه *frff*) [20]. Ходжа Саъд умер в !589 г.[21], — следовательно, вакф от его имени, как и вакф, завещанный его сыном, были оформлены только спустя 19 лет после его смерти. Видимо, эту дату и следует считать датой окончания строительства медресе Калобод, которое не совсем точно относят к памятникам XVI в.[22].

Интересно также отметить, что завещал вакф в пользу этого медресе не преемник Ходжа Саъда — Таджиддин, а его средний сын — Абдурахим, по законам майората и по личному распоряжению Ходжа Саъда обойденный при разделе наследства. В вакуфном завещании он и определен как мутавалли этого медресе, получив, таким образом, право на часть доходов от вакуфного имущества. Следует думать, что и окончание строительства, как и завещание вакфа от имени Ходжа. Саъда, выполнил именно этот сын.

Признавая ценность сведений, содержащихся в ненайденных грамотах и переданных списком 1927 г., нельзя не отметить имеющегося в этих сведениях некоторого противоречия: вопреки известному, принятому историками и подтвержденному грамотой 1608 09 г. положению о том, что медресе Калобод было построено Ходжа Саъдом, в недошедшей грамоте это строительство приписано Ходжа Низомиддину ходжа калону, причем вакуфная грамота в пользу этого медресе датируется тем же 1608 09 г. Кто такой был Ходжа Низомиддин — неясно: он не был, видимо, из числа ближайших родственников джуйбарского ишанского рода: нам известно имя одного из братьев Ходжа Саъда — Ходжа Косим — и имена его сыновей — Таджиддин, Абдурахим и Абди-ходжа [23].

История медресе Калобод, раскрываемая вакуфными грамотами, важна не только сама по себе: она проливает свет и на историческую топографию этой части Бухары.

Среди бухарцев ходило много легенд, связанных с этим медресе, которое до перестройки стен в XVI в. было расположено на восточной окраине города. Сказочный характер

[19] ГА, ед. хр. 115.
[20] ГА, ед. хр. 55.
[21] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954. стр. 67.
[22] В. А. Шишкин относит окончание строительства к 1592-1600 г. (В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 75).
[23] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 67.

этих легенд был уже мной отмечен. Он совершенно не вязался с этой ординарной и не очень старой постройкой; предания об остальных зданиях, возводившихся по инициативе джуйбарских ходжей в XVI в., совершенно лишены сказочного момента, носят чисто исторический, хотя порой и анекдотический характер[24]. Это и навело на мысль, что легенды относятся не к медресе Калобод, а к чему то более древнему. Обнаружение грамоты в пользу медресе Арслан хана в квартале Калобод позволило предположить, что именно оно породило эти легенды, будучи самым старым медресе в Средней Азии, время и обстоятельства появления которого в Бухаре скрывались в тумане далекого прошлого. Те данные, которые донес до нас список 1927 г., подтвердили это предположение.

Легенда помещает место захоронения Абу Бакра Исхока Калободи, имя которого прочно связалось с Калябадскими воротами, под фундаментом медресе Калобод (тогда как он был похоронен за Мазарскими воротами, и его могила почиталась как мазар). Его прозвищем было Дарбони Бухоро («Страж ворот Бухары»). Это указывает на то, что могила «святого» находилась поблизости от городских ворот. Эти факты могут рассматриваться как смутное воспоминание о том, что Калябадские ворота когда то стояли недалеко от того места, где находилось медресе Калобод, и как косвенное указание на то, что здесь проходила граница города XII в., до сих пор не установленная. Медресе Арслан хана, наследником которого явилось медресе Калобод, конечно, было выстроено внутри гордда — под защитой городских стен. Это предположение, высказанное автором на основании косвенных данных[25], нашло полное подтверждение в подлинной вакуфной грамоте 1608 09 г., прочитанной Е. А. Давидович, предоставившей мне свои выписки для использования. В этой грамоте сказано, что медресе Калобод находится «поблизости от внутренних ворот Калобод» (مدرسه كلاباد ...خارج حصار قديم يب يدرب اندرون كلاباد) [26]. Видимо, они сделались внутренними после того, как была построена новая стена при Абдулазиз хане I в XVI в. Следовательно, в течение какого то, неопределенного пока времени, но после строительства стены в XVI в. в Бухаре имелись две концентрические стены, не считая той, которая известна как стена «старого хисара», остатки кото

[24] О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 54—55.
[25] Там же.
[26] ГА, ед. хр. 3. Пользуюсь случаем выразить Е. А. Давидович глубокую благодарность за постоянную помощь указанием исторических параллелей, ценных для проводимого мной исследования, и консультации по многим специальным вопросам, а также за предоставление для использования своих выписок из бухарских вакуфных грамот.

рой, как и сопровождавшего ее рва, еще сохранялись в Бухаре второй половины XVI в., охватывая ее центральную часть и служа ориентиром, по отношению к которому определялось местонахождение других объектов топографии, в частности жилых кварталов, вплоть до конца XVI в.[27]. Это свидетельство вакуфной грамоты начала XVII в. открывает, таким образом, новый, до сих пор остававшийся неизвестным штрих исторической топографии Бухары этого периода. Таковы те выводы, к которым привело углубленное изучение истории одного из кварталов, сохранившего на протяжении веков свое название и донесшего его до наших дней.

Вторым кварталом, название которого донес до нас источник XV в.— «Книга Мулло зода», был квартал Суфа (он [illegible] давно исчезло, но квартал может быть уверенно локализован, так как в «Книге Мулло зода» указан для него точный ориентир: могила святого Халимуддина Демуни[28]. Она почиталась как мазар и сохранялась до XX в. в квартале Ходжа Халим, название которого представляет собой сокращенную форму имени «святого». Из этого ясно, что квартал Суфа XV в. соответствовал более позднему кварталу Ходжа Халим, который находился недалеко от пассажа Токи Саррофон, в самом начале дороги, ведшей к Каршинским воротам.

Третьим кварталом, известным для XV в., был квартал Ходжа Порсо, сохранявший это название до начала XX в. Впервые он упомянут в вакуфной грамоте 1407 08 г. в пользу медресе Ходжа Порсо[29]. Ходжа Порсо, умерший в 1419 г., был учеником Ходжа Баховаддина Накшбанда, автором трудов по суфизму[30]. Эта грамота, вероятно, является подлинником, составленным в последние годы его жизни, по-видимому в связи с постройкой медресе, для которого и был назначен вакф. Квартал, где находилось медресе Ходжа Порсо и где «святой», вероятно, жил, получил его имя.

Четвертым кварталом, известным для XV в., был квартал Куйи Дехкон, упоминавшийся в той же грамоте 1407 08 г., о котором уже говорилось[31].

Пятым кварталом, известным для XV в., был квартал Бозори нау, сохранивший это название до начала XX в. в качестве второго, уже устаревшего, но еще хорошо известного

[27] О «хисори кадим» см.: Е. А. Давилович, К датировке мечети Ходжа Зайпедлина в Бухаре.— «Материалы по истории и теории архитектуры в Узбекистане», вып. 1, Ташкент, 1950, стр. 28—30. О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 59—62.

[28] «Книга Мулло зода», стр. 66.

[29] ГА, ед. хр. 55.

[30] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, Ташкент, 1955, стр. 173.

[31] О квартале Куйи Дехкон см. выше, стр. 295.

бухарцам названия квартала Имом Мухаммад Газоли[32]. Квартал Бозори нау упомянут в вакуфной грамоте XV в. в пользу медресе Гозиён[33]. Из этого видно, что последнее на звание (известное нам как название квартала в грамоте 1561 г.[34]) в XV в. в топонимике Бухары уже существовало, но как название не квартала, а медресе.

Для понимания названия квартала Бозори нау интерес ные уточнения можно найти в актах второй половины XVI в., где оно встречается в более полной форме — بازار دروازهٔ نو или بازار درب نو[35]. По видимому, такова была первоначальная форма названия этого квартала и базара. Ворота, на которые оно указывает, были, несомненно, во внутренней древней сте не, известной под названием «хисори дарун» или «хисори кадим»[36]. Когда эта стена, а вместе с ней и ворота исчезли, эпитет «новый» был перенесен на рынок, очевидно по преж нему функционировавший на этом месте. Квартал Бозори нау — последний из известных нам кварталов XV в.: их чис ло, возможно, пополнится после того, как будут привлечены новые источники. Пока же их нет вплоть до середины XVI в., когда начинают давать обильный материал документы из ар хива шейхов Джуйбари.

Обращает на себя внимание размещение в городе извест ных нам кварталов этого времени. За исключением квартала Куйи Дехкон, который был на территории шахристана, все они размещались на территории раннего рабада. Вероятно, это объясняется тем, что в XV — первой половине XVI в. тер ритория города, уменьшившаяся после разрушения его вой сками Чингиз хана, на востоке не выходила за границы ран него рабада; по косвенным данным удалось установить, что на севере она совпадала в этот период с границей шахри стана[37].

Третий этап в истории бухарских кварталов, падающий на вторую половину XVI—XVII в., начинается со строительства новой стены, осуществленного в восточной части при Аб дулазиз хане I (1540—1549), а в западной — при Абдулла хане (1557—1598). В результате территория города значи тельно расширилась за счет включения в его черту пригород ных селений, постепенно преобразовавшихся затем в квар талы. При этом некоторые селения были разрезаны линией стены на две части, одна из которых оказалась внутри, а дру гая вне города. Так, на северо восточной окраине образовался

[32] См. описание квартала Имом Мухаммад Газоли № 141.
[33] ГА, ед. хр. 1186.
[34] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 114.
[35] Там же, стр. 62, 65, 74.
[36] О «хисори кадим» см. стр. 301, прим. 27.
[37] О. А. Сухарева. К истории городов..., стр. 52.

квартал Дилькушойи дарун, в то время как за стеной оста лось селение Дилькушойи берун. На юго западе в черту го рода вошла территория Джуйбара, на которой образовалось 16 кварталов, а часть Джуйбара осталась за стеной и получи ла название Джуйбори берун («Джуйбар внешний»).

В этих границах город просуществовал до самой револю ции и вышел за них в основном только в послевоенный пе риод.

В актах второй половины XVI в., как изданных, так и хранящихся в архивах, обнаружено 34 названия кварталов[38]. Из них к началу XX в. сохранили свои названия девять, на звания двух кварталов слегка изменились: либо в документе дана сокращенная форма (например, Магок вместо Магоки аттори[39]), либо, наоборот, название дошло до нашего времени в сокращенной форме (Мир-Дустум вместо более раннего Ляби хаузи Мир Дустум). Название квартала Мир-Масъуд сохранилось в качестве второго, устаревшего, но еще не за бытого названия квартала Фатхулло-кушбеги (он же Саид Камол)[40].

Шесть кварталов легко локализуются, так как их назва ния содержат указание на их местонахождение (Заргарон, Саррофон, Бозори карбос, Токиядузон, Хыёбон, Чорсуки да рун). Последний помещался в районе пассажа Токи Заргарон. В Бухаре было два перекрестка (чорсук), на обоих в XVI в. были выстроены купольные пассажи Заргарон и Саррофон (по ним, видимо, назывались одноименные кварталы). Так как второй находился вне территории древней части города (хисори кадим), а первый — внутри нее[41], ясно, что квартал Чорсуки дарун мог быть только около пассажа Токи Зар гарон.

[38] Названия кварталов второй половины XVI в.: 1. Абдулазиз хон, 2. Амир Ёр-Мухаммад-садр-атка, 3. Амир Тин Кылыч, 4. Амири (Мавло но, Мулло Амири), 5. Бобо Махмуд-шох, 6. Бозори карбос, 7. Гаукушон, 8. Гозиён, 9. Заргарон, 10. Косагарон, 11. Куйи дарахт, 12. Куйи Хоним (Джомийи Хоним), 13. Ляби хаузи Мир Дустум, 14. Мавлоно Фазлатулло, 15. Мавлоно Шакар (или Шукур), 16. Магок, 17. Мехтар Тагой, 18. Мир Масъуд, 19. Мулло-ходжа, 20. Мухаммад-Касим, 21. Паткорон, 22. Саид Бандкушо (Хазрат Бандкушо), 23. Сарахсиён, 24. Саррофон (Пули Саррофон), 25. Суфиён, 26. Токиядузон, 27. Ходжа Али Сумитани (хазрат), 28. Ходжа Зайниддин (Хаузи Ходжа Зайниддин), 29. Хофиз Мохони, 30. Хофиз Тафтон, 31. Хофиз-Хаджи, 32. Хыёбон, 33. Чорсуки дарун, 34. Шайх Шона.

[39] Несомненно, имеется в виду Магоки аттори, а не Магоки курпа, так как вторая мечеть была построена позже, в 1636 37 г. (В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, стр. 78). Поскольку во время составления документа в Бухаре имелась одна мечеть Магок, то ее эпитет «аттори» мог быть опущен.

[40] Оба последних названия были названиями находившихся в этом квартале медресе.

[41] См. стр. 301, прим. 27.

Квартал Бозори карбос мог быть поблизости от мечети Калом и минарета Арслан хана, где в начале XX в. был традиционный рынок, на котором продавались бумажные ткани кустарного производства (карбос). Некоторые кварталы, изменившие свои названия, надежно локализуются по имеющимся ориентирам: Саид Бандкушо отождествляется с кварталом Дегрези, где находился мазар Саид Бандкушо[42] или Саид Побанд: квартал Абдулазиз-хон — с кварталом Хаузи нау, так как документ составлен на построенное Абдулазиз ханом медресе в Джуйбаре, известное как медресе Джуйбори калон[43], а Шайх Шона — с кварталом Мухаммади Пастак, где находилась большая мечеть Шайх Шона. Квартал Хофиз Тафтон, видимо, соответствовал кварталу Калтигиён, так как старожилы этого квартала еще помнили там старую баню Кухак (حمام کهک): базар Куйи Кухак упоминается в документе XVI в. как находящийся в квартале Хофиз-Тафтон[44]. Местонахождение квартала Мулло ходжа устанавливается благодаря тому, что в документах о нем сказано, что он находился около «каменного (кирпичного — *О. С.)* моста Гаукушон», т. е. по соседству с кварталом Гаукушон[45].

Местонахождение остальных кварталов, названия которых встретились в актах второй половины XVI в., остается неизвестным .

Для изучения истории кварталов XVII в. опубликованных источников нет, зато в нашем распоряжении имеется архив аппарата эмирской администрации (архив кушбеги), содержащий довольно много документов этого периода. Всего для XVII в. мы имеем 42 названия кварталов[46], из которых 22 названия бытовали в начале XX в. Многие исчезнувшие названия XVII в. поддаются сопоставлению с современными, они

[42] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 24, 29. О мазаре Саид Бандкушо см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 51.

[43] О нем см.: В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары, стр. 82.

[44] «Из архива шейхов Джуйбари», стр. 18.

[45] Там же, стр. 17.

[46] Названия кварталов XVII в.: 1. Азизон, 2. Бобо Ахмадиён, 3. Бозори пиёз, 4. Волидя-хон (Волидайи хон), 5. Дарвозайи Имом, 6. Дарвозайи об, 7. Дарвозайи Саллаххона, 8. Дарвозайи Шайх Джалол, 9. Дари арки баста, 10. Дари зиндон, 11. Джон-Али-бий, 12. Искандар-хон, 13. Ислом, 14. Каллапушдузон, 15. Калта Манор, 16. Калтигиён, 17. Камонгарон, 18. Каро Камол, 19. Кучик углон, 20. Кози Мир Хошим, 21. Кози Файзи, 22. Мадрзсайи Миракон, 23. Масъуд-девон (Мулло), 24. Мачити бесутун, 25. Мухаммад ёр бий атолык, 26. Мухаммад Мискин (Мулло. хазрат), 27. Мухаммад-Шариф, 28. Мухаммад-Рахим-султон, 29. Подшох-кули-бий-хаджи, 30. Порсбонон, 31. Равгангарон (Сари пули равгангарон), 32. Раъд зада, 33. Таббанд (Ходжа Таббанд), 34. Халифа Нцёзкул, 35. Халифа Хусайн, 36. Хаммоми каппа, 37. Ходжа Мухаммад, 38. Хофиз Чанги, 39 Хусайн-Али-ноиной, 40. Чохи занджир, 41. Шайх Суфиён (Суфиёни Саури),*42. Шайх Шох (Ляби хаузи хазрат Шайх Шох).

могут быть идентифицированы с кварталами XX в. по приведённым в документах ориентирам.

Кварталы Дарвозайи Имом и Дарвозайи Саллаххона[47] могли находиться только около одноименных ворот. Квартал Дарвозайи об, упоминаемый в грамоте 1689 90 г., надежно локализуется в том месте, где в город входит основной орошающий его канал. Это название уже не употреблялось в начале XX в. Квартал, расположенный у этого места, в конце XIX — начале XX в. носил название Кози Нуриддин. Это название встречается в вакуфной грамоте, датируемой печатью эмира Шах-Мурада, а это значит, что оно может быть и более ранним[48]. В списке кварталов из архива кушбеги этого названия, как и названия Дарвозайи об, мы не находим. Квартал Суфиёни Саури[49] легко локализуется по сохранившемуся в квартале Тупхона до наших дней мазару Суфиёни Саури. Упомянутый в акте 1662 63 г. квартал Бобо-Ахмадиён позже получил название Кул-Махмад-хаджи; их тождественность доказывается тем, что в документе говорится о нахождении мечети Кул-Мухаммад-хаджи[50] в квартале Бобо Ахмадиён; в акте 1564 65 г. говорится о «старом вакфе, который называют землями Бобо Ахмадиён»[51]. Квартал Хофиз Чанги может быть отождествлен с известным в начале XX в. кварталом Мирзо Гафур, так как Мирзо Гафур назван в вакуфной грамоте строителем мечети, медресе и хауза в квартале Хофиз Чанги[52]. Б XX в. имя устроителя этого комплекса вытеснило старое название квартала, но сохранилось название хауза Хофиз Чанги, отмеченного в экспликации к плану Пархфенова — Фешина в этом квартале. Квартал Халифа Ниёзкул, названный в двух грамотах XVII в.[53], локализуется по одноименному медресе, которое среди бухарцев и в литературе известно как медресе Чор минор[54].

Уже было сделано сопоставление упомянутого в грамоте XVII в. квартала Арки баста с кварталом Кози урда, расположенным к востоку от арка, в том месте, где должны были помещаться вторые, позже заложенные ворота цитадели[55].

[47] ГА, ед. хр. 494 и 403.
[48] ГА, ел. хр. 305.
[49] ГА, ед. хр. 494.
[50] ГА, ед. хр. 306.
[51] «Из архива шейхов Джуйбари» стр. 135.
[52] ГА, ед. хр. 305. Грамота датируется печатью эмира Хайлара (1800—1826).
[53] ГА, ед. хр. 45 и 55.
[54] «История народов Узбекистана», т. II, 1947, стр. 182. Датировка строительства медресе в этой книге 1807 годом нуждается в уточнении, поскольку медресе Халифа Ниёкул, как видно из указанных грамот, существовало уже в конце XVII в.
[55] О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 58—59.

Среди кварталов XVII в., сохранивших свои названия до начала XX в., следует отметить квартал Мавлоно Шариф. Достопримечательностью его была большая мечеть, в которой до самой революции происходили еженедельные громкие ра дения, почему она называлась хонако. Эта мечеть упоминает ся в грамоте 1679-80 г.[56]. Имя, очевидно строителя мечети, давшее название и кварталу, принадлежит одному из двух известных исторических лиц, живших в одно время и носив ших одинаковые имена. Строителем хонако Мавлоно Шариф мог быть упомянутый В. Л. Вяткиным «бухарский законовед Мавлоно Шариф, профессор из мадрасы Кукалдаш», «чело век влиятельный и ученый», помогавший своими советами бухарскому правителю «при вторжении хивинского хана Ану ши в 1097 (1686) г. в пределы Бухарского ханства»[57]. Высо кое положение Мавлоно Шарифа подтверждается грамотой 1679 80 г., в которой он назван полностью, со всеми своими титулами: Охунд Мулло Мухаммад-Шариф[58] Эта черта его биографии была известна и старшему поколению бухарцев: предание считает Мавлоно Шарифа охундом медресе Кукал тош[59]. Как известно, в Бухаре конца XIX — начала XX в. высший духовный чин и звание получал тот, кто был назна чен мударрисом крупнейшего в Бухаре медресе Кукалтош. Так как по условию завещателя вакфа этого медресе в нем имелся только один мударрис, его доход с этого вакфа дол жен был быть очень велик.

Но в истории Бухары XVII в. было еще одно лицо, носив шее имя Мавлоно Шариф: «известный теоретик дервишизма и автор трудов о громком зикре», умерший в 1679 г.[60].

Благодаря счастливой случайности удалось ознакомиться с одеждой, приписывавшейся Мавлоно Шарифу, и получить ее для музея. Одежда хранилась у шейхов мавзолея Мавло но Шарифа, находившегося в этом же квартале, а когда мав золей разрушился, была передана на хранение жительнице соседнего квартала Дегрези — последнему прямому потомку Мавлоно Шарифа[61]. Судя по скромности этой одежды, она могла скорее принадлежать суфию, чем первому духовному

[56] ГА, ед. хр. 474.

[57] В. Л. Вяткин. Ферганский мистик Девона-и-Машраб.— «Сб. Тур кестанского восточного института в честь А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 30—32. О вторжении хана Ануши см.: «История народов Узбекиста на», т. II, стр. 87; «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 555.

[58] ГА, ед. хр. 474.

[59] Сообщение очень осведомленного Мулло Хотама, 70 лет, из квар тала Чорбакколи Дарвозайи Самарканд.

[60] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, стр. 353.

[61] О. А. Сухарева, Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в.,— сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970.

сановнику Бухары. Не исключено, однако, что и последний мог носить небогатую одежду из показного смирения. Известен пример дервишествующего правителя Бухары Шах Мурада, который ходил в «зеленой, очень засаленной одежде» из простой бумажной ткани[62].

Название квартала Калтигиён впервые встречается в документе XVII в. и происходит от названия селения Калти, откуда, по видимому, происходили жители этого квартала. Можно думать, что их переселение было осуществлено в XVII в., и тогда старое, известное с XVI в. название Хофиз Тафтон оказалось вытесненным названием Калтигиён.

К XVII в. относится также квартал Калта Манор[63].

К самому началу XVII в. или, может быть, к концу XVI в. относится строительство мечети (хонако) Шохи Ахси, впоследствии давшей название кварталу. Это название раскрывается вакуфной грамотой, заверенной печатью Шах Мурада, в которой упоминается полное имя строителя мечети: им был известный суфий Мавлоно Поянда Мухаммад Ахси (Ахсикети) йи Файзободи, умерший ч 1601 г.[64] (основатель суфийского центра, известного как Файзабад, где находится ханака того же названия, вероятно тоже построенная при жизни и по инициативе Шохи Ахси)[65]. Видимо, вскоре после этого название хонако перешло на квартал. Мечеть этого квартала была одной из самых богатых в Бухаре. Ее имам и другие служители получали большие доходы с вакуфного имущества, которым владела мечеть. Как свидетельствует вакуфная грамота, заверенная печатью Шах Мурада, в пользу мечети квартала Шохи Ахси было сделано крупное пожертвование, состоявшее из почти полутора тысяч танапов земли и двух лавок, неким Кучик бий углоном и другими лицами[66], вероятно его родственниками или мюридами из среды знати. Время этого пожертвования остается неизвестным.

Род ишанов Шохи Ахси продолжал существовать в Бухаре вплоть до революции, играя не последнюю роль в усилении наиболее реакционных настроений. В архиве имеется справка из дела Туркестанского районного охранного отделения от 28 июля 1916 г., содержащая выдержку из «донесения... на ишана Шояхси». В ней говорится, что он участвовал в «шиитской резне» 1910 г.— печально известном событии, спрово

[62] В. В. Григорьев. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари.— «Уч. записки Казанского университета», кн. 1, Казань, 1861, стр. 116, прим. 60.

[63] Собрание грамот Бухарского музея, Кг 1313 (1607 08 г.).

[64] См.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. III, стр. 331.

[65] О хонако Файзабад см.: Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 336—337.

[66] ГА, ед. хр. 494.

цированном наиболее реакционными кругами духовенства[67]. В 1915 г. начальник полицейского управления сообщает в своем рапорте, что в феврале этого года «ишан Шояхси призывал к восстанию против России в связи с вступлением Турции в войну»[68]. Протурецкие, панисламистские тенденции его деятельности совершенно ясны.

Вероятно, к XVII в. относится и появление квартала Кози Файзи, во всяком случае мечети этого имени. Это выясняется из печати казия Файзи на документе 1664-65 г.[69]. Примерно в это время и была построена мечеть Кози Файзи, несколько позже ее название перешло на квартал.

Хотя XVII в., как известно, отнюдь не был для Средней Азии, и в частности для Бухары, спокойным временем (на этот период падают непрерывные феодальные войны и набеги, народные волнения и смена правителей и их администрации, что не способствовало политической устойчивости[70]), но все же этот период, включая годы правления Абдулазиз хана II (1645—1680) по сравнению с последовавшими затем смутами «впоследствии вспоминали как время твердой власти, порядка и благосостояния»[71]. Этот период по своему характеру входит в тот этап в истории города, который начался строительством новой стены в XVI в., предпринятым вследствие того, что город вырос и уже не вмещался в старых границах. То, что в это время горожане находились в «нормальных» для феодального общества условиях, доказывает большое число сделанных в эти годы и оформленных соответствующими грамотами пожертвований в пользу бухарских медресе и мечетей.

В следующий период, четвертый этап по нашей периодизации, это весьма относительное процветание сменилось разрухой и запустением, которые, по свидетельству источников, дошли до того, что в Бухаре оставались населенными только два квартала[72]. Многие историки считают, что такие сообщения в основном правильно освещают положение дел. Только В. В. Бартольд высказывал мнение, что «кризис XVIII в. в Бухарском ханстве отразился на городской жизни в меньшей степени, чем в Хивинском», и Бухара пострадала меньше,

[67] ГА, ф. III, д. 177, лл. 21—27. Об этом событии см.: «История народов Узбекистана», т. II, стр. 413; «История Узбекской ССР», т. II. Ташкент, 1968, стр. 386; О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 86; ее же, Бухара..., стр. 162.

[68] ГА, ф. 3, оп. 2, д. 264, лл. 7—9.

[69] ГА, ед. хр. 310. Квартал Кози Файзи упоминается в грамотах XVIII в.

[70] «История Узбекской ССР», т. I, 1967, стр. 557 566.

[71] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 270.

[72] Д. Г. Воронович, «Гульшен ал мулюк» Мухаммада Якуба Бухари, автореф. канд. дисс., Ташкент, 1949, стр. 9.

чем Самарканд, где к середине XVIII в. «совершенно не было жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1000 семейств»[73]. Вторая половина этого этапа имела своим содержанием постепенное преодоление последствий разрухи. Город и его жилые кварталы восстанавливались или складывались вновь. Этот этап длился до присоединения Средней Азии к России и превращения Бухары в вассальное ханство.

Основным источником для изучения кварталов на этом этапе их истории остаются официальные акты, в частности вакуфные грамоты. Изданных источников этого рода пока нет. В использованной мной описи вакуфных грамот этого периода встретилось 113 названий кварталов. Из них для XVIII в. отмечено 61 название, не считая тех, которые были встречены в более ранних грамотах.

Рассмотрение грамот XVIII в. представляет особый интерес для истории городской жизни, так как они отражают как упадок города, так и его восстановление. Поэтому мы рассмотрим их более детально, по десятилетиям, это позволит уточнить степень запустения Бухары, его продолжительность и динамику постепенного преодоления.

К первому десятилетию XVIII в. относятся 9 вакуфных грамот. В них упоминаются кварталы: Дари арки баста, Бобойи Ол, Камонгарон (Сиёкорон), Гозиён, Кош мадраса, Мехтар Кофилон, Имом Козн-хон, Каро-Камол и Чорбоги Бокихон. Первые три квартала расположены в самом центре города, последние — на крайнем западе и на востоке, на территории, вошедшей в черту города в XVI в. Хотя грамот немного (видимо, горожане в этот период не особенно благоденствовали), но по расположению упомянутых в них кварталов видно, что практически весь город был заселен.

На второе десятилетие приходится 12 названий. Из упомянутых в вакуфных грамотах кварталов четыре находились в центре (Хаммоми кунджак, Чор харос, Хуллабофон и Сарофон), Амон-бой — на юге, Кучкор бек бий — на востоке, Ходжа Курбон, Мир Дустум (Ляби хаузи Мир Дустум) и Хаузи баланд — на территории, входившей в город до постройки последней стены, а Урусон, Хонакойи Джуйбор и Суфи Зохид — в районе, позже других вошедшем в черту города. Следовательно, и в это десятилетие город тоже был сплошь заселен.

В 20 х годах XVIII в. не было сделано ни одного пожертвования вакфа. На 30 е годы падает пять грамот с упоминанием кварталов Дарвозайи об, Махдуми Аъзам, Сари пули равгангарон, Яланги Бокиджон-кушбеги, Такия. Все кварталы располагались посреди густой городской застройки, за

. В. Бартольд. Сочинения, т. П, ч. I, стр. 272.

исключением кварталов Такия (на северо западной окраине) и Дарвозайи об, находившегося у восточной стены, там, где входил питавший город канал. Этот район, несмотря на его отдаленность, вероятно, должен был быть хорошо защищен, чтобы гарантировать поступление воды в город.

В 40 е годы, совпадающие с захватом Бухары и Самар канда иранским правителем Надир шахом, было сделано все го два пожертвования — в пользу мечети Арафот[74] в кварта ле Калобод и мечети Мирзс Пайк. Название последней в быту Бухары не сохранилось, но, по видимому, ее можно со поставить с мечетью квартала Кул-Мухаммад-хаджи распо ложенного на западной окраине. Название Мирзо Пайк яв ляется, по видимому, вторым названием квартала Кул Му хаммад-хаджи[75]. раньше, как уже указывалось, называвше гося Бобо Ахмадиён. Отождествление кварталов Мирзо Пайк и Кул Мухаммад хаджи можно сделать на том основании, что в документе, который можно датировать первой четвертью XIX в., строителем мечети квартала Бобо Ахмадиён назван Ходжа Мирзо-пайк[76]. В нескольких грамотах говорится о ме чети Кози Мирзо Пайк, причем оговорено, что она построена этим человеком, он завещал ей и вакф[77].

В следующие десятилетия жизнь горожан тоже была не спокойной. Воцарение мангытской династии, как известно, проходило отнюдь не гладко. Годы правления Мухаммад-Ра- хима (1753—1758) и Данияла (1758—1785) были наполнены непрерывными войнами и подавлением мятежей узбекской племенной знати, стремившейся по прежнему сохранить са мостоятельность. Третий представитель мангытской динас тии — Шах Мурад после смерти своего отца долго не решал ся принять власть и публично каялся в проступках своих предшественников против шариата. Приняв власть и титул эмира, он стал править крепкой рукой и рядом энергичных мер подавил беспорядки, добился того, что власть сделалась более централизованной. Установление некоторого спокойст вия и постоянно демонстрируемая приверженность правителя к религии стимулировали строительство зданий с богоугод ной целью, в частности квартальных мечетей. Как всегда, ос новным слоем строителей была знать, светская и духовная, и богатое купечество.

Вплоть до 80 х годов число грамот, оформлявших строи тельство новых мечетей и пожертвований в их пользу, оста валось очень небольшим. Несколько больше грамот падает на

[74] ГА, ед. хр. 459.
[75] ГА, ед. хр. 306 (1662 63 г.).
[76] ГА, ед. хр. 305. Документ без даты, но на нем стоит печать казня Шарифа бен Атоулло, которая встретилась на грамоте 1825 26 г.
[77] ГА, ед. хр. 307, 306 (две грамоты 1748 г. и одна — 1776 г.).

50 е годы — их было девять, зато на 60 е приходится всего четыре, а на 70-е — три.

В грамотах 50 х годов упомянуты мечети кварталов Волида хон, Дуст чурогоси, Заббиён, Ляби хаузи арбоб, Кози Файзи, Яланги Бокинджон-кушбеги (сохранившие свои названия до начала XX в.), квартал Ходжа Абульхафиз аълам, о котором говорится, что там находится мечеть Мухаммад-ёр-бий, возможно соответствовавшая мечети квартала Мухаммад-ёр-атолык[78], и квартал Байни токайн, который локализуется по медресе Мулло Асири, позже давшему название всему кварталу (Мавлоно Асири)[79]. Последней назовем мечеть квартала Гулом Али тупчибоши, о которой в трех грамотах говорится, что она находится в квартале Кози Файзи, причем в одной из них Гулом Али тупчибоши назван строителем мечети его имени[80]. Как видим, это строительство не привело ни к отделению нового квартала, ни к изменению старого названия, датируемого временем жизни Кози Файзи: оно устанавливается по грамоте 1664 65 г.[81], на которой стоит его печать, как печать хазяя, утверждающего пожертвование. Из приведенного видно, что оба названия мечети бытовали одновременно, более ранним было Кози Файзи. Гулом Али тупчибоши осуществил свое строительство столетием позже и, вероятно, на том месте, где стояла прежняя мечеть, пришедшая в ветхость. Это видно из того, что разделения квартала на два прихода, за чем должно было последовать выделение нового квартала, не произошло.

Из грамот 60 х годов мы узнаём названия кварталов Мухаммад-Али-хаджи, Эшони Имло, Кучкор бек и Калмокон, в котором в это время была построена новая мечеть — Баходур бий. Квартал с этим названием тогда еще не отчленился. В трех грамотах 70 х годов упоминаются кварталы Джон Кубод доруга, Хазрат Аюб и Хуллабофон. Все эти семь названий сохранились до начала XX в.

Хотя, как видим, в эти три десятилетия новых мечетей или пожертвований в пользу старых было очень мало, но примечательно, что названные в грамотах кварталы были разбросаны по всей территории города: кварталы Джон Ку

[78] ГА, ед. хр. 306. Мы сопоставляем эти два названия не с полной уверенностью, так как «соборная мечеть Мухаммад-ёр-аталыка» указана как находящаяся в квартале Бозори нау в более ранней грамоте 1668 69 г. (ГА, ед. хр. 8). Может быть, то же лицо, не имея еще титула аталык, выступило как строитель еще одной мечети — Мухаммад ёр бий, до нас не дошедшей.

[79] ГА, ед. хр. 36. Грамота датируется печатью Мухаммад-Рахим-бия-аталыка (1753—1758).

[80] ГА, ед. хр. 359 (1755 56 г.), 306 (грамота, заверенная печатью Шах Мурада) и 332.

[81] ГА, ед. хр. 310.

бод-доруга. Хазрат Аюб, Калмокон и Мухаммад Али хаджи находились на северной и северо западной окраинах, Кучкор бек — в восточной части города. Но большинство упомянутых кварталов этого времени все же помещалось на территории, занятой городом до постройки стены в XVI в., в центре, ко торый, конечно, при разрухе сохранялся лучше, чем окраины. С 80 х годов число грамот начинает заметно возрастать, они становятся всё более многочисленными[82]. Возрастание про должается и в 90 х годах[83] и в первой половине XIX в.

Из приведенных фактов с очевидностью следует, что начи ная с третьего десятилетия и кончая седьмым, особенно в третьем и четвертом десятилетиях, горожанам приходилось настолько туго, что им было не до пожертвований с «богоугод ной» целью. В последние два десятилетия этого века город ская жизнь, видимо, полностью восстанавливается.

При восстановлении города после запустения XVIII в. не которые кварталы переменили свои названия, в других путем строительства новых мечетей создались предпосылки для чле нения квартала; отделившийся квартал получал при этом новое название. Квартал Ворот Саллаххона (около одноимен ных ворот) стал называться так лишь с конца XVII в.[84], рань ше он был известен под названием Мир-Масъуд, которое старожилы помнили как второе название своего квартала. Оно встречается и в грамотах XVIII в.[85].

Кроме указанных выше, некоторые названия могут быть сопоставлены с кварталами XIX — начала XX в. по приведен ным в документах ориентирам. Так, квартал Тарматой бий можно отождествить с кварталом Мурдашуён, так как в гра моте 1794 95 г. указано, что квартал Тарматой бий «известен, как квартал Ляби хаузи мурдахо»[86], а хауз, которым поль зовались только обмывальщики мертвых, в изучаемый период находился в квартале Мурдашуён. В грамоте 1785 86 г. ска зано, что медресе Аскар бий находилось в квартале Канбар

[82] В грамотах 80 х годов упоминаются кварталы: Чор корвонсарой. Шишахона, Ходжа Мухаммад Порсо, Мухаммад-Подшох-ходжа, Суфиён, Чохи занджир, Яланги Бокиджон-кушбеги, Канбар бий атолык, Хонакяй Джуйбор, Эр-Назар-катаган, Мири табиб, Усто Рухи, мечеть Баходур бнй в квартале Калмокон. Мулло Масъуд-девон, Мухаммад Косим (ГА, ед. хр. 55, 341, 457, 202, 397, 31, 494, 1294, 306, 456, 129)".

[83] В грамотах 90 х годов упоминаются кварталы: Саид-Баидхушо Мирджон-Али, Надир-Вакс, Кокилайи хурд, Магоки аттори, Кош-медре-са, Куйи мургкуш, Волида-хон на Хыёбоне, Мадрасайи Амин Мухаммад накиб, Хаузи лесак, Хаджи доруга. Ок мачит, Калмокон. Мир Дустум. Куйи чорбоги Боки Мухаммад хон, Мирзо Хайдар, мечеть Ходжа Али, известная как Подшокули-хаджи, Тарматой бий (ГА. ед. хр. 441, 306 448, 307, 55. 129, 55. 20. 129, 213, 307, 292. 387, 17, 188. 285, 186, 203).

[84] ГА, ед. хр. 196 (1683-84 г.).

[85] ГА, ед. хр. 494.

[86] Там же.

бий[87]. К началу XX в. последнее название исчезло, квартал стал называться Аскар бий по медресе, которое, видимо, было достопримечательностью квартала и потому вытеснило старое название. Имена Канбар бий и Аскар бий могли принадлежать отцу и сыну: было принято давать сыну имя, рифмующееся с именем отца.

Некоторые кварталы в XVIII в. еще носили старые названия, известные по более ранним документам, но их мечети уже были перестроены и получили имена строителей, которые впоследствии перешли и па кварталы. Так, мечеть Ходжа Курбон, по которой в конце XIX — начале XX в. назывался квартал, в то время была еще мечетью квартала Ходжа Аёз[88], а мечеть Мирзо Гафур, согласно грамоте, заверенной печатью эмира Хайдара, находилась в квартале Хофиз Чанги[89].

В ряде случаев документы позволяют установить первоначальную форму названия, дошедшего до нас иногда в измененной форме. Уже говорилось о квартале, известном в начале XX в. как квартал Катаган (что позволяло думать о принадлежности его населения к этому узбекскому племени). Но грамота 1786 87 г. раскрывает это название как имя Эр Назар-катагана, отца жертвователя вакфа в пользу этой мечети[90]. Из этого можно заключить, что Эр Назар жил в первой половине или в середине XVIII в., т. е. в то время, когда в Бухаре царила разруха. Пожертвование вакфа, вероятно, было сделано сыном в порядке выполнения завещания отца, уже после его смерти, когда сложилась более благоприятная обстановка: мы знаем, что это произошло после того, как правителем стал Шах-Мурад, принимавший крутые меры для восстановления порядка. Именно при нем число вакуфных грамот, оформлявших новые пожертвования, стало резко возрастать.

Название квартала Кучкор-курчи, представлявшее собой, несомненно, имя строителя квартальной мечети, в грамотах встречается с разными титулами: Кучкор бий, Кучкор бек бий кушбеги. Ясно, что во всех этих случаях имелся в виду один и тот же человек — знатный сановник, занимавший различные высшие должности в административном аппарате ханства. Наиболее ранний документ, оформляющий завещание вакфа в пользу мечети этого квартала, относится к 1713 г., следующее завещание сделано в 1723 г., а последнее, вероятно посмертное, — от имени его сыновей в 1760 г. Имен

[87] ГА, ед. хр. 186.
[88] ГА, ед. хр. 303; квартал Ходжа Курбон упомянут также в грамоте, заверенной печатью Шах-Мурада (ГА, ед. хр. 494).
[89] ГА, ед. хр. 305.
[90] ГА, ед. хр. 494.

но в самом позднем документе имя этого лица сопровождает самый высокий и полный титул — Кучкор-бек-бий-кушбеги [91]. Видимо, в этом чине он и умер.

Квартал Яланги Бокиджон-кушбеги, название которого впервые упоминается в грамоте 1734 35 г., судя по грамоте 1753 54 г. носил также название Алочабофон («Ткачи») [92]; однако не исключено, что они употреблялись одновременно, второе было народным в отличие от первого названия, кото рое могло быть официальным, «дафтарным». Официальные названия чаще всего представляли собой имя строителя квар тальной мечети.

К XVIII в. мы вынуждены отнести также довольно много численные грамоты, заверенные печатью эмира Шах Мурада. Как известно, он предпринял в годы своего правления вос становление вакфов предыдущего периода, документы на ко торые либо обветшали, либо были утеряны, особенно за смут ное время, предшествовавшее его воцарению. Ясно, что вак фы, получившие в XVIII в. новое оформление, образовались гораздо раньше. Примером этого может служить изложенная выше история кварталов Калобод и Шохи Ахси. Конечно, не в XVIII в., а, вероятно, в XVI были составлены оригиналы двух заверенных Шах Мурадом грамот в пользу двух разных мечетей Искандар хон. Их строителем был номинальный пра витель Бухары Искандар хан (ум. в 1583 г.) [93]. В одной из этих грамот указано, что мечеть Искандар хон находится «на юге Регистана» [94]. В этом районе Бухары начала XX в. квар тала с таким названием не было, и неизвестно, какому из современных кварталов он соответствовал. Второй квартал Искандар хон, находившийся около северной стены города, к западу от Самаркандских ворот, сохранил свое название. Его тожественность с тем, который назван в грамоте, заве ренной Шах Мурадом, удостоверяется указанием, что мечеть Иекандар хон находится в квартале Атламиш — этот сосед ний квартал раньше, очевидно, составлял единое целое с квар талом Искандар хон. Документ в пользу мечети последнего, несомненно, был составлен при жизни Искандар хана или вскоре после его смерти (если вакф оформляли по его рас поряжению наследники). Это видно из того, что вакуфное завещание сделано от имени «Искандар хана, сына Джани бек хана» [95]. Только по документам, заверенным Шах Мура

[91] ГА, ед. хр. 178, 494.
[92] ГА, ед. хр. 359, 494.
[93] Искандар хан был провозглашен верховным правителем в 1561 г., но фактически главой государства был его сын Абдулла хан. Что касается Искандар хана, то он «был занят больше всего религиозными обрядами» («История народов Узбекистана», т. II, стр. 53).
* ГА, ед. хр. 19.
[95] ГА, ед. хр. 494.

дом, мы можем датировать свыше двух десятков кварталов[96]. Вместе с ними для XVIII в. известно 83 квартала.

В первой половине XIX в. продолжился начавшийся с 80 х годов XVIII в. рост города, наметившийся с приходом к власти новой династии и ослаблением междоусобиц. В этот период пожертвования в пользу мечетей разных кварталов становятся еще более многочисленными. За полстолетия — с начала XIX в. и до превращения Бухарского ханства в вассальное — нам известно по вакуфиым грамотам 36 новых названий кварталов, среди которых большая часть не вышла из употребления во второй половине XIX — начале XX в.[97]. Следует отметить, что большинство грамот, оформляющих пожертвование богоугодным заведениям, падает на первые три десятилетия — время правления чрезвычайно набожного эмира Хайдара, примеру которого, вероятно, следовали его приближенные.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, хотя Бухара в течение нескольких десятилетий пребывала в состоянии явного упадка, сведения нарративных источников о степени этого упадка сильно преувеличены. Даже в наиболее тяжелые для Бухары годы жизнь в городе не затухала. Если уж горожане могли не только жертвовать свое имущество мечетям и медресе, но и оформлять это юридически, у казия, значит, город не был в таком полном запустении, о каком говорит автор «Гульшен ал мулюк». Знаменательно и то, что упоминающиеся в актах этого периода кварталы были расположены в разных районах города, даже на его окраинах, которые, надо думать, наиболее пострадали во время разрухи. Сложившийся исторически городской быт и в этот период все же сохранялся, его было кому поддерживать. Автор этих строк уже отмечал, что бытование в конце XIX — начале XX в. многих названий кварталов, известных с XVI—XVII вв.,

[96] Кварталы, заверенные печатью Шах-Мурада: 1. Атламиш, 2. Бобойи нонкаш, 3. Джафар-ходжа, 4. Джиляухона, 5. Дуст-чухрдогоси, 6. Козн Нуриддин, 7. Кофар-работ, 8. Куйи хонакс (шайх Бадри Майдони), 9. Миёнколиён, 10. Куйи Регистон, 11. Мир-Сари-ходжа, 12. Мулло [Мавлоно] Асири, 13. Сарроджон, 14. Сесуйи тарроки, 15. Собунгарон, 16. Хаджи Хабибулло, 17. Ходжа Булгор, 18. Ходжа-калон, 19. Хофиз Низом, 20. Шер-Мухаммад-джувозкаш, 21. Шохи Ахси.

[97] Кварталы первой половины XIX в.: 1. Алокабандон, 2. Аскар-бий, 3. Буйробофон, 4. Гарибия, 5. Дарвозайи Каволяйи гач, 6. Дастурбандон, 7. Зомуча, 8. Кемухтарон, 9. Кукалтош (Кулбобо кукалтош), 10. Кулолон, 11. Лаллахур, 12. Мехтар Анбар, 13. Мехтар Шозбек, 14. Мирзо Гафур, 15. Мирзо Хайдари поён, 16. Мир-карача, 17. Модари хон, 18. Муллао, 19. Муйи тобон, 20. Мулло Шох, 21. Мухаммад-паррон (ходжа), 22. Ниёз алоча, 23. Нуробод (ходжа), 24. Оби равон, 25. Пустшидуэон, 26. Пухтабофон, 27. Сиддикиён, 28. Табибон, 29. Тахти шур, 30. Ходжа Аламнарасон, 31. Ходжа Авлнёйи гариб, 32. Ходжа Ашур-тупчибоши, 33. Хаджи Усто Курбон буйробоф, 34. Шайх Шох, 35. Усто Хакими собунгар, 36. Чиль духтарон.

указывает, что их жители продолжали традицию, сложившуюся до запустения города,— следовательно, в этих кварталах жизнь не прерывалась [98]. Видимо, там остались или в них скоро вернулись прежние жители. Вместе с тем наш источник (вакуфные грамоты XVIII в.) свидетельствует о значительном сокращении обычных для горожан операций как раз в смутные годы. На установление твердой власти и относительного спокойствия жители 'Бухары реагировали достаточно резким увеличением пожертвований, безусловно свидетельствующим о росте благосостояния, в первую очередь конечно, привилегированных слоев общества, к которым принадлежало подавляющее большинство жертвователей в пользу культовых учреждений.

В особенно многочисленных актах первой половины XIX в. встречаются названия почти всех кварталов, зарегистрированных в Бухаре по сообщениям старожилов для конца XIX—начала XX в. Но все же в документах встречались названия, правда немногие, либо вовсе неизвестные, либо известные в несколько иной форме. Так, в вакуфной грамоте XIX в. мы встречаем квартал Чорбоги оли [99] («Эмирский сад парк»), а при опросе квартал был назван Таи чорбог («Около парка»); название квартала Ой бинок в документах имеет форму Ой биби инок [100]; вероятно, обе формы являются искаженными (из Ой-бий-инок), так как титул «инок» в Бухаре вряд ли мог относиться к женщине, разве что был перенесен на жену инака. Понимание этого имени как женского (биби — «госпожа») объясняется, вероятно, тем, что слово «ой» («месяц, луна») в последние века было обычно приставкой к женским именам. Возможно, раньше оно употреблялось как мужское имя.

Как особый квартал в грамоте первой половины XIX в. упоминается квартал Ходжа Мухаммад-паррон [101]. В начале XX в. это название сохранялось только за мазаром, находившимся в нише купольного пассажа Токи Тельпак, который относился в этот период к кварталу Магоки курпа. Название квартала Ворот Каволяйи гач в начале XX в. хорошо знали как старое, уже не употребительное название квартала Шайх Рангрез. Так как старое название ворот, по которому именовался раньше квартал, к концу XIX в. заменилось другим — Ворота Карши, исчезло и связанное со старым названием ворот название квартала. В документе 1823-24 г. упоминается квартал Чиль духтарон [102] —это название мазара, находив

[98] См.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 116.
[99] ГА, ед. хр. 38.
[100] ГА, ед. хр. 32.
[101] Там же.
[102] ГА, ед. хр. 305.

шегося в квартале, который в начале XX в. назывался Арабон (он же Таи зиндон, он же Кучкор курчи). Название Нуробод (Ходжа Нуробод), в грамоте 1824 25 г. употребленное как название квартала, в начале XX в. прилагалось лишь к боль шому кладбищу, граничившему с одной стороны с кварта ла ми Корхона и Куча-бог, а с другой — с кварталом лепрозори ем Песхона. Возможно, в начале XIX в. Нуробод было офи циальным названием квартала лепрозория, так как на его территории находились кладбище и мазар Нуробод. Мазар был хорошо известен, так как считался излечивающим от коклюша и к нему шло много паломников.

Произведенный нами обзор данных по кварталам за прош лые века показал, что названия кварталов, как правило, были очень долговечны, хотя и не оставались неизменными. Из пя ти названий, обнаруженных в источниках XV — первой поло вины XVI в., к изучаемому периоду перестали употребляться два; из 76 названий второй половины XVI—XVII в. исчез ло 27, а из 73 названий, известных для XVIII в., не употреб лялось только 11. Из 37 названий, известных по документам для первой половины XIX в., вышли из употребления 13, при чем почти все они были еще хорошо известны населению.

2. Процесс образования кварталов и его значение для развития феодального города

Проведенное нами сравнительное изучение этнографиче ских и исторических данных о жилых кварталах Бухары позволило установить, что кварталы были элементом доволь но динамичным. Медленно но непрестанно изменялась их территория, сменялись названия, отражая иногда смену со става населения или его занятий, иногда появление какого либо нового элемента городской топографии, иногда перестройку квартальной мечети, завещание в ее пользу нового крупного пожертвования или членение квартала при появлении там второй мечети.

Возможность проследить век за веком изменения в соста ве и названиях городских кварталов благодаря использова нию сопоставляемых письменных и этнографических (опрос ных) данных, а также наблюдения над исторически сложив шимся обликом городов Средней Азии, в первую очередь Бухары, приводят к выводу, что процесс образования жилых кварталов был одним из проявлений процесса развития города.

Пути развития кварталов были различны. Некоторые кварталы сложились на территории слившихся с городом се лений. Вероятно, на заре превращения Бухары в город от дельными селениями были те древние кварталы (махаллат), «отделенные и удаленные друг от друга», которые описал

Наршахи для периода арабского завоевания. Такой путь об разования городских кварталов особенно явственно просле живается на примере небольших городов с менее плотным населением, где слившиеся с городом селения очень долго сохраняют еще сельский облик [103]. В древних крупных горо дах, подобных Бухаре, слияние включенных в городскую чер ту сельских пригородов происходило быстрее и полнее. Зна чительная по размерам новая территория, охваченная стена ми при последней их перестройке в XVI в., к концу XIX — началу XX в. приобрела вид типично городской. Только вни мательное наблюдение и сравнение размещавшихся здесь кварталов с кварталами центральной части Бухары обнару живало в них следы более позднего вхождения в город, на личие черт, оставшихся от былых селений. Эти отличия со хранялись в кварталах самой молодой части города — Джуй баре, на северо западной и особенно на северо восточной его окраинах, где в отличие от центра было сравнительно много зелени, имелись сады и даже посевы [104].

Новые кварталы образовывались не только из вновь вклю ченных в город селений, но и на старой городской террито рии. Осваивались и заселялись участки, ранее занятые под пашней или пустовавшие вследствие их непригодности ни под жилье, ни под возделывание. Такие участки в Бухаре чаще всего представляли собой солончаковые болота. Их освоение требовало предварительного осушения территории. По преда нию, так именно появились кварталы северо восточной части города (Каро-Камол; возможно, также Мир Тахури девон), а также две последние еврейские слободы — Новая махалла и Амиробод, которые образовались на пустырях, считавшихся «собственностью эмира» и продававшихся от казны под за стройку. Тяготы по их освоению падали в основном на «ино верческое население», т. е., в условиях Бухары, на евреев, которые были вынуждены покупать их «по чрезмерно высо ким ценам» [105].

Вторым путем образования новых кварталов на старой городской территории было членение кварталов, и это был

[103] Город Джизак например, в своей структуре сохранил ясные следы образования его из отдельных селений. Его кварталы еще в 40 х годах нашего столетия не полностью слились в сплошную городскую застрой ку—в некоторых частях города между ними лежали поля и сады. Следы того же процесса слияния близлежащих селений с основной частью насе ленного пункта обнаруживаются в структуре Ургута: его части, также отделенные друг от друга садами, огородами и пашнями, местные жители называли то кварталами (гузар), то селениями (кишлок). Менее явствен но обнаруживается этот процесс в истории Ташкента, где, однако, еще недавно сохранялось предание о происхождении его из селений.

[104] О. А. С у х а р е в а, Бухара..., стр. 32—34.

[105] Н. Х а н ы к о в, Городское управление в Средней Азии, стр. 346.

путь наиболее обычный. Он хорошо прослеживается при сопоставлении письменных источников с этнографическими данными. Так выяснился процесс образования трех соседних кварталов — Калмокон, Баходур бий и Ок мачит, расположенных на северо-западной окраине города. В вакуфных грамотах второй половины XVIII и начала XIX в. мы находим упоминание «старой мечети Калмокон в квартале Калмокон» и сведения о строительстве там двух новых мечетей — Баходур бий и Ок мачит. Мечеть Баходур бий со своим приходом на протяжении 23 лет оставалась в квартале Калмокон. Это видно из двух вакуфных грамот: 1764/65 и 1787/88 гг., где она отмечена как мечеть, находящаяся в квартале Калмокон. Впоследствии квартал Баходур бий сделался самостоятельным. Грамота 1805/06 г. оформляет завещание вакфа в пользу третьей мечети — Ок мачит, строителем которой назван тот же Баходур бий калмок. Эти документы проливают свет на историю всех трех кварталов и раскрывают личность Баходур бия: это был знатный представитель военно-служилого сословия, принадлежавший к этнической группе калмак, которая, видимо, еще до XVIII в. заселила эту часть города, дав свое имя кварталу Калмокон (в грамоте XVIII в. упомянута «старая мечеть Калмокон»). Строительство Баходур бием первой мечети, вокруг которой впоследствии образовался квартал его имени, было им предпринято в начале второй половины XVIII в. К концу XVIII в. или к самому началу XIX в. относится строительство им второй мечети — Ок мачит. Так как уже имелась одна мечеть, носившая его имя, второй было дано название «Белая мечеть», в котором отражались особенности оформления здания мечети. Таким образом, предпринятое Баходур бием строительство двух новых мечетей стимулировало членение квартала Калмокон на три отдельных квартала. Конечно, оно было вызвано не только постройкой новых мечетей, но и ростом населения; это видно из того, что все три вновь образовавшихся квартала были не из мелких: они состояли в конце XIX — начале XX в. из 60—70 домов каждый.

По вакуфным грамотам прослеживается членение находившегося в северо-восточной части города старого квартала Атламиш, из которого выделилось три, а может быть, и четыре квартала. Из недатированной вакуфной грамоты, представляющей собой, вероятно, копию более старого документа, мы знаем о строительстве новой мечети в квартале Атламиш отцом Абдулла хана Искандар ханом, сыном Джанибека (1561—1583). Мечеть получила имя Искандар хон и сделалась центром отдельного квартала. К концу XIX в. в этом районе имелись отдельные кварталы Атламиш и Искандар хон. При этом старое название квартала Атламиш хотя и

помнилось, но в быту заменилось названием находившегося здесь хауза — Истемур. Из того же квартала Атламиш вы делился и третий квартал — Мири табиб. В вакуфной грамоте 1819/20 г. мечеть Мири табиб указана как находящаяся в квартале Атламиш, а в грамоте 1845 г. говорится уже о квар тале Мири табиб [106]. Видимо, в конце XIX в. из квартала Атламиш выделился четвертый квартал — Чоршанби казок: грамота 1891/92 г. называет строителем и жертвователем вакфа мечети квартала Атламиш — Чоршанби корвонбоши, сына Чокас бия казока, а в двух грамотах, составленных все го посемью — десятыс годами позже, упомянут уже квартал Чоршанби корвон или Чоршанби-казок [107]. Нет сомнения, что в грамоте 1891/92 г. речь идет о строительстве той самой ме чети, которая позже стала мечетью выделившегося квартала Чоршанби казок. В момент строительства мечети территория квартала Чоршанби казок входила, следовательно, еще в квартал Атламиш. Как показывают эпитеты, относящиеся к имени строителя мечети, он был вожаком каравана, или стар шиной крупных купцов, и происходил из казахов. Сообщения старожилов говорят о том, что вокруг этой мечети жила до вольно значительная группа казахов, возглавлявшаяся ука занным лицом.

Таким же путем на протяжении XIX в. разделился на две части квартал Муйи тобон, из которого после строительства мечети Мулло Шох выделился новый квартал — Мулло Шох, названный как отдельный квартал в грамотах 1819/20 и 1862/63 гг. [108]

Процесс образования нескольких кварталов на том месте, где раньше был один более крупный, прослеживается и на примере кварталов Халифа Худой до д и Чукур-махалла, об разовавшихся на территории квартала Чорбоги Боки хон (или Боки Мухаммад хон). По документам видно, что в XVIII в. квартала Халифа Худойдод еще не было: мечеть и медресе этого имени в грамотах указаны как находившиеся в квар тале Чорбоги Боки хон [109]. Образовавшиеся на этой террито рии после разделения кварталы Халифа Худойдод и Чукур-махалла в конце XIX — начале XX в. принадлежали, как и многие другие юго западные кварталы, к самым крупным: в первом насчитывалось 148 домов, во втором — 160—180 до мов. По этому можно судить о размерах квартала Чорбоги Боки хон, занимавшего раньше территорию обоих кварталов, на которой кроме жилых домов находился также обширный сад. Этнографические данные позволяют обнаружить и после

[106] ГА, ед. хр. 305, 386.
[107] ГА, ед. хр. 358, 368, 369.
[108] ГА, ед. хр. 370, 371,374.
[109] ГА, ел. хр. 17.

довавшее затем начало членения квартала Чукур махалла. Официально он рассматривался как единое целое, но в нем начинала выделяться юго восточная часть, получившая на звание Джиляухона. В дальнейшем она могла бы превра титься в самостоятельный квартал.

Так же ясно прослеживается начавшийся, но не закончив шийся процесс выделения южной части квартала Шахри нау, где появилась новая мечеть, и эта часть квартала стала на зываться Кучайи боло {«Верхняя улица»). Из квартала Хаузи балянд выделилась часть, известная как Кучайи узбако. Рас членился, хотя и не оформил своего разделения, один из са мых крупных кварталов города — Шохи Ахси. Кроме основной части в нем образовались три меньших: Кошуки, Лязгихо и Кашкарихо.

Этнографические данные — народные предания раскрыва ют в ряде случаев конкретные обстоятельства, вызвавшие членение старых кварталов.

В некоторых случаях разделение квартала происходило из за несогласий между его жителями или в результате враж ды между отдельными знатными семьями. Среди старожилов сохранилось, например, предание о разделении квартала Ход жа Низомиддин на два — верхний (боло) и нижний (поён). Это произошло около ста лет назад в результате ссоры в семье богатых жителей квартала. Возникшая между двумя братьями вражда была так велика, что один из них, не желая встречаться с другим на общей молитве в квартальной мече ти, выстроил новую. Вокруг нее образовался самостоятельный приход, а затем выделился новый квартал. Оба квартала были невелики, примерно в два раза меньше средней вели чины кварталов Бухары (в первом было 22 дома, во вто ром — 30); это позволяет думать, что отделение их действи тельно диктовалось не необходимостью, не требованиями удобства для жителей этих кварталов, а субъективными мо тивами.

По устному преданию мы знаем о разделении на две части крупного квартала Буйробофон, состоявшего из ПО до мовладений. Все его население занималось одной професси ей — плетением циновок, но было неоднородно в этническом отношении: в южной части жили переселенцы из Хорезма (ургандженён), в северной — группа обузбечившихся турк мен племени хидир эли, тоже пришедшая с Амударьи. После ссоры квартал разделился на две части, и каждая стала выбирать себе отдельного старшину, хотя официально это разделение признано не было и обе части объединялись об щим названием.

Следует, однако, подчеркнуть, что и в этом случае обра зование новых кварталов нужно рассматривать как следствие

и свидетельство развития города, прямой результат увеличения плотности населения кварталов. Именно это было в подавляющем большинстве случаев основной причиной членения старых кварталов. Как правило, квартал разделялся на несколько частей тогда, когда число его жителей начинало превышать принятые и удобные в быту размеры, но оптимальный вариант в каждом отдельном случае мог иметь различные формы, вопрос решали конкретные условия жизни квартала, которые либо стимулировали разделение, либо, наоборот, удерживали от него. Мы знаем в Бухаре очень крупные кварталы, жители которых имели веские причины, заставлявшие их держаться за принадлежность к большому кварталу[110]. Наряду с этим имелись и кварталы настолько маленькие, что причину их выделения нельзя видеть в непомерном увеличении числа жителей старого квартала. Предания, сохранившиеся в памяти старожилов, говорят о том, что это произошло по инициативе какого нибудь влиятельного человека, взявшего на себя строительство новой мечети и оформление нового квартала перед городскими властями. Понятно, что он преследовал при этом свои интересы, стремясь поднять свой авторитет и получить свой круг «обязанных» ему людей, поддержка и помощь которых всегда могли быть ему обеспечены.

Хотя по документам, относящимся к одному и тому же кварталу, но к разному времени, и можно установить, что в истории некоторых кварталов Бухары бывали периоды, когда там одновременно имелось больше одной приходской мечети, но в отличие от Ташкента, например, где такое положение могло быть стабильным[111], в Бухаре положение было иным. Вслед за появлением второй мечети происходило рано или поздно, но, видимо, по истечении недолгого времени, разделение старой территории квартала на две части, а населения—на два прихода, на две общины. В конце XIX — начале XX в. нам известен лишь один квартал — Шахри нау, где незадолго до революции была построена вторая мечеть, но новый квартал еще не успел выделиться, и второй квартал — Буйробофон, где жители фактически разделились, но новой мечети еще не было и потому все они составляли один при

[110] См., например, описание квартала Шохи Ахси № 198.

[111] Исследованием Шейхантаурской части г. Ташкента, осуществленным М. Рузиевой, выявлено, что, хотя и там большинство кварталов совпадало с приходами, имелось несколько кварталов, где были 2—3 в даже 4 приходские мечети, их жители делились ь соответствии с этим на несколько приходов.

вторая мечеть и разделение было бы окончательно оформлено.

Факты, вскрывающиеся различными источниками, свидетельствуют, что членение кварталов было закономерным, непрерывно, хотя и медленно протекавшим процессом, в котором выражалось развитие города. По видимому, можно считать правилом, что в историческом прошлом кварталы были территориально крупнее (что понятно: ведь на территории кварталов располагались раньше сады и пашни), измельчение кварталов являлось следствием их дробления в многовековом процессе развития города. Этим объясняются малые размеры кварталов, занимавших центральную, самую древнюю часть города — территорию шахристана. Хотя в течение веков, прошедших после строительства последней городской стены, процесс членения успел охватить и окраинные кварталы, все же именно на окраинах сохранилось еще некоторое число крупных кварталов, состоявших из 100—150 и больше домовладений. В окраинных, более молодых районах города и средние размеры кварталов значительно превышают средние размеры кварталов центрального, самого древнего его района. Образование мелких кварталов в результате многовекового процесса дробления ясно доказывается сравнением числа кварталов шахристана VIII—X вв., когда один квартал составлял четвертую часть территории города, с числом кварталов, образовавшихся здесь к началу XX в.: тогда на этой территории помещалось уже 24 квартала и плотность населения их была наиболее велика.

Таким образом, изучение показало, что столица Бухарского ханства была городом чрезвычайно расчлененным. Из всех среднеазиатских городов лишь число кварталов Ташкента было несколько большим, чем в Бухаре (свыше двух с половиной сотен) [112]. Остальные города Средней Азии по числу кварталов не могли идти в сравнение ни с Ташкентом, ни с Бухарой: Самарканд не насчитывал, судя по имеющимся данным, и ста кварталов [113], в Ходженте, по уточненным данным, было 146 кварталов [114], в Шахрисябзе было 52 кварта

[112] В списке Н. Г. Маллицкого — 282 махалля (Н. Г. Маллицкий. Ташкентские махалля и мауза,— сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927).

[113] А. Гребенкин говорит о 70 городских мечетях Самарканда (А. Гребенкин, Родословная мангытской династии,— «Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник», вып. III, СПб., 1874, стр. 338. прим. 3. По полевым материалам автора, в Самарканде конца XIX — начала XX в. было 85 кварталов.

[114] Н. Турсунов, Ходжент и его население (конец XIX — начало XX в.),— «Очерки из истории таджиков северных районов Таджикистана», Ленинабад 1967, стр. 26. Видимо, кварталы Ходжента были очень маленькими: об этом говорит то, что при таком сравнительно большом числе кварталов в конце XIX в. в Ходженте было всего 5800 дворов (там же..

ла [115]. Китаб состоял из 42 кварталов[116], а Кулиб — всего из 17 [117]. Сравнение этих цифр показывает, насколько более сложным, расчлененным и развитым городом была феодальная Бухара в начале XX в. Основной причиной этой расчленности следует считать продолжительность существования этого города на одном месте и его важную роль в истории среднеазиатских народов, в развитии здесь еще в древности городской жизни и культуры [118].

3. Итоги исследования жилого квартала и историческая оценка квартальной общины

Изучение истории среднеазиатских городов (Бухары, Самарканда, Шахрисябза, Карши, Ташкента) XIX — начала XX в. выявило, что их характерной чертой было членение на отдельные жилые кварталы. Письменные источники засвидетельствовали, что эта особенность структуры городов сложилась очень давно и существовала на всем протяжении истории городской жизни феодального общества. Но сколько нибудь подробных письменных данных, отражающих бытовой уклад городской жизни, ее организацию в Средней Азии, особенно для периода средневековья (которое гораздо ближе хронологически и социально к тому обществу, которое изучается по этнографическим данным), пока не имеется. В этом регионе основным источником для изучения городов — феодальных и дофеодальных, особенно их структуры, остается источник археологический. В этом отношении Средняя Азия представляет собой богатейшее поле для исследования городов.

Все более широкое развертывание раскопок, начавшееся, по существу, лишь в советское время, уже дало блестящие результаты и сулит еще больше.

Кварталы отмечены археологами в древнем Хорезме[119],

стр. 20). В более ранней работе А. Е. Маджи (К истории феодального Ходжента,— «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945) приведен список кварталов Ходжента, в котором указано 84 квартала.

[115] О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства (см. план г. Шахрисябза). Неполный список кварталов Шахрисябза приводит также А. Кун (Очерки Шагрисебзского бекства,— ЗИРГС по отд этнографии, т. 6, СПб., 1880, стр. 24).

[116] А. Кун, Очерки Шагрисебзского бекства, стр. 24.

[117] А. П. Колпаков, Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба,— «Изв. АН ТаджССР, отд обществ наук» вып 5, Сталинабад, 1954.

[118] Это было отмечено еще авторами X в. Маклисп и Истахри (см.: В. В. Бартольд Сочинения, т. III, стр. 385; В. А. Шишкин, Города Узбекистана, Ташкент, 1943, стр. 8).

[119] С. П. Толстов Древний Хорезм, М., 1948, стр. 93, 104, 123.

на Варахше [120], в древнем Термезе [121], на Афрасиабе [122], в древнем Пенджикенте [123].

Археологические материалы, естественно, раскрывают прежде всего, а иногда и исключительно лишь архитектурно планировочную структуру городов. При этом археологи не редко употребляют термин «квартал» условно, для обозначения участков городищ, которые либо выделились своими особенностями (например, следами ремесленного производства) при раскопках, либо обозначались без проведения раскопок — по рельефу городища и его общему виду. Социального значения квартала археологические исследования пока не раскрывают. Лишь за последнее время термин «квартал» в трудах археологов приобретает конкретность, в связи с тем что на

[120] С. К. Кабанов, Раскопки жилого квартала в западной части городища Варахша,— «Труды Института истории и археологии АН УзССР», 2, Ташкент, 1956.

[121] П. И. Князев, Разведочно археологические работы в квартале металлистов древнего Термеза,—«Труды АН УзССР, Термезская археологическая экспедиция», т. II. Ташкент, 1945. Автор приходит к выводу, что территория изученного им квартала (ок. 8 га) была занята почти целиком производственными мастерскими, в том числе «весьма крупными». Здесь не было ни жилья, ни торговых рядов. Эта характеристика, в свете того что известно о ремесле эпохи феодализма и об организации ремесла в позднефеодальной Бухаре, оставляет много неясностей. Нарисованную автором картину трудно связать с теми производственными отношениями, которые характерны для феодального ремесла. В частности, удивляет такая изоляция промышленной части города от жилой и торговой его частей. Этнографические данные показывают, что даже в поздний период, после присоединения Средней Азии к России, когда началось быстрое развитие городов и городского ремесла, ремесленники объединяли обычно жилище и производство в одном месте. Это зафиксировано даже в таком неудобном для городских условий ремесле, как чугунолитейное, которое городские власти стремились вынести за пределы города (так еще до конца XIX в. удалось им сделать в Бухаре). В таком крупном городе, как Ташкент, чугунолитейщики даже в начале XX в. работали в густонаселенном районе города (см.: К. Фазилова, Ташкентский квартал литейщиков (махалля Дероз) в конце XIX — начале XX в.,—«Научные работы и сообщения Института истории и археологии АН УзССР», кн. 4 Ташкент, 1961.

[122] Г. В. Шишкина, Древний Самарканд в свете стратиграфия западных районов Афрасиаба, автореф. канд. дисс., стр. 16, 18—21; ее же, Методика изучения городского квартала в свете работ на Афрасиабе. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе, 1970.

[123] А. М. Беленицкий, Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента,— СЭ, 1965, № 3, стр. 179 и далее; его же, Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии (доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук), Л., 1967, стр. 9—10; см. также: А. М. Беленицкий, И. Б. Беитович, О. Г. Большаков, Средневековый город Средней Азии, стр. 24—25; В. Л. Воронина, Проблемы раннесредневекового города Средней Азии, автореф. докт. дисс, М., 1961; Б. Я. Ставиский, Раскопки квартала жилищ знати Пенджикентского городища,— МИД, № 124, 1964; О. Г. Большаков, Отчет о раскопках северо западной части объекта III,— МИА, № 124, 1964.

некоторых городищах вскрыты достаточно большие участки рядовой городской застройки. Особенно ясные по своему значению и убедительности данные получены в древнем Пенджикенте, где раскопана достигающая почти гектара сплошная площадь городской застройки, включающей и здания, и сеть улиц. Хотя изучение кварталов Пенджикента, а тем более других городов далеко не завершено, значение этих работ огромно. Они по новому освещают определенный этап в истории городской жизни, показав, что она достигла значительного развития уже на заре феодального общества. Выяснилось, что в Пенджикенте «еще в доарабское время застройка имела поквартальный характер... вдоль улиц, примыкая к наружным стенам жилищ и в отдельных случаях входя в их состав, но всегда имея выход на улицу, группировалось значительное количество мастерских и торговых заведений»[124]. Говоря о «поквартальном характере» застройки древнего Пенджикента, А. М. Беленицкий имеет в виду правильность планировки, расположение групп жилых домов прямоугольными массивами, ограниченными со всех сторон улицами. Эти улицы А. М. Беленицкий считает границами между кварталами, подобно тому как это свойственно хорошо спланированным частям современных городов. Однако вряд ли эти прямоугольники являлись кварталами в социальном значении этого термина, раскрывшемся благодаря этнографическим исследованиям. Как показало изучение городских кварталов в натуре, улицы не были в феодальном городе разделяющим кварталы элементом планировки. Они, наоборот, соединяли обитателей домов, расположенных по обеим сторонам улицы или ее определенного отрезка, все эти дома входили в один квартал, и улица была его центром.

Границы кварталов были очень невыразительны, проходили в виде неправильной ломаной линии по задним стенам домовладений, обращенных на разные улицы и относящихся к разным кварталам. Определение точных границ кварталов даже живого, наблюдаемого в натуре города оказалось возможным только путем выяснения (на основании сообщений жителей), к какому из смежных кварталов относится каждый конкретный дом. Имеется лишь один единственный план старого города, на котором зафиксированы границы всех его кварталов: это упоминавшийся выше уникальный план Шахрисябза, составленный уже в советское время при подготовке к реконструкции города[125]. Этот план позволяет воочию убедиться, насколько кварталы, сложившиеся в феодальном

[124] А. М. Беленицкий, Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии, стр. 10.
[125] О. А. Сухарева, К истории городов... стр. 128.

городе, не похожи на кварталы современных городов, отделенные друг от друга правильными линиями улиц.

Можно не сомневаться, что как черты топографического облика кварталов, так, вероятно, и многие черты их быта, раскрытые на примере Бухары этнографическими данными, были глубоко исконны, сложились отнюдь не на том позднем этапе феодальной эпохи, к которой относятся наши материалы. Истоки их нужно искать в далеком прошлом. Поэтому, изучая города более ранних периодов — древности и раннего средневековья, необходимо учитывать результаты детального этнографического исследования кварталов XIX — начала XX в. Без учета различия между современным городским кварталом и кварталом феодального города этот термин останется узкопланировочным, лишенным социального содержания. Для того чтобы с полным правом считать кварталами определенные части раскапываемых археологами городищ, предстоит достаточно убедительно определить границы, замыкавшие отдельные кварталы.

Многие из обнаруженных в Бухаре особенностей кварталов были свойственны им по крайней мере уже в средневековье, а в некоторых отношениях можно установить и более раннее их происхождение.

Прежде всего, по видимому, можно считать универсальной чертой городских поселений то, что они сложны по своей структуре, им свойственна расчлененность на более мелкие, отдельные части, в совокупности составлявшие город, и в первую очередь деление на жилые кварталы. Столь подробно освещаемое этнографическими источниками для более позднего периода это деление прослежено по письменным источникам и по археологическим материалам на очень широкой территории и на самых различных этапах истории города.

Уже во II тысячелетии до н. э. города Вавилона оказались расчлененными на жилые кварталы. Широко проведенные раскопки города Ура, давшие и обильный письменный материал, позволили изучить «два отлично обследованных археологами... жилых квартала горожан средней состоятельности», выяснить характер расселения живших в этих кварталах семей, проследить по документам историю членения домовладений путем купли продажи домов или их раздела при наследовании, установить, что жители одного квартала, «имевшие свой культовый центр», «составляли общину, в которой общинные формы» «калькируются», несмотря на то, что «общинных отношений, по существу, не существует» [126].

[126] И. М. Дьяконов. Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н. э. (по материалам Ура),—«Древний Восток», Ереван, 1973, стр. 38, 54, 61.

Глубокое исследование средневековых городов Ближнего Востока, изученных по письменным источникам, опубликовано недавно американским медиевистом А. Лапидусом. Наряду с другими вопросами он подробно рассматривает структуру и формы жизни городского общества и в этой связи говорит о кварталах, составе их населения и взаимоотношениях между разными группами, живущими в одном квартале, об организации «экономической жизни» горожан [127]. Достойно удивления обилие фактов, которые Лапидус сумел извлечь из своих источников.

Но возможности исследования всех этих вопросов для прошлых веков по письменным источникам, естественно, ограничиваются сведениями, содержащимися в этих источниках, а они отражают не все стороны жизни и далеко не с исчерпывающей полнотой. По признанию самого Лапидуса, «к не счастью, очень мало известно о внутренней организации кварталов... Каким образом семьи в кварталах соотносились и объединялись друг с другом остается тайной» [128]. Этнографические данные приоткрыли эту тайну. Хотя они относятся к позднему этапу истории феодального города, но освещают древние по своему генезису черты, вероятно, свойственные квартальной общине вообще.

Членение городов на кварталы было свойственно не только мусульманским и не только восточным городам, оно прослеживается, можно сказать, повсюду. На противоположном конце Азиатского материка — в Китае для эпохи феодализма также отмечено деление городов на кварталы, причем их организация в XII—XIII вв. во многом напоминала организацию и самый характер описанных здесь бухарских кварталов, отличаясь от них большей разработанностью и регламентированностью быта и отношений, более официальным духом [129].

Близкие или аналогичные черты были свойственны и средневековым городам Европы [130]. Их отдаленные пережитки сохранились кое где и позже, особенно в городах южных, где семьи соседей не изолируются друг от друга закрытыми дверями, их жизнь протекает в той или другой степени под открытым небом, на дворе или на улице квартала. Во Франции

[127] I. M. Lapidus. Muslim Cities in the Later Middle Ages, Cambridge, Mass., 1967. За указание на этот труд приношу благодарность Б. А. Литвинскому.

[128] Там же, стр. 91.

[129] Э. П. Стужина. Китайский феодальный город в XII—XIII вв., М., 1964, стр. 1—2. («Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук»).

[130] L. Mumford. The City in History. Its Origins, Its Transformations and Its Prospects, London, 1961, стр. 315. За указание на этот труд приношу благодарность М. Г. Рабиновичу.

исчезновение городских общин (вероятно, цеховых и территориальных) историки связывают с буржуазной революцией, которая декретировала «отрицание тех общинных единиц Франции, которые выработались путем естественноисторическим», и узаконила организацию населения по административным округам [131].

Точные и довольно подробные данные о членении городов и о значении их структурных частей имеются по городам Восточной Европы. Изучение средневековых городов России, далеко продвинутое трудами М. Н. Тихомирова и А. В. Арциховского, М. Г. Рабиновича, В. Снегирева и др., показало, что и русские города имели сходную структуру, состояли из отдельных ячеек, в большей или меньшей степени близких к кварталам среднеазиатских городов. Особенно хорошо освещена в этом отношении Москва, история которой рассматривается в нескольких специальных работах. Изучены также благодаря археологическим раскопкам и открытым при этом грамотам на бересте Псков и особенно Новгород [132].

Интересно провести некоторые параллели между бухарскими кварталами и теми структурными ячейками, на которые делились города России. Средневековая Москва состояла из слобод и сотен, по своему значению в структуре города и в жизни городского общества довольно близких к жилому кварталу позднефеодальной Бухары. И там, и здесь в основе объединения жителей лежало совместное проживание их на общей территории [133], в большинстве случаев — наличие своего храма: и московская слобода и бухарский квартал, как правило, представляли собой один приход [134]. Сходство между теми и другими обнаруживается и в принципе объединения горожан: жителей кварталов и слобод нередко связывала общность занятий, особенно занятие одним ремеслом. Имелись также кварталы и слободы, названия которых указывают на заселение их земляческими группами, пришедшими в город из одного места [135]. В Бухаре благодаря привлечению

[131] И. Дитятин, Городское самоуправление в России, Ярославль, 1877, стр. 15—21.

[132] А. В. Арциховский, Городские концы в древней Руси, — «Исторические записки», т. XVI, 1945; М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1956, стр. 224—226; его же, Средневековая Москва в XIV—XV веках, М., 1957, стр. 24—29; В. Снегирев, Московские слободы (очерки из истории московского посада XIV—XVIII в.), М., 1956; М. Рабинович, Г. Латышева, Из жизни древней Москвы, М., 1961; Г. Латышева, М. Рабинович, Москва и московский край в прошлом, М., 1973. Итоги изучения русского феодального города охарактеризованы в статьях сборника «Города феодальной России» (М., 1966).

[133] В. Снегирев, Московские слободы, стр. 25.

[134] Там же, стр. 33 и 43.

[135] Там же, стр. 25.

этнографического источника удалось выяснить, по сообщени ям старожилов некоторых кварталов, историю переселения их предков и характер отношений между ними и остальными горожанами, т. е. вопросы их слияния или, наоборот, их обо собленности среди старого городского населения. По русским городам таких данных нет.

Слободы и сотни Москвы XVII в. были близки к кварта лам Бухары XIX — начала XX в. и по своим размерам: в Москве, так же как и в Бухаре, в них входило от 40 до 200 домов [136] и по общему числу: в Москве 150 слобод [137], в Бухаре 220 кварталов, причем большая расчлененность Бу хары может объясняться тем, что Бухара изучалась по источ никам, отделенным двумя столетиями от тех, которые были использованы при изучении Москвы. В течение этого времени Бухара продолжала членитьсяся, и 220 кварталов в ней обра зовалось только к последнему этапу ее существования в ка честве феодального города.

Несколько иной характер имели, видимо, «концы» Новго рода и Пскова. Их небольшое число (в Новгороде было 5 концов, в Пскове — 6) свидетельствует, что это были еди ницы довольно крупные, и, возможно, аналогии к ним надо искать не в бухарских кварталах, а в тех 12 микрорайонах (джарибах), на которые когда то делилась Бухара и которые ушли в прошлое неизученными [138]. Это предположение в от

[136] М. Рабинович, О древней Москве, М., 1964, стр. 240—241, прим. 83.

[137] В. Снегирев, Московские слободы, стр. 23.

[138] Возможно некоторую параллель к джарибам представляли собой в Москве те 12 административно полицейских участков, на которые она была разделена впервые в 1504 г. по указу Ивана III (там же, стр. 30—31). Вспомним, что и в Бухаре А. А. Семенов выявил прежде всего имен но административное и полицейское значение джарибов. Вообще степень вмешательства государственных учреждений в дела городского управ ления была в разных странах различна: в Китае, например, даже посад ские старосты были «правительственными чиновниками» (см.: Э. П. Сту жина, Китайский феодальный город в XII—XIII вв., стр. 2). В Москве указанными участками ведали назначенные царскими властями бояре. В Бухаре, при самоуправлении кварталов, 12 «микрорайонами» тоже управляли начальники, носившие военное звание «ахбоши» («десятник»). Но более крупные части, которых было две (каждая из них объединяла по шесть джарибов), возглавлялись правительственным чиновником, на занимавшимся однако, весьма патриархально — «бобо» («дед») (см.: А. А. Семенов. Очерк административного устройства... стр. 48). Это позволяет предполагать наличие древней традиции, лежавшей в основе описанного административного членения городов. По видимому, в ней проявляется отголосок такой общественно бытовой структуры, которая включала членение общественных организмов на части, более удобные для организации жизни населения и для управления им. Эта, по видимо му, древняя традиция была использована властями феодальных госу дарств для административного устройства городов и благодаря этому в Средней Азии дошла до нашего времени.

ношении Новгорода и Пскова находит подтверждение в том, что при пожаре Великого Новгорода в 1340 г. сгорели 74 церкви — надо думать, что это были в большинстве церкви приходские. Следовательно, число приходов в Новгороде было очень велико — больше, чем в Москве того времени (где при пожаре 1334 г. сгорело 28 церквей). М. Н. Тихомиров использовал эти цифры, чтобы составить «некоторое представление о количестве населения в названных городах». Оговаривая всю условность «сопоставления величины обоих городов по количеству сгоревших церквей», он был вынужден использовать этот факт за отсутствием более точных сведений [139].

Имелось сходство в правовых нормах и в административной организации бухарских кварталов и московских слобод: в обязанности защищать жителя своего квартала, как и слободы, против посторонних, представительствовать за него перед властями или перед судом [140]; в функциях и обязанностях возглавлявших кварталы или слободы выборных старост, в круговой поруке, которую городские власти и там и здесь использовали для проведения своих мероприятий.

При наличии общих черт сравнение обнаруживает и существенные различия. Не вдаваясь здесь в их глубокий анализ (что должно составить предмет специальных исследований и станет возможным лишь после накопления широкого, разнообразного и притом достаточно сопоставимого материала), отметим два момента, высказаться по поводу которых дает основание детальное изучение Бухары.

Прежде всего встает вопрос об удельном весе земледельческих занятия в быту жителей феодального города, в частности на позднем этапе феодальной формации. В этом отношении были налицо значительные различия. В Москве XVI—XVII вв. между слободами были расположены сады и огороды, а также боярские усадьбы [141], нередко окруженные земледельческими угодьями,— следовательно, застройка еще не сделалась сплошной, часть городской территории была занята под земледелие. В Бухаре XIX — начала XX в. почти вся площадь была освоена под жилье и другие постройки, под многочисленные торговые площади и ряды. Немногие сады и пашни оставались (видимо, еще с тех пор, когда эти районы не принадлежали к городу) на крайнем западе и на востоке [142]. Эти участки нередко не имели хозяйственного значения, среди них большое место занимали сады и парки (чорбог)

[139] М. Н. Тихомиров, Средневековая Москва..., стр. 24.
[140] В. Снегирев, Московские слободы, стр. 40.
[141] Там же, стр. 26; М. Рабинович, Г. Латышева, Из жизни древней Москвы, стр. 123—127.
[142] См. выше описания кварталов Таи чорбог (№ 55), Чукур махалла (№ 54), Куча бог (№ 214), Зехтоби (№ 196).

знати и богатого купечества. Но такое положение было характерно лишь для Бухары. Среди других городов Средней Азии она была городом наиболее урбанизированным, резко отличаясь этим от большинства даже крупных городов, таких, как Самарканд, Ташкент, города Ферганской долины. Особенно важное значение в XIX в. для горожан имело сельское хозяйство в Ташкенте, где в последней четверти XIX в. земледелием занималось до 35% городского населения, правда в большей или меньшей степени сочетая его с ремеслом или торговлей. Еще в начале XX в. на территории города большие площади были заняты сельскохозяйственными угодьями, так что отдельные богачи владели в городе 50—60 танапами земли и садов [143]. Бухаре это было не свойственно.

Отрыв бухарцев от сельского хозяйства усугублялся тем, что здесь среди горожан не было в обычае иметь сад в пригороде, вести там земледельческое хозяйство, переезжая туда на весь летний сезон, как это широко практиковалось, например, в Самарканде и Ташкенте. Бухарцы проводили все долгое, жаркое лето в городе за своими обычными занятиями. Состоятельные горожане и здесь нередко приобретали землю, но туда не переселялись и хозяйства сами не вели: земля сдавалась в издольную аренду и рассматривалась только как выгодная статья дохода [144].

Автор этих строк давно отказался от высказанного им еще в 1958 г. предположения, что в Бухаре X—XII вв., описанной Наршахи, доходы феодалов, владельцев отдельных кварталов, могли быть доходами от ведшегося на их территории сельского хозяйства. А. М. Беленицкий, справедливо возражая против этой точки зрения, подтверждает свое мнение результатами раскопок на городище древнего Пенджикента, показавших очень убедительно, что уже в предарабское время на территории города (по крайней мере в ее наиболее населенной части) нельзя было заниматься земледелием в сколько нибудь широких масштабах [145]. Однако вряд ли будет правильно совершенно исключить возможность для горожан того времени сельскохозяйственных занятий. Это противоречит тому хорошо известному факту, что даже в конце XIX — начале XX в., когда городские формы жизни в Сред

[143] См.: «История Узбекской ССР», т. II, 1968, стр. 123, 132; Ф. Азаев, Ташкент во второй половине XIX в., Ташкент, 1959, стр. 39, 176; М. Рузиев. О занятии земледелием жителей города Ташкента,— сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 73—77.

[144] О покупке земли духовной знатью рассказывают многие документы, опубликованные в книге «Из архива шейхов Джуйбари*. См. также: П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 52, 53, 56, 58, 75—76 и др. О сдаче этих земель в аренду см. там же, стр. 60—61.

[145] А. М. Беленицкий. Древний Пенджикент..., стр. 6.

ней Азии получили особое развитие, когда значительно углубилось общественное разделение труда, а население городов резко возрастало и их территория усиленно застраивалась, горожане не отказались совершенно от сельскохозяйственных занятий. Не только в Ташкенте, Самарканде и городах Ферганской долины, но и в Бухаре, где плотность застройки, при ограничении площади сохранившимися городскими стенами, давно уже достигла наибольшей степени, на территории города имелись, правда небольшие, участки не только садов, но и пашен. Находясь в тех районах городской территории, которые вошли в черту города в XVI в., они за истекшие четыре столетия не успели исчезнуть, несмотря на все возраставшую плотность населения и жилой застройки. Трудно полагать, что на ранних этапах феодализма таких сельскохозяйственных участков в среднеазиатских городах, в частности в Бухаре, не было, особенно на окраинах городской территории. По наблюдениям В. А. Шишкина, сделанным при строительных работах в той части Бухары, которая расположена к северу от шахристана (между воротами Имамскими и Самаркандскими), обнаруживалось сравнительно с другими районами города мало остатков городской жизни — зданий, керамики и т. п.[146] Возможно, при дальнейших раскопках на Пенджикенте и там обнаружатся участки, находившиеся внутри городских стен, но не занятые сплошной застройкой. При всем том вывод А. М. Беленицкого о ранней урбанизации городов Средней Азии, особенно Бухары, не вызывает возражений.

Таким образом Бухара на последнем этапе ее феодальной истории являла собой для Средней Азии пример наибольшего отрыва города от деревни, городских занятий — от сельских, ремесла и торговли — от земледелия. Здесь этот процесс зашел очень далеко, дальше, чем в большинстве других стран на поздних этапах феодальной формации. В этом отразилась та особенность истории Средней Азии (ее издревле оседлой части), которая заключалась в раннем и значительном развитии здесь торговли и связанного с ней товарного производства. В Бухаре позднефеодального периода эти черты усилились благодаря ее положению столичного города, среди населения которого больший удельный вес имели семьи высокого достатка, не говоря уже о эмирском дворе, и поэтому даже в самом городе бухарским ремесленникам был обеспечен сбыт изделий, причем спросом пользовались изделия самого высокого качества. Эта степень профессиональной специали

[146] Приведено в устной беседе как факт, подтверждающий мой вывод о том, что в послемонгольское время северная граница города могла частично совпадать с границей шахристана (см.: О. А. Сухарева, К истории городов..., стр. 51—52).

зации не давала ремесленникам возможности сочетать свое ремесло искусство с занятием земледелием. Не менее важное значение имело и то, что Бухара до начала XX в. была в среднеазиатской торговле, вероятно, самым важным торговым городом; ее ремесленники были вовлечены в эту высокоразвитую (для феодализма) торговлю, их изделия расходились по всей Средней Азии и за ее пределы.

Вторым моментом, важным для оценки города как специфической сферы проявления феодальных отношений, является степень феодальной зависимости, закрепощенности трудовых слоев городского населения. Конечно, этот важнейший вопрос истории феодального города здесь не может быть решен, и не в этом задача данной работы. Для этой большой проблемы имеет определенный интерес вопрос о зависимости населения кварталов, специализировавшегося на определенном ремесле, от различных прослоек феодалов и от городских властей, сравнение функций выборной администрации, с одной стороны — квартальных общин, а с другой — профессиональных корпораций.

Б позднефеодальной Москве отдельные феодалы, и прежде всего сам князь, владели некоторыми, в частности ремесленными, слободами и сотнями, их права распространялись на население, в таких слободах, вероятно, целиком состоявшее из крепостных людей. В крепостной зависимости должны были находиться и ремесленники, которые несли натуральную повинность — сдавали владельцу определенное количество изделий своего ремесла. За работой следили и принимали продукцию, контролируя ее качество, старшины слобод и сотен [147]. Таким образом они выполняли функции, которые в Западной Европе, как и в Бухаре, лежали на старшинах ремесленных корпораций.

Как показали конкретные примеры бухарских кварталов, там, даже в тех случаях, когда ремесло было слабо развито и не выходило за границы одного квартала [148], все отношения, связанные с ремеслом, находились в ведении особого лица — представителя корпорации, а вопросы, связанные с жизнью квартала, составляли прерогативу другого лица — старшины квартала. Все дела производства были вне его компетенции.

В Бухаре многие торговые и ремесленные лавки и мастерские находились в собственности самых различных категорий имущих людей, в том числе и высшей знати. Скупкой лавок и мастерских занимались, как известно, джувбарские ишаны, об этом говорят и документы из архива (XVI в.) и нарратив

[147] В. Снегирев, Московские слободы, стр. 47.
[148] См., например, описание квартала Буйробофон (№ 194).

ные источники [149]. Но, приобретая ремесленную мастерскую, феодал не получал никаких прав ни на личность ремесленника, ни на продукцию — его доходы составляла арендная плата за промышленное или торговое помещение. В производство и производственные отношения он не вмешивался [150], в его власти было только расторгнуть договор об аренде с неугодным ему арендатором. Это было сильным средством оказывать на арендатора давление, но не средством внеэкономического принуждения, которое, как мы видели, определяло положение московских крепостных ремесленников XVI—XVII вв. Вне сферы экономики лежало в Бухаре лишь принудительное привлечение ремесленников на казенные работы, в частности в дворцовых мастерских. Этот момент неоднократно освещался в научной литературе [151].

Помимо приобретаемого покупкой права владения городскими предприятиями — ремесленными мастерскими, торговыми лавками, караван сараями, банями и пр., доходы с которых получались в виде арендной платы, наш материал позволил нащупать и отдельные факты получения доходов (в том или ином виде) непосредственно с городской территории. Родившийся в начале второй половины XIX в. мастер Усто Маджид Солихов сохранил в своей памяти предание о том, что вся территория города «от правой створки ворот Намозгох до левой створки ворот Шергирон» была когда то пожалована правителем в танхс джуйбарским шейхам, которые таким образом получили право на взимание налога с живше го здесь населения в свою пользу. Затем, спустя какое-то время, налог с горожан взимать перестали, и джуйбарские ишаны лишились этого дохода. Это предание вполне правдоподобно. Видимо, в нем отразился действительный исторический факт. Как известно, эмир Шах-Мурад был вынужден дать Бухаре тарханскую грамоту, чтобы восстановить город после разрухи [152], и подушная подать была с горожан снята, остался только санкционированный шариатом налог с иноверцев — джизья: в условиях Бухары это был налог, который

[149] «Из архива шейхов Джуйбари», документы № 4, 6, 8, И, 83 и др.; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, глава — «Ходжа Тадж ад Дин». О более поздних операциях подобного рода пока неизвестно за отсутствием источников.

[150] П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 80. См. так же: О. А. Сухарева. Позднефеодальный город..., стр. 177—178.

[151] Е. М. Пещерева. Бухарские золотошвеи.— «Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XVI, М.—Л. 1955, стр. 276 и далее; П. А. Гончарова. Золотое шитье.— в кн. «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана», Ташкент, 1954, стр. 179—180. О. А. Сухарева. Позднефеодальный город..., стр. 118. 119. 176: М. А. Андреев. О. Д. Чехович. Арх Бухары, Душанбе. 1972. стр. 70—75.

[152] «История Узбекской ССР». т. I. 1967, стр. 652

платило население еврейских слобод[153]. Также проявлением внеэкономического принуждения, т. е. феодальной формы эксплуатации, было получение от населения некоторых кварталов, чья территория считалась вакфом, регулярных взносов в пользу того богоугодного заведения, которому был когда то завещан вакф[154]. Вероятно, это произошло еще в то время, когда эта территория не была заселена. Доход шел на расходы по этому учреждению и в пользу связанных с ним духовных лиц. Такой порядок сохранялся до самого конца существования Бухарского ханства. Это были последние остатки феодальных институтов, основанных на феодальной собственности на землю.

В более широком масштабе сохранялись феодальные институты и социальные отношения в ремесленной промышленности Бухары, в которой к концу XIX в. начали формироваться новые отношения, уже капиталистического типа, зарождалась первая ступень их — мануфактура. Но эти отношения появились лишь в самых развитых отраслях и охватили далеко не все предприятия. Наряду с немногими сравнительно крупными предприятиями типа мануфактуры сохранялось множество мелких мастерских, и в целом промышленность Бухары оставалась еще феодальной.

Важным итогом проведенного исследования явился вывод о характере отношений между жителями одного квартала, вся организация быта которого ведет нас к отношениям, свойственным общине. Длительное сохранение ее пережитков было закономерным явлением для всех общественных формаций вплоть до капитализма, «именно капиталистическому производству суждено было пробить здесь решающую брешь. Превратив все в товары, оно уничтожило все исконные, сохранившиеся от прошлого отношения...»[155]. Так как народы Средней Азии не прошли этой стадии исторического развития, пережитки общинного быта наблюдались у них еще в начале этого века во многих сферах жизни, и в частности в быту горожан.

Общинный быт в городах имел глубокие исторические корпи. К. Маркс отметил общинное начало в быту древних городов, где «община существует... в наличии *самого города* и должностных лиц, поставленных над ним...»[156]. В результате взаимной связанности жителей древнего города «отдель-

[153] О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 170.

[154] См. описание кварталов Баходур-бий (№ 72), Зехтоби (№ 196).

[155] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 82.

[156] К. Маркс, Критика политической экономии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. I, стр. 470.

ный человек не становится самостоятельным по отношению к общине...»[157]. В быту кварталов Бухары конца XIX — начала XX в. мы находим эти черты, правда в глубоко пережиточном виде, но сохранившимися достаточно полно. Они существовали в иных уже условиях, когда город сильно разросся, вследствие чего личные связи не могли охватить всех горожан и ограничивались в основном рамками одного квартала. Но житель последнего, как и житель древнего города, не был полностью самостоятельным — он подчинялся нормам быта и поведения, установленным общиной и порожденным традицией.

Общинные отношения в городе коренились в пережитках организации быта, сложившейся еще в городах античности, представлявших собой нераздельное единство с их сельской округой. Когда города сделались феодальными, старые общинные традиции оказались им не чуждыми и, трансформировавшись, продолжали жить и развиваться на новой основе, проявляясь в средневековых ремесленных и иных корпорациях, в своеобразном бытовом укладе жилых кварталов.

Общинное начало в жизни горожан подкреплялось и оживлялось их непосредственной связью с сельским населением. В этой среде общинные отношения сохранялись особенно прочно и имели своей базой жизненные производственные интересы крестьян. В Средней Азии, как и в других странах, где земледелие основано на искусственном орошении, общинные связи были необходимы: земля не приносила бы плодов, если бы община односельчан не выполняла совместных работ по проведению каналов и поддержанию их в порядке. Переселяясь в город, крестьяне приносили *с* собой свои навыки общественной жизни, в частности традиции общины, которые попадали там на подготовленную почву и не были чужды горожанам. Сохранение в феодальном городе архаических по своему генезису пережитков общины было исторически закономерно. Если общинный уклад — в форме профессиональных корпораций — не был полностью изжит даже в наиболее динамичной сфере — в производстве, то тем более понятно его бытование в сфере надстроечных явлений, Такой надстройкой и была описанная нами пережиточная квартальная община.

Какие формы имела квартальная община в далеком прошлом — неизвестно, так как источники не содержат о ней достаточных сведений. Архаичный уклад быта жилых кварталов конца XIX — начала XX в. позволяет представить себе, что общественный быт горожан и на начальных стадиях феодализма не отличался существенно от описанного. Аналогия

[157] Там же, стр. 474.

в данном случае вполне допустима, так как система деления городов на кварталы зафиксирована источниками начиная с X в. Что и тогда квартал был не только территориальной единицей, а представлял собой социальное образование того же типа, как и более поздняя квартальная община, показывает упоминание в источниках (Макдиси) «квартальных шейхов» (глав кварталов) в ряде городов [158]. Вряд ли можно сомневаться, что «шейхи кварталов» по своим функциям были очень близки к позднейшим аксакалам бухарских кварталов, как, вероятно, много сходства, если не тожества, было и во всем укладе жизни квартала. О том, что истоки этого уклада могут восходить к дофеодальной эпохе, доказывает приведенная выше характеристика кварталов древнего вавилонского города Ура, данная И. М. Дьяконовым. В ней обнаруживаются во многих деталях явные аналогии к укладу быта жилого квартала позднефеодального города Средней Азии.

Большая роль квартальной общины в быту народов Средней Азии делает необходимой ее историческую оценку.

Во многих отношениях эта традиционная организация общественного быта может считаться весьма положительной. Имея глубокие корни в истории народных масс, организуя и направляя течение их повседневной жизни, она породила стройную этическую систему, основанную на демократических устоях, сложившихся еще в доклассовом обществе. Общинные традиции вносили много хороших черт в народный быт. Прекрасные законы взаимопомощи, гостеприимства и уважения к старшим, древний принцип равенства прав всех достаточно умудренных годами членов общины, место которых в ней должно определяться богатством накопленного ими в течение долгой жизни опыта (отсюда авторитет стариков), сохранялись, несмотря на многие века господства классового строя.

Являясь членом общины, человек привык не чувствовать себя одиноким, всегда мог рассчитывать не только на участие и моральную поддержку, но и на прямую материальную помощь общины. Благодаря общине с ее прочным устоявшимся бытом каждому был обеспечен ряд жизненных удобств, о которых заботилась община в целом; в условиях феодального города их не могла бы обеспечить себе отдельная семья. Община сохраняла, несмотря на то что она существовала в обстановке классового общества, традиции коллективизма и кооперирования, совместных действий и, сколько могла, противодействовала разлагающему влиянию «чистогана», хотя, конечно, уступала ему все больше и больше под влиянием развития товарно денежных и классовых отношений.

[158] «История народов Узбекистана», т. 1, Ташкент, 1950, стр. 245.

Общинные традиции определяли в значительной мере те требования, которые общество предъявляло к поведению своих членов. Этим традициям были обязаны народы Средней Азии наличием у них строгого, выработанного веками этикета, регулировавшего взаимоотношения между людьми и налагавшего печать хорошо воспитанного человека на каждого жителя Средней Азии, особенно на горожанина.

Однако эти положительные черты, определявшиеся и порождавшиеся традициями общинного быта, не были в состоянии перевесить реакционное значение, которое имела община в жизни народа.

Ко всякой общине, в особенности общине того периода, когда она уже не соответствовала уровню исторического развития общества, можно с полным правом отнести характеристику, данную Марксом индийской общине: «...Мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы» [159]. Квартальная община средневековых городов несла в себе реакционное начало, свойственное ей как в период феодализма, так и на начальных этапах капитализма. В пережитках общины, существовавших в Средней Азии наряду с чисто феодальными отношениями и колониальной эксплуатацией, лежала одна из причин особенно тяжелых условий, в которых происходило вызревание здесь капитализма, вследствие того что «вредные стороны капиталистического способа производства... совпадают с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства» [160].

Ставя человека в зависимость от общины, определяя в известной мере его поведение и его деятельность, пережиточные общинные отношения вели к сохранению отсталых форм жизни. Сложившись у народов Средней Азии в глубокой древности как необходимая в то время форма организации человеческого коллектива, соответствующая интересам его борьбы за жизнь, общинные отношения на более поздних этапах истории сделались тормозом для культурного развития народов этого региона. Они сковывали их творческие силы, отрицательно влияли на производство, ограничивая его привычными, исстари сложившимися рамками, задерживали раз

[159] К. Маркс, Британское владычество в Индии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 135.

[160] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 377.

витие национальной культуры. Вместе с тем они наносили большой ущерб благосостоянию народных масс, требуя не рационального расходования народных средств.

Прекрасная традиция взаимопомощи обесценивалась тем, что помощь, по правилам квартальной общины, должна была оказываться главным образом при выполнении обрядов, сопровождавших каждое семейное событие, и была необходима прежде всего в силу обязательности этих обременительных обрядов, требовавших массу труда и средств, затратить которые была не в силах отдельная семья. Объединение членов общины было необходимо также для обеспечения регулярного функционирования учреждений официального культа, не соблюдение которого каралось властями.

Следствием живучести пережиточного общинного быта было сохранение архаических явлений и в области идеологии. В архаических отношениях, генезис которых восходил к первобытнообщинному строю, коренились истоки таких форм идеологии, как анимизм, остатки шаманства и магии. Все это сохранялось в виде очень живых еще верований и обрядов в условиях описанного уклада жизни, который в качестве своей оборотной стороны порождал косность и примитивность мысли, отмеченные К. Марксом как неизбежное следствие бытового уклада общины.

Несоблюдаемые строго господствующими классами, но обязательные для народных масс правила общинного быта использовались эмирскими властями для подчинения горожан и обеспечения установленного феодальным строем порядка.

В конце XIX — начале XX в., когда в Средней Азии в тяжелых условиях колониальной страны происходило вызревание капиталистических отношений, община вставала в резкое противоречие с более прогрессивным для того времени направлением исторического развития. Ее нормы становились тягостным дополнительным бременем для трудового народа. Они мешали ему освобождаться от пут традиционной неподвижности и замкнутости, которые облегчали господствующим классам закабаление и эксплуатацию беднейших слоев населения. Увеличиваясь численно, по мере того как углублялась классовая дифференциация, все больше пролетаризируясь в результате этого процесса, слои трудящихся, лишенные средств производства, в силу традиции оказывались привязанными к тому месту, где каждый родился, и к той профессии, которая досталась от отцов и дедов.

Традиции общинных отношений, наряду с другими сферами жизни отразившиеся и в быту жилых кварталов средневековых городов, за многие века превратились в одну из черт национальной культуры народов этого региона и сохра

няли некоторое значение и после Великой Октябрьской рево люции. Добрые обычаи взаимопомощи, участия в радостях и горестях друг друга оказались созвучны этическим нормам советского общества. Глубокое сознание общности интересов людей, живущих в соседстве друг с другом, их навыки объ единения для проведения общественных мероприятий, привыч ка приходить на помощь, делиться пищей, их традиционное гостеприимство играли и играют положительную роль и в наше время.

В годы культурной революции такие важные для интере сов народа мероприятия, как ликвидация неграмотности взрослых, охват детей школьным образованием, проведение профилактических врачебных мер (например, массового оспо прививания), осуществлялись в рамках квартальных общин, при содействии их руководства — квартальных старшин. Ши роко выявились положительные черты бытового уклада квар тальной общины в годы Великой Отечественной войны, когда она помогала в организации общественных работ, в разме щении эвакуированных, в наборе работников для перевезен ных с временно оккупированных территорий промышленных и других предприятий, в сборе средств и теплых вещей для фронта и населения освобожденных районов. Авторитет по жилых людей квартала обеспечивал общественный порядок, препятствовал нарушению спокойствия в квартале.

Однако, учитывая все эти положительные черты тради ционного общинного быта, нельзя забывать реакционное зна чение, которое имела и имеет община в жизни всех народов на поздних этапах истории. Живучесть общинных традиций у народов Средней Азии в значительной степени объясняет долгое сохранение многих отрицательных черт быта в на циональных республиках. Боязнь «общественного мнения» своих соседей, особенно осуждения со стороны стариков, поль зующихся большим уважением в силу своего возраста и традиционной патриархальности, вынуждает соблюдать ста рые отжившие обычаи: слишком широко отмечать семейные события, принимать участие в религиозных обрядах, в част ности совершать обряд обрезания мальчиков, сохранять *хотя* бы видимость неравноправного положения женщин и млад ших членов семьи и т. п. Изживание этих черт быта нераз рывно связано с изживанием общинных традиций; из них в наши дни должны сохраняться лишь те, которые не проти воречат укладу жизни современного человека, члена социа листического общества. Сохранятся и те черты национально го характера, которые, будучи порождены общиной, давно утратили с ней и ее традициями непосредственную связь и сделались своеобразной чертой национальной психологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

ЗИРГО — Записки Имп. Русского географического общества.
ИВ АН УзССР — Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР.
ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР.
ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
РГО — Русское географическое общество.
САГУ — Среднеазиатский Государственный университет.
СЭ — Советская этнография.
BGA — Bibliolheca geographorum arabicorum.

СХЕМЫ ДЖАРИБОВ

I. Шайх Рангрез XII. Калобод (68)
П. Турки Джаиди VIII. Суфиён (84)
Ш. Джуббар IV. Чашма Аюб, V. Регистон VI. Хыёбон (102)
VII. Мурдашуён IX. Гаукушон (168)
X. Шахристон, XI. Искандар-хон (206)

А. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

I. ВОРОТА ГОРОДСКИЕ И КВАРТАЛЬНЫЕ

Атторон (ʿАттāрāн) 216
А'ло (А'лā) 294
Бозори нау, Бозори дарби нау (Базар и нау, Базар и дарб и нау) 302
Ворота арка (заложенные) 204. 304
Дарвозача (ДарвЗзача) 16
Дарвозаии калон (Дарвāза-йи калāн) 16. 194
Имамские, Дарвозаии Имом (Дарвāза-йи Имāм) 66. 136. 148. 171, 226. 333
Кавола, Каволани гач (КавЗла, Кавāла-йи гач) 67. 245. 248, 316
Калабадские, Калобод (Калāбāд) 246. 296. 300
Калабадские внутренние (андарӯн) 300
Камаргарон (Камаргарāн) 223
Каракульские, Карокул (Қаракӯл) ПО 181
Каршинские, Карши (Қаршӣ) 67, 245. 296. 301, 316
Кузнецов см. Охангарон
Мазарские, Мазор (Мазāр) 153. 245. 248. 268
Мансура (Манҫӯр) 16. 294
Мардкушан, Мердкушан (Мардкушан) 66
Намозгох (Намāзгāх) 83
Охангарон (АхангарДн) 196
Саллаххона (Саллāҳҳāна) 66, 67, 81. 89. 143. 155,249,268,287, 289 312
Самаркандские. Самарканд (Самарқанд) 66, 226, 230, 268, 284 287 294 314 333
Талипачские. Тал'ипоч'(Тал и пāч) 123 284. 288
Угланские, Углон (Ӯглāн) 123, 131
Хазрат Имом см. Имамскне
Шайх Джалол (Шайҳ Джалāл) 83. 100
Шергиранские, Шергирон (Шйргӣрāн) 16, 116, 123 124. 289. 335

II. ДЖАРИБЫ, МАХАЛЛА

Адрасбофон (Адрасбāфāн) 66
Бозори ходжа (Базар и ходжа) 65
Гаукушон (Гаукушая) 65, 66, 181, 189
Джуйбар (Джуйбар) 16, 61, 66. 101. 103, 108, 109. 112. 113, 116. 121, 123, 144. 150, 152, 155, 161. 162. 222. 268. 269. 279, 281. 284, 289. 303, 304. 318
Искандар хон (Искандар-ҳāн) 66. 206. 226, 227
Калобод (Калабад) 66. 68. 245. 246
Козиён (Қāзӣйāн) 65. 245
Кулолон. Кулолгарон (Кулāлāн, Кулāлгарāн) 66
Мердкушан, Мардкушон (Мардкушан) 65
Моркушон (Мāркушāн) 65
Мурдашуён (Мурдашӯйāн) 66. 88. 136, 166. 240
Регистон (Рйгистан) 66. 109, 136
Суфиён (Сӯфӣйāн) 66, 181
Турки Джаиди (Турк и Джаидӣ) 66. 83
Хмёбон (Ҳийāбāн) 66. 150. 181

Чашма Люб ('Чашма-йи Айуб) 66. 123
Шайх Рангрез (Шайх Рангрйз) 66. 67, 68
Шахристон (Шахристан) 66.502. 206

III. КВАРТАЛЫ (КУ, МАХАЛЛА, ГУЗАР) И ИХ ЧАСТИ[1]

Абдулазиз хон ('Абдал'азйз-хбн) 104. 303. 304
Абдулло-кучкор ('Абдаллах-кучкар) 246, 253
Абдулло-кушбеги ('Абдаллах-кушбёги) 151. 166
Абдулло ходжа ('АбдалЗх ходжа) 103. 111. 112. 268. 273
Аилиёйи-гариб (Аулийа-йи гарйб) 205. 221. 222. 315
Азизон ('Азйзан) 205. 208. 211. 277. 304
Алам-на-расон (Алам-на-расан) 212, 213, 276. 315
Алвондж (Алвандж) 67, 74. 282. 287
Алокабандон ('Алакабандан) 190. 202, 203. 278. 315
Алочабофон (Алачабафан) 105. 184. 314
Амир Ёр-Мухаммад-садр-атка (Амйр Йар-Мухаммад-садр-атка) 303
Амири (Амйрй) 16, ISO. 190. 194. 195, 238. 303
Амир Тин-Кылыч (Амйр Тин Клйч) 303
Амиробод, махалла (Амйрабад, махалла) 84. 93. 318
Амон-бой (Аман-бай) 46. 84. 92, 273. 274. 309
Арабон ('Арабан) 46. 67. 80, 81, 83, 227, 268. 276, 289. 317
Арки баста (Арк-и баста) 204, 305
Ангиштиё (Ангиштиха. Ангиштйан) 195
Арроки мисгари (Аррак-и мйсгарй) 167. 172, 204. 268. 278
Аскар-бий ('Аскар-бйй) 136. 145. 146. 312, 315
Атламиш (Атламйш) 227. 232—235, 275, 314, 315, 319. 320
Ахмад-дорга (Ахмад-дарга) 124, 130—132. 284
Аъло (А'лй) 16. 294
Ахтачи (Ахтачй) 151. 165, 275
Байни токайн (Байни такайн) 311
Баракиён (Баракиян) 84, 90. 277
Баходур-бий (Бахадур бйй) 124. 129. 130. 132, 284. 311. 318
Бобо Ахмадиён (Баба-Ахмадийан) 128. 277, 304. 305. 310
Бобо Махмуд-шох (Баба Махмуд-шах) 303
Бобойи нонкаш (Баба йи нанкаш) 181. 185. 275. 315
Бобойи Ол (Баба йи Ал) 79. 276, 309
Бозори алаф (Базар-и 'алаф) 17, 67, 77
Бозори гуль, Бозори чашмайи гуль (Базар и гул. Базари чашма-йи гул) 205. 213, 214, 280
Бозори карбос (Базар и карбас) 303, 304
Бозорн кафш (Базар и кафш) 194
Бозорн дарб;[нау (БазЗр и дарб и нау) 250
Бозори нау 188, 301. 302
Бозорн пиёз (Базар и пийаз) 304
Бозорн чуб (Базар и чуб) 227, 235. 233, 280
Боки-хон Боки-Мухаммад-хон см. Чорбоги Боки-Мухаммад-хон
Бу Ляйс (Бу-Лайс) 294, 298
Буйробофон (Буробафан) 35, 43. 116, 226, 227. 237—242, 268. 278. 315. 321. 322
Булгор, Ходжа Булгор (Булгар. Ходжа Булгар) 67. 73. 74, 276. 315
Вазир (Вазйр) 294
Вакф. Вахм (Вакф) 103. 123. 269. 281
Волида хон, Волидайи хон. Волида хбни шахид (Валида-йи хЗн и шахйд), Волида хон на Хыёбоне 150. 156. 273. 304. 312
Ворот Мансура (Дарваза йи Мансур) 16. 294
Ворот Самарканда (Дарваза йи Самарканд) 294

[1] В указатель не внесены имеющиеся в ссылках названия кварталов, из которых происходили информаторы.

Ворот Саллаххона (Дарваза йи Саллаххана) 312
Гардункашон (Гардункашан) 294
Гарибийя (Гарибийа) 84. 93. 280. 315
Гаукушон (Гаукушан) 189—191. 303. 304
Гозиён (Газийан) 41. 84. 88. 94—96. 143. 182. 279, 303. 309
Гузари зардузо (Гузар и зардуза) 152
Гузари нау (Гузар и нау) 103. 121
Гузаря сипохо (Гузар-и сипахха) 284
Гузари Хай (Гузар-и Хай) 190. 268. 282
Гузари эронихо (Гузар и эронихо) 123
Гулом-Аля-тупчибоши (Гулам 'Али-тупчибаши) 311
Дарвозайи Имом (Дарваза-йи Имам) 304. 305
Дарвозайи Каволя. Каволяйи гач (Дарваза йи Кавала. Кавала йи гач) 67. 69. 315
Дарвозайи об (Дарваза йи об) 304. 305. 306
Дарвозайи Саллаххона (Дарваза йи Саллаххана) 67. 82, 83. 281, 304, 305"
Дарвозайи Углон (Дарваза йи Углан) 136, 137, 138. 148. 281
Дарвозайи Шайх Джалол (Шайх Джалал) 100.304
Дарвозача (Дарвазача) 16. 294. 298
Дари арки баста. Арки баста (Дар и арк и баста) 304. 309
Дари зиндон (Дар-и зиндан) 304
Дастурбандон (Дастарбандан) 103. 114. 277. 315
Деволи похса (Дйвар н пазса) 124. 131
Дегрези (Дигрези) 205, 208—210, 276, 278. 280. 289. 304. 305
Дероз (в Ташкенте) 325
Джанафарон (Джанафаран) 103. 114
Джафар ходжа (Джа'фар ходжа) 246. 255. 261. 262. 268. 315
Джилаухона (Джилаухана) 119. 170. 171. 315. 321
Джомийи Бегим. Хоним (Джами'-и бегим) 273
Джон Али бий (Джан-'Али-бий) 304
Джон-Кубод-доруга (Джан Кубад даруга) 231. 232. 233. 311
Джон-Кубоди калон (Джан Кубад и калан) 227, 230. 232
Джон Кубоди хурд (Джан-Кубад и хурд) 227. 231
Джуйзар (Джуй-и зар) 103. 115. 281. 282
Джуйи чаппа (Джуй и чаппа) 251. 281
Дилькушойи дарун (Дилкуша-йи дарун) 246. 254. 255. 262. 284. 303
Дурман (Дурман) 124. 128. 277. 284
Дуст-чухрасоси. Дуст чурогоси (Дуст-чухра-басй) 154. 168. 176. 177. 268. 311. 315
Заббиён (Заббийан) 46. 181. 186. 188. 277. 311
Забуда (Забуда) 205. 214. 215. 217. 281
Зангулясози (Зангуласази) 190. 198. 199. 268. 278. 286
Заргарон (Заргаран) 303
Зехтоби (Зихтаби) 227. 240. 278
Зиндафили Ахмади Джоми (Зиндафпл Ахмади Джами) 124. 130. 276. 284
Зомучи. Ходжа Зомуча (Замуча) 246. 248. 281. 282. 315
Имом Козн-хон (Имам Кази-хан) 246. 259. 268. 276, 309"
Имом Мухаммад Газоли (Имам Мухаммад Газали) 181. 188. 276. 302
Искандар-хон (Искандар-хан) 227. 234. 271, 304. 314. 319
Искандар хан (ку) (Куй-и Искандар-хан) 235
Ислом (Ислам) 67. 80. 282. 304
Истемур (Истемур) 227. 233—235. 320
Кабул ато (Кабул-ата) 124. 131
Каллапушпзон (Каллапушдзан) 304
Калмокон. Калмок (Калмакан, Калмак) 124. 128—130, 265. 277. 284. 311. 312. 319
Калобод (Калабад) 246—248. 281. 296—299. 300. 310. 314
Калта Манор (Калта Манар) 99. 304. 307
Калта ходжа (Калта-ходжа) 103. 109
Калтигиён (Калтигийан) 90. 200. 201. 277. 278, 304, 307
Камонгарон (Камангаран) 192. 191, 301, 309
Канбар-атодын. Канбар-бий (Канбар-атабек) 115. 312. 313

Каппо́ни мавиз (Каппа́н-и мавиз) 220
Каро-Камол (Кара́-Камал) 246, 256. 257. 261. 262. 277. 284. 304. 309. 318
Карчигай (Карчи́гай) 151. 162, 281
Катаган (Катаган) 227. 236, 271, 312, 313
Кафши олак (Кафш и алак) 194
Кашкарихо (Кашкари́ха) 242, 321
Кемухтгарон (Кймухтгаран) 205, 214—217. 278, 289. 315
Кийу-ходжа (Кийау ходжа) 172
Кози Зохид, Суфи Зохид (Казй Захид, Суфи Захид) 103, 113
Кози Мирзо-пайк (Казй Мирза́-пайк) 139. 273
Кози Мир Хошим (Казй Мйр Хашим) 136. 148. 304
Кози Нуриддин (Казй Нураддйн) 264, 305. 315"
Кози Саидн Джуйбор (Казй Са'йд-и Джуйбар) 113
Кози-урда (Казй-урда) 204. 272, 305
Кози Файзи (Казй Фа́йзй) 136. 138. 145. 269. 304. 308. 311
Кокида. Кокилайи калон (Какида, Какила-йи калан) 67, 71
Кокилайи хурд. Кокилача (Какила йи хурд, Какилача) 246, 249. 312
Корхона (Карха́на) 227. 243. 244. 268. 279. 289. 317
Косагарон (Касагаран) 46. 84, 97—99. 278, 303
Косим-шайх (Касим-шайх) 190, 199. 200. 273
Кофар-работ (Кафар рабат) 135. 147. 286, 315
Кофилон. Мехтар Кофилон (Кафилан, Мехтар Кафила́н) 150, 155. 156. 274. 286
Кох (Куй и Ках) 294
Кош-мадраса (Куш-мадраса) 33. 40, 88, 151, 152. 169, 222, 268, 280. ЗОЭ. 312
Кошуки (Кашука́) 242. 321
Куйи Бакор (Куй и Бакар) 294
Куйи дарахт (Куй и дарахт) 181. 187. 188. 281. 286. 303
Куйи Дехкон (Куй и Дехка́н) 220. 294. 295. 301. 302
Куйи Мугон (Куй и Муга́н) 294
Куйи мургкуш (Куй и мургкуш) 67. 71. 72. 285. 312
Куйи Регистон (Куй и Ре́гистан) 294
Куйи Риндон (Куй и Ринда́н) 294
Куйи хонако. Куйи хонакойи Шайх Бадри Майдони (Куй и Ханакйх. Куй и ханаках и Шайх Бадр и Майданй)' 168. 171, 174. 176. 315
Куйи Хоним (Куй и Ха́ним) 303
Куйи Чорбоги Бока-Мухаммад-хон. см. Чорбоги Бока-Мухаммад-хон
Кукалтош. Кулбобо кукалтош (Кукалда́ш. Кулбаба кукал даш) 181. 182. 272. 315
Кул-Махмад-хаджя. Кул-Мухаммад хаджи (Кул Мухаммад ходжа́) 124, 127. 130, 273. 284. 305. 310
Кулолон (Кула́ли́н) 217. 315
Кутлук (Кутлук) 84. 85, 282
Куча бог (Куча баг) 246, 256, 317
Кучайи Айорихс (Куча йи Ана рйха) 215
Кучайи боло (Куча йи бала) 113. 321
Кучайи Гуломо (Куча йн гуламан) 97
Кучайи нагорачихс (Куча йи нагарачйха) 137
Кучайи сангин(Куча йи сангин)172
Кучайи узбако (Куча йи узбакан) 123. 321
Кучайи шуллукчихо (Куча-йи шуллукчйха) 171
Кучик-углон (Кучик углан) 304
Кучкор-бек. Кучкор бек бий (Кучкар-бек, Кучкар-бек-бий) 309. 311. 312
Кучкор курчи (Кучкар курчй) 227. 228. 313, 317
Кыргыз-оим (Киргыз-аймы) 150, 160. 284
Лойхуракон (Лайхуракан) 83. 87
Ляби хаузи арбоб (Лаб и хауз. и арбаб) 181. 189. 281. 311
Ля́би хаузи Мир Дустум (Лаб и хауз-и Мйр-Дустум) 303
Ляби хаузи мурдахо (Лаб и хауз-и мурдаха) 171. 312
Ляби хаузи Хазрат Шайх Шох (Лаб н хауз и Хазрат Шайх Шох) 86
Лязгихо (Лазгйха) 241. 321
Ландахур (Ландахур) 146. 147. 275.315
Лянги араб (Ланг и 'араб) 124. 130. 193. 275. 284
Мавлавн Мирзоджон (Мавлавй Мйрзаджан) 205. 221, 273

Мавлоно Амири (Маулана Амирй) см. Амири
Мавлоно Асири (Мауллна Асйрй) 167, 168, 273, 315
Мавлоно Рахматулло (Маулана Рахматаллах) 303
Мавлоно Шакар (Мауллна Шакар) 303
Мавлоно Шариф (Маулана Шарйф) 205, 210—212, 273, 276, 304
Магоки Аттори (Марак и 'Аттарй) 205, 216, 268, 286, 312
Магоки курпа (Марак-и курпа) 190, 192, 194
Магокн дятта (Магак и латта) 194
Мадали хаджи (Мухаммад 'Алй хаджжй) 227. 229, 273
Маддохон (Маддахан) 227, 231, 232, 279, 287
Мадрасайи Амин Мухаммад накиб (Мадраса йи Амин Мухаммад-накиб) 312
Мадрасайи Миракон (Мадраса йи Мйракан) 304
Масъуд-бек (Мас'уд-бек) 252
Масъуд девон (Мас'уд дйван) 304, 312
Махалла Амиробод см. Амиробод
Махаллайи кухна (Махалла йи кухна) 67, 75, 76, 93, 269
Махаллайи нау (Махалла йи нау) 84, 93, 318
Махдуми Аъзам (Махдум и А'зам) 46. 84. 94. 276
Мачйти баланд (Масджид и баланд) 109, 150. 157, 158. 280
Мачйти бесутун (Масджид и бйсутун) 168. 178, 179, 280. 304
Мачйти кунджак (Масджид и кунджак) 124, 130, 132. 280. 284
Мехтар Анбар (Мехтар 'Анбар) 246. 258. 315
Мехтар Идрок (Мехтар Идрак) 166
Мехтар Кофилон см. Кофилон
Мехтар Ориф (Мехтар 'Ариф) 150. 158, 159
Мехтар Гагой (Мехтар Гагай) 303
Мехтар Шафеъ (Мехтар Шафй') 46. 67. 79. 155, 258
Мехтар Шохбек (Мехтар Шах бек) 136, 150. 315
Мехчагарон (Мехчагаран) 246. 278.289
Миёнколиён (Мийанкалийан) 181, 185. 277, 278. 315
Миракон (Мйракан) 84. 96, 98, 99. 277
Мирджон Али (Мирджан-'Алй) 312
Мир Дустум, Ляби хаузи Мир Дустум (Мйр-Дустум. Лаб и хауз-и Мйр Дустум) 25. 116, 150. 152, 154, 177. 268, 285. 309, 312
Мирзо бий (Мйрза бйй) 67, 72. 79. 258, 278, 285
Мирзс Гафур (Мйрза Гафур) 136. 149, 274, 305. 315
Мирзоджони кассоб (Мйрзаджан и кассаб) 188
Мирзоджони Чуббоз см. Чуббоз
Мирзо-кули (Мйрза-кулй) 190. 195. 268. 279
Мирзо Пайк (Мйрза Пайк) 310
Мнрзо Убайд (Мйрза 'Убайд) 67.
Мирзо Хайдар, Мирзо Хайдари поён (Мйрза Хайдар, Мйрза Хайдар-и пайан) 190, 312, 315
Мир-Иброхим (Мйр-Ибрахим) 205. 219
Мйри табиб (Мйр-и табйб) 235, 312. 320
Мир-карача (Мйр карача) 172. 315
Мир Масъуд (Мйр-Мас'уд) 67. 82, 83. 289. 303. 312
Мир-Сари-ходжа (Мйр-Сари-ходжа) 315
Мир Тахури девон (Мйр Тахур и дйван) 246. 262. 263. 268. 318
Модари хон. Модари хони ляби руд (Мадар и хан. Мадар и хан и лаб и руд) 168, 180. 181, 189. 273. 315
Моркуш (Маркуш) 46. 65. 151, 162. 281
Мугон см. Куйи Мугон
Муддао (Мудда'а) 124. 133, 280.
Муйи тобон. Мохи тобон (Муй и табан, мах и табан) 205, 214, 215. 217. 315, 320
Мулло Амири см. Амири
Мулло Асири см. Мавлоно Асири
Мулло Масъуд девон см. Масъуд девон
Мулло Пайрави (Мулла Пайравй) 205. 220. 295
Мулло ходжа (Мулла ходжа) 303. 304
Мулло Хоки рох. Хоки рох (Мулла Хак-и рах) 34. 83. 87, 88. 274
Муллойи (Муллайан) 136. 140, 279

Мулло Шамсп Мухаммад (Мулла Шамсп Мухаммад) 17. 67. 77. 274
''улло ''Шох '(Мулла Шāх) 205, 21[illegible] 215 217 271 315 320
. 15. 2 . 274. 35. 320
Мургкуш (Мургкуш) 281
Мурдашуён (Мурдашуйāн) 167. 170. 171. 278. 312
Мусурмон-энага (Мусулмаи эна га) 168. 175, 178
Мухаммад-Али-хаджи. Мадали хаджи (Мухаммад- Али-хаджжи) 311. 312
Мухаммад-ёр-бий. Мухаммад ёр атолык (Мухаммад-йāр-бий. Мухаммад-йāр-аталык) 168. 179. 180. 189. 304. 311
Мухаммад Косим (Мухаммад Ка сим) 67. 70. 303. 312
Мухаммад-Мискин. Мулло, хаз рат (Мухаммад-Мискйн. Мул лā. хазрат) 304
Мухаммад-пайк. Мухаммад-пай (Мухаммад-пайк) 136. 137
Мухаммад-паррон. Ходжа Мухам мад-паррон (Мухаммад пар ран) 315. 316
Мухаммади Пастак (Мухаммад и Пастак) 246. 249. 304
Мухаммад-Подшох-ходжа (Му- хаммад Палшах ходжа) 312
Мухаммад-Рахим-султон (Мухам мад-Рахим-султан) 304
Мухаммад-Ризо-ходжа **(Мухам** мад Риза ходжа) 91
Мухаммад Шариф см. Мавлоно Шариф
Нагорачихо (Нагāрачйхā) 137
Надир-Вайс (Надир Вайс) 168. 172. 173. 312
Надир-курчи (Надир-курчи) 124. 125
Назарча (Назарча) 135. 146, 147, 275
Нахсакон (Нахсакāн) 253. 277
Нийа-алача (Нийаз алача) 315
Низомаддини боло см. Ходжа Низомаддини боло
Низомаддини поён см. Ходжа Низомаддини поён
Новая махалла см. Махаллайи нау
Нуробод. Ходжа Нуробод (Нур- абад) 244. 315, 317
Оби равон (Аб и раван) 84, 91. 92. 190. 315
Озодон (Āзадан) 254
Ой-бинок.Ой-бибн-инок (Ай бйбй инāк) 246. 249. 273, 316
Оқмачит (Ақ-масджид) 124, 129 130. 131. 284. 312. 319
Олим-ходжа ('Āлим-ходжа) 227. 239.240. 268. 273. 286. 287
Охунди Мулло Усмон см. Кози-урда
Пайкан (Пайкан) 150. 159. 281
Пардозгарон (Пардāзгарāн) 124, 125
Паткорон (Паткāрāн) 303
Пескона (Пёскāна) 167. 246. 253 317
Пистапшканон (Пистапшканāн) 103. 109. ПО. 136. 144 145 278
Подшохкули-бий-хаджи си. Поч чокул-хаджи
Пойи остона (Пай-и астāна) 205. 218. 276. 286
Понобихо (Пайан и абйха) 83, 87, 88, 277, 278
Порсбонон (Пāрсбāнāн) 304
Почокул-хаджи (Пāдшāх-кул-хāджжи) 181. 187. 273, 304,312
Поччо ходжа (Пāдшāх-ходжа) 67. 70. 275
Пули Саррофон см. Саррофон
Пустиндузон (Пустйндузāн) 79. 82. 88.89. 167.169. 278. 315
Пухтабофон (Пухтабафан) "103 105 103 ПО 278. 315
Пуштайи зогон (Пушта-йи зāгāн) 82
Равгангарон (Равгангарāн) 168. 176. 178. 240. 278. 304. 309
Раъд зада (Раʻд-зада) 205. 224. 275. 304
Саадакон (Саʻдакāн) 246. 253. 277
Саид Бандкушо. Хазрат Бандкушо (Сайд Бандкушā) 208. 276. 303. 304. 312
Саид Камол (Сайд Камāл) 246. 251, 252, 303
Сарахсиён (Сарахсийаи) 84, 96. 97 277 278 303
Сари бозори Кāли Фархоз (Сар и базар и Кал-и Фархāд) 219
Сари пули равгангарон см. Рав гангарон
Сарроджон (Саррāджāн) 190. 201. 278 315
Саррофон (Саррафан) 303. 309
Сафедмуй. Сафедмуи. Абдулло Сафедмуй (Сафйдмуй. Сафид мун. 'Абдаллāх Сафидмуй) 67. 80. 81
Сесуки Охунди калон (Сесук-и Ахунд-и калан) 199

Сесуки Охунди суфи (Сесук и Ахунд-и суфи) 199, 281
Сесу. Сесуки таррохи (Сесу, Сесук-и таррохи) 84, 90, 281, 315
Сиддикиён (Сиддикиён) 190, 198, 277, 315
Сикоорон (Сийахкаран) 190, 192, 194, 255, 278, 309
Собунгарон (Сабунгаран) 151, 157, 164, 165, 278, 315
Согутарошон (Сагутарашон) 136, 148
Солори хадж (Салар-и хадж) 108, 109
Сорвонс (Сарванон) 124, 127, 278, 284
Сохиб зада (Сахиб зада) 84, 100, 273
Старая махалла см. Махаллайи кухна
Сузангарон (Сузангаран) 190, 196, 268, 278, 289
Суфа (Суфа) 78, 301
Суфи Зохид (Суфи Захид) 113, 309
Суфнён (Суфиён) 181, 185, 186, 279, 303, 312
Суфиён Саурй. Шайх Суфиён (Суфиян и Саурй, Шайх Суфиян) 276, 304, 305
Таббанд. Ходжа Таббанд (Таббанд, Ходжа Таббанд) 246, 255, 304
Табибон (Табиб5н) 136, НО, 141, 236, 315
Тагбандбофон (Тагбандбафан) 190, 203, 278
Таи арк (Тах н арк) 149
Таи зиндон (Тах-и зиндан) 227, 228, 282, 317
Таи пушта (Тах и пушта) 91, 281
Таи чорбог (Тах н чахарбаг) 103, 126, 281, 286, 316
Таи шур, Тахтн шур (Тах н шур) 215, 315
Такия (Такийа) 124, 134, 284, 309
Тарматой-бий (Тарматай-бий) 312
Токиядузон (Такийадузан) 303
Тукумдузи (Тукумдузи) 171
Тунхона (Тунхана) 205, 222—224, 242, 276, 280, 305
Турки Джанди (Турк-и Джанди) 84, 91
Убонихо. Ходжа Убони (Убанихо. Ходжа Убони) 183
Узбак-ходжа (Узбак-ходжа) 103, 122, 273
Урганджиён (Ургандживан) 101, 103, 105, 116, 277, 278, 281, 284
Урдайи маврихо (Урдайи марвихо) 162
Урусон (Урусан) 136, 140, 277.309
Усто Рухи (Уста Рухи) 34, 136, 141, 144, 268, 276, 312
Усто Хакими собунгар (Уста Хаким-и собунгар) 315
Фагсодара. Фагсодра (Фагсадара, Фагсадра) 294
Фатхулло-кушбеги (Фатхаллах кушбеги) 246, 251, 253, 303
Хаджи Амон-бий см. Амон-бий
Хаджи-дорге (доруга) (Хаджжи-даруга) 124, 312
Хаджи Курбон см. Ходжа Курбон
Хаджи Рофеъ (Хаджжи Рафи') 227, 229
Хаджи Усто Курбон буйробоф (Хаджжи Уста Курбан-буробоф) 315
Хаджи Хабибулло (Хаджжи Хабиб аллах) 150, 159, 161, 162, 315
Хазрат Аюб (Хазрат Айуб) 311, 312
Хазрат Бандкушо см. Санд Банд кушо
Хазрати Хизр (Хазрат-и Хизр) 168, 173
Халифа Ниёкул (Халифа Нийаз-кул) 304, 305
Халифа Худойдод (Халифа Худайдад) 103, 117, 118, 268, 273, 289, 320
Халифа Хусайн (Халифа Хусайн) 67, 69, 273, 287, 304
Халолхурон (Халалхуран) 224
Хаммоми каппа (Хаммам и каппа) 151, 163, 164, 304
Хаммоми кунджак (Хаммам и кунджак) 190, 198, 215, 280, 309
Харротон (Харратан) 134, 136, 138, 144, 161, 278
Хаузи баланд (Хауз-и баланд) 103, 123, 155, 269, 281, 309, 321
Хаузи Бобо-Нийаз (Хауз и Баба Нийаз) 115
Хаузи лесак (Хауз-и лайсак) 168, 173, 174, 276, 312
Хаузи нау (Хауз и нау) 103, 281, 304
Хаузи Рашид (Хауз-и Рашид) 79
Хаузи Ходжа Зайниддин см. Ходжа Зайниддин

Хаузи Чубин (Хауз и Чубйи) 127
Ходжа (Ходжа) 18
Ходжа Али Сумитани (Ходжа 'Алй Сумӣтанӣ] 303
Ходжа Абульхафиз аьлам (Ходжа Абӯ-л-Ҳāфиз-а'лам] 180. 311
Ходжа Авлиёйи Гариб см. Авлиёйи Гариб
Ходжа Алам на расон см. Алам на-расон
Ходжа Аспгардон, Аспгардон (Ходжа Аспгардāн] 151, 166, 245
Ходжа Ашур-тупчибоши (Ходжа 'Ашӯр-тупчӣбāшӣ] 315
Ходжа Булгор см. Булгор
Ходжа Гарибон (Ходжа Гарибāн] 183
Ходжа Гоиб (Ходжа Гāйб] 227,230
Ходжа Гунджори (Ходжа Гунджара) 276
Ходжа Зайниддин. Хаузи Ходжа Зайниддин (Ходжа Зайнаддӣн, Хауз и Ходжа Зайнаддӣн] 177. 190. 195. 286. 303
Ходжа Зомуча см. Зомуча
Ходжа-калон, Хаузи Ходжа калон (Ходжа-калāн, Хауз и Ходжа калан) 205. 219. 220. 272. 31о
Ходжа Курбон (Ходжа Курбан) 136. 145. 309. 313
Ходжа Мухаммад (Ходжа Мухаммад] 304
Ходжа Мухаммад-паррон см. Мухаммад-паррон
Ходжа Мухаммад Порсо, Ходжа Порсо (Ходжа Мухаммад Пāрсā, Ходжа Парса) 220. 250. 251. 273. 286. 301. 312
Ходжа Низомаддӣни боло, низомаддини боло (Ходжа Низамаддӣн-и бала) 205. 225. 226.
Ходжа Низомаддӣни поён, Низомаддини поён (Ходжа Низāмаддӣн-и пāйāн] 224. 225. 321
Ходжа Нуробод см. Нуробод
Ходжа Порсо см. Ходжа Мухаммад Порсо
Ходжа Рофеъ (Ходжа Рāфи'] 150. 155. 273
Ходжа Таббанд см. Таббанд
Ходжа Туйгун (Ходжа Тӯйгун] 150, 157. 15S, 273
Хо жа Убони см. Убонихо
Ходжа Халим, Халимуддин (Ходжа Халим, Ҳалӣмаддӣн] 67, 77. 276, 301
Ходжахо (Ходжаха) 201
Хонако, Хонакойи Джуйбор (Ханаках и Джӯйбāр] 16, 83. 103. 106. 107. 109. 110. 111, 268. 280. 284, 309. 312
Хонако. Хонакойи Чукмоки (Х3наках и Чӯҳмāҳӣ] 83, 86. 281. 287
Хофиз-кунгрот (Ҳāфиз-ҳунгрāт] 190. 198
Хофиз Мохони (Ҳāфиз Мāҳāнӣ] 303
Хофиз-Низом (Хафиз Низам) 315
Хофиз Тафтон (Ҳāфиз-Тафтāн] 201, 303. 304, 307
Хофиз-Хаджи (Ҳāфиз-Ҳāджжӣ) 303
Хофиз-Чанги (Хафиз Чангй) 149, 304. 305. 313
Хуллабофон (Хуллабафан) 309. 311
Хусайн-Али-ионвой (Хусайн 'Алӣ-нāнвāй] 304
Хшебон (Куй и Ҳийāбāн] 151. 152. 161. 303
Чакар (Чакар) 103. 111. 268. 281
Чакари султонон см. Урганджиён
Чармгарон (Чармгаран) 28. 103. 115. 117. 119. 162, 278. 289
Чашма Аюб (Чашмā Айуб) 124. 134. 138. 276. 284
Чиль духтарон (Чихил дуҳтарāн] 315. 316
Чодирдузон (Чāдирдӯзāн] 182
Чорбакколи Дарвозайи Самарканд (Чаҳāрбаҳҳāли Дарваза йи Самарканд) 116. 227. 241. 281
Чорбакколи Дарвозайи Углон (Чаҳāрбаҳҳāли Дарвāза-йи Углāн] 137
Чорбоги Боки-Мухаммад-хон Чорбоги Боки-хон (Чаҳāрбāг-и Бāҳӣ-Мухаммад-хāн, Чаҳāрбāг-и Бāҳӣ-119121. 309. 312. 320
Чорбоги Али (Чаҳāрбāг-и 'Āлӣ) 310
Чор корвонсарой (Чахар кāрвāнсарай) 67. 79, 312
Чорсӯки дарун (Чаҳāрсӯк-и дарӯн] 303
Чор харос (Чахар ҳарāс] 46, 181. 186. 280, 309
Чоршанби-казок (Чаҳāршанбӣ-казāҳ] 227. 232. 320
Чоршанби-корвон (Чаҳāршанбӣ-кāрвāн] 232
Чохи занджир (Чах и занджйр) 205, 222. 258. 281, 286. 301, 312

Чуббоз. Мирзоджони чуббоз (Чуббоз. Мирзаджан-и чуб баз) 243. 275
Чубутон. Чуютон (Чубутан) 150.
Чукур махалла (Чукур махалла) 103. 119. 120. 122. 123. 268. 281. 320. 321
Шайх Джалол (Шайх Джалол) 84, 100, 273
Шайх Рангрез (Шайх Рангрез) 67, 69. 276. 316
Шайх Суфиён см. Суфиён Саури
Шайх Шона (Шайх Шана) 303, 304
Шайх Шох (Шайх Шах) 83, 85, 86, 304. 315
Шарифджон (Шарифджан) 190. 195
Шаршара (Шаршара) 17. 67. 77
Шахри нау (Шахр и нау) 23. 103. 112. 113, 321. 322
Шер Мухаммад джувозкан (Шир Мухаммад джувазкан) 136, 146. 275. 315
Шикастабандон (Шикастабандан) 136. 139, 140
Шишахона (Шишахана) 124, 126. 127, 268, 279. 280. 312
Шох-Малик (Шах-Малик) 103. ПО
Шохи Ахси (Шах и Ахси) 24. 227. 240. 241. 268. 272. 287. 307. 314. 315. 321. 322
Шукур-бий (Шукур-бий) 231
Шур-куль (Шур-куль) 227. 231
Эр-Назар-катаган см. Катаган
Эшон (Ишан) 18
Эшони Имло (Ишан-и Имла) 138. 161. 311
Эшони пир (Ишан-и пир) 46. 67. 74. 75. 268. 273. 289
Яланги Бохиджон-кушбеги (Яланги Бакаджан-кушбеги) 181. 184. 281. 309, 311. 312. 314

IV. РЫНКИ И ПРОЧИЕ ТОРГОВЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Базар Куйн Кухак (Кой-и Кухак) 304
Базар лесной (строительный лес и детали) 235, 280
Базар обуви 194
Базар одеял и одежды 193
Базар птичий 173
Базар сенной (Халаф) 17, 77
Базар тюбетеек 97
Базар хлопковый 232, 241
Базар цветов и саженцев 213. 214, 280
Базар циновок 203, 232
Базарчики квартальные и межквартальные 129. 132, 137, 153, 220, 258. 259
Бозбри карбос (Базар и карбас) 303. 304
Бозбри дарби нау (Базар и дарб и нау) 189, 280
Бозбри нау (Базар и нау) 188, 280. 302
Бозбри Ходжа (Бозар-и Ходжа) 153
Бозбри Ходжа калон (Базар и Ходжа калан) 190

Гаукушон (Гаукушан) — торговая площадь 189

Караван сараи 26, 79, 89, 181, 201, 203, 215. 218—220. 286, 335

Регистан (Регистан) — торговая площадь 66. 136. 170. 172. 201. 225. 226, 268, 269. 314

Тим Абдулла хана 222. 223
Токи Заргарон (Так и Заргаран) 66, 295, 303
Токи Тельпак (Так и Тилпак) 66, 127, 189, 193. 194. 196. 203. 213. 269, 316
Токи Саррофон (Так-и Саррафан) 90. 99. 189. 269. 296. 301. 303
Токиядузон (Такийадузан) 303
Торговые ряды 75. 92. 96. ПО. 112. 124. 125. 128. 146. 150. 154. 172. 173. 186. 189. 193. 194. 196. 199. 203. 208. 215. 216. 218—220. 231. 232, 245, 259
Тукумдузон (Тукумдузан) 171

Чорбакколи Дарвозайи Самарканд (Чахарбаккалй Дарвоза-йи Самарканд) 241
Чорбакколи Дарвозайи Углон (Чахарбаккалй Дарвоза-йи Углан) 137
Чубайи бакколон (Чуба йи баккалан) 265

V. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ[2]

Авротхона (Аврадхана) 71

Банк[3]: Амири (Амири) 194
- Бобо-хальфа (Бобо-халифа) 144
- Гаукушон (Гаукушан) 190
- Гозиён (Газийаи) 93
- Домулло Шер (Дамулла Шир) 84
- Забуда (Забуда) 214
- Кухак (Кухак) 201. 304
- Мавлоно Шариф (Мавлана Шарйф) 211
- Обу оташ (Аб у аташ) 179
- Пони остона (Пайи астана) 219
- Тукумдузи (Тукумдузй) 171
- Хамбоми кунджак (Хаммам-и кунджак) 179
- Ходжа Порсо (Ходжа Парса) 72
- Шишахона (Шишахана) 123

Гадойхона (гадайхана) 252
Гарибкашхона (гарибкашхана) 171

Зиндон (Зиндан) 225

Казенные дома, хаулихони подшохи (хаулиха-йи падшахи) 71. 127. 151. 153. 166. 175. 190. 223. 223. 251. 255. 235

Колхона (кабахана) 195
Кушхона (кушхана) 218

Мактаб: школа 69—72. 75. 77. 80. 83. 85, 89, 91. 92, 97. 98. 100. 105, 111, 113. 114. 124. 125. 127—130. 132—135. 139. 144—145. 148. 156. 158. 159, 165. 166. 172. 177. 178, 181. 185—187, 195 199. 201. 203. 220. 223. 225. 223. 228. 230. 241—243, 250. 254. 255. 25S. 263. 256

Медресе см. указатель медресе (А VII)

Помещения для омовений: Гуслхона (гуслхана) 24, 103, 124. 15S, 159. 199. 250. 266
- Тахоратхона (тахаратхана) 24. 69. 85, 87. 91. 93. 98. 100. 105. 111—114. 116. 119. 122, 124. 125, 128. 139, 144. 149, 1G6. 169, 172. 181, 184. 196, 197, 221, 230. 231. 241, 243. 252, 263, 266

Раисхона (ра'исхана) 255

Сабзхона (сабзхана) 178
Самоворхона (самавархана) 23. 75. 112. 117. 148, 195. 202. 204. 219. 220. 231. 241
Сарбозхона (сарбазхана) казармы сарбазов 122. 147. 153

Такия (такийа) ткачей 28. 116
Тангахона (тангахана) 193
Тооутхона (табутхана) 185. 186

Ходжихона (ходжихана) 263
Хусайнихона (хусайнихана) 121. 123. 114. 163, 223

Чайхана см. Самоворхона

Элчихона (илчихана), Посольский дом 72. см. также 121

[2] В этот указатель не включены мечети и медресе, так как по ним даны особые указатели.

[3] В тех случаях, когда на звания бани нет. в указателе приводится название квартала, в котором она находилась и по ко торому была известна населению. О бухарских банях см.: О. А. Сухарева, Бухара..., стр. 64, где приведены сведения о5 общем числе бань и их спи сок, составленный по экспликации к плану Парфенова-Фенина.

VI. МЕЧЕТИ[4]

Абдулло-хон ('Абдаллах-хан) — при медресе **151**
Азизон ('Азизан), ханака 208
Алам-на-расон (Алам на расан) 213
Арафот ('Арафат) 310
Ахмадджон-Пустиндуз (Ахмад-джан-пустиндуз) 170

Бакодур-бий (Бахадур-бий) 128, 129, 312, 319
Болохауз (Бала-хауз) 143, 145, 204

Волида-хони шахид (Валида-йи хан-и шахид) 157

Гаукушон (Гаукушан) 193
Гулом-Али-тупчибоши ('Гулам-'Али-тупчибаши) 311

Девон-беги, Надир-девонбеги, ханака (Надир-диван-беги) 77
Джафар-ходжа (Джа'фар-ходжа) 232
Дуст-чурогоси (Дуст-чухра-гах-си) 153

Искандар-хон (Искандар-хан) 235, 314.319

Калмокон (Калмакан) 129, 319
Кози Мирзо Пайк (Кази Мирза Пайк) 139
Кози Мир-Хошим (Кази Мир-Хашим) 149
Кози Файзи (Кази Файзи) 139, 308
Кофар работ (Кафар рабат) 147
Кукалтош, Кулбобо-кукалтош (Кулбаба-кукалдаш) 183
Кучайи боло (Куча-йи бала) 113
Кучкор-бий, Кучкор-бек-бий-кушбеги (Кучкар-бек-бий-кушбеги) 228
Лаби хаузи Мир-Дустум (Лаб и хауз-и Мир-Дустум) 153

Мавлоно Асири (Мавлана Асири) 169
Мавлоно Шариф (Мавлана Шарйф) 210, 212
Магоки аттори (Магак-и 'Аттари) 216
Магоки кур:?а. Магоки нау (Магак-и курпа, Магак и нау) 194

Ходжа Али (Ходжа 'Али) 312

VII. МЕДРЕСЕ

Абдудазиз хан ('Абдал'азиз-хан) 208, 211, 229
Абдулла-хан ('Абдаллах-хан) 151
Абдурахмон-алам ('Абдаррахман-а'лам) 190
Абдушукур-бек/бой ('Абдашукур-бек/бай) 211, 229
Авез-бой ('Авез-бай) 186
Аёз-бий (Айаз-бий) 204
Арслан хан (Арслан хан) 246, 248, 298, 300
Аскар-бий ('Аскар-бий) 312
Аттор. Ходжа Шарифи аттор ('Аттар, Ходжа Шарйф и 'Аттар) 258

Биби халфа (Бибй-халифа) 263
Бозори гуспанд (Базар-и гусфанд) 144
Бокиджон-кушбеги (Бакйджан кушбеги) 184
Бони-хони накиб (Бани-йан-и накиб) 120

Гарибийя ('Гарибийа) 91
Гаукушон (Гаукушан) 193
Гахбанд (Гахбанд) 187
Гиребон чок (Гирибан-чак) 93
Гозиён ('Газиян) 95, 302
Гозиёни калон ('Газиян-и калан) 95
Гозиёни хурд ('Газиян-и хурд) 95
Гуспанд см. Бозори гуспанд

Джафар-ходжа ('Джа'фар-ходжа) 188, 257

[4] В указатель мечетей не вне сены названия тех из них, кото рые идентичны с названием кварталов второй половины XIX— начала XX в. Исключение пред ставляют такие случаи, когда в тексте приведены сведения, ка сающиеся мечети, а не одноимен ного с ней квартала.

Джуйбор. Джуйбари калон (Джуйбар. Джуйбар-и калан) 103. 104
Домулло Рузи (Дамулла Рузй) 221
Домулло Шер (Дамулла Шёр) 84. 248
Думбаджушак (Дунба-джушак) 91

Иброхим-оксаккол (Ибрахйм-аксакзл) 98
Иброхим-охунд (Ибрахйм-ахунд) 250

Калобод (Калабад) 247, 297, 300
Кампир (КампПр) 211
Кори-ходжа (Карй ходжа) 211
Кукалтош (Кукалдаш) 84. 183, 204. 210. 212. 243, 272. 306

Мехтар Кофилон (Мехтар Кафилан) 156
Миён Исхок (Мийан-Исхак) 163
Мирзо Бадеъ (Мирза Бадй') 96
Мирзо Турди-эллакбоши (Мйрз3 Турдй-ялликбаши) 182
Мирзо Фузайл (Мирай Фуз.айл)

Мирзо Хамдам (Мирай Хамдам)

Мири Араб (Мйр и 'Араб) 174
Мир Камбли сарроф (Мйр Камал и сарраф) 201
Модари хон (Мадар-и хан) 151
Мулло Асири (Мулла Асйрй) 169, 311
Мулло Ахмадджон (Мулла Ахмадджан) 169
Мулло Мухаммад-Шариф (Мулла Мухаммад Шариф) 95
Мулло Мухаммад-Шариф-саудогар (Мулла Мухаммад-Шарйф саудагар) 95
Мулло Султон (Мулла Султан) 249
Мухаммад-Али-хаджи (Мухаммад-'Алй-хаджжй) 229
Мухаммад-Наби Мухаммад Набй) 250

Олимджон ('Алимджан) 186
Охунди Ихтиёр хон (Ахунд-и Ихтийар-хан) 243

Садир бий (Садир-бай) 228
Санд-Амин-бой см. Хурджин
Саид Камол (Сайд Кам3л) 252
Сарой таш (Сарай-и таш) 220
Сесуки Охунди Калон (Сесуки Ахунд-и Калан) 199

Туркман (Туркман) 217
Турсунджон (Турсунджан) 180

Уткур-кушбеги (Уткур-кушбеги) 176, 178

Фатхулло гуспанд джаллоб см. Бозори гуспанд

Хаким-оим (Хакйм-аим) 94, 120
Хана, медресе см. Арслан хан
Хамббми кунджак (Хаммам-и кун джак) 198
Ходжа Давлат (Ходжа Давлат) 204
Ходжа Зохид (Ходжа Захйд) 178
Ходжа калон (Ходжа-калан) 190
Ходжа Нихоль (Ходжа Нихал) 171. 188
Ходжа ГТорсо (Ходжа Парса) 150. 151, 295. 301
Ходжа Хасан (Ходжа Хасан) 252
Ходжа Шарйфи аттор см. Аттор
Хусайн бой (Хусайн-бай) 178
Хурджин (Хурджин) 249
Хыйбон (Хийабан) 161

Чор мунор (Чахар манар) 305
Чубин (Чубин) 96
Чукур (Чукур) 211
Чучук оим (Чучук айм) 94
Шарифджон (Шарифджан) 92

Эшбни Устоз (Ишан-и Устаз) 257

Юлдош бой (Йулдаш-бай) 98

Медресе без названий в том числе в виде келий при квартальных мечетях 71. 73, 75, 77, 79, 81—84, 90—92. 94. 95. 98. 101, 103. 119. 124. 127. 135. 144—146. 156. 157. 161. 164. 169. 173. 180. 186, 188. 189. 203. 210. 218. 220, 223. 240. 241. 243. 253. 255. 257. 266. 280. 282, 287. 297—299. 301—303. 308. 315

Абдулло- ходжа ('Абдалл3х ходжа) 112
Абу Бакр Исхок Калободи (Абу Бакр Исхак Калабади) 248. 296
Абульхасани Побанд. Бандкушс см. Сайд Бандкушо
Аулиёйи гариб (Аулийа-йи гарйб) 221
Аулиёйи кабир (Аулийа-йи кабйр) 221
Алам-на-расон ('Алам-на-расан) 212
Ахли намозпуш (Ахл-и намазпуш) 260

Биби Мохруй (Бйбй М3хруй) 179

Гесубардори Хазрат. Гесубардори Имом Хусайн (Гйсубардар-и Хазрат, Гйсубардар и Имам Хусайн) 231

Два брата подвижника (Ду дадарйн-и муджтахид) 253
Джаннат-макони (Джаннат-макани) — мавзолеи Шах-Мурада 25S
Джафар ходжа (Джа'фар-ходжа) 257
Джон-Мардн кассоэ. Мирзоджонч кассоЗ (Джан-Мард-и кассаб) 223

Зиндафил Ахмади Джоми (Зиндафил Ахмад-и Джамй) 130
Зомуча Ходжа Зомуча (Замуча. Ходжа Ззмуча) 248, 249. 282

Имом Бакр. Бакри Фазль (Имам Бакр-и Фазл) 103. ПО, 111
Имом Гози (Имам Газй) 96
Имом Коли-хон (Имам Кали-хан) 259
Имом Кутайба (Имам Кутайба)

Имом Мухаммад Газоли (Имзм Мухаммад Газали) 182—189
Имом Хйфси/Хафси Кабир (Имам Хифс-и/Хафс-и Кабйр) 148.

Ином Хйфси/Хафси Сагир (Имам Хифс-и/Хафс-и сагйр) 171
Исмоил Сомони (Исма'ил Самани) 132

Косим шайх (Касим-шайх) 199
Кучкор ато (Кучкар-ата) 226

Мавлоно Асири (Мавлана Асири) 169
Мавлоно Шариф (Мавлана Шарйф) 211, 212
Махдуми Аъзам (Махдум-и А'зам) 94
Миён Исхок (Миян Исхак) 163
Мирзоджони кассоб см. Джон Марди кассоб
Мохруй (Махруй) 179
Муйи тоб (Муй и таб) 215

Мулло Усмон охунд (Мулла 'Усман-ахунд) 104

НуриддГши Хилвати (Нураддин и Хилвати) 196
Нур-Мухаммад (Нур-Мухаммад) 116
Нуробод см. Ходжа Нуробод

Охунди Хованд (Ахунд-и Хаванд) 135

Садри Бадри Майдони (Садр-и Бадр и Майдани) 174
Саид Абульхасани Побанд см. Саид Бандкушо
Саид Бандкушо (Сайд Бандкуша) 208, 209, 304
Саид Тоджиддин (Сайд Таджаддйн) 105
Сафедмуй, Сафедмуи. Сипандмуни (Сафйдмуй, Сафйдмун, Сипандмуй) 82
Сиёхпуши вали (Сийахпуш-и вали) 194
Солбри хадж (Салар-и хадж) 108. 109
Сохиб зада (Сахиб зада) 100
Суфиёни Саври(СуфийЗн и Саврй) 223, 305

Турки Джанди, Ходжа Турки Джанди (Ходжа Турк-и Джанди) 92

Углон ато (Углан-ата) 138
Узбак ходжа (Узбак-ходжа) 122
Усто Рухи (Уста Рухй) 143

Хаджи пиёда (Хадж-и пийада) 260
Хазрати Ахи (Хазрат-и Ахй) 82

Хазрат Аюб. Чашма Аюб (Хазрат АЙуб, Чашма-йи Айюб) 124. 135
Хазрати Насви (Хазрат-и Насвий) 218
Халифа Худойдод (Халифа Худайдад) 161
Хамбоми каппа (ХаммЗм и каппа) 163
Хаузи лесак (Хауз-и лисак) 173
Хафт бродарон (Хафт барадарон)
Ходжа Абдуллойи гульрез (Ходжа аллах-и гулриз) 189
Ходжа -на-расон см. Алам-на-
Ходжа Аспгардон (Ходжа Аспгардан) 166
Ходжа Баховаддина чиллахона (Чиллахана-йи Ходжа Баховаддин) 219
Ходжа Булгор, Ходжа Хасани Булгори (Ходжа Хасан и Булгари) 73. 74
Ходжа гарибон (Ходжа гарибан) 184
Ходжа Гоиб (Ходжа Га'иб) 230
Ходжа Гунджори (Ходжа Гунджари) 125
Ходжа Зомуча см. Зомуча
Ходжа Касагар (Ходжа Касагар) 98
Ходжа Курбон (Ходжа Курбан) 146
Ходжа Мухаммади паррон (Ходжа Мухаммад-и парран) 193
Ходжа Нуриддини Хилвати см. Нуриддин Хилвати
Ходжа уробод (жа урабад) 244 245. 254
Ходжа Порса (Ходжа Парса), его библиотека 220, его келья (чиллахана) 219. его могила 251
Ходжа Рушнойи (Ходжа Рушнаи) 181, 182
Ходжа Сабатбоф (Ходжа Сабатбаф) 72
Ходжа Сесарон (Ходжа Сесаран) 235
Ходжа Суфиёни Саври (Ходжа Суфиан-и саурй) 223
Ходжа Таббанд (Ходжа Таббанд) 255
Ходжа Туроб (Ходжа Тураб) 246
Ходжа Турк (Ходжа Турк) 197
Ходжа Халим. Халимаддини Демуни (Ходжа Халимаддин-и Демуни) 78
Ходжа Хофизи Бухори (Ходжа Хафиз-и Бухари) 246
Ходжа Шофбоз (Ходжа Шабоз) 185
Чашма Аюб см. Хазрат Аюб
Чиллахона Джуйбарских шейхов (чиллахана) 108
Чиль духтарон (Чихил духтаран) 150, 228
Шайх Али Бухори (Шайх 'Али Бухари) 260
Шайх Джалол (Шайх Джалал) 100, 146
Шайх Рангрез (Шайх Рангриз), Гульрез (Гульриз) 69
Шакшаки Балхи (Шакшаки-и Балхи) 87
Шах-Мурада мавзолей см. Джанматмикони
Шер-Мухаммад-джувозкан (Шер-Мухаммад-джувазкан) 146
Шукур-бека могила 231
Эшони Имло (Ишан-и Имла) — жилище и чиллахона 177. 138. могила 161
Эшони пир (Ишан-и пир) 75
Й
Юсуфи Хамадони (Йусуф Хамадани) 244. 279
Мазары безымянные: 69. 72. 73. 75. 77. 79. 86. 87. 89, 92. 100. 105, 116. 125. 127. 132. 134. 138, 145. 146. 148. 155. 157, 163, 164. 172, 174. 176. 181. 182. 189. 196. 209, 211—214. 221. 234. 250. 253. 257. 262. 266. 267. 270. 275. 286. 300

IX. КЛАДБИЩА

Абдулло ходжа ('Абдаллах-ходжа) 112
Авлийёи гариб (Авлийа йи гарйб) 221
Гозиён (Газиййая) 96
Гурхона (Гурхана) 91. 176. 181. 245. 456
Зиндафил Ахмади Джоми (Зиндафил Ахмади Джами) 130
Миракон (Миракан) 98

Нуробод. Ходжа Нуробод (Ходжа Нурабад) 244. 254
Пуштайи[5] Амон-бой (Пушта йи Аман-бай) 92
Пуштайи зогон (Пушта йи заган) 81. 82
Пуштайи Искандар хон (Пушта ии Искандар-хан) 235
Пуштайи Ходжа Гоиб (Пушта йи Ходжа Гайб) 230
Пуштайи Эшони Устоз (Пушта-йи Йшан-и Устаз) 262
Сохиб зада (Сахиб-зада) 100
Турки Джанди (Турк-и Джанди) 91, 92
Ходжа гарибон (Ходжа гарибан) 184
Ходжа Гунджори (Ходжа Гунджари) 125
Ходжа Сесарон (Ходжа Сесаран) 235
Ходжа Чоршанби (Ходжа Чахаршанби) 166
Чашма Аюб (Чашма Айуб) 135
Шер-Мухаммад-джувозкан (Шер-Мухаммад-джувазкан) 146
Эшони Имло (Йшан и Имла) 138. 161
Семейные кладбища:
в квартале Дегрези 210
Ишана Санд-хана 70
Ишана Хайрулло 258
Ишанов Чуемоки 86

X. ВОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ И МОСТЫ

Дарвозайи об (Дарваза-йи аб) 309, 310
Зар руд, Руди зар (Руд и зар) 115
Городская река, Руди шахр. Шахр-руд (Руд-и шахр. Шахр-руд) 20. 21. 15. 123, 152, 169
Колодцы 124, 135. 181. 199, 222
Мосты: Пули ошукон (Пул-и Ашикан) 118, 169
Пули равгангарон (Пул-и Равгангаран) 178
Родники 89 214
Хаузы[6]: Арбоб (Арбаб) 181
Ахмад-дорго (Ахмад-да 132
Ахтачи (Ахтачи) 165
Бодом (Бадам) 154
Боло хауз (Бала хауз.) 143
Гаукушон (Гаукушан) 190, 191
Гунгак (Гунгак) 258
Дастархончи (Дастарханчи) 178
Девонбеги (Девонбеги) 25, 77
Дилькушойи дарун (Дилкуша-йи дарун) 255
Джилаухона (Джилаухана) 119. 171
Зиндафиль Ахмади Джоми (Зиндафил Ахмад-и Джами) 130
Истемур (Истемур) 234. 320
Кимсон (Кимсан) 182
Корхона (Кархана) 244
Лесак (Лесак) 173
Мехтар Кофилон (Мехтар Кафилан) 156
Миракон (Миракан) 98
Мир-Дустум (Мир-Дустум) 25. 153, 154, 156, 188
Мирзо Гафур (Мирза Гафур) 149, 225
Чуддао (Мудда'а) 133
Мулло-хон (Мулла хан) 252
Мурдашуён (Мурдашуйан) 167. 171
Назарча (Назарча) 147
Нау (Нау) 104 149
Ок-мачит (Ак-масджид) 129
Рахими зур (Рахйм и зур) ИЗ
Рашид (Рашйд) 79
Сарахсиён (Сарахсийан) 97

---

[5] Слово „пушта" (холм, насыпь) в бухарском говоре употребляется главным образом в значения „кладбище".

[6] О хаузах см. О. А. Сухарева. Бухара... стр. 28—29; где дан список хаузов, составленный по экспликации к плану Парфенова—Фенина. Наиболее полные данные содержатся в статье: Л, М. Ислин Ришта и ее ликвидация в Узбекистане.— «Труды Узбекистанского Института малярии и медицинской паразитологии», т. II, Самарканд, 1956, см. схематический план, на котором обозначены все хаузы.

Сарванс (Сарайхан) 127
Суфиён (Суфиён) 186
Табибон (Табибан) 141
Хавзи мурдаҳо (Хауз и мурдаха) 167, 171
Ходжа Гоиб (Ходжа Гаиб)
Ходжа Зайниддин (Ходжа Зайниддин) 197
Ходжа калон (Ходжа-калан) 220
Ходжа Туйгун (Ходжа Туйгун) 158
Ходжа Хасан (Ходжа Хасан) 252
Хонакохи Чукмоки (Ханаках-и Чукмаки) 86
Хофиз Чанги (Хафиз-Чанги) 5148 305
Чор корвонсарой (Чахар карвансарай) 25, 26
Чордара (Чахардара) 111
Чуббоз (Чуббаз) 243
Шайх Шох (Шайх Шах) 86
Шарифбой-бинди (Шарифбай бинй) 262
Шахри нау (Шахр и нау) 113
Шо Араб (Шах 'Араб) 100

XI. САДЫ, ПАХОТНЫЕ ЗЕМЛИ, ОГОРОДЫ[7]

Земли, сады, огороды 128, 240, 251, 254—256, 261, 262
Сады — бог (баг)
Сад Джуракула 128
Сады ишанов Шохи Ахси 240
Сад Насрулла-хана 122
Сад кушбеги Остонакула 128
Сады парки чороог (чахар баг):
Чорбоги Барот-бек (Чахарбаг-и Барат-бек) 121
Чорбоги бойбачахо (Чахарбаг-и байбачаха) 128
Чорбоги Боки-хон. Боки Мухаммад-хон (Чахарбаг-и Баки-хан. Баки-Мухаммад-хан) 119
Чорбоги гул (Чахарбаг-и гул) 322
Чорбоги Оли (Чахарбаг-и 'Али) 122
Чорбоги Хаким-оны (Чахар баг-и Хаким-аим) 120. 121
Чорбоги хоса (Чахарбаг-и хаса) 121
Чорбоги Шарифи Пахта (Чахарбаг и Шариф и Пахта) 128

[7] Среди приведенных здесь сельскохозяйственных угодий нет тех, которые занимали юго западный выступ городской территории — Кунжи калъа (см. О. А. Сухарева. Бухара..., стр. 32), так как он не входил ни в один квартал и не упоминался при характеристике кварталов.

Б. УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

абрбанд (абрбанд) 103, ПО. 114. 152
авлодн (авладй) 261
авротхона (авралхана) 71
аголук (аголук) 234
адрас (адрас) 71—73. 77. 89. 95. 100. 105. 107. ПО. 112—114. 117, 119. 121. 123. 156. 162. 182. 242. 243. 246
адрасбоф (адрасбаф) 158. 225
айвон (айван) 105, 109, 116. 157
аййар 55
аксакал (аксакал) 32—40 98, 163. 237
аллоф. аллофи ('аллаф. 'аллафи) 72, 139, 151
алоу-хона (алаухана) 23
алоча (алача) 73, 105, 112, 115, 192, 274
амак ('амак) 31, 228
амлокдор (амлакдар) 131, 156. 188
амонат (аманат) 36
амрикон (амрикан) 90. 224
араб ('араб) 130. 227, 234. 239. 242. 275
арбоб (арбаб) 272. 277
арвохи пир (арваҳ-и пир) 224
ариза ('ариза) 132
арк (арк) 90. 107. 120. 123. 136. 139, 145. 149. 150. 305
аррок (аррак) 172
асхаб (асҳаб) 92
атолык (аталйк) 179. 271
атрофи гузар (атрафи гузар) 32
аттор. аттори ('аттар) 70. 89. 114. 163. 216. 258
ахтачи (ахтачй) 165. 275
ашури ('ашурй) 120. 121
бай. бой (бай) 157. 170, 180. 188, 220, 230. 245. 257, 274
баззоз (баззаз) 173. 224
баккол. бакколи (баккал. баккалй) 42, 75. 78. 94. 117. 129. 159. 198. 230. 231. 243. 259. 286
банорас. банораспуш (банарас. банараспуш) 247
батош (баташ) 224
бахмалбоф (бахмалбаф) 223
бахрин (бахрйн) 134
бача (бача) 233
бек (бек). бекхо (бекха) 126. 134, 160, 166, 204, 229. 261. 270
бекасаб (бйкасаб) 105. 107. 112. 115. 192
бий (бий) 67. 72. 133
бинок (бинаг) 250
бир туйлаш (бир туйлаш) 46
бирьёнгар (бирнангар) 134. 136. 186
бобо (баба) 330
борбанд (барбанд) 90
бринчфруш (биринджфуруш) 114
бузгунч (бузгунч) 218
буй (буй) 224, 251, 260
буйро (бурйа) 238
булгори (булгарй) 73, 90, 224
булякфруш (булакфуруш) 184
буркут (буркут) 281

вакф. вакфона. вакуфное имущество (вакф, вакфина) 24. 25. 84. 87. 103, 106. 107 ПО. 126. 140. 141. 146. 176, 184, 198. 201, 203, 204, 210, 212. 215. 229. 231. 232. 234. 235. 237. 247, 250—252, 257. 262. 263. 272, 275, 297—299. 301. 305. 306. 310. 313, 314. 336

гадойхона (гадайхана) 252
газ (газ) 98
гарибкашхона (гарибкашхана) 171
гахбандй (гахбандй) 187"
гачкуб. гачкуби (гачкуб гачкуби) 73. 159. 263
гилофдуз (гилафдуз) 177
гилькор (гилкар) 73. 74. 88. НО

кудунгри (кудунгар) 72, 85
гуза-джаллоб (гўза-джаллоб) 229
гузар (гузар) 253. 292. 293. 298. 318
гулах (гулах) 211
гуль (гул) (сыпь) 69. 219
гули мураббойи (гул-и мураббайи) 214
гуркау, гурсон (гуркау, гўрсан) 235, 263
гурхона (гўрхана) 161. 181. 245. 256
гусл (гусл) 243
гуслхона см. указатель Общественные заведения (A V)
гусфанд-джаллоб (гусфанд-джаллоб) 228, 230
дакма (дахма) 194. 260
даллол (даллал) 81, 124
дарбон (дарбан) 248
дарвозайи калон (дарваза-йи калан) 16
дарвозахона (дарвазахана) 161, 203. 228
дарра, дурра (дарра, дурра) 22. 213
даррадаст, дуррадаст (даррадаст. дуррадаст) 22, 213
дарсхона (дарсхана) 247. 252
дарфуруш (дарфуруш) 233
дастархон (дастархан) 22
дастархондор (дастархандар) 175, 178
дастор (дастар) 114
дасторбанд (дастарбанд) 114, 277
дафтар, дафтари (дафтар, дафтарй) 60, 82
даха (даха) 48
дахбоши (дахбаши) 229. 330
дахлез (дахлйз) 177
девон (дйван) 262. 273
девонбеги (дйванбеги) 97. 98. 135, 216, 237. 233. 253, 263. 272, 273
дегрези (дигрязй) 208
дехкане, дехкон (дихкан) 67. 86. 112, 141. 174. 220, 239, 240, 250, 251, 255. 291. 295
джадидизм, джадид (джадид) 95. 97
джаноза (джаназа) 27. 109
джариб джиреб (джарйб) 42. 65—67. 83, 84, 88. 101. 103 109, 123, 124, 133, 150. 166, 168. 181, 189. 205, 206 226 227, 229. 240. 295. 330
джахр (джахр) 69. 117. ?10
джахру талкин (джахр у талкйн) 240
джевачи (джйвачй) 229
джизья (джизйа) 335
джилаухона (джилаухана) 170
джойнамоз (джайнамаз) 225
джомадузи, джомафруши (джамадўзй, джамафурўшй) 162. 253
джоруббанд (джарубанд) 177
джувоз, джувози равган (джувāз, джувāз-и раугāн) 188, 258
джувозкаш (джувāзкаш) 275
джувозрон (джувāзран) 163
джуйбарцы 48
долхох (дāлхāх) 228
докафруш (дакафуруш) 126. 216
домод (дāмāд) 126
дона-шураи (дāна-шўрак) 144
дорго (дāргā) 131.231, 270, 272
дук. дукбози (дук, дукбāзй) 48
дукон. дукондор (дукāн, дукāндāр) 71. 75, 113. 140,' 149, 153. 180. 186. 198. 239. 251. 286
духон (дуухāн) 165
дурезгар (дурйзгар) 74
дуррадаст см. даррадаст
дуруя (дуруйа) 252
ездахум (йаздахум) 86. 108. 195
ёмхона (йāмхāна) 188
етим-сипс (йетйм-сипāк) 160
заргар (заргар) 73. 74, 187
зардуз (зардуз) 73
зехдузи (зихдузй) 165. 177
зиёрат (зийāрат) 244, 255
зикр 303
зиндон (зиндāн) 225, 225
зинсоз (зйнсāз) 163. 166
зонузани (зāнузанй) 49
иджорадор (иджāрадāр) 107. 125. 140. 222
имам, имом (имам) 22. 25. 33. 38. 85. 192, 220, 234. 255. 265. 307
инок (инāк) 250. 273
ирани, эрони (йрāнй) 70, 73. 79, 97, 103, 123, 187. 222
ишан, эшон (йшāн) 16, 70, 74, 75. 86. 87. 90. 100. 101. 105. 107. 116—118, 120, 148. 161, 162. 169, 177. 184. 211. 219. 240. 242. 257. 258, 231, 237. 307. 308. 334. 335
ниртиш (йиртиш) 37
кабудгари (кабудгарй) 110
каламгох: каламаджой (каламгāх: калам-джай) 72, 82, 179, 199

казий, козы (кази) 89. 153. **165.** 195. 197, 204. 210. 211. 215. 217. 245. 315
казикалан, козикалон (кази-калан) 139. 149. 285
казок (казак) 232. 320
кайвони (кайвани) 32. 34, 37. 39
каламдон (каламдан) **166**
каландар, каландархона (каландар, каландархана) 260, 287, 288
калгай, калгайсоз (калгаи, калгайсаз) 76. 244
каллазани (каллазани) 49
каллапуш каллапушфруш (каллапуш, каллапушфуруш) 132. 177
калонтар (калаятар, 93
калмок (калмак) 128. 129. 130, 277
каль (кал) 248
каля!
канесо (кикса) 76
каннот (каннат) 113. 165
канкоз (канказ) 122, 135, 147. 156
катавал-сарай см. указатель Рынки (А IV)
карача (карача) 18. 107. ПО
караулбеги (караулбеги) 90. 220
карбос, **карбосфруш (карбас,** карбасфуруш) 117, 128
кассоб (кассаб) 78. 114
кафш, кауш (кафш) 73. 1S3 961
кафшгари (кафшгари) **35**
кафшдуз, кафшфруш (кафшдуз кафшфуруш) 33. 74. 78 107 128. 158. 195. 195. 198. 203. 227. 242. 249 253
кафшу махсидуз (кафш у махси-дуз) 84. 85. 98. 125. 243
кашшоко (кашшакан) 201
кемухт, кемухтгар (кимухт, кимухтгар) 214. 217
кенеге канагас (канагас) 128. 19, 236. 277
кийу (кийау) 107 172
киеу (кийау) 107 172
китобхона (китабхана) 220
кокмазани (кокмазани) 49
корвонбоши (карванбашп)71. 155 182, 232. 274. 320
кори (кари) 70. 71. 155. 159. 235
корхона (кархана) 244
коса, косагар (каса, касагар) 98. 134. 242
ку (ку) 72. 98. 152, 197. 292—294. 298
кука (кука) 272
кулох (пулах) 225
кулча (кулча) 47. 89
куль (кул) 217
кунгрот (кущрат) 198
курайш (курайш) 80
курбон сайрам (курбан байрам) 109
курчи (курчй) 125. 227. 228
кухнадуз (кухнадуз) 127. 167, 201
куш (куш) 281
кушбегн (кушбеги) 60. 103 126 128, 153, 163, 184, 204. 228. 251. 270. 281. 285, 295. 304
кушхона (кушхана) **218**
кыр (кнр) 244
кирк-юз (кирк-йуз) **160**
кытъа (кит'а) 48
лашкар-боши (лашкар-баши) 228
латта (латта) 194
„„„**газани** (лингазани) 49
лула (лула) СО
маддох (маддах) 231. 287
мадон (мадан) 143
мазар см. указатель Мазары (А ...
мактаб см. указатель Общественные заведения (А V)
мангит (мангыт) 71. 72 117 126 152. 9. 160 163 166. 178. 234
маофа (ма'афа) 259
марди мардон (марди мардан) 54
мардикор (марди кар) 25
маслихат (маслахат) 47
маслихат-оши (маслахат-аши) 35
махалла (махалла) 7. 9. 64—66 75. 93. 119. 123. 136. 167. 181. 189. 198. 205. 227. 245. 253. 265. 290. 292 294. 318
малдум (малдум) 45
махси, **махсидуз** (махси, махсидуз) 73. 151 180. 183. 203, 210. 249. 255. 261
иашади (машхади) 119
машкдуз (машкдуз) 33
машкоб (машкаб) 71. 84. 147. 198
мерган (мирган) 86
медресе (мадраса) см. указатель Медресе (А VII)
мехтар (мехтар) 150. 155. 158. 229. 258, 270, 271
меша (миша) 75, 81. 116. 117. 218, 234. 239
миёнсарой (мийансарай) 249
мир. мирон (мир, мйран) 153. 166. 285
мирзо (мирза) 81. 82. 186. **274**
мири об. мираб (мйр и аб) 20. 257
мир,, (мира) 262

мирохур (мйрахур) 95, 129, 188, 229, 242
миршаб (мйршаб) 193, 233
миршабхона (мйршабхана) 228
мисгар (мисгар) 179, 204
мисри (мисри) 112
михраб (михраб) 193
мошиначи (машинача) 180, 183
мударрис (мударрис) 73, 75, 100, 188, 203, 204, 212, 218, 220, 222, 257, 303
муза, музадуз (муза, музадуз) 73, 89, 95, ПО, 124, 183, 195, 220, 230, 241, 244, 261
музапардоз (музапардаз) 192
мулло (мулла) 91, 97, 130, 131, 172, 179, 180, 187, 188, 195, 195, 198, 199, 201, 203, 211, 218—220, 222, 234, 240, 249, 250, 251, 253, 257, 259, 274
муллобача (муллабача) 75, 189, 253, 257, 266, 287
мулозим (мулазим) 25, 146, 149, 195, 214, 215, 217
мурдашуй (мурдашуй) 115
мутавалли (мутаваллй) 297, 29S, 299
муфти, муфтихойи калон (муфтй, муфтйха йи калан) 180, 188, 195, 199, 204, 210, 215
мухаррам (мухаррам) 121, 123
мухаррир (мухаррир) 188
муштзани (муштзани) 49
муэззин (муаззин) 192, 234, 254
мюрид 74, 76, 86, 90, 95, 118, 174, 242, 251, 287, 307
нагорачи, нагорахона (нагарачй, нагарахана) 137
наддоф (наддаф) 146
назр, нарз (назр) 108, 189
найман (найман) 152, 163
наккош (наккаш) 139, 159
намоз, намаз (намаз) 216
• намозибомдод (намаз-и бамдад) 22
намоз» панджвакти (намаз и панджвактй) 22, 264
наукер (наукар) 18, 49, 53, 124, 153
нимтаёр (нам-тайяр) 53
нисба (нисба) 87
нова (нава) 179
• нонвой (нанвай) 82
нукча (нукча) 169
обхона (абхана) 120
• оим (аим) 94
ок-пустин (ак пустйн) 239
оксаккол см. аксакал
• оксаколи бозор (аксакал-и базар)
оксакколона (аксакалана) 38
олуфта (алуфта) 52
офтоба (афтаба) 204
охунд (ахунд) 204, 212, 243, 306
ошхур-у обхур (ашхур-у абхур)
оя-мулло (айа мулла) 73
панк (пайк) 272
пардозгар, пардозгарн (пардаз гарй) ПО
патдуз (патдуз) 141, 160
пешкадам (пишкадам) 204
пешток (пиштак) 252
пиллакаш (пиллакаш) 74, 107, 120, 176, 223
позагар (пазагар) 208, 210
пойкор (пайкар) 32—35, 37—40, 96
поччо, поччо ходжа (падшах, падшах-ходжа) 70, 172
пустиндуз, пустиндузи (пустин-дуз, пустйндузй) 242
пусттарош (пусттараш) 240
пустшуй (пустшуй) 82
пушта (пушта) 96
раваигагар (раугангар) 107
раис (ра йс) 22, 25, 176, 210, 213, 255
раис молодцов 55
раисхона (ра'йсхана) 255
рангрез, рангрезхона (рангрйз, рангрйзхана) 74, ПО, 187
раъд (ра'д) 224
регистанца 48
респонтос (распантаб) 114
рехтагар (рохтагар) 201
ришта (ришта) 21, 260, 267
роат (ра'йат) 64, 65
ротифа (ратиба) 111
рохати джон (рахат и джан) 137
руза (руза) 137
руйхат (руйхат) 37
румол (румал) ПО
румолсоз (румласаз) 71, 244
рух (рух) 143
рух (руй) 143
савдогар (саудагар) 44, 71, 97, 153, 180, 188, 198, 286
савоб (сараб) 25, 74, 171, 257, 266
сагона (сарана) 191, 209—211, 218
саид (сайд) 242
сайль (сайр) 109, 148, 251, 255
сакохона (сакахана) 178
самбусапазн (самбусапазй) 243
самоворхона (самавархана) 23, 117 и др.
сангин (сангйн) 97
сандуксоз (сандуксаз) 184
саноч (санач) 116

сарбоз. сарбаз (сарбаз) 107. 135, 147, 156. 160. 161, 229, 285. 286
сардоба (сардаба) 161
сариг-пустин (сариг пустйн) 239
саркарда (саркарда) 186, 228
сарой (сарай) 213
сарроф (сарраф) 139, 201. 286
сарроч (саррадж) 117
сартарош. сартарошхона (сарта рāш. сартарāшхāна) 96
саур (саур) 223
сафолгари (сафалгарй) 249
сепóяйи таги коса (сепайа йи таг и каса) 98
сийкори (сийахкари) 151. 192,255
сипо. сипох (сипāх) 85. 95, 97 103. 107, 127—134, 136. 139. 141. 146, 153, 157. 161, 162, 166. 170, 171. 173. 185. 186, 188, 201, 204, 214—216, 223. 229, 235. 242, 250. 231, 287
сипох солор (сип3х салар) 108
сиркои (сиркāйй) И3
соатсоз (са'атсāз) 95
собот (саб3т) 125. 218, 229. 259
собунгар. собунфруш (сābунгар. сābунфурўш) 33, 74. 275
согутараши (сагутараш) 148. 149
судур (судур) 153, 285
сумалйи (сумалак) 26
суннат (суннат) 260
сурнайчи (сурнайчй) 137, 231, 232
суф(суф)37
суфа (суфа) 94. 218
суфи. суфий (суфй) 100, 141. 142, 150. 173, 208, 212, 223, 276, 279. 287. 306
тагол (тагāл) 49
таёр (таййар) 54
такия (такийа) 28. 116
тал (тал) 146
тамбурчи (танбурчй) 232
таммук (таммук) 255
тан-ба-тан 49
таракачи (таракачй) 36
таррох (таррах) 90
тахорат (тахарат) 243
тахоратхона см. указатель Общественные заведения (A V)
тахта маича (тахта махича) 255
тахта-мурабба (тахта-мурабба') 179
таш (таш) 171, 219
тельпак. тельпакдуз (тйлпак, тйлпакдуз) 175, 177, 190
телпакфруш (тйлпакфуруш) 132
тим. тимчи (тйм. тймчй) 37. 71, 149, 222. 286
тирма (тирма) 120. 121
тобутхона (табутхāна) 72, 185, 186
тоджик (таджик) 73, 94. 163, 194. 196, 237. 255
той (туй) 88—10. 112, 170, 233
торсаки (тарсакй) 49
туг (тут) 70. 72, 74. 132. 197. 223. 228
туихур (туйхур) 46
туксабс (туксаба) 95. 97, 129. 163. 229
тукумдуз (тукумдуз) 231
тунукасоз (тунукасāз) 173
тупчи-бошйи ляшкар (тўпчй-бāшй-йи лашкар) 228
туф. туфбоф (туф, туфбаф) 71,
углон (ўглāн) 137. 138. 243
удайчи (ўдайчй) 95. 120. 160, 186.
уламо ('улама) 244
улиш (ўлйш) 30
урганджи. урганджихо (ўрганджйха) 35. 90. 91, 115. 124, 237. 239. 321
урок (урак) 95. 153. 285
усто (уста) 143. 150
устокор (устакар) 95. 217. 225
уч уруг (уч уруг) 163
факих (факйх) 298
фарз (фарз.) 260
фаррош (фарраш) 20, 34, 88, 89
фарш-у рушнойи (фарш у рушнайй) 262
форс. ирони (фарс. йрāнй) 70. 88, 89. 100. 103, 105, 107. 109—117. 119—124, 126. 131. 140, 151. 152. 155—157, 159—165. 176, 184. 194. 220
фотиха (фатиха) 225
фута (фута) 247
хабси аз остона дарун (хабс и аз āстāна дарўн) 178
хавлийи подшохи см. указатель. Общественные заведения
хаджи (хāджжй) 270
хаджи пиёда (хадж и пийада). 109, 260
хаджихана см. указатель Общественные заведения (A V)
хазиначи (хазйначй) 228
хайма (хайма) 183
халвогари (халвагарй) 112, 120. 144. 195. 220, 222
халвопаз (халвапаз) 134. 136
халиса (халйса) 26
халифа (халйфа) 273
халк (халк) 21
халтадор (халтадар) 214, 218

халфа (халфа) 85. 89. НО, 116. 152. 213. 225. 244
хамбонча (хаммамчй) 84. 243
харос (харас) 107. 139, 163. 155, 186, 258
харосбон (харасбан) 107. 183
харрот (харрат) 34, 134, 138. 190
хатм. хатми курьон (хатм, хатм-и кур'ан) 138. 235 "
хатчуб (хат-чуб) 153
хашар (хашар) 20, 21
хауз см. указатель Водные источники (А Х)
хидр эли (хидр-эли) 35. 237, 239. 321
хирка (хирка) 225
хисор (хисар-и кадим. хисар-и дарун) 195. 259. 235, 300 303
ходжа 18, 19. 86. 93. 105, 107, 125, 140, 153, 159, 181. 183. 184, 201, 219, 224. 225. 248. 273. 284, 300
ходжа-калон (ходжа калан) 103, 219. 220. 272, 299
ходими гузар (хадим-и гузар) 33. 31. 39, 40
хоким (хаким) 234
хом-джадало (хам-джаллаб) 215
хонакс (ханаках) 69, 79, 86. 93. 100. 117. 153. 154, 210—212. 240, 241, 256. 272. 280. 303, 307
хосаги (хасаги) 255
худжра (худжра) 77, 156. 190
худойи (худзий) 86. 104, 201
хумдончи (хумданчй) 82, 112
хун (хун) 49
хурдафруши (хурдафурушй) 165. 184
хусайния, хусайнияхона (хусайнийа. хусайнийахана) 103, 114. 121. 123, 163. 223
хызмат (хизмат) 33
чала (чала) 74
чакар (чакар) 105. 281
чарм (чарм) 116
чармгари (чармгарй) 233
чархи абрешимтани (чарх-и абрешимтани) 195
чашма (чашма) 89, 214
чилангар (чйлангар) 81, 193, 191
чилляхона (чиллахана) 73. 78. 105. 108. 138. 177. 214. 220
чильтан (чихил-тан) 109
чирогхона (чарагхана) 101, 250 251
читгар (читгар) ПО
читфуруш (чйтфуруш) 94. 187
чодирдуз (чадирдуз) 182. 255. 231
чойфуруш (чЗйфуруш) 89
чорбог (чахар-бог) 331
чорсук (чахЗр сук) 303
чубин (чубин) 192, 265
чубхори (чубхарй) 114
чубфруш (чубфуруш) 94
чухрагохи (чухра-агаси) 133. 154, 160. 176. 272
чуют, чуютон (чувут, ачйтан) 160
шайх. шейх (шайх) 41. 85, 92. 101. 108. 117, 119. 121, 123, 132. 133. 143, 152. 166. 193. 203. 211. 244, 246. 250. 270. 273. 275. 290, 298. 302. 303, 335. 338
шафиттадош (шафат-талаш) 19
шахид (шахйд) 155
шахристан (шахристан) 205. 217. 284. 290, 294. 295. 302, 323. 333
шахристанцы 48. 205
шерхона (шйрхана) 117
шонатарош (шйнатараш) 215
шикастабанд (шикастабанд) 139
ширта (ширта) 238
шох. шохи (шахй) 89. 109, 117, 155
шамъона (шамйана) 255
шох. шо (шах) 85, 166
шохибоф (шахибаф) 95, 158. 223
шуллукчи (шуллукчй) 171
шур (шур) 228
шустагар шуштагар (шустагар) 112
элчи. элчихона (элчй. элчихана) 140
энага (энага) 175. 272
эшони судур (ишан-и судур) 153
юнони (йунанй) 248
ярлиг (йарлйг) 35
ясоул (йасаул) 160
яхдон. якдон (йахдан) 116
яхдончи (йахданчй) 137

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Введение 6

Глава первая. Внутригородская жизнь 13

1. Жилой квартал, его административно социальное значение и быт 13
2. Общественные связи между жителями различных частей позднефеодального города (межквартальные и внутригородские связи) 41

Глава вторая. Кварталы Бухары в конце XIX — начале XX в. 58

1. Этнографическое описание кварталов 67

2. Общая характеристика бухарских кварталов 254

Глава третья. Исторические корни жилого квартала 292

1. Исторический обзор кварталов 292
2. Процесс образования кварталов и его значение для развития феодального города 317
3. Итоги исследования жилого квартала и историческая оценка квартальной общины 324

Список сокращений 342

Схемы джарибов 342

А. Топографический указатель 343

I. Ворота городские и квартальные (343). II. Джарибы. Махалля (343). III. Кварталы и их части (344). IV. Рынки и прочие торговые заведения (351). V. Общественные заведения (352). VI. Мечети (353). VII. Медресе (353). VIII. Мавзары (355). IX. Кладбища (356). X. Водные источники и мосты (357). XI. Сады, пахотные земли, огороды (358).

Б. Указатель терминов 359

Ольга Александровна Сухарева

КВАРТАЛЬНАЯ ОБЩИНА
ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА
БУХАРЫ

(в связи с историей кварталов)

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. И. Миклухо Маклая
Академии наук СССР

Редактор *В. В. Волгина*
Младший редактор *И. И. Исаева*
Художник *А. И. Гольдман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор С. *В. Цветкова*
Корректоры *Д. Я. Броун*
и *Л. И. Письман*

Сдано в набор 18/XI 1975 г.
Подписано к печати 20/IV 1976 г.
А 06563. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1.
Печ. л. 23. Уч. изд. л. 24.67. Тираж 2000 э
Изд. № 3588. Зак. № 900. Цена 2 р. 68 к

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

СПИСОК **ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ**

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
259	18 св.	Маргилани	Маргинани
261	6 сн.	90	90%
276	4 св.	XII в.	XVI в.
335	32 св.	тарханскую	тарханную

Зак. 843

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы й д у т:

Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. 8,5 л.

Неразик Е. Е. Сельское жилище Хорезма (I—XIV вв.). Археолого-этнографические очерки. 16 л.

Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. Сб. статей. 25 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготорговли и «Академкнига» а также по адресу: 117464, Москва В-464 Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».